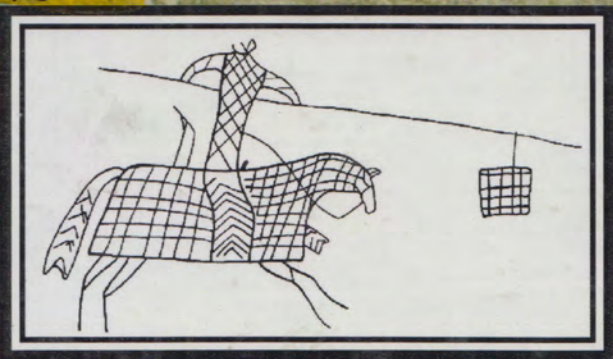

Г67
1025

В.В. Горбунов

ВОЕННОЕ ДЕЛО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В III–XIV вв.

Часть II
НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ
(ОРУЖИЕ)

7 67
025

В.В. Горбунов

ВОЕННОЕ ДЕЛО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В III–XIV вв.

Часть II НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ (ОРУЖИЕ)

МОНОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛТАЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Барнаул – 2006

БИБЛИОТЕКА

Научный редактор:

кандидат исторических наук **А.А. Тишкин**

Рецензенты:

доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**;

кандидат исторических наук **С.В. Неверов**

Горбунов В.В.

Г676

Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие) : монография / науч. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.

ISBN 5-7904-0550-9

В монографии публикуются результаты исследования наступательного вооружения с территории Лесостепного и Горного Алтая. Кратко рассмотрена история изучения археологических памятников III–XIV вв. н.э., содержащих находки оружия, и проведен обзор работ, посвященных их анализу и интерпретации. Представлены классификация и типология всех имеющихся видов индивидуальных средств поражения. Дана функциональная характеристика оружия, определены его заимствованные и автохтонные черты. На основе реставрации археологических предметов, сравнительного анализа вещественных и изобразительных источников реконструировано устройство различных средств поражения – луки, стрелы, копья, мечи, сабли, кинжалы, ножи, топоры, кистени – и боевого снаряжения – налущья, колчаны, ножны. Выделены комплексы вооружения археологических культур рассматриваемого периода. На их основе уточнен состав войск у населения Алтая.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии и военной истории.

Монография подготовлена и издана при частичной финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №03-06-80384 «Снаряжение кочевников как этнокультурный и хронологический показатель при изучении истории Алтая»), а также в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ по теме «Комплексное изучение материальной и духовной культуры древних и традиционных обществ Сибири»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Оружие дальнего боя и таранного удара	9
1.1. Луки	9
1.2. Стрелы	27
1.3. Копья	46
Глава II. Оружие ближнего боя	57
2.1. Мечи и сабли	57
2.2. Боевые ножи и кинжалы	74
2.3. Боевые топоры и кистени	83
Глава III. Комплексы боевых средств	89
3.1. Вооружение племен Горного Алтая	89
3.2. Вооружение племен Лесостепного Алтая	93
Заключение	99
Библиографический список	101
Список сокращений	115
Приложения	116
Summary	230

ВВЕДЕНИЕ

Под наступательным вооружением (оружием) понимаются средства индивидуального применения, предназначенные для поражения противника. Оружие составляет важнейшую категорию комплекса вооружения и имеет решающее значение при достижении победы на поле боя.

Боевое оружие на ранних стадиях развития человеческого общества (каменный век) совпадает по своей функции и технологии изготовления с орудиями охоты. Практически сразу изделия, предназначенные для убийства животных, стали использоваться человеком для убийства себе подобных (Шнирельман В.А., 1994, с. 35; Горелик М.В., 2003, с. 9). Лишь с эпохи энеолита (позднего неолита) можно говорить о появлении специализированного оружия, предназначенного только для ведения военных действий. Это – некоторые формы каменных ножей и топоров, а также раннее медное оружие в виде ножей, кинжалов и топоров (Горелик М.В., 2003, с. 11, 15, 37, 43).

Первые находки специального оружия на территории Алтая относятся к эпохе энеолита (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 28.-2–3, 47.-3). В бронзовом веке боевой арсенал у населения Алтая существенно увеличивается, включая большинство основных видов оружия: лук со стрелами, дротики, копья, ножи, кинжалы, топоры (Савинов Д.Г., 1975, рис. 2, 6; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 3, 5, 6; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1992, рис. 1; Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 119, 121, 148–154; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2002, с. 29–30; Ситников С.М., 2002, с. 32–35; и др.). В целом наступательные средства населения Алтая в эпоху бронзы были ориентированы на применение пешими и колесничими воинами.

В раннем железном веке на Алтае происходит дальнейший видовой рост и типологическое изменение оружия. Появляются мечи и чеканы, на смену простому луку приходит сначала сложносоставной лук «скифского», а затем «хунского» типа, изменяются формы наконечников стрел, копий, кинжалов, железо вытесняет бронзу при изготовлении оружия (Суразаков А.С., 1979; Кубарев В.Д., 1981; Иванов Г.Е., 1987; 1993; Худяков Ю.С., Мороз М.В., 1990; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б., 1995; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Кочеев В.А., 1995; 1997; 1999а; 2001; Могильников В.А., 1997а; Худяков Ю.С., 1997а; 2002; Тишкин А.А., Папин Д.В., 1998; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Шульга П.И., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004; Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005; и др.). Основная масса наступательных средств в это время была ориентирована на использование конными воинами, хотя продолжала сохранять свое значение и пехота.

Период, рассматриваемый в нашей работе, III–XIV вв. н.э., характеризуется дальнейшим развитием индивидуальных средств поражения у населения Алтая, изобретением и заимствованием новых форм оружия, его небывалым типологическим разнообразием и распространением на обширные территории Евразии.

Начало формирования источниковой базы по наступательному вооружению эпохи средневековья с территории Алтая приходится на 2-ю пол. XIX в. В 1862 г. академик В.В. Радлов (1989, с. 443–452) раскопал курган в Кулунде, а в 1865 г. – серию курганов на могильниках Катанда-I, Катанда-II и Берель. Результатом его работ явились первые документированные находки различных видов оружия: остатки сложносоставных луков, наконечники стрел и копий, мечи и сабли, боевые ножи. Значительная часть этих предметов позднее была опубликована, но некоторые вещи известны только по описаниям (табл. I.-1–2, 16–17, 94–96, 132–133; II.-63). В настоящее время данные памятники можно отнести

к ряду археологических культур: булан-кобинской (Катанда-I, Берель), тюркской (Катанда-II) и сrostкинской (Кулунда).

Дальнейшее изучение средневекового оружия Алтая продолжилось в 1-й пол. XX в. Оно связано с именами таких археологов, как А.А. Гаврилова, А.Н. Глухов, М.П. Грязнов, Л.А. Евтюхова, С.В. Киселев, Н.М. Комарова, А.П. Марков, С.И. Руденко, С.М. Сергеев, а также краеведов-любителей Н.С. Гуляева и М.Д. Копытова. В горной части Алтая находки оружия были сделаны на памятниках Катанда-II, Кудыргэ, Курай-III-V, Курота-I, Пазырык, Туэкта, Яконур, в лесостепи – на комплексе памятников в урочище Ближние Елбаны (пункты III, V-IX, XII, XIV), могильниках Змеевка, Солоновка, Сrostки-I (табл. I.-51, 60, 64-72, 102, 114, 117-118, 120-121, 125, 127, 135, 144-145, 154, 158-159; II.-2-13, 36-39, 68, 125-135, 142-144, 199, 204-211, 243-244). Полученные материалы представляли уже все основные виды наступательных средств: луки, стрелы, копья, мечи и сабли, боевые ножи, кинжалы, боевой топор, кистень. Расширился их хронологический и этнокультурный диапазон. В Горном Алтае они зафиксированы в объектах тюркского, кыргызского и монгольского времени. В Лесостепном Алтае исследованные памятники относятся к одинцовской, сrostкинской и кармацкой культурам.

В 50-60-х гг. XX в. новые находки оружия получены в результате археологических работ, проводившихся Б.Х. Кадиковым, А.М. Кулемзиным, Д.Г. Савиновым, Т.Н. Троицкой, А.П. Уманским, Н.Л. Членовой на могильниках АБ (Бийск), Ак-Таш, Иня-1, Нечунаевский Елбан-2, Николаевка, Раздумье-I, Степной Кучук-1, Сухие Гривы, Татарские Могилки, Тугозвоново, Чингис-2 (табл. I.-146-147; II.-16, 18-20, 23-24, 40-45, 64-65, 120-121, 184-185, 239-240, 253, 255-257). Они способствовали как количественному росту источниковой базы, так и более равномерному наполнению ее видового состава. За это время оружие получено из памятников одинцовской, сrostкинской, кыргызской и кармацкой культур.

На 70-80-е гг. XX в. приходится резкое увеличение источников по наступательному вооружению Алтая. Оружие было найдено в 40 горных памятниках (табл. I.-3, 18-37, 47-50, 52, 55-57, 61-63, 73-83, 85-93, 97-101, 104-106, 108, 111, 113, 115-116, 119, 122-124, 126, 128, 130, 136, 138, 149-152, 155) и в 46 лесостепных памятниках (табл. II.-15, 25, 30, 73-106, 109-118, 122-123, 146-161, 163-167, 169-173, 175-177, 182-183, 188-191, 212-215, 237-238, 241-242, 245-248, 251-252, 263-265). Свой вклад в их изучение внесли десятки исследователей: М.Т. Абдулганеев, Ю.П. Алехин, В.Б. Бородаев, А.П. Бородавский, А.С. Васютин, В.Н. Елин, А.М. Илюшин, С.М. Киреев, Ю.Ф. Кирюшин, В.А. Кочеев, В.Д. Кубарев, А.Л. Кунгуров, Х. Лхагвасурэн, Ю.Т. Мамадаков, В.А. Могильников, С.В. Неверов, С.П. Нестеров, А.В. Новиков, Д.Г. Савинов, Н.Ф. Степанова, А.С. Суразаков, Т.Н. Троицкая, В.С. Удодов, А.П. Уманский, Ю.С. Худяков, А.Б. Шамшин и многие другие. Проводившиеся масштабные раскопки способствовали не только дальнейшему численному росту массовых средств поражения (стрелы, луки), но и существенному пополнению их более редких видов (копья, мечи и сабли, боевые ножи, кинжалы, боевые топоры). На территории горной части Алтая боевые средства были обнаружены в объектах булан-кобинской (поздний этап: 2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.), тюркской (2-я пол. V-XI вв. н.э.), кыргызской (2-я пол. IX-XI вв. н.э.) и монгольского времени (XII-XIV вв. н.э.) культур. На территории лесостепной части Алтая – это объекты одинцовской (2-я пол. – 1-я пол. VIII вв. н.э.), сrostкинской (2-я пол. VIII – XII вв. н.э.), кыргызской (2-я пол. IX-XI вв. н.э.) и кармацкой (XIII-XIV вв. н.э.) культур.

В 90-е гг. XX в. – начале XXI в. темпы роста оружейных источников по-прежнему остаются достаточно высокими. В Горном Алтае такие находки сделаны на 20 памятниках (табл. I.-4-15, 38-46, 53-54, 58-59, 84, 103, 107, 109-110, 112, 129, 131, 134, 139-143,

148, 153, 156–157), в Лесостепном Алтае – на 37 памятниках (табл. II.-1, 14, 22, 26–29, 33–34, 46–62, 66–67, 69–72, 107–108, 119, 124, 136–141, 145, 162, 168, 174, 178–181, 187, 192–198, 200–203, 216–217, 249–250, 254, 258–262, 266–268). Обследования и раскопки на них проводились археологами из Барнаула М.Т. Абдулганеевым, А.С. Боровковым, В.В. Горбуновым, П.К. Дашковским, М.А. Деминым, Я.В. Егоровым, А.А. Казаковым, К.Ю. Кирюшиным, Ю.Ф. Кирюшиным, А.В. Кондрашовым, А.Л. Кунгуровым, С.В. Неверовым, В.П. Семибратовым, С.М. Ситниковым, А.Н. Телегиным, А.А. Тишкиным, Я.В. Фроловым, А.Б. Шамшиным, П.И. Шульгой; Горно-Алтайска – В.А. Кочеевым, О.В. Лариным, В.И. Соеновым, А.С. Суразаковым, А.В. Эбелем; Новокузнецка – Ю.В. Шириным; Новосибирска – Л.А. Бобровым, А.Ю. Борисенко, В.Д. Кубаревым, Г.В. Кубаревым, Н.В. Полосьмак, Ю.В. Тетериным, Ю.С. Худяковым. За данный период, кроме памятников уже перечисленных культур, оружие обнаруживается в объектах позднего этапа кулайской культуры (III – I-я пол. IV вв. н.э.).

Помимо наступательного вооружения, зафиксированного в результате проведения археологических работ, в течение последнего столетия сформировался значительный фонд случайных находок боевых средств, сделанных в разных районах Алтая и относящихся к эпохе средневековья. Это либо сборы с памятников, разрушенных в результате природного и антропогенного воздействия, либо отдельные предметы, обнаруженные гражданами и переданные в различные музеи Алтайского края и Республики Алтай (табл. I.-137, 160; II.-17, 21, 35, 186, 218–236, 269–283). Несмотря на ограниченную информацию этнокультурного плана (открытость и быстрая утрата связи с местом обнаружения, возможность переиспользования), такие находки, как правило, отличает хорошая сохранность. Она позволяет полноценно судить о конструкции, декоре, изначальных параметрах и технологии изготовления вещей, которые искажаются у предметов из закрытых археологических комплексов. Поэтому случайно обнаруженное оружие имеет большое значение для пополнения источниковой базы. Его целесообразно использовать при анализе отдельных видов и комплексов вооружения, сопоставляя с типологически близкими, хорошо датированными археологическими находками.

Всего за 150 лет изучения на Алтае открыто 194 определимых пункта, содержащих вещественные материалы по наступательному вооружению. Из них в Горном Алтае – 67 (рис.1), в Лесостепном – 125 (рис. 2). Один пункт исследован в Монгольском Алтае – Загал, и еще один на границе Новосибирского Приобья и Лесостепного Алтая – Чингис-2. Наиболее массовая информация имеется о луках и стрелах, мечах и саблях, гораздо меньше копий и боевых ножей, и пока мало находок кинжалов, боевых топоров и кистеней. В целом на сегодняшний день оружейные источники Алтая III–XIV вв. н.э. весьма представительны и могут быть использованы для всестороннего анализа и интерпретации как данной категории вооружения, так и для характеристики комплексов боевых средств.

Первая попытка анализа предметов наступательного вооружения из средневековых памятников Алтая была предпринята А.А. Гавриловой. Она выделила четыре типа сложносоставных луков, обозначив их конструктивно-хронологические отличия, и отметила сопутствующие им особенности наконечников стрел. Однако оружие не рассматривалось в качестве самостоятельной категории материальной культуры и относилось к «убранству всадников», а при его характеристике, как правило, учитывался какой-нибудь один признак, не применявшийся к тому же последовательно (Гаврилова А.А., 1965, с. 87–89).

С рубежа 70–80-х гг. XX в. для изучения оружия Алтая начинает применяться системный подход, связанный со становлением оружейведения, как самостоятельного направления в сибирской археологии (Худяков Ю.С., 1986а, с. 19–20; 1995, с. 149–150; Горбунов В.В., 2003а, с. 20). Исследование наступательного вооружения проводилось либо путем анализа его отдельных видов, либо включало еще и их комплексную характеристику в рамках этнокультурной или историко-региональной принадлежности.

Системный анализ различных видов оружия, как правило, предпринимался по мере появления новых материалов, в связи с необходимостью обобщения возросшей источниковой базы и рассмотрением эволюции тех или иных наступательных средств. Сложно-составные луки из средневековых памятников Алтая были проанализированы в обобщающих работах Д.Г. Савинова (1981) и Ю.С. Худякова (1993). Наибольшее число публикаций посвящено классификации и типологии наконечников стрел (Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1987; Елин В.Н., 1988; Илюшин А.М., 1990; Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991; Соенов В.И., 1995). В отдельных статьях систематизированы материалы по мечам и копьям из памятников сросткинской культуры (Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1995; Горбунов В.В., 2005).

Большое значение для изучения наступательного вооружения Алтая имели работы или разделы в трудах, где рассматривались оружейные комплексы. В таких исследованиях, помимо традиционного анализа видов боевых средств, давалась сравнительная оценка их места и удельного веса в составе паноплии, которые определялись тактическими особенностями военной организации. Комплексы вооружения кочевников Алтая с I по XIV вв. н.э. проанализированы в серии работ Ю.С. Худякова (1981; 1983; 1986а; 1986б; 1988; 1997б; 2005а). Крупные разделы по характеристике боевых средств племен сросткинской культуры и древних тюрков имеются в диссертациях С.В. Неверова (1988, с. 5–9) и Г.В. Кубарева (1997б, с. 11–14). Вооружению населения Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (в основном ее позднему периоду) посвящена диссертация А.В. Эбеля (1998) и работы Ю.В. Тетерина (2004) и В.И. Соенова (2005). Боевые средства кочевников северо-западных предгорий Алтая IX–XI вв. рассмотрены в монографии В.А. Могильникова (2002). Также была опубликована серия статей по реконструкции комплексов вооружения населения Лесостепного и Горного Алтая с III по XIV вв. н.э. (Горбунов В.В., 1991б; 1992; 1993, 1994; 1998; Уманский А.П., Горбунов В.В., 1991; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998б).

Оценивая степень изученности оружия Алтая, можно отметить определенные успехи. За последнюю четверть века активно разрабатываются понятийный аппарат и классификации видов наступательных средств, рассматриваются вопросы их происхождения, развития и боевой специализации. Хронологические рамки работ охватывают все материально обеспеченные периоды средневековой истории Алтая. Наряду с этим использование источниковой базы для анализа наступательного вооружения едва ли составляет четвертую часть от ее реального объема, который в значительной степени уже введен в научный оборот. Пока еще очень редко при характеристике оружейных комплексов привлекаются данные иконографии. Недостаточно раскрыты возможности наборов оружия для реконструкции состава войск и военной организации. В настоящее время необходимы систематизация всех имеющихся источников по наступательной паноплии Алтая эпохи средневековья, построение на этой основе цельной схемы развития данной категории вооружения и расширение ее интерпретационного потенциала.

Данная монография продолжает работу автора по изучению вооружения Алтая III–XIV вв. н.э. (Горбунов В.В., 2003а). Ее главной целью является анализ эволюции оружия и рассмотрение развития всего комплекса боевых средств у населения Алтая в тех же хронологических границах.

Территориальные рамки исследования несколько расширены. Основными регионами по-прежнему выступают Лесостепной и Горный Алтай, откуда происходит большинство используемых в работе материалов. Помимо этого, нами были привлечены доступные источники: вещественные и изобразительные из Монгольского Алтая (Новгородова Э.А., Горелик М.В., 1980; Монгол нутаг..., 1999; Кубарев В.Д., 2002; Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х., 2002). Этот регион, во всяком случае в период становления и существования Тюркских каганатов, составлял с Горным Алтаем единый историко-культурный ареал (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002).

При осуществлении систематизации и интерпретации оружия использовались методологические принципы и методы обработки источников, обозначенные в первой части исследования, посвященного доспеху (Горбунов В.В., 2003а, с. 7).

Всего для изучения наступательного вооружения средневекового населения Алтая нами были собраны сведения о вещественных находках оружия из 443 объектов, в которых обнаружены остатки 140 луков, 1862 стрел, 45 копий, 110 мечей и сабель, 59 боевых ножей, 16 кинжалов, 10 боевых топоров и двух кистеней (табл. I–II). В качестве важной сравнительной информации учитывались изобразительные источники, демонстрирующие устройство, боевое применение и ношение наступательных средств: петроглифы, изваяния, предметы торевтики (Новгородова Э.А., Горелик М.В., 1980, рис. 6, 7; Кубарев В.Д., 1984, табл. I–L; 2002, рис. 2.-в; Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1988, табл. IV–V; Монгол нутаг..., 1999, с. 61; Горбунов В.В., 2003а, рис. 34–36; Черемисин Д.В., 2004, рис. 6, 12–14). Для характеристики оружия и комплексов вооружения привлекались данные письменных источников, взятые из переводов тюркских и китайских нарративных памятников (Бичурин Н.Я., 1950; Малов С.Е., 1951; 1959; Древнетюркский словарь, 1969; Лю Мао-цай, 2002).

Классификация наступательного вооружения нашей серии включает два блока: общий из четырех уровней: комплекс – категория – надвид – вид, и частный из шести уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант (Горбунов В.В., 2003а, с. 31). Согласно принятому делению материала оружие относится ко второй категории комплекса вооружения. Это обусловлено не меньшей его значимостью, а более поздним, в сравнении с доспехом, обособлением от орудий охоты (Горбунов В.В., 2003а, с. 29–30). По дистанции поражения средства нападения разделяются на надвиды (оружие дальнего боя, таранного удара, ближнего боя), а по конструкции и характеру поражающего действия на виды (луки, стрелы, копья, мечи, сабли, боевые ножи, кинжалы, боевые топоры, кистени).

I. Вооружение
II. Оружие
I. Оружие дальнего боя (дистанция до 300 м)
1. Луки (метательная конструкция)
2. Стрелы (древковая конструкция колющего действия)
II. Оружие таранного удара (дистанция до 4 м)
3. Копья (древковая конструкция колющего действия)
III. Оружие ближнего боя (дистанция до 1,5 м)
4. Мечи (монолитная конструкция рубяще-колющего действия)
5. Сабли (монолитная конструкция рубяще-режущего и колющего действия)
6. Боевые ножи (монолитная конструкция режуще-колющего действия)
7. Кинжалы (монолитная конструкция колюще-режущего действия)
8. Боевые топоры (древковая конструкция ударно-рубящего действия)
9. Кистени (древковая конструкция ударно-дробящего действия)

Результаты систематизации уровней частного блока представлены в главах I и II.

При работе над данной книгой использовались публикации и научные отчеты, а также коллекции из Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ), Бийского краеведческого музея (БКМ), Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея (ГАРКМ), Государственного Эрмитажа (ГЭ), Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (МАЭА АГУ), содержащие предметы и изображения наступательного вооружения. В монографии, помимо материалов автора, впервые вводятся в научный оборот находки оружия из раскопок П.К. Дашковского, А.Л. Кунгурова, С.В. Неверова, А.А. Тишкина и В.С. Удодова, за что, пользуясь случаем, выражаем им свою благодарность.

Глава I

ОРУЖИЕ ДАЛЬНОГО БОЯ И ТАРАННОГО УДАРА

1.1. Луки

Лук – это метательная конструкция, предназначенная для ведения прицельной (оптической и неоптической) стрельбы специальными снарядами – стрелами (Худяков Ю.С., 1980, с. 66; Горелик М.В., 2003, с. 9, 57). Сложносоставной лук включает довольно много отдельных частей, основными среди них являются детали кибити и накладки.

В археологических памятниках Алтая рассматриваемого времени обнаружены вещественные остатки от 140 луков. Чаще всего это накладки из жесткого рога или кости, и очень редко части деревянной кибити и берестяной обмотки. На территорию Горного Алтая приходятся 82 находки: 76 экз. из курганных погребений (табл. I.-1, 3–16, 26, 29, 34–35, 38–39, 41–44, 47, 49, 55, 57–60, 63–64, 66–68, 70–72, 75, 77–79, 81–83, 87, 89, 91, 93, 95, 97–99, 101, 103, 106, 108–109, 111–113, 121, 125, 127–128, 131, 156, 158–159), 1 экз. из скального погребения (табл. I.-155) и 5 экз. из поминальных оградок (табл. I.-50–51, 53, 92, 124). На территории Монгольского Алтая найден один лук в погребальном объекте (табл. I.-88). С территории Лесостепного Алтая происходит 57 находок из курганных и грунтовых погребений (табл. II.-14, 17, 20, 23, 25–26, 28, 40–44, 53, 57, 66, 73, 82, 94, 104–105, 109, 111, 126, 129–130, 133–134, 140, 143, 145, 148, 157, 159, 164, 166, 172, 181, 184, 199, 203, 207, 211, 214–215, 242–243, 250–252, 254, 262, 268).

При системном анализе луков нашей серии использовались две классификации: одна для накладок на лук, вторая – для самих луков. Накладки лука являлись деталями, придающими жесткость определенным участкам деревянной основы метательной конструкции. Их общие параметры были связаны с размерами кибити, а нюансы отделки могли иметь самостоятельное этнокультурное и хронологическое значение.

Всего нами учтено 406 накладок от 134 луков. У четырех луков число накладок неизвестно (табл. I.-66, 68, 72, 78), и еще два лука накладок не имели (табл. I.-155; II.-250). На территорию Горного Алтая приходится 274 экз. от 77 луков, Монгольского Алтая – 6 экз. от 1 лука, Лесостепного Алтая – 126 экз. от 56 луков.

В классификации использовано 343 накладки от 108 луков. Серию составили целые экземпляры и фрагменты накладок, которые возможно реконструировать на основе сопоставления с целыми.

Для системного описания накладок на лук их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления, разряд определяется по общему расположению накладок на кибити лука, раздел выявляет их конкретное место крепления, отдел характеризует толщину накладки, тип определяется формой накладок и их пропорциями (длина и ширина), а вариант информирует о деталях оформления и крепления.

Группа I. Роговые, костяные. Все накладки нашей серии изготовлены из жесткого рога или кости.

Разряд I. Концевые. Накладки расположены на концах кибити лука, называемых иначе рогами: верхнем и нижнем.

Раздел I. Боковые. Накладки крепятся на кибитель лука с боковых сторон.

Отдел I. Тонкие. Накладки изготовлены из относительно тонкой пластины (иногда нескольких пластин) кости или рога, толщина которой в среднем составляет 2–4 мм.

Тип 1. Дуговидные, длинные, узкие. Накладка сделана из плавно изогнутой пластины, напоминающей по форме запятую. Один ее конец заужен, а другой расширен. Длина

накладок 25–35,5 см, тах ширина 1,5–2,2 см. **Вариант а** – закругленные с вырезом (рис. 3.-1–2, 6–9, 13–16, 20–23, 26–27). Расширенный конец накладки закруглен и снабжен вырезом для фиксации тетивы. Всего 82 экз. от 25 луков: Берель, к. 2(2); Верх-Уймон, к. 4, 5, 11–13; Дялян, к. 1, 3, 5–7, 13; Катанда-I, к. 6; Кок-Паш, к. 31, 36, 54; Усть-Бийке-III, к. 4; Чендек, к. 2; Яломан-II, к. 30–33, м. 2; Тугозвоново, м. «князя», Усть-Пустынка, м. **Вариант б** – закругленные с вырезом и отверстием (рис. 4.-1–2, 6–7). Отличается от предыдущего варианта наличием сквозного отверстия в центре головки, через которое проходила железная заклепка, дополнительно закреплявшая пару накладок. Всего 4 экз. от 1 лука: Татарские Могилки, м. 4. **Вариант в** – спрямленные с вырезом (рис. 4.-8–9, 13–14, 23–24). Край головки срезан относительно ровно. Всего 6 экз. от 2 луков: Чекановский Лог-9, м.; Пospелиха, м. **Вариант г** – заостренные с вырезом и отверстием (рис. 4.-15–16, 20–21). Край головки заострен двумя наклонными срезами, а в ее центре сделано сквозное отверстие. Всего 2 экз. от 1 лука: Чекановский Лог-9, м.

Тип 2. Дуговидные, средние, широкие. Форма накладок аналогична типу 1. Длина 20–24 см, тах ширина 2,3–2,9 см. **Вариант а** – закругленные с вырезом (рис. 6.-1–2, 6–7). Всего 14 экз. от 6 луков: Верх-Еланда-I, к. 4; Боротал, к. 82; Кок-Паш, ог. А-2; Кудыргэ, ог. VI, к. 2, 9. **Вариант б** – закругленные с уступом и вырезом (рис. 6.-14–15, 19–20). Головка накладки закруглена и с внешней стороны снабжена декоративным уступом. Всего 2 экз. от 1 лука: Яконур, к. 5. **Вариант в** – спрямленные с вырезом (рис. 7.-1–2, 6–7). Всего 6 экз. от 2 луков: Кудыргэ, к.18; Тыхескень-VI, к.10. **Вариант г** – заостренные с вырезом (рис. 5.-1–2, 5–6). Всего 8 экз. от 3 луков: Кудыргэ, к. 22(2); Усть-Бийке-III, к. 5.

Тип 3. Дуговидные, короткие, широкие. Форма накладки, как у типа 1. Длина 9–14 см, тах ширина 1,7–2,5 см. **Вариант а** – закругленные с вырезом (рис. 7.-12–13, 17–18). Всего 5 экз. от 2 луков: Загал, м.; Юстыд-XII, к. 29. **Вариант б** – спрямленные с вырезом (рис. 6.-23–24). Всего 2 экз. от 1 лука: Катанда-II, к. 3.

Раздел II. Тыльные. Накладки крепятся на кибить лука с внутренней – тыльной – стороны.

Отдел I. Тонкие.

Тип 4. Трапециевидные, средние, узкие. Форма накладки в основной плоскости напоминает трапецию, один край которой шире другого, а боковые стороны плавно сужаются. Длина накладки 23,5 см, тах ширина 1,5 см. **Вариант а** – спрямленные (рис. 5.-7). Всего 1 экз. от 1 лука: Узунтал-I, к. 1.

Тип 5. Трапециевидные, короткие, узкие. Форма накладки аналогична типу 4. Длина 12 см, тах ширина 1,7 см. **Вариант а** – спрямленные (рис. 5.-11). Всего 1 экз. от 1 лука: Узунтал-I, к. 1.

Раздел III. Фронтальные. Накладки крепятся на кибить лука с внешней – фронтальной – стороны.

Отдел I. Тонкие.

Тип 6. Трапециевидные, средние, узкие. Форма накладки аналогична типу 4. Длина 23,5 см, ширина 1,5 см. **Вариант а** – спрямленные с упором (рис. 5.-8). Верхний край накладки имеет выраженный выступ для фиксации тетивы. Всего 1 экз. от 1 лука: Узунтал-I, к. 1.

Тип 7. Трапециевидные, короткие, узкие. Форма накладки аналогична типу 4. Длина 12 см, тах ширина 1,4 см. **Вариант а** – спрямленные с упором (рис. 5.-12). Всего 1 экз. от 1 лука: Узунтал-I, к. 1.

Отдел II. Массивные. Накладки изготовлены из относительно толстой пластины, толщина которой в среднем составляет 6–8 мм.

Тип 8. Овально-трапециевидные, короткие, узкие. Накладка в основной плоскости (которой она наклеивается на кибить) имеет закругленные края и сужающиеся боковые стороны. Ее форма в боковой плоскости аналогична типу 1. Длина 13–17,5 см, тах ширина 1–1,3 см. **Вариант а** – закругленные с вырезом (рис. 8.-16, 18). Всего 2 экз. от 1 лука: Ближние Елбаны-IX, к. 1. **Вариант б** – спрямленные с вырезом (рис. 8.-13). Всего 1 экз. от 1 лука: Осинки, м. 47. **Вариант в** – заостренные с двумя вырезами (рис. 8.-14). Накладка снабжена двумя вырезами для крепления тетивы. Всего 1 экз. от 1 лука: Осинки, м. 38.

Тип 9. Трапециевидные, длинные, широкие. Форма накладки в основной плоскости близка типу 4. Длина 31,5 см, тах ширина 2,3 см. **Вариант а** – спрямленные с двумя желобами (рис. 9.-1). У верхнего и нижнего краев накладки имеются выемки для закрепления тетивы и дополнительного крепления к кибити лука. Всего 1 экз. от 1 лука: Осинки, м. 64.

Раздел IV. Вкладышевые. Накладки вставляются в разрез кибити лука, наподобие клина.

Отдел II. Массивные.

Тип 10. Дуговидные, короткие, широкие. Форма накладки близка типу 1 в боковой плоскости, но не имеет сужения к нижнему краю. Длина 10 см, тах ширина 2,2 см. **Вариант а** – закругленные с вырезом (рис. 9.-6). Всего 1 экз. от 1 лука: Яконур, к. 1, м. D.

Разряд II. Срединные. Накладки расположены в средней части кибити лука, называемой рукоятью.

Раздел I. Боковые.

Отдел I. Тонкие.

Тип 11. Дуговидные, длинные, широкие. Накладка изготовлена из пластины, стороны которой параллельны и плавно изогнуты. Длина 26–29,5 см, тах ширина 2,5–2,8 см. **Вариант а** – закругленные (рис. 3.-3, 5, 10, 12; 4.-3, 5). Окончания накладки закруглены или имеют очень незначительное заострение. Всего 24 экз. от 12 луков: Берель, к. 2; Верх-Уймон, к. 4; Дялян, к. 1, 3, 5–7, 13; Усть-Бийке-III, к. 4; Яломан-II, к. 30, 32; Татарские Могилки, м. 4.

Тип 12. Трапециевидные, длинные, широкие. Накладка сделана из пластины близкой по форме к трапеции. Длина 27–34 см, тах ширина 2,5–3,4 см. **Вариант а** – заостренные (рис. 3.-17, 19, 24–25; 4.-10, 12, 17, 19). Окончания накладки срезаны под острым углом, хотя на самых концах могут иметь незначительное закругление. Всего 18 экз. от 9 луков: Верх-Уймон, к. 12, 13; Кок-Паш, к. 36, 54; Яломан-II, к. 31, 33, м. 2; Тугозвоново, м. «князя»; Чекановский Лог-9, м. (2).

Тип 13. Сегментовидные, средние, широкие. Накладка изготовлена из пластины, имеющей одну прямую сторону, а другую – плавно изогнутую. Длина 22,5 см, тах ширина 3 см. **Вариант а** – заостренные (рис. 5.-13, 15). Всего 2 экз. от 1 лука: Кызыл-Таш, ог. 1.

Тип 14. Трапециевидные, средние, широкие. Форма накладки аналогична типу 12. Длина 17,5–20,5 см, тах ширина 2,4–3,4 см. **Вариант а** – заостренные (рис. 6.-3, 5, 8–9, 16, 18; 7.-3, 5). Всего 19 экз. от 13 луков: Боротал, к. 82; Верх-Еланда-I, к. 4; Яконур, к. 5; Тыткескен-VI, к. 10; Уландрык-III, к. 5; Балык-Соок-I, к. 11; Горно-Алтайск, к.; Кара-Коба-II, к. 13; Катанда-3, к. 4, к. 21; Урочище Балчикова-3, к. 7; Юстыд-XII, к. 29; Ябоган-I, к. 1. **Вариант б** – закругленные (рис. 5.-9–10; 6.-21–22; 7.-14, 16, 21–22; 8.-5–6). Всего 18 экз. от 9 луков: Берель, к. 2; Узунтал-I, к. 1, 2; Загал, м.; Кара-Коба-I, к. 25; Катанда-3, к. 1, 2; Талдуайр-I, к. 6; Ивановка-XX, к. 4.

Тип 15. Прямоугольно-зауженные, средние, широкие. Накладка изготовлена из пластины с параллельными сторонами, которые сужаются к окончаниям, образуя покаты

плечи. Длина 21 см, тах ширина 3 см. **Вариант а** – спрямленные (рис. 7.-8-9). Всего 2 экз. от 1 лука: Джолин-I, к. 9.

Тип 16. Дуговидные, короткие, широкие. Форма накладки аналогична типу 11. Длина 15 см, тах ширина 2,2 см. **Вариант а** – закругленные (рис. 5.-16, 18). Всего 2 экз. от 1 лука: Усть-Бийке-III, к. 6.

Тип 17. Сегментовидные, короткие, широкие. Форма накладки, как у типа 13. Длина 15,5–16,5 см, тах ширина 2,5–2,9 см. **Вариант а** – заостренные (рис. 5.-3-4, 19, 21; 7.-10-11; 8.-24, 27). Всего 10 экз. от 5 луков: Усть-Бийке-III, к. 5; Тыткескень-VI, к. 1; Курай-IV, к. 1; Иня-1, к. 1, м. 1; Сростки-I, к. 1 (1930).

Тип 18. Трапециевидные, короткие, широкие. Форма накладки, как у типа 12. Длина 13,5–15,5 см, ширина 2,2–2,7 см. **Вариант а** – заостренные (рис. 6.-10-11; 7.-19-20). Всего 8 экз. от 4 луков: Балык-Сок-I, к. 11; Кара-Коба-I, к. 85; Узунтал-V, к. 2; Узунтал-I, к. 2. **Вариант б** – закругленные (рис. 6.-12-13). Всего 5 экз. от 3 луков: Ороктой, к. 1; Бажынты, к. 29; Займище, к. 8, м. 1.

Тип 19. Трапециевидно-шестиугольные, короткие, широкие. Накладка сделана из пластины трапециевидной формы, края которой срезаны так, что образуется шестиугольная фигура. Длина 11,5–15 см, ширина 2–2,6 см. **Вариант а** – заостренные (рис. 8.-7, 9, 19, 22). Всего 11 экз. от 6 луков: Быково-IV, к. 5; Сростки-I, к. 5 (1925), раск. Копытова (2); Корболиха-VIII, к. 3; Змеевка, к. 5 (1930). **Вариант б** – спрямленные (рис. 8.-1-4, 10, 12). Окончания накладки срезаны относительно ровно, создавая прямой или немного наклонный край. Всего 17 экз. от 9 луков: Иня-1, к. 17, м. 3, к. 23, м. 1; Сростки-I, к. 2 (1930), раск. Копытова (2); Восход-I, м. 1; Гилево-VII, к. 4, м. 2 (2); Змеевка, к. 3, м. 1 (1929).

Раздел II. Тыльные.

Отдел I. Тонкие.

Тип 20. Весловидные, длинные, узкие. Накладка изготовлена из пластины прямоугольной формы, окончания которой расширены, что напоминает весло с двумя лопастями. Длина 27–31,5 см, тах ширина 1,6–2,2 см. **Вариант а** – трапециевидные (рис. 3.-4, 11). Окончания накладки имеют ровное расширение. Всего 10 экз. от 10 луков: Верх-Уймон, к. 4, 11; Дялян, к. 1, 3, 5–7; Усть-Бийке-III, к. 4; Яломан-II, к. 30, 31. **Вариант б** – лопатковидные (рис. 3.-11). Окончания накладки имеют расширение, выраженное покатыми плечиками. Всего 5 экз. от 5 луков: Верх-Уймон, к. 12; Дялян, к. 13; Кок-Паш, к. 36; Яломан-II, к. 32, 33, м. 2.

Тип 21. Весловидные, средние, узкие. Форма накладки аналогична типу 20. Длина 18–24 см, тах ширина 1,8–2,2 см. **Вариант а** – трапециевидные (рис. 3.-18; 4.-11, 18, 22). Всего 5 экз. от 5 луков: Кок-Паш, к. 54; Чендек, к. 2; Чекановский Лог 9, м. (2); Поспелиха, м. **Вариант б** – лопатковидные (рис. 4.-4). Всего 1 экз. от 1 лука: Татарские Могилки, м. 4.

Тип 22. Весловидные, короткие, узкие. Форма накладки, как у типа 20, но окончания выражены слабее. Длина 11–16 см, тах ширина 1,2–2 см. **Вариант а** – трапециевидные (рис. 5.-14, 17, 20, 22; 6.-17; 7.-15). Всего 10 экз. от 10 луков: Берель, к. 2; Боротал, к. 82; Кок-Паш, ог. А-2; Кызыл-Таш, ог. 1; Усть-Бийке-III, к. 6; Яконур, к. 5; Катанда-3, к. 11; Уландрык-III, к. 5; Загал, м.; Тыткескень-VI, к. 1. **Вариант б** – лопатковидные (рис. 6.-4, 25; 7.-4). Всего 3 экз. от 3 луков: Верх-Еланда-I, к. 4; Тыткескень-VI, к. 10; Катанда-II, к. 3.

Отдел II. Массивные.

Тип 23. Прямоугольные, средние, широкие. Накладка изготовлена из пластины прямоугольной формы. Длина 20 см, тах ширина 2,4 см. **Вариант а** – спрямленные (рис. 8.-15, 17). Всего 2 экз. от 2 луков: Ближние Елбаны-IX, к. 1; Осинки, м. 38.

Тип 24. Прямоугольно-квадратные, короткие, широкие. Накладка сделана из четырехугольной пластины, у которой все стороны равны или боковые немного длиннее край-

них. Длина 2,4–4,8 см, ширина 2,4–3,2 см. **Вариант а** – спрямленные (рис. 8.-20, 23, 25, 28; 9.-8, 10–11). Всего 10 экз. от 6 луков: Гилево-V, к. 6; Сростки-I, к. 5 (1925), к. 1 (1930), раск. Копытова; Чинета-II, к. 8; Усть-Бийке-III, к. 3.

Тип 25. Весловидные, средние, широкие. Форма накладки аналогична типу 20, но окончания выражены сильнее. Длина 18–24 см, тах ширина 3–4 см. **Вариант а** – лопатковидные (рис. 9.-2, 4–5, 7, 12). Всего 5 экз. от 5 луков: Яконур, к. 2; Ближние Елбаны-XIV, м. 6; Осинки, м. 64; Рубцовский, м.; Усть-Алейка Клуб, м. 10.

Тип 26. Весловидные, короткие, широкие. Форма накладки, как у типа 20. Длина 14,2–16,2 см, тах ширина 2,4–3,2 см. **Вариант а** – трапециевидные (рис. 9.-3, 13). Всего 2 экз. от 2 луков: Телеутский Взвоз-I, к. 14; Осинки, м. 9. **Вариант б** – лопатковидные (рис. 9.-9). Всего 1 экз. от 1 лука: Усть-Бийке-III, к. 3.

Тип 27. Прямоугольные, короткие, узкие. Форма накладки аналогична типу 22. Длина 9,5–13,2 см, тах толщина 1,2–2 см. **Вариант а** – спрямленные (рис. 5.-23; 8.-8, 11, 21, 26, 29–30). Всего 12 экз. от 12 луков: Быково-IV, к. 5; Сростки-I, к. 1 (1930), к. 2 (1930), раск. Копытова (3); Гилево-XIII, к. 5, к. 15, м. 1; Ивановка-III, к. 2; Прудской, к. 6, м. 1; Боровиково-IV, к. 1, м. 1; Бойтыгем-IV, ог. 1.

В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 2 разряда, 4 раздела, 2 отдела и 27 типов, дополненных 43 вариантами (рис. 10). Такие признаки накладок на лук, как форма поперечного и продольного сечения, форма и размеры вырезов для тетивы, в классификации не рассматривались ввиду их незначительной типологической изменчивости. Отметим, что форма поперечного сечения накладок чаще сегментовидна, реже трапециевидна. Для боковых накладок характерна заметная изогнутость основания. В продольном сечении накладки профилированы в зависимости от формы кибити и ее объема. Вырезы под тетиву в большинстве случаев полукруглые или арочные, но встречаются также квадратные, трапециевидные, в виде желоба, а также уступ. Их размеры не превышают 0,6–0,8 см (как в глубину, так и в высоту), но чаще менее значительны.

Еще один признак, не рассматривавшийся нами при делении материала, – это структура накладок. Большинство их сделано из цельной пластины рога или кости, но часть длинных экземпляров (концевые боковые, срединные боковые и тыльные) составлялась из двух и даже трех частей (рис. 3.-11, 17, 19, 22–23; 4.-17, 19). Данная деталь не влияет на характеристики накладок или метательной конструкции. Составные накладки использовались для фиксации кибити крупных размеров, из-за сложности подобрать цельную исходную заготовку. На Алтае такой технологический прием зафиксирован только для луков хуннской традиции, применявшихся со II в. до н.э. по V в. н.э., и этим его типологическое значение исчерпывается.

Все накладки нашей серии изготовлены из жесткого (оленьего?) рога или кости (группа I). Подобный материал начинает применяться для фиксации основы лука с позднего неолита населением таежной зоны Прибайкалья (Окладников А.П., 1950, с. 220–221). В бронзовом веке жесткие накладки от луков встречаются в памятниках окуневской культуры Минусы, кротовской культуры Барабы, андроновской культуры, самусьской культуры Приобья и срубной культуры Поволжья (Вадецкая Э.Б., 1981, с. 17; Молодин В.И., 1983, с. 104; Шишлина Н.И., 1990, с. 34). В раннем железном веке роговые и костяные детали лука известны скифам и китайцам (Горелик М.В., 2003, табл. XLII.-28, 87–90). Более массовое использование накладок начинается в последней четверти I тыс. до н.э. и связано с изобретением лука «хуннского» типа (Худяков Ю.С., 1993, с. 109; Горелик М.В., 1995, с. 366). На Алтае первые находки роговых (костяных) деталей на лук фиксируются в эпоху позднего неолита – энеолита (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Пугачев Д.В., Шмидт А.В., 2000, рис. 1.-5, 10; Кунгурова Н.Ю., 2005, рис. 31.-1), а их постоянное применение начи-

нается не ранее II в. до н.э. (Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М., 2004, с. 20). Начиная с этого времени и до эпохи развитого средневековья в памятниках Лесостепного и Горного Алтая роговые (костяные) детали луков по частоте обнаружения занимают второе место, после наконечников стрел, среди предметов наступательного вооружения.

Одним из наиболее важных признаков накладок лука является их расположение на кибити. Все учтенные нами экземпляры делятся на концевые (раздел I) – фиксирующие окончания (рога) лука, и срединные (раздел II) – придающие жесткость рукояти лука (рис. 10).

Концевые накладки известны с эпохи ранней бронзы (Молодин В.И., 1983, рис. 3.-2, 4.-1, 3) и в дальнейшем успешно применялись во многих модификациях сложносоставных луков (Анучин Д.Н., 1887; Медведев А.Ф., 1966; Хазанов А.М., 1971; Савинов Д.Г., 1981; Худяков Ю.С., 1993; Литвинский Б.А., 2001; Горелик М.В., 2003). Они крепились на верхний и нижний рога лука. В составе одного набора верхние и нижние накладки бывают разной или одинаковой длины, причем в первом случае верхние длиннее нижних и иногда более изогнуты. Например, асимметричные концевые накладки характерны для хуннской и тюркской линий развития лука, а симметричные связаны с генезисом тюркских и монгольских луков. На территории Алтая луки с асимметричными концевыми накладками встречаются в памятниках II в. до н.э. – 1-й пол. VII в. н.э., а с симметричными – в памятниках 2-й пол. V–XIV вв. н.э.

Следующим по значимости признаком накладок на лук можно считать их конкретное место крепления к плоскости кибити: боковые (раздел I), тыльные (раздел II), фронтальные (раздел III) и вкладышевые (раздел IV). Концевые накладки представлены всеми четырьмя разделами (рис. 10).

Происхождение концевых боковых накладок (раздел I) связано с генезисом хуннских луков. Наиболее ранние находки этих деталей встречаются в памятниках конца IV–III вв. до н.э. на территории Ордоса и прилегающих земель, которые связываются с хунну и племенами, находившимися под их влиянием (Ковалев А.А., 2002, с. 118–119, рис. 2–6). На Алтае концевые боковые накладки фиксируются в комплексах II в. до н.э. – 1-й пол. VIII в. н.э. Все экземпляры нашей серии являются тонкими (отдел I) и разделены на три типа и десять вариантов (рис. 10).

Тип 1 представлен длинными и узкими накладками в форме «запятой». Аналогичные изделия встречаются во всех хуннских памятниках конца III в. до н.э. – I в. н.э. (Коновалов П.Б., 1976, табл. III–V; Цэвэндорж Д., 1985, рис. 3, 14, 16, 18, 30; Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1990, рис. 1–4; Давыдова А.В., 1996, табл. 71.-1, 2; Миняев С.С., 1998, табл. 57.-1, 63.-1; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2003, рис. 1–12). В дальнейшем такие накладки заимствуют многие народы Евразии, от Империи Хань на востоке до Римской империи на западе (Савинов Д.Г., 1981, с. 147–148, рис. 1; Худяков Ю.С., 1993, с. 112–122, рис. 5–10, 16; Горелик М.В., 1995, с. 367–368, табл. 45.-1, 2; Медведев А.Ф., 1966, табл. 2; Хазанов А.М., 1971, с. 28–34, табл. XVII; Засецкая И.П., 1994, с. 35–36, табл. 31, 36, 47; Левина Л.М., 1996, рис. 87–89; Литвинский Б.А., 2001, с. 57, табл. 7). На Алтае накладки типа 1 появляются со II в. до н.э., в ранних памятниках булан-кобинской культуры и поздних памятниках каменной культуры (Сорокин С.С., 1977, рис. 10; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 22; Худяков Ю.С., 1997а, рис. 1; 1998, рис. 30, 34; Соенов В.И., 1999, рис. 8, 14; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, рис. 2; Могильников В.А., 2001, рис. 1). Видимо, раньше они попали на территорию горной части Алтая непосредственно от хунну, и начальным моментом здесь мог стать поход шаньюя Модэ в 201 г. до н.э. на народы Южной Сибири (Бичурин Н.Я., 1950, с. 50). Самые поздние находки типа 1 обнаружены в объектах булан-кобинской (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.) и единцов-

ской (2-я пол. IV – V вв. н.э.) культур (табл. I.-1, 4–5, 7–16, 26, 29, 35, 38, 39, 41–44; II.-17, 20, 23, 25–26). Время бытования накладок типа 1 можно определить III в. до н.э. – V в. н.э.

Тип 2 возникает на основе типа 1, но представляет новую линию развития деталей сложносоставного лука. Главные отличия заключаются в уменьшении длины накладки, одновременно с увеличением ее ширины. По отдельности эти параметры встречаются, например, у некоторых накладок сяньби и кушан (меньшая длина), кенкольской и джеты-асарской культуры (большая ширина) на протяжении I–V вв. н.э. (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 1.-1, 3, 4; Левина Л.М., 1996, рис. 88.-10–13; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-1–4; Литвинский Б.А., 2001, табл. 7.-1, 9). Однако окончательное сложение накладок типа 2 связано с появлением луков тюркской традиции. Их наиболее ранние находки сделаны на территории Горного Алтая в тюркских памятниках 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э. (табл. I.-47, 49–51, 58, 60). Во 2-й пол. VI – 1-й пол. VII вв. н.э. накладки типа 2 встречаются у тюрков первых каганатов: в Горном Алтае (табл. I.-64, 67, 70–71, 75), Туве (Вайнштейн С.И., 1966, табл. VII.-1–3), Минусе (Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 35.-13), Южном Казахстане (Курманкулов Ж., 1980, рис. 2.-1–3, 7–8). Обнаружены они и в тюркских памятниках 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. на территории Тувы (Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 35.-9, 14). Накладки типа 2 переняли многие кочевые народы Евразии, особенно в ее западном ареале. Там они применялись как в составе луков тюркской традиции, так и в составе их усложненных модификаций аваро-болгаро-хазарской традиции (Медведев А.Ф., 1966, табл. 4–5; Генинг В.Ф., 1977, рис. 11; Мажитов Н.А., 1981, рис. 3, 40; Кюрти Б., 1984, рис. 1; Федоров-Давыдов Г.А., 1984, рис. 4; Иванов В.А., 1987, рис. 2; Круглов Е.В., 1992, рис. 2; Левина Л.М., 1996, рис. 89–91). Время существования накладок типа 2 для восточно-азиатского региона определяется 2-й пол. V – 1-й пол. VIII вв. н.э., а в Восточной Европе они использовались до X в. н.э.

Тип 3 является укороченной версией типа 2 и завершает собой линию развития концевых боковых накладок. Ранее всего накладки типа 3 фиксируются в памятниках II Восточно-тюркского каганата (2-я пол. VII – 1-я пол. VIII вв. н.э.). Они встречены у тюрков Горного и Монгольского Алтая (табл. I.-88, 95, 111), Тувы и Минусы (Грач А.Д., 1960, рис. 65; Вайнштейн С.И., 1966, табл. III.-11; Худяков Ю.С., 2004, рис. 37.-6). Позднее, с VIII–IX вв. н.э., подобные накладки известны у байырку Западного Забайкалья, самодийцев юга Западной Сибири, племен Южного Урала (Мажитов Н.А., 1981, рис. 63.-1; Худяков Ю.С., 1993, рис. 15.-1, 3, 7–9; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, рис. 20.-23; Илюшин А.М., 1999, рис. 48.-7, 9), а их наиболее короткие разновидности есть в памятниках Восточной Европы X–XIII вв. н.э. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 4.-13). Время бытования накладок типа 3 для восточно-азиатского региона – 2-я пол. VII–IX вв. н.э.

Концевые тыльные накладки (раздел II) нашей серии представлены тонкими (отдел I) и узкими экземплярами трапециевидной формы – типы 4, 5 (рис. 10). Они принадлежат набору от одного лука и найдены в тюркском захоронении 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э. на территории Горного Алтая (табл. I.-57). Сказать что-нибудь определенное об их происхождении пока не представляется возможным. Типы 4, 5 относятся к тюркскому луку новой модификации, не применявшейся в предыдущее хунно-сяньбийское время. Они могли стать основой для появления концевых тыльных накладок у луков аваро-болгаро-хазарской традиции, распространенных от Приаралья до Венгрии в конце VI–VIII вв. н.э. (Кюрти Б., 1984, рис. 1; Левина Л.М., 1996, рис. 89–91).

Концевые фронтальные накладки (раздел III) почти не известны до эпохи средневековья. В классификации они делятся на тонкие (отдел I) и массивные (отдел II) экземпляры.

ры. Первые представлены типами 6, 7 (рис. 10), которые по основным признакам аналогичны типам 4, 5 и относятся к одному с ними луку (табл. I.-57), но отличаются деталью оформления в виде выступа для закрепления тетивы. Возможно, что изделия, аналогичные типам 4–7, происходят из тюркского погребения 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. в Туве (Трифонов Ю.И., 1971, рис. 6). Типы 6, 7 могли послужить исходной моделью для формирования концевых фронтальных массивных накладок. Последние появляются практически одновременно (VIII/IX вв. н.э.) на восточной и западной окраинах бывшего Великого Тюркского каганата: у байырку в Забайкалье и у хазар в Подонье (Худяков Ю.С., 1991, рис. 10.-10, 14; Плетнева С.А., 1989, рис. 32). Накладки отдела II включают два типа и четыре варианта (рис.10).

Тип 8 в основной плоскости близок типам 6, 7, а в боковой плоскости – типам 1–3. Аналогичные изделия известны в памятниках Забайкалья IX–X вв. н.э., Восточной Европы IX–XIV вв. н.э., Новосибирского Приобья XIII–XIV вв. н.э. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 4.-1–3, 5–8; Худяков Ю.С., 1991, рис. 10.-10; Адамов А.А., 2000, рис. 68.-5, 69.-5). На Алтае накладки типа 8 зафиксированы в лесостепных памятниках сросткинской культуры 2-й пол. XI–XII вв. н.э. (табл. II.-119, 214–215). Время применения типа 8 определяется с IX по XIV вв. н.э.

Тип 9, возможно, является более крупной версией типа 6, дополнительно отличаясь желобами на окончаниях. Фрагмент похожей накладки происходит из памятника кенкольской культуры IV–V вв. н.э. (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 2.-5). На Алтае экземпляр типа 9 обнаружен в лесостепном памятнике кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. (табл. II.-252).

Концевые вкладышевые накладки (раздел IV) начинают использоваться в луках бронзового века (Молодин В.И., 1983, рис. 3.-2, 4.-1, 3; Шишлина Н.И., 1990, рис. IV.-9–11; Соловьев А.И., 2003, рис. 19, 35). На Алтае они встречены в памятниках эпохи поздней бронзы (Шамшин А.Б., 2002, рис. 2.-19). Однако в раннем железном веке и раннем средневековье применение вкладышевых накладок не фиксируется. Вновь они появляются у луков развитого средневековья. Экземпляр нашей серии относится к отделу II, типу 10 (рис. 10). По общей форме и деталям он восходит к типам 1–3, 8. Похожие накладки встречены в комплексах XIII–XIV вв. н.э. Прибайкалья и Томского Приобья (Плетнева Л.М., 1997, рис. 63; Николаев В.С., 2004, рис. 30.-2), а также на Среднем Енисее в погребении, датированном XVI–XVII вв. н.э. (Скобелев С.Г., Митько О.А., 2001, рис. 2.-8, 3.-1). На территории Алтая накладка типа 10 найдена в горном памятнике XIII–XIV вв. н.э. (табл. I.-158).

Срединные накладки делятся на боковые (раздел I) и тыльные (раздел II). Боковые экземпляры начинают употребляться в эпоху развитой бронзы (Шишлина Н.И., 1990, рис. IV.-12). Присутствуют они и у некоторых луков «скифского» типа (Горелик М.В., 2003, табл. XLII.-87–90). Их широкое распространение начинается с хуннского времени (Хазанов А.М., 1971; Савинов Д.Г., 1981; Худяков Ю.С., 1993; Горелик М.В., 1995; Литвинский Б.А., 2001). На Алтае срединные боковые накладки применялись со II в. до н.э. по XII в. н.э. Все образцы нашей серии являются тонкими (отдел I) и разделены на 9 типов и 12 вариантов (рис.10).

Тип 11 образуют длинные и широкие пластины дуговидной формы. Их происхождение связано с хуннскими накладками, которые имели сегментовидную форму с прогнутым основанием (Коновалов П.Б., 1976, табл. III–V; Цэвэндорж Д., 1985, рис. 3, 30; Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1990, рис. 2–3; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2003, рис. 1–3, 6–7, 10–12). Аналогичные образцы применялись населением Алтая во II в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков Ю.С., 1997а, рис. 1.-12; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999,

рис. 2.-6). Тип 11 оформился в результате закругления окончаний таких накладок. Его использование характерно для племен булан-кобинской культуры со II в. н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 6.-2; Кочеев В.А., Суразаков А.С., 2003, рис. 6.-5). Позднее накладки типа 11 фиксируются в булан-кобинских (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.) и одинцовских (2-я пол. IV–V вв. н.э.) памятниках (табл. I.-1, 4, 10–15, 38, 41, 43; II.-20). Время существования типа 11 определяется II–V вв. н.э.

Тип 12 состоит из длинных широких пластин трапецевидной формы. Они сформировались на основе хуннских накладок, имеющих сегментовидную форму с прямым основанием (Коновалов П.Б., 1976, табл. IV; Цзвэндорж Д., 1985, рис. 12, 14, 16; Худяков Ю.С., Цзвэндорж Д., 1990, рис. 4; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2003, рис. 4–5, 8–9). Такие экземпляры использовались кочевниками Алтая во II в. до н.э. – I в. н.э. (Сорокин С.С., 1977, рис. 10.-5, 6; Худяков Ю.С., 1997а, рис. 1.-3, 4; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 22.-3, 5). Тип 12 образовался в результате выпрямления верхней стороны этих накладок. Аналогичные изделия применялись в луках Центральной и Средней Азии с I по V вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 22.-1, 3; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 1.-2, 5; Левина Л.М., 1996, рис. 87.-7, 9, 88.-4, 5). На Алтае накладки типа 12 найдены в памятниках среднего этапа булан-кобинской культуры – II – 1-я пол. IV вв. н.э. (Соенов В.И., Эбель А.В., 1998, рис. 15.-5; Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А., 1998, рис. 1.-5; Суразаков А.С., 2002, с. 180), позднего этапа этой культуры – 2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э. (табл. I.-8–9, 29, 35, 42, 44) и раннего этапа одинцовской культуры – 2-я пол. IV–V вв. н.э. (табл. II.-23, 26). Время бытования типа 12 укладывается в I–V вв. н.э.

Тип 13 также восходит к хуннским сегментовидным накладкам, но имеет меньшую длину, что характерно для некоторых сяньбийских накладок II–III вв. н.э. (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-5, 6). Такие же образцы найдены в памятниках тюркской культуры Горного Алтая 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э. (табл. I.-53) и Тувы VIII в. н.э. (Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 35.-4). Время существования типа 13 можно определить II–VIII вв. н.э.

Тип 14 является дальнейшим развитием типа 12 путем уменьшения длины накладок. Раньше всего изделия типа 14 появляются в тюркских памятниках горной части Алтая и бытуют здесь достаточно долго со 2-й пол. V до 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-1, 47, 49, 57, 60, 75, 77, 79, 87–89, 93, 97–99, 101, 103, 109, 111–112, 128). Вместе с тюрками они попадают и в Лесостепной Алтай, где зафиксированы на памятнике сrostкинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. II.-103). Аналогии типу 14 известны и во всех тюркских памятниках других регионов Центральной и Средней Азии (Курманкулов Ж., 1980, рис. 2; Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 35; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 2, 5, 8; Худяков Ю.С., 2004, рис. 36–38). Эти накладки заимствуются многими народами Евразии (Медведев А.Ф., 1966, табл. 3.-1, 2; Максимова А.Г., 1968, табл. II.-11, 13; Мажитов Н.А., 1981, рис. 3.-18; Федоров-Давыдов Г.А., 1984, рис. 4.-2, 8.-5; Левина Л.М., 1996, рис. 90.-3, 5, 12, 91.-4, 6, 19, 21; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, рис. 20.-21–22). Время существования типа 14 – 2-я пол. V – X вв. н.э.

Тип 15 представлен накладками прямоугольно-зауженной формы. Аналогий не найдено. Обнаружен в тюркском погребении Горного Алтая 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX вв. н.э. (табл. I.-113).

Тип 16 завершает собой развитие типа 11, путем сокращения длины накладок почти в два раза. Встречен в тюркском памятнике 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э. (табл. I.-59).

Тип 17 является более короткой версией типа 13. Накладки типа 17 найдены в курганах тюркской (2-я пол. V – 1-я пол. X вв. н.э.) и сrostкинской (2-я пол. VIII – 1-я пол. X вв. н.э.) культур (табл. I.-58, 106, 125; II.-40, 133).

Тип 18 представляет укороченную версию типа 14. Такие накладки характерны для тюркских памятников Горного Алтая 2-й пол. V – 1-й пол. VIII вв. н.э. (табл. I.-55, 79, 82, 91, 108) и известны в сrostкинском памятнике Лесостепного Алтая 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. II.-164).

Тип 19 происходит от типа 18, в результате преобразования трапециевидной формы накладки в шестиугольную. Изделия типа 19 характерны для луков сrostкинской культуры и зафиксированы во многих ее объектах на протяжении 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. (табл. II.-53, 57, 73, 126, 130, 134, 145, 148, 172, 207, 211). От сrostкинского населения такие накладки заимствуют племена кимаков и кыпчаков (Арсланова Ф.Х., 1969, табл. I; Бараба в тюркское время, 1988, рис. 37.-1–2; Суворова Г.И., Ткачев А.А., 1995, рис. 4.-20).

Срединные тыльные накладки впервые фиксируются в составе хуннских луков конца III в. до н.э. – I в. н.э. (Коновалов П.Б., 1976, табл. III–V; Цэвэндорж Д., 1985, рис. 3, 14, 16, 18, 30; Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1990, рис. 1–2, 4; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2003, рис. 1–12). В дальнейшем они успешно применялись во многих модификациях сложносоставных луков (Медведев А.Ф., 1966; Хазанов А.М., 1971; Савинов Д.Г., 1981; Худяков Ю.С., 1993; Горелик М.В., 1995; Литвинский Б.А., 2001). На Алтае срединные тыльные накладки применялись во II в. до н.э. – XIV в. н.э., а также, вероятно, и в более позднее время. Экземпляры нашей серии делятся на тонкие (отдел I) и массивные (отдел II). Первые являются более ранними и встречаются на Алтае в памятниках II в. до н.э. – 1-й пол. VIII в. н.э., а вторые более поздние из объектов 2-й пол. IX–XIV вв. н.э. Накладки отдела I представлены тремя типами и пятью вариантами (рис. 10).

Тип 20 представлен длинными узкими пластинами с параллельными сторонами и немного расширенными окончаниями. Он происходит от хуннских экземпляров, имеющих аналогичную форму, но меньшую длину. Образцы типа 20 становятся длиннее, сравниваясь с боковыми срединными накладками (типы 11, 12) или немного превосходя их. Такие изделия более всего характерны для булан-кобинских луков начиная со II в. н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 6.-3; Суразаков А.С., 2002, с. 180) и преобладают в этой культуре во 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. (табл. I.-4, 7–8, 10–15, 29, 38, 41–44). Датировка типа 20 определяется II – 1-й пол. V вв. н.э.

Тип 21 по форме и пропорциям повторяет хуннские накладки. Аналогичные экземпляры широко использовались там, где применялись луки хуннской традиции (Худяков Ю.С., 1986, рис. 22.-9, 11, 15, 16; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 1.-8, 11; Левина Л.М., 1996, рис. 87.-8, 88.-23). У населения Алтая накладки типа 21 зафиксированы в памятниках булан-кобинской культуры II в. до н.э. – 1-й пол. IV в. н.э. (Сорокин С.С., 1977, рис. 10.-7; Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А., 1998, рис. 1.-2) и 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. (табл. I.-35, 39), а также в памятниках одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. (табл. II.-17, 20, 26). Время бытования типа 21 – конец III в. до н.э. – V в. н.э.

Тип 22 завершает собой линию развития тонких фронтальных накладок, отличаясь от типа 21 меньшей длиной и более слабым расширением окончаний, которое у некоторых экземпляров почти исчезает. Ранее всего изделия типа 22 появляются в тюркских памятниках горной части Алтая, где фиксируются на протяжении 2-й пол. V – 1-й пол. VIII вв. н.э. (табл. I.-1, 47, 49–50, 53, 59–60, 63, 75, 77, 88, 95, 106). Встречаются они и в памятниках тюрок на территории Южного Казахстана, Тянь-Шаня, Тувы и Минусы во 2-й пол. VI – 1-й пол. IX вв. н.э. (Курманкулов Ж., 1980, рис. 2.-5; Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 35.-8, 11; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 10.-3; Худяков Ю.С., 2004, рис. 36.-9, 37.-5). Аналогичные накладки переняли многие племена Евразии, у которых использовались луки тюркской или производной от нее аваро-болгаро-хазарской традиции (Медведев А.Ф.,

1966, табл. 3.-8; Максимова А.Г., 1968, табл. II.-12; Мажитов Н.А., 1981, рис. 3.-17, 40.-11; Кюрти Б., 1984, рис. 1.-3; Левина Л.М., 1996, рис. 89.-18, 26, 90.-4, 91.-5, 11, 20; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, рис. 20.-15, 19). Время существования накладок типа 22 для Центральной и Средней Азии определяется 2-й пол. V – 1-й пол. IX вв. н.э., а в Восточной Европе – до X в. н.э.

Накладки отдела II включают пять типов и семь вариантов (рис. 10).

Тип 23 представлен пластинами прямоугольной формы и происходит от типа 27 путем увеличения длины и ширины накладки. Изделия типа 23 найдены в памятниках сросткинской культуры 2-й пол. XI–XII вв. н.э. (табл. II.-199, 214).

Тип 24 состоит из коротких, но широких накладок прямоугольной или квадратной формы. Их наиболее ранние находки сделаны в памятниках сросткинской культуры Лесостепного Алтая 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. II.-82, 126, 130, 133, 140) и культуры байырку Западного Забайкалья IX–X вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, рис. 10.-20). В дальнейшем такие накладки присутствуют в составе луков XIII–XIV вв. н.э.: из Горного Алтая (табл. I.-156), Прибайкалья (Николаев В.С., 2004, рис. 9.-3, 13.-2, 28.-1, 30.-1, 67.-3, 68.-3–4, 102.-7–8, 116.-15) и Забайкалья (Худяков Ю.С., 1991, рис. 50.-6), а также встречаются у луков позднего средневековья (Скобелев С.Г., Митько О.А., 2001, рис. 2.-6–7, 3.-2). Время бытования типа 24 определяется IX–XIV вв. н.э. и, вероятно, позднее.

Тип 25 включает накладки весловидной формы и происходит от типа 26 путем увеличения длины пластины и ширины ее окончаний. Аналогии типу 25 известны в эпоху развитого средневековья на обширных территориях Евразии, где применялись луки монгольской традиции и ее производных (Медведев А.Ф., 1966, табл. 3.-10, 6.-6, 10–12; Худяков Ю.С., 1991, рис. 49.-1–6, 9, 50.-1–2, 5; 1997б, рис. 13.-1–3, 5; Плетнева Л.М., 1997, рис. 65.-1; Николаев В.С., 2004, рис. 29.-1, 56.-4, 68.-2, 94.-2, 113.-5, 116.-16). Накладки этого типа продолжали использоваться и в эпоху позднего средневековья (Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, рис. 37–39; Скобелев С.Г., Митько О.А., 2001, рис. 2.-4). На Алтае они найдены в горных и лесостепных памятниках XIII–XIV вв. н.э. (табл. I.-159; II.-243, 252, 254, 268). Время существования типа 25 – XI–XVII вв. н.э.

Тип 26 мог сформироваться на основе типа 22, в результате увеличения ширины и толщины накладки. Впервые подобные изделия появляются у байырку Западного Забайкалья в IX–X вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, рис. 10.-3, 6, 12–13, 15). В начале II тыс. н.э. эти накладки распространяются от Монголии до Восточной Европы (Медведев А.Ф., 1966, табл. 3.-7, 9, 11; Худяков Ю.С., 1991, рис. 49.-7–8; 1997б, рис. 13.-4; Николаев В.С., 2004, рис. 7.-6, 121.-8). На Алтае они зафиксированы в горных и лесостепных памятниках XIII–XIV вв. н.э. (табл. I.-156; II.-251, 262). Время существования типа 26 можно определить IX–XIV вв. н.э.

Тип 27 также сформировался на основе типа 22 путем увеличения толщины накладки и спрямления ее окончаний. Накладки типа 27 характерны для луков сросткинской культуры 2-й пол. IX–XII вв. н.э. (табл. II.-73, 126, 133–134, 157, 159, 166, 181, 203). Kontakтами со сросткинским населением можно объяснить появление таких экземпляров у тюрок Горного Алтая (табл. I.-124), кимаков Восточного Казахстана, кыпчаков Барабы и населения таежного Прииртышья (Коников Б.А., 1987, рис. 3.-11; Бараба в тюркское время, 1988, рис. 37.-4; Суворова Г.И., Ткачев А.А., 1995, рис. 4.-17, 19).

Отдельно рассмотрим детали оформления накладок. Концевые экземпляры с закругленной головкой (типы 1а–б, 2а–б, 3а, 8а, 10а) являются наиболее многочисленными и использовались с конца III в. до н.э. по XIV в. н.э. (Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1990, рис. 1–4; Николаев В.С., 2004, рис. 30). Несколько реже, но дольше применялись наклад-

ки, имеющие спрямленную головку (типы 1в, 2в, 3б, 4а, 5а, 6а, 7а, 8б, 9а) – с IV/III в. до н.э. по XVII в. н.э. (Ковалев А.А., 2002, рис. 2–6; Скобелев С.Г., Митько О.А., 2001, рис. 2.-8, 3.-1). Изделия с заостренной головкой (типы 1г, 2г, 8в) бытовали во II в. до н.э. – XII в. н.э. и первоначально характерны для южно-сибирского региона (Худяков Ю.С., 1986, рис. 21.-6–7, 11; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005а, с. 329). Такая деталь концевых накладок, как один вырез под тетиву (типы 1а–г, 2а–г, 3а–б, 8а–б, 10а), абсолютно преобладала, а двум вырезам (тип 8в) есть аналогии, пока только у восточноевропейских и прибайкальских накладок XIII–XIV вв. н.э. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 4.-2; Николаев В.С., 2004, рис. 30.-2). Упор для тетивы (типы 6а, 7а) является оригинальной деталью, а желоб (тип 9а) находит единичное соответствие у кенкольской накладки IV–V вв. н.э. (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 2.-5). Отверстия в концевых накладках для скрепления между собой или с кибитью (тип 1б, г) применялись с конца III в. до н.э. до X в. н.э. (Давыдова А.В., 1996, рис. 71.-2; Федоров-Давыдов Г.А., 1984, рис. 4).

Срединные боковые накладки с заостренными окончаниями (типы 12а, 13а, 14а, 17а, 18а, 19а) бытуют с хуннского времени до эпохи развитого средневековья (Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1990, рис. 2–4; Савинов Д.Г., 1998, рис. 7.-2). Их модификацией являются накладки с закругленными окончаниями (типы 11а, 14б, 16а, 18б), которые применялись со II по XII вв. н.э. (Мамадаков М.Т., 1985, рис. 6.-2; Медведев А.Ф., 1966, табл. 6.-7). Экземпляры со спрямленными окончаниями (типы 15а, 19б) использовались во 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. (Кубарев В.Д., 1992, рис. 4.-14–15; Медведев А.Ф., 1966, табл. 3.-3; Неверов С.В., 1982, рис. 3.-1, 3). Тыльные боковые накладки с трапециевидными окончаниями (типы 20а, 21а, 22а, 26а) применялись с конца III в. до н.э. по XIV в. н.э. (Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д., 1990, рис. 2, 4; Худяков Ю.С., 1997, рис. 13.-4). Производными от них были накладки с лопатковидными окончаниями (типы 20б, 21б, 22б, 25а, 26б), которые фиксируются на протяжении IV–XVII вв. н.э. (Тетерин Ю.В., 2004, рис. 2.-2; Скобелев С.Г., Митько О.А., 2001, рис. 2.-4). Накладки с прямыми окончаниями (типы 23а, 24а, 27а) бытовали в IX–XVII вв. н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Алехин Ю.П., 1999, рис. 2.-3; Скобелев С.Г., Митько О.А., 2001, рис. 2.-6–7, 3.-2).

Типологический анализ накладок лука позволяет также обозначить их общие и более конкретные этнокультурные особенности. Так, появление на Алтае накладок типов 1, 11, 12, 20, 21 связано с влиянием хуннской военной традиции. Причем типы 1а–в, 21а непосредственно копируют хуннские образцы, а типы 1г, 11, 12, 20, 21б являются их дальнейшим развитием, в рамках южно-сибирского и отчасти среднеазиатского регионов. Накладки типов 11 и 20 первоначально характерны для луков булан-кобинской культуры.

В раннем средневековье на территории Горного Алтая появляются накладки типов 2, 3, 13–18, 22, демонстрирующее сложение тюркской традиции. Ее основу составляют различные элементы хуннских, сяньбийских и булан-кобинских накладок, комбинация которых привела к возникновению новой линии в развитии этих деталей луков. Еще одну оригинальную линию показывают тюркские накладки типов 4–7. Начиная с середины VIII в. н.э. в Лесостепном Алтае на основе тюркской традиции формируются накладки типов 8, 19, 23, 24, 27, характерные для луков сросткинской культуры.

Наконец в эпоху развитого средневековья на Алтае появляются накладки типов 9, 10, 25, 26, отражающие влияние новой – монгольской – традиции в изготовлении данных деталей луков. Эта традиция вобрала в себя целый ряд хуннских и тюркских черт и, видимо, начала складываться в IX–X вв. н.э. у кочевников Западного Забайкалья (Худяков Ю.С., 1991, с. 27–28, рис. 10).

Информация, которую дает типологический анализ накладок лука, может быть дополнена рассмотрением развития луков как цельной конструкции. Ввиду крайней редкос-

ти вещественных находок целых луков для их систематизации привлекались в большей степени комплекты накладок. Форма и размеры кибиты реконструировались исходя из положения таких не потревоженных комплектов в погребальных комплексах. Для определения формы луков привлекались также данные изобразительных источников, а об устройстве кибиты мы судили по ее вещественным остаткам.

В классификации использовано 117 луков, представленных наборами накладок. Серию составляют полные и неполные комплекты накладок, а также отдельные находки, относимые к типам луков на основе сопоставления с эталонными наборами.

Для системного описания луков их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по конструкции лука, разряд определяется его формами (со снятой и надетой тетивой), раздел выявляет общую длину лука (со снятой тетивой), отдел характеризуется числом накладок на кибиту, тип уточняет состав набора накладок и его соотношение с их типами согласно первой классификации, вариант информирует о длине рогов (для луков с концевыми накладками) и рукояти лука.

Группа I. Сложносоставные. Основу лука составляет деревянная кибита из двух или трех частей, определенные места которой усилены роговыми (костяными) накладками, а также обернуты и проклеены пучками сухожилий и полосами бересты.

Разряд I. С-М-образные. Форма лука со снятой тетивой напоминает букву «С». В этом положении плечи лука плавно изогнуты на внешнюю сторону (рис. 11.-2; 12.-1; 13.-1; 14.-1; 15.-1). С надетой тетивой лук становится похож на букву «М», а его плечи выгибаются с внутренней стороны (рис. 11.-3; 12.-2; 13.-2; 14.-2; 15.-2). Когда тетива лука натянута для выстрела, сходство с буквой «М» еще более усиливается (рис. 12.-3; 13.-3; 14.-3; 15.-3).

Раздел I. Длинные. Длина лука со снятой тетивой 140–155 см.

Отдел I. С 7 накладками.

Тип 1. Из 4 концевых и 3 срединных накладок. Концевых: 4 боковые (тип 1), срединных: 2 боковые (типы 11, 12) и 1 тыльная (типы 20, 21). **Вариант а** – с асимметричными длинными рогами и длинной рукоятью (рис. 11–14). Всего 24 лука: Верх-Уймон, к. 4, 5, 11, 12; Дялян, к. 1, 3, 5–7, 13; Кок-Паш, к. 31, 36, 54; Усть-Бийке-III, к. 4; Чендек, к. 2; Яломан-II, к. 30–33, м. 2; Пospелиха, м.; Татарские Могилки, м. 4; Тугозвонovo, м. «князя»; Чекановский Лог-9, м. (2).

Отдел II. С 6 накладками.

Тип 2. Из 4 концевых и 2 срединных накладок. Концевых: 4 боковые (тип 1а), срединных: 2 боковые (типы 11, 12). **Вариант а** – с асимметричными длинными рогами и длинной рукоятью (рис. 16.-1). Всего 3 лука: Берель, к. 2 (2); Верх-Уймон, к. 13.

Раздел II. Средние. Длина лука со снятой тетивой 130–135 см.

Отдел I. С 7 накладками.

Тип 3. Из 4 концевых и 3 срединных накладок. Концевых: 4 боковые (типы 2а, б, 3), срединных: 2 боковые (тип 14) и 1 тыльная (тип 23). **Вариант а** – с симметричными средними рогами и средней рукоятью (рис. 16.-2). Всего 5 луков: Верх-Еланда-I, к. 4; Боротал, к. 82; Кок-Паш, ог. А-2; Яконур, к. 5; Тюткескенъ-VI, к. 10). **Вариант б** – с симметричными короткими рогами и средней рукоятью (рис. 16.-3). Всего 3 лука: Загал, м.; Катанда-II, к. 3; Юстыд-XII, к. 29.

Отдел II. С 6 накладками.

Тип 4. Из 4 концевых и 2 срединных накладок. Концевых: 4 боковые (тип 2а, г), срединных: 2 боковые (тип 17). **Вариант а** – с асимметричными средними рогами и короткой рукоятью (рис. 15). Всего 5 луков: Усть-Бийке III, к. 5; Кудыргэ, ог. VI, к. 9, 22 (2).

Тип 5. Из 4 концевых и 2 срединных накладок. Концевых: 2 тыльные (типы 4, 5) и 2 фронтальные (типы 6, 7), срединных: 2 боковые (тип 146). **Вариант а** – с асимметричными рогами (верхний – средний, нижний – короткий) и средней рукоятью (рис. 17.-1). Всего 1 лук: Узунтал-I, к. 1.

Отдел III. С 3 накладками.

Тип 6. Из 2 концевых и 1 срединной накладки. Концевых: 2 фронтальные (типы 8, 9), срединная: 1 тыльная (типы 22, 25). **Вариант а** – с симметричными длинными рогами и средней рукоятью (рис. 17.-2). Всего 1 лук: Осинки, м. 64. **Вариант б** – с симметричными короткими рогами и средней рукоятью (рис. 17.-3). Всего 3 лука: Ближние Елбаны-IX, к. 1; Осинки, м. 38, 47.

Тип 7. Из 2 концевых и 1 срединной накладки. Концевых: 2 вкладышевые (тип 10), срединная: 1 тыльная (тип 25?). **Вариант а** – с симметричными короткими рогами и средней рукоятью (рис. 18.-1). Всего 1 лук: Яконур, к. 1, м. D.

Раздел III. Короткие. Длина лука со снятой тетивой от 120 см и меньше.

Отдел III. С 3 накладками.

Тип 8. Из 3 срединных накладок. 2 боковые (типы 13, 14а, 16, 17, 19) и 1 тыльная (типы 23а, 27). **Вариант а** – со средней рукоятью (рис. 18.-2). Всего 4 лука: Берель, к. 2; Кызыл-Таш, ог. 1; Катанда-3, к. 11; Уландрык-III, к. 5. **Вариант б** – с короткой рукоятью (рис. 18.-3; 19.-1). Всего 9 луков: Усть-Бийке-III, к. 6; Тыткескень-VI, к. 1; Бойтыгем-IV, ог. 1; Быково-IV, к. 5; Корболиха-VIII, к. 4; Сростки-I, к. 2 (1930), раскопки Копытова (2); Ближние Елбаны-VIII, к. 1, м. 5.

Отдел IV. С 4 накладками.

Тип 9. Из 4 срединных накладок. Все тыльные (типы 24, 26б). **Вариант а** – с короткой рукоятью (рис. 19.-2). Всего 1 лук: Усть-Бийке-III, к. 3.

Отдел V. С 5 накладками.

Тип 10. Из 5 срединных накладок. 2 боковые (типы 17, 19) и 3 тыльные (типы 24, 27). **Вариант а** – с короткой рукоятью (рис. 19.-3). Всего 5 луков: Гилево-V, к. 6; Сростки-I, к. 5 (1925), к. 1 (1930), раскопки Копытова, Чинета-II, к. 8.

Отдел VI. С 2 накладками.

Тип 11. Из 2 срединных накладок. Все боковые (типы 14, 15, 17, 18, 19). **Вариант а** – со средней рукоятью (рис. 20.-1). Всего 15 луков: Балык-Соок-I, к. 11; Горно-Алтайск, к.; Кара-Коба-I, к. 25, Кара-Коба-II, к. 13; Катанда-3, к. 1, 2, 4, 21; Талдуаир-I, к. 6; Урочище Балчигова-3, к. 7; Ябоган-I, к. 1; Джолин-I, к. 9; Узунтал-I, к. 2; Ближние Елбаны-XVI, м. 7; Ивановка-XX, к. 4. **Вариант б** – с короткой рукоятью (рис. 20.-2–3). Всего 26 луков: Ороктой, к. 1; Балык-Соок-I, к. 11; Бажынты, к. 29; Кара-Коба-I, к. 85; Узунтал-V, к. 2; Курай-IV, к. 1; Узунтал-I, к. 2; Иня-1, к. 1, м. 1, к. 2, м. 1–2, к. 4, м. 1, к. 17, м. 3, к. 23, м. 1; Чингис-2, к. 3, м. 1; Гилево-XIV, к. 6, м. 1; Корболиха-II, к. 4; Сростки-I, к. 4 (1925), раскопки Копытова; Восход-I, м. 1; Гилево-VII, к. 4, м. 2 (2); Займище, к. 8, м. 1; Корболиха-VIII, к. 3; Степной Кучук, к. 1; Змеевка, к. 3, м. 1, к. 5.

Отдел VII. С 1 накладкой.

Тип 12. Из 1 срединной накладки. 1 тыльная (типы 25, 26а, 27). **Вариант а** – со средней рукоятью (рис. 21.-1–2). Всего 4 лука: Яконур, к. 2; Ближние Елбаны-XIV, м. 6; Рубцовский, м.; Усть-Алейка Клуб, м. 10. **Вариант б** – с короткой рукоятью (рис. 21.-3). Всего 7 луков: Гилево-XIII, к. 5, 15; Ивановка-III, к. 2; Прудской, к. 6, м. 1; Боровиково-IV, к. 1, м. 1; Осинки, м. 9; Телеутский Взвоз-I, к. 14.

В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 3 раздела, 7 отделов и 12 типов, дополненных 17 вариантами.

Сложносоставные луки (группа I), т.е. изделия, кибыть которых монтировалась из нескольких деревянных частей и усиливалась в определенных зонах дополнительными материалами (дерево, рог, кость, сухожилия, береста и т.п.), появились как орудия охоты и прежде всего как оружие в бронзовом веке. Их генезис был связан с дальнейшим развитием усиленных луков эпохи неолита – энеолита (Худяков Ю.С., 1993, с. 107; Горелик М.В., 2003, с. 59–60). На территории Алтая, судя по находкам роговых накладок (Шамшин А.Б., 2002, рис. 2.-19), сложносоставной лук начал применяться с эпохи поздней бронзы, хотя нельзя исключать и его более раннего распространения. В I тыс. до н.э. кочевники Алтая использовали сложносоставные луки «скифского» типа (Иванов Г.Е., 1987, с. 14; Кочеев В.А., 1997, с. 147). Со II в. до н.э. по V в. н.э. на Алтае господствуют луки хуннской традиции, с середины V до XII в. н.э. – луки тюркской традиции и ее производные, а в XIII–XIV вв. н.э. – луки монгольской традиции. Все они были сложносоставными.

О составе кибиты этих луков мы можем судить по некоторым сохранившимся находкам. На территории Горного Алтая в погребении раннего этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.) булан-кобинской культуры на памятнике Яломан-II были обнаружены деревянные детали лука, свидетельствующие о том, что он собирался из трех самостоятельных частей: рукояти с плечами и двух рогов, которые приклеивались к плечам в противоположной плоскости (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2006). На этом же памятнике в могиле позднего этапа (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.) булан-кобинской культуры зафиксирована кибыть другой конструкции. Она состояла из двух частей, каждая из которых включала рог, плечо и половину рукояти. Они склеивались внахлест путем наложения половинок рукояти (рис. 11.-1). Вероятно, лук аналогичного устройства найден в булан-кобинском погребении II – 1-й пол. IV вв. н.э. на памятнике Кам-Тытугом. Половинки его рукояти также соединены внахлест, но в другой плоскости и имеют дополнительные крепежные штифты (Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А., 1998, с. 281, рис. 1.-5). По другим культурам Алтая пока не имеется материалов, чья сохранность позволила бы проследить устройство кибиты.

Все луки нашей серии можно отнести к изделиям, принимающим две формы за счет рефлексии плеч (разряд I). Со снятой тетивой луки «С»-видны. Именно такая форма прослеживается для большинства экземпляров с концевыми накладками, которые сохраняют первоначальное положение в могиле (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, рис. 19, 23), а также читается на рисунках луков, зачехленных в налучья (рис. 73.-1–2, 6, 11) (Горбунов В.В., 2003а, рис. 34.-8, 35.-2). Луки с надетой и натянутой для выстрела тетивой «М»-видны. Данная форма представлена на иконографических памятниках Алтая от хуннского до монгольского времени, отличаясь от изображений луков «скифского» типа более плавными очертаниями плечей и рогов и прямой рукоятью (рис. 73.-11–15; 74.-2, 6) (Горбунов В.В., 2003а, рис. 34–36).

Важным признаком луков является их общая длина. Ученные нами экземпляры делятся на длинные, средние и короткие. Длинные луки (раздел I) заимствуются населением Алтая от хунну и бытуют здесь до эпохи «великого переселения народов» включительно. Они усиливались комплектами из семи (отдел I) и шести (отдел II) жестких накладок и представлены типами 1, 2.

Лук с семью накладками имел длинные асимметричные рога (верхний рог длиннее нижнего), каждый из которых фиксировался парой боковых накладок, и длинную рукоять, армированную парой боковых и одной тыльной накладками (тип 1а). Аналогичная конструкция встречается в хуннских памятниках конца III в. до н.э. – I в. н.э. и в дальнейшем широко используется многими народами Евразии (Худяков Ю.С., 1993, с. 121–122). На Алтае луки типа 1 появляются со II в. до н.э. в раннебулан-кобинских памятниках

(Сорокин С.С., 1977, рис. 10; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 22). Поздние находки луков типа 1 обнаружены в погребениях булан-кобинской (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.) и одинцовской (2-я пол. IV–V вв. н.э.) культур (табл. I.-4–5, 7–8, 10–15, 26, 29, 35, 38–39, 41–44; II.-17, 20, 23, 26).

Лук с шестью накладками по всем параметрам аналогичен типу 1 и является его несколько упрощенной версией, за счет отсутствия срединной тыльной накладки (тип 2а). Такая конструкция также появляется у хунну и распространяется на Алтае со II в. до н.э., встречаясь в раннебулан-кобинских и позднекаменных памятниках (Худяков Ю.С., 1997а, рис. 1; 1998, рис. 30, 34; Соенов В.И., 1999, рис. 8, 14; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, рис. 2). В эпоху «великого переселения народов» луки типа 2 обнаружены в погребальных памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. (табл. I.-1, 9).

Средние луки (раздел II) появляются на Алтае во второй половине V в. н.э. и применяются здесь до эпохи развитого средневековья включительно. Они усиливались комплектами из семи (отдел I), шести (отдел II) и трех (отдел III) жестких накладок и представлены типами 3–7.

Лук с семью накладками происходит от типа 1 за счет уменьшения длины рогов и рукояти, кроме того, его рога симметричны (тип 3). Раньше всего луки типа 3 фиксируются у тюрок Горного Алтая со 2-й пол. V в. н.э. и в дальнейшем распространяются по поясу евразийских степей, активно применяясь до IX в. н.э. на востоке и до X в. н.э., или даже позднее, на западе. В размерах типа 3 наблюдаются некоторые отличия. Тип 3а имеет рога средней длины, а тип 3б – короткие рога. На Алтае луки типа 3а обнаружены в памятниках тюркской культуры 2-й пол. V – 1-й пол. VII вв. н.э. (табл. I.-47, 49–50, 60, 75), а луки типа 3б – в тюркских комплексах 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. (табл. I.-88, 95, 111). Судя по хронологии, развитие типа 3 шло по пути уменьшения длины рогов.

Лук с шестью накладками имел асимметричные рога средней длины и короткую рукоять (тип 4а). Он происходит от типа 2, путем уменьшения размеров рогов и рукояти. Появление луков типа 4 также связано с развитием оружия этого вида у тюрок, а ареал и хронология совпадают с типом 3. На Алтае луки типа 4 найдены в памятниках тюркской культуры 2-й пол. V – 1-й пол. VII вв. н.э. (табл. I.-51, 58, 67, 71).

Другой лук с шестью накладками также имел асимметричные рога и рукоять средней длины (тип 5а). Однако он существенно отличался от типа 4 расположением концевых накладок, которые усиливали фронтальную и тыльную стороны рога. Луки данной конструкции весьма оригинальны и встречены пока только в тюркских памятниках Алтая (табл. I.-57) и, возможно, Тувы (Трифонов Ю.И., 1971, рис. 6). Время их применения приходится на 2-ю пол. V – 1-ю пол. VIII вв. н.э.

Лук с тремя накладками имел симметричные рога и рукоять средней длины (тип 6). Его происхождение можно связывать с модификацией луков типа 3 – симметрия рогов и типа 5 – концевые фронтальные накладки. Изменения коснулись также принципа армирования рукояти, которая усиливалась только одной тыльной накладкой. Наиболее ранние образцы луков подобной конструкции появляются у байырку Западного Забайкалья в IX–X вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, с. 25–28). В размерах луков типа 6 наблюдаются отличия. Тип 6а имеет длинные рога, а тип 6б – короткие рога. На Алтае лук типа 6а обнаружен на памятнике кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. (табл. II.-252), а луки типа 6б – в погребальных комплексах сросткинской культуры 2-й пол. XI–XII вв. н.э. (табл. II.-199, 214–215). Исходя из датировок, развитие типа 6 шло по пути увеличения длины рогов.

Еще один лук с тремя накладками имел симметричные короткие рога и среднюю рукоять (тип 7а). Вероятно, он являлся дальнейшей разработкой типа 6б, отличие от кото-

рого заключалось в расположении концевых накладок, вставлявшихся в рога лука наподобие вкладышей. Экземпляры аналогичной конструкции применялись в эпоху развитого и позднего средневековья (Плетнева Л.М., 1997, рис. 63; Николаев В.С., 2004, рис. 30; Скобелев С.Г., Митько О.А., 2001, рис. 2–3). На территории Алтая лук типа 7 найден в горном памятнике XIII–XIV вв. н.э. (табл. I.-158).

Короткие луки (раздел III) появляются на Алтае во 2-й пол. V в. н.э. и применяются здесь на протяжении раннего и развитого средневековья. Их главным отличием являлось отсутствие жестких накладок на рогах. В основном из-за минимальной длины самих рогов. Они усиливались только в районе рукояти комплектами из трех (отдел III), четырех (отдел IV), пяти (отдел V), двух (отдел VI) и одной (отдел VII) накладок и представлены типами 8–12.

Лук с тремя накладками имел среднюю (тип 8а) или короткую (тип 8б) рукоять, усиленную с боковых и тыльной сторон. Эта новая конструкция возникла самостоятельно или на основе луков типа 3. Первые образцы луков типа 8 появляются у тюрков в середине – 2-й пол. V в. н.э. и в дальнейшем используются рядом кочевых народов Евразии на протяжении всей эпохи раннего средневековья (Худяков Ю.С., 1993, с. 134; Медведев А.Ф., 1966, табл. 3.-4–5, 8). На Алтае луки типа 8а встречены в тюркских памятниках 2-й пол. V – 1-й пол. VII вв. н.э. (табл. I.-53, 63, 77), а один экземпляр, вероятно, даже в позднебулан-кобинском кургане (табл. I.-1), а луки типа 8б в тюркских комплексах 2-й пол. V – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-59, 106, 124) и в памятниках сросткинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. II.-73, 111, 126, 134, 143). Судя по хронологии, развитие типа 8 шло по пути сокращения длины рукояти.

Лук с четырьмя накладками имел короткую рукоять, усиленную только с тыльной стороны (тип 9а). На ней, в центре, располагалась одна более узкая и длинная накладка, а по краям три более короткие и широкие накладки, перекрывающие стыки рукояти с плечами. Данная конструкция применялась в эпоху развитого средневековья в северных районах Центральной Азии (Николаев В.С., 2004, с. 80–81), а ее происхождение связано с типом 10. На Алтае лук типа 9 обнаружен в горном памятнике XIII–XIV вв. н.э. (табл. I.-156).

Лук с пятью накладками имел короткую рукоять, усиленную с боковых и тыльной сторон (тип 10а). Он является модификацией луков типа 8б, путем добавления двух более коротких, но широких тыльных накладок, закрывающих стыки рукояти с плечами. Луки типа 10 встречены в памятниках сросткинской культуры Лесостепного Алтая 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. II.-82, 126, 130, 133, 140).

Лук с двумя накладками имел среднюю (тип 11а) или короткую (тип 11б) рукоять, которая усиливалась только с боковых сторон. Он является упрощенной версией типа 8, за счет ликвидации срединной тыльной накладки. Раньше всего луки типа 11 появляются у тюрков во 2-й пол. V в. н.э. и в дальнейшем заимствуются многими народами Евразии, широко применяясь на протяжении всей эпохи раннего и в начале развитого средневековья (Худяков Ю.С., 1993, с. 134). На Алтае луки типа 11а обнаружены в тюркских памятниках 2-й пол. VII – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-79, 87, 89, 93, 97–99, 101, 103, 109, 112–113, 128), в одинцовском погребении VI – 1-й пол. VII вв. н.э. (табл. II.-28) и в сросткинском кургане 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. II.-104), а луки типа 11б встречены в тюркских памятниках 2-й пол. V – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-55, 79, 82, 91, 108, 125, 128) и в сросткинских памятниках 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. (табл. II.-40–42, 44, 53, 57, 66, 94, 109, 126, 129, 145, 148, 164, 172, 184, 209, 211). Исходя из хронологии можно отметить, что развитие типа 11 имело тенденцию к сокращению длины рукояти.

Лук с одной накладкой имел среднюю (тип 12а) или короткую (тип 12б) рукоять, которая усиливалась с тыльной стороны. Его происхождение связано с луками типа 8, путем отказа от срединных боковых накладок. Видимо, раньше всего луки типа 12 появились в Забайкалье, где они отмечаются в памятниках байырку IX–X вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, с. 27, рис. 10.-12–13, 15). На Алтае луки типа 12а найдены в горном и лесостепных памятниках XIII–XIV вв. н.э. (табл. I.-159; II.-243, 254, 268), а луки типа 12б – в комплексах сrostкинской культуры 2-й пол. X–XII вв. н.э. (табл. II.-157, 159, 166, 181, 203) и кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. (табл. II.-251, 262). Судя по датировкам, развитие типа 12 было направлено на увеличение длины рукояти.

Эволюция сложносоставных луков на Алтае в рассматриваемый период целиком связана с центрально-азиатским регионом. В эпоху «великого переселения народов» воины Алтая продолжали использовать луки хуннской традиции (типы 1, 2), которые, несмотря на различия в оформлении накладок, сохраняли исходные параметры и конструктивные элементы (рис. 22). Большие размеры этих сложносоставных луков и наличие трех зон жесткости (рога и рукоять) делали их дальнобойными и удобными для ведения прицельной стрельбы (Худяков Ю.С., 1993, с. 111).

На рубеже эпохи «великого переселения народов» и раннего средневековья на территории Горного Алтая появляется целая серия луков новых типов, которая ознаменовала собой становление тюркской традиции. Из них типы 3 и 4 завершали хуннскую линию развития, а тип 5 и типы 8 и 11 начинали две новых линии в разработке сложносоставных луков (рис. 22). Уменьшение размеров луков несколько сократило эффективную дистанцию выстрела, что могло быть обусловлено более массовым распространением доспеха (Горбунов В.В., 2003а, с. 99). Однако потребность в прицельном ведении боя, на достаточном от противника расстоянии, безусловно, сохранялась, для чего и продолжали использовать луки с тремя зонами жесткости (типы 3–5). Экземпляры с зоной жесткости только на рукояти (типы 8, 11), вероятно, предназначались для стрельбы по противнику с максимально близкой дистанции, когда было необходимо за меньшее время выпустить больше стрел (Худяков Ю.С., 1993, с. 140).

В конце эпохи раннего и начале развитого средневековья новые типы луков активно разрабатываются и осваиваются населением сrostкинской культуры Лесостепного Алтая. Так, тип 10 продолжает тюркскую линию развития луков с одной зоной жесткости, а тип 12 завершает ее. Луки типа 6 являются продолжением версии с тремя зонами жесткости (рис. 22). Основной арсенал сrostкинских воинов все же составляли луки типов 8 и 11, которые отличались от исходных тюркских, только оформлением накладок. Появление у сrostкинского населения типов 6 и 12, возможно, связано с влиянием кочевников Забайкалья и становлением монгольской традиции. Однако накладки этих луков явно имеют местные черты.

Эпоха развитого средневековья ознаменовалась для Алтая уже полным господством луков монгольской традиции. Продолжается применение типов 6 и 12, которые снабжаются характерными для монголов накладками и появляются новые типы 7 и 9 (рис. 22). По-прежнему сохраняется специализация луков по зонам жесткости, с ориентацией на прицельную (типы 6 и 7) и настильную (типы 9 и 12) стрельбу. В качестве общей тенденции можно отметить небольшое увеличение размеров луков, за счет удлинения рукояти.

На ряде изображений воинов-лучников с территории Алтая хорошо показан способ натяжения тетивы – до левой части груди (рис. 73.-11), что говорит о прицельной стрельбе профессиональным (неоптическим) способом (Горбунов В.В., 1998, с. 120).

Хранились и носились сложносоставные луки в специальных футлярах – налучьях, представление о которых дают главным образом изобразительные источники. Судя по

ним, воины Алтая использовали налучья двух типов. Первый состоял из длинного узкого чехла, «С»-видной формы с различными окончаниями (Горбунов В.В., 1998, с. 121), предназначенного для луков со снятой тетивой. Чехол мог закрываться наглухо, полностью скрывая лук (рис. 73.-6, 11), или имел разрез, из которого выглядывал верхний рог лука (рис. 73.-1–2). Вещественные остатки такого налучья, вероятно, обнаружены в булан-кобинском погребении на памятнике Кам-Тытугом. Здесь была найдена часть кожаного футляра, прошитого по длинным сторонам и снабженного петлей для подвешивания (Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А., 1998, рис. 2.-2). Налучья первого типа получили наибольшее распространение в эпоху «великого переселения народов» и раннем средневековье.

Второй тип налучья повторял форму половины лука с надетой тетивой, оставляя его другую половину открытой (Черемисин Д.В., 2004, рис. 13–14). Остатки подобного кожаного футляра, возможно, найдены в тюркском погребении на памятнике Калбак-Таш (Кубарев Г.В., 1992, с. 91). Налучья второго типа характерны для периода раннего и развитого средневековья.

Воины Алтая подвешивали лук в налучье, вместе с колчаном, к специальному стрелковому поясу, пристегивая его одним портупейным ремешком (Кубарев Г.В., 1998, с. 191). «С»-видные налучья располагались почти вертикально, с легким диагональным наклоном, выгнутой частью вперед или, гораздо реже, назад (Горбунов В.В., 1998, с. 121). Изобразительные материалы показывают, что налучья носились как с левой, так и с правой стороны пояса (Горбунов В.В., 2003а, рис. 34–35; Черемисин Д.В., 2004, рис. 1–14).

1.2. Стрелы

Стрела – это метательный снаряд колющего действия, предназначенный для поражения цели на дальней дистанции. Состоит из двух основных отдельных частей: поражающей – наконечник и несущей – древко (Худяков Ю.С., 1980, с. 75).

В средневековых памятниках Алтая вещественные остатки стрел найдены на 361 объекте. Обычно это железные наконечники и гораздо реже деревянные древки. Всего нами учтено 1862 наконечника стрел. Для шести колчаных наборов точное число стрел неизвестно (табл. I.-94; II.-36, 38, 63, 197, 248). На территорию Горного Алтая приходится 756 наконечников: 688 экз. из курганных погребений (табл. I.-1, 3–11, 14–16, 18–26, 29–34, 36, 38–44, 47, 49, 55–56, 58–64, 66–68, 70–71, 75, 78–79, 81–84, 87, 89–91, 93, 95–98, 101–104, 106–108, 110–113, 117, 120, 122, 125, 127–128, 131–133, 135, 138–154, 156–159), 25 экз. из скальных погребений (табл. I.-129, 155), 42 экз. из поминальных оградок (табл. I.-45–46, 48, 50, 52, 73–74, 85, 105, 115–116, 119) и 1 экз. с поселения (табл. I.-37). С территории Лесостепного Алтая происходит 1106 наконечников: 1063 экз. из курганных и грунтовых погребений (табл. II.-1–5, 7–16, 18–24, 26–34, 39–62, 65–68, 71–73, 75–88, 90–96, 98–118, 120–135, 137–140, 142–144, 146–160, 162–163, 165–170, 172–179, 181–182, 184–185, 187–196, 198–202, 204–206, 208–212, 216–217, 237–247, 249–250, 253, 255–268), 43 экз. – сборы и случайные находки (табл. II.-221–224, 235, 271, 274–277, 279–283).

В классификации использовано 1334 наконечника стрелы. Серию составили полные экземпляры, частично разрушенные наконечники, реконструируемые на основе сопоставления с целыми, а также исходя из логики формы и принципа симметрии изделия.

Для системного описания наконечников стрел их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления, разряд определяется способом насада наконечника на древко, раздел характеризует тело пера наконечника и его поперечное сечение, отдел устанавливает общий

силуэт пера в продольной плоскости и наличие острия, тип уточняет абрис пера и детали его оформления, вариант информирует о присутствии упора и его конструкции, а для ярусных наконечников дополнительно выявляет соотношение длины верхней и нижней частей пера.

Группа I. Железные. Все наконечники изготовлены из железа.

Разряд I. Черешковые. Наконечник вставляется в древко стрелы выступающим насадом, который сделан в виде круглого или граненого стержня.

Раздел I. Трехлопастные. Перо наконечника представляет собой тело, состоящее из трех лопастей, а его поперечное сечение имеет форму трехлучевой звезды.

Отдел I. Ярусные. Общий силуэт пера наконечника составляют две фигуры, переход между которыми образует ярус, выраженный плечиками-уступами и иногда выделенной шейкой.

Тип 1. Треугольные – асимметрично-ромбические. Верхняя часть пера по абрису напоминает треугольник, а нижняя часть – ромб, стороны которого преломляются ближе к острию. Часть наконечников этого типа имеет округлые прорезы в лопастях. Размеры пера: длина – 2,2–8 см, тах ширина – 1–3 см. **Вариант а** – без упора, с меньшим верхним ярусом (рис. 23.-34; 25.-2, 33). Лопасты пера наконечника – под небольшим прямым углом или плавно переходят в черешок. Длина верхней части пера меньше длины его нижней части. Всего 3 экз. из 3 наборов: Чендек, к. 2; Троицкий Елбан-I, м. 1; Ближние Елбаны-XVI, м. 5. **Вариант б** – с кольцевым упором и меньшим верхним ярусом (рис. 23.-1–2). Перо наконечника при переходе в черешок снабжено кольцом, приваренным под лопастями. Всего 4 экз. из 2 наборов: Дялян, к. 1; Яломан-II, к. 30 (3). **Вариант в** – без упора, с равным или большим верхним ярусом (рис. 24.-19–20). Длина верхней части пера равна или больше длины его нижней части. Всего 4 экз. из 2 наборов: Кок-Паш, к. 28, 29 (2), 39 (2). **Вариант г** – с кольцевым упором, с равным – большим верхним ярусом (рис. 23.-6; 24.-1, 3). Всего 5 экз. из 3 наборов: Дялян, к. 13 (3); Кок-Паш, к. 28; Яломан-II, к. 32.

Тип 2. Треугольные – шестиугольные. Форма верхней части пера, как у типа 1, а нижняя часть близка к шестиугольнику. Некоторые наконечники имеют округлые прорезы в лопастях. Размеры пера: 7,2–9,8х1,8–3,5 см. **Вариант а** – без упора, с равным – большим верхним ярусом. Всего 1 экз. из 1 набора: Кок-Паш, к. 28. **Вариант б** – с кольцевым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 24.-2, 4, 23). Всего 3 экз. из 2 наборов: Дялян, к. 13 (2); Кок-Паш, к. 28. **Вариант в** – с шайбовым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 30.-1; 31.-41). Перо при переходе в черешок снабжено монолитным упором, высота которого меньше или равна его ширине. Всего 2 экз. из 2 наборов: Сростки-I, к. 6; Гилево-XII, к. 1.

Тип 3. Треугольные – пятиугольные. Форма верхнего яруса аналогична типу 1, а нижнего яруса напоминает пятиугольник. Размеры пера: 8,4х3,5 см. **Вариант а** – с шайбовым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 30.-2). Всего 1 экз. из 1 набора: Сростки-I, к. 2.

Тип 4. Вытянуто-ромбические – асимметрично-ромбические. Форма верхней части пера похожа на ромб, у которого стороны преломляются ближе к основанию, а нижняя часть аналогична типу 1. Размеры пера: 3–9,6х1–2,8 см. **Вариант а** – без упора, с меньшим верхним ярусом (рис. 23.-3; 26.-1). Всего 2 экз. от 2 наборов: Яломан-II, к. 32; Яконур, к. 5. **Вариант б** – без упора, с равным – большим верхним ярусом (рис. 24.-21; 25.-3, 22). Всего 11 экз. из 6 наборов: Кок-Паш, к. 12 (3), 29, 39; Татарские Могилки, м. 1959 г. (4); Троицкий Елбан-I, м. 1969 г., м. 1. **Вариант в** – с кольцевым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 23.-7–9). Всего 23 экз. из 2 наборов: Яломан-II, к. 30 (4), 31 (19).

Тип 5. Вытянуто-ромбические – шестиугольные. Верхняя часть пера аналогична типу 4, а нижняя – типу 2. Многие наконечники имеют прорезы в лопастях: округлые, овальные, каплевидные, в виде запятой и цветка-трилистника. Размеры пера: 5–7,8х1,4–2,4 см. **Вариант а** – без упора, с равным – большим верхним ярусом (рис. 23.-23; 24.-22; 25.-31). Всего 3 экз. из 3 наборов: Верх-Уймон, к. 13; Кок-Паш, к. 28; Комарово-5, м. **Вариант б** – с кольцевым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 25.-4, 10–13). Всего 10 экз. из 2 наборов: Ераска, м. (9), Троицкий Елбан-I, м. 1.

Тип 6. Шестиугольные – асимметрично-ромбические. Размеры: 5,8–6,6х1,5–2,1 см. Форма верхней части пера напоминает шестиугольник, а нижняя часть, как у типа 1. **Вариант а** – с кольцевым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 23.-10–11; 25.-9). Всего 4 экз. из 2 наборов: Яломан-II, к. 31(3); Ераска, м.

Тип 7. Пятиугольные – асимметрично-ромбические. Верхняя часть пера близка к пятиугольнику, а нижняя аналогична типу 1. Размеры пера: 6–11х1,8–5,8 см. **Вариант а** – без упора, с меньшим верхним ярусом (рис. 23.-4, 24; 25.-14). Всего 4 экз. от 3 наборов: Верх-Уймон, к. 12(2); Яломан-II, к. 32; Чекановский Лог-9, м. **Вариант б** – с кольцевым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 25.-34; 29.-1). Всего 5 экз. из 4 наборов: Дялян, к. 13; Яломан-II, к. 33, м. 2 (2); Ближние Елбаны-XVI, м. 7; Иня-1, к. 17, м. 3.

Тип 8. Пятиугольные – пятиугольные. Форма верхней и нижней частей пера соответствуют обратно повернутым пятиугольным фигурам. Размеры пера: 4–6х2,4–3,2 см. **Вариант а** – без упора, с меньшим верхним ярусом (рис. 23.-5; 25.-25). Всего 3 экз. от 2 наборов: Яломан-II, к. 32 (2); Ближние Елбаны-XIV, к.с.

Отдел II. Геометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника близок к какой-либо геометрической фигуре.

Тип 9. Треугольные. Форма пера наконечника напоминает треугольную фигуру. Часть наконечников имеет округлые прорезы в лопастях. Размеры пера: 3–9,4х1,4–3,1 см. **Вариант а** – без упора (рис. 23.-12; 24.-24–25; 26.-12). Всего 4 экз. из 4 наборов: Кок-Паш, к. 12, 39; Яломан-II, к. 30; Бичинег, ог. 2. **Вариант б** – с лопастным упором (рис. 25.-1, 26). Перо наконечника, при переходе в черешок, снабжено трехлопастной шейкой. Всего 4 экз. из 3 наборов: Обские Плесы-II, м. 2; Ближние Елбаны-XIV, к. с.; Малая Угренева, сб (2). **Вариант в** – с кольцевым упором (рис. 25.-35–36; 26.-2, 11, 18–19; 27.-1, 5, 9). Всего 12 экз. из 8 наборов: Бичинег, ог. 2; Яконур, к. 5; Кудыргэ, м. 5 (2), к. 18; Тыткескень-VI, к. 10 (3); Большой Курманак, ог. А-1; Горный-10, м. 1, 21 (2). **Вариант г** – с шайбовым упором (рис. 27.-13, 16, 20, 24, 29; 28.-1, 3, 14, 17–19, 32; 29.-2, 22; 30.-3, 15–16, 21; 31.-20, 44–45; 32.-7; 33.-3, 16, 29; 36.-17). Всего 84 экз. из 42 наборов: Бике-I, к. 9; Бирюзовая Катунь-1, к.; Горно-Алтайск, к.; Катанда-II, к. 4; Катанда-3, к. 1 (2); Курай-V, к. 1 (3); Талдуайр-I, к. 6 (2); Талдура-1, к. 2, ог. 2 (2); Тыткескень-VI, к. 1 (2); Ябоган-I, к. 1 (3); Кер-Кечу, ог. А-2 (2); Сары-Коба-II, ог. Г; Курай-IV, к. 1 (2); Узунтал-I, к. 2 (4); Пазырык, к. 5; Ближние Елбаны-V, м. 6 (2); Иня-1, к. 25, м. 1; Белый Камень, к. 1 (6), к. 3 (2); Гилево-II, к. 3; Коловый Мыс, к. (3); Кураевка-I, к. 1; Сростки-I, к. 2 (2), 5, 6; Хабазино-4, м. (2); Чинета-II, к. 7 (2), к. 8; Гилево-XIII, к. 5 (8); Ивановка-III, к. 1 (5); Кайгородка-V, к. 2; Корболиха-VIII, к. 3; Кучук-I, к. 6, м. 1; Павловка-I, к. 2, 3 (3); Филин-I, к. 1 (2); Ильинка, м. 3; Чинета-II, к. 12 (2), к. 13; Яконур, к. 1, м. Е (3); Песчаное, сб. **Вариант д** – с цилиндрическим упором (рис. 29.-3–4; 30.-22, 49; 32.-1, 3). Перо при переходе в черешок снабжено монолитным упором, высота которого больше его ширины. Всего 9 экз. из 8 наборов: Иня-1, к. 21, м. 3 (2); Белый Камень, к. 1, 3; Кураевка-I, к. 1; Чинета-II, к. 7; Корболиха-III, к. 2 (2); Корболиха-VIII, к. 3; Кучук-I, к. 6, м. 1.

Тип 10. Асимметрично-ромбические. Перо имеет форму ромба, у которого стороны преломляются ближе к острию. Некоторые наконечники снабжены округлыми прорезами

в лопастях. Размеры пера: 3–6,4х1–3,2 см. **Вариант а** – без упора (рис. 23.-25–26; 24.-6–7, 17, 28–29; 26.-17). Всего 36 экз. из 18 наборов: Верх-Еланда-II, к. 10 (3); Верх-Уймон, к. 5 (2), 9, 11 (2), 12, 13 (3); Дялян, к. 1 (3), 3, 7, 13 (4); Кок-Паш, к. 10, 14, 15, 28 (3), 29 (4), 40, 41; Булан-Кобы-IV, ог. 6 (3). **Вариант б** – с кольцевым упором (рис. 23.-16–17). Всего 24 экз. из 4 наборов: Яломан-II, к. 30 (5), 31 (6), 32 (5), 33, м. 2 (8). **Вариант в** – с шайбовым упором (рис. 29.-7–8, 30, 35; 30.-17, 32, 46; 31.-33; 32.-8; 33.-4–5, 11, 13, 26; 34.-1). Всего 102 экз. из 33 наборов: Иня-1, к. 2, м. 2, к. 15, 17, м. 3 (2), к. 20, м. 1, к. 21, м. 1, 3 (2), к. 25, м. 1, к. 27, м. 1 (2), к. 29; Быково-IV, к. 5 (5); Гилево-II, к. 3 (7); Гилево-III, к. 5 (2); Ивановка-XX, к. 4; Коловый Мыс, к. (2); Корболиха-II, к. 7 (2); Корболиха-VIII, к. 4 (18); Кураевка-I, к. 1 (3); Новофирсово-VII, к. 3, м. 1 (8); Солоновка, к. 1 (2); Сростки-I, к. 2 (2); Чинета-II, к. 7; Гилево-VII, к. 4, м. 2 (5); Гилево-XIII, к. 1, 5, 15, м. 1(2); Павловка-I, к. 2 (2); Бажынты, к. 19; Коргон-I, к. 8 (3); Яконур, к. 1, м. Е (10), м. G (6); Гилево-III, к. 10 (2), к. 12 (3); Верх-Еланда-I, к. 1.

Тип 11. Ромбические. Перо наконечника имеет форму ромба, стороны которого преломляются примерно посередине. Некоторые наконечники имеют округлые и сегментные прорезы в лопастях. Размеры: 2,4–8,6х1,1–3,8 см. **Вариант а** – без упора (рис. 23.-14–15, 33; 24.-5, 13, 26; 25.-15). Всего 20 экз. из 12 наборов: Верх-Уймон, к. 13; Дялян, к. 13 (3); Кок-Паш, к. 27, 28 (3), 29 (2), 39, 41, 55; Усть-Бийке-III, к. 4; Яломан-II, к. 30 (4), 31; Чекановский Лог-9, м. **Вариант б** – с кольцевым упором (рис. 26.-4). Всего 1 экз. из 1 набора: Усть-Бийке-III, к. 6. **Вариант в** – с шайбовым упором (рис. 27.-11; 28.-26; 29.-5; 30.-23, 34, 47; 31.-1, 30, 34; 32.-13; 33.-6, 17–18, 27, 30–33). Всего 75 экз. из 28 наборов: Кара-Коба-I, к. 85; Ябоган-I, к. 1; Джолин-I, к. 9; Балтарган, м.; Иня-1, к. 3, м. 1, к. 25, м. 1; Белый Камень, к. 1 (10), к. 3; Гилево-IV, к. 1; Гилево-V, к. 5 (3), к. 6; Гилево-VI, к. 5 (3); Гилево-XIV, к. 3, м. 1 (2); Корболиха-X, к. 7 (3); Солоновка, к. 1 (2); Сростки-I, к. 1; Гилево-VII, к. 1 (2); Гилево-VII, к. 4, м. 2 (8); Ивановка-III, к. 1 (7); Поповская Дача, к., м. 4; Шадринцево-1, к. 1, м. 1, 2; Щепчиха-1, к. 3 (2); Змеевка, к. 5 (2); Чинета-II, к. 12 (7), 13 (7); Яконур, к. 1, м. Е; Гилево-III, к. 12 (3). **Вариант г** – с цилиндрическим упором (рис. 24.-27; 29.-6; 30.-48, 50; 31.-17; 32.-29; 33.-15). Всего 11 экз. из 7 наборов: Кок-Паш, к. 28; Иня-1, к. 21, м. 3; Корболиха-X, к. 7 (5); Кураевка-I, к. 1; Поповская Дача, к., м. 4; Татарские Могилки, м. 4; Чинета-II, к. 12.

Тип 12. Вытянуто-ромбические. Размеры: 2,1–8,5х1,2–4,4 см. Форма пера похожа на ромб, у которого стороны преломляются ближе к основанию. Некоторые экземпляры имеют округлые прорезы в лопастях. **Вариант а** – без упора (рис. 25.-5, 27, 37; 26.-20). Всего 10 экз. из 5 наборов: Троицкий Елбан-I, м. 1; Ближние Елбаны-XIV, м. 2 (4), 31 (2); Кудыргэ, к. 2; Горный-10, м. 21 (2). **Вариант б** – с кольцевым упором (рис. 26.-5). Всего 1 экз. из 1 набора: Усть-Бийке-III, к. 5. **Вариант в** – с шайбовым упором (рис. 28.-15–16; 29.-34; 30.-52; 31.-2, 35, 42, 47; 33.-1, 7, 10; 34.-2). Всего 29 экз. из 17 наборов: Узунтал-I, к. 2 (4); Ивановка-XX, к. 4 (2); Чинета-II, к. 7; Гилево-VII, к. 4, м. 2; Гилево-XII, к. 1 (2); Гилево-XIII, к. 5; Ивановка-III, к. 2 (5); Шадринцево-1, к. 1, м. 2; Щепчиха-1, к. 3; Змеевка, сб.; Баюновские Зори, с.н.; Фоминское, сб.; Кок-Эдиган, к. 1; Коргон-I, к. 8; Яконур, к. 1, м. Е (3), м. G (2); Верх-Еланда-I, к. 1. **Вариант г** – с цилиндрическим упором (рис. 30.-43; 31.-21). Всего 9 экз. из 4 наборов: Корболиха-VIII, к. 8 (3); Ивановка-III, к. 1; Кайгородка-V, к. 2 (3); Филин-I, к. 1 (2).

Тип 13. Шестиугольные. Перо наконечника имеет форму, близкую к шестиугольной фигуре. Часть наконечников снабжена округлыми прорезями в лопастях. Размеры пера: 2,6–8х1,3–3,6 см. **Вариант а** – без упора (рис. 23.-18, 27–28; 24.-8, 16, 30–31; 25.-23–24; 26.-13–15). Всего 42 экз. из 19 наборов: Верх-Еланда-II, к. 10; Верх-Уймон, к. 11, 13 (2);

Дялян, к. 7, 13 (3); Кок-Паш, к. 10 (2), 27 (2), 28 (3), 29, 36 (4), 39 (2); Яломан-II, к. 30 (2), 33, м. 2 (2); Татарские Могилки, м. 4 (7); Бичинег, ог. 1; Боротал, к. 82 (5); Кок-Паш, ог. А-2; Ороктой, к. 1; Осинки, м. 23. **Вариант б** – с кольцевым упором (рис. 25.-38-39; 26.-6, 21; 27.-2). Всего 16 экз. из 8 наборов: Верх-Еланда-I, к. 4 (2); Усть-Бийке-III, к. 5; Кудыргэ, к. 9 (3), 11, 18, 22; Тыткескень-VI, к. 10 (3); Горный-10, м. 21 (4). **Вариант в** – с шайбовым упором (рис. 27.-12, 23, 25, 30; 28.-4, 20-21; 29.-9; 30.-39, 51; 31.-3-4, 31; 33.-8). Всего 61 экз. из 25 наборов: Ак-Кообы, к. (5); Бике-I, к. 9; Горно-Алтайск, к. (2); Кара-Коба-I, к. 85 (3); Катанда-II, к. 4; Курай-V, к. 1 (3); Талдуаир-I, к. 6 (3); Тыткескень-VI, к. 1 (4); Ябоган-I, к. 1 (10); Джолин-I, к. 9 (3); Кер-Кечу, ог. А-1, А-2; Курай-IV, к. 1 (2); Иня-1, к. 28, м. 1 (4); Чингис-2, к. 3, м. 1, к. 7 (2); Гилево-XIV, к. 1; Дмитротитово, к. (5); Сростки-I, к. 2 (2), раск. Копытова (2); Гилево-VII, к. 1; Шадринцево-1, к. 1, м. 3, к. 3; Новенькое, сб.; Яконур, к. 1, м. Е.

Тип 14. Пятиугольные. Перо наконечника по абрису напоминает пятиугольную фигуру. Часть наконечников снабжена округлыми прорезями в лопастях. Размеры: 2,5-7х1,8-3,8 см. **Вариант а** – без упора (рис. 24.-9-10). Всего 3 экз. из 3 наборов: Дялян, к. 1, 3, 13. **Вариант б** – с кольцевым упором (рис. 23.-19; 26.-22; 27.-3). Всего 3 экз. из 3 наборов: Яломан-II, к. 30; Кудыргэ, к. 11; Тыткескень-VI, к. 10. **Вариант в** – с шайбовым упором (рис. 27.-14, 21-22, 26, 31; 28.-5-6, 23-25, 27; 29.-10-12, 29; 32.-9, 18; 33.-14, 28; 34.-3). Всего 34 экз. из 23 наборов: Бирюзовая Катунь-1, к.; Горно-Алтайск, к.; Кара-Коба-II, к. 13; Катанда-3, к. 1; Талдуаир-I, к. 6 (2); Талдура-1, к. 2, ог. 2 (3); Тыткескень-VI, к. 1 (3); Чоба-7, к. 1; Джолин-I, к. 9; Кер-Кечу, ог. А-1 (2), А-2 (2); Курай-IV, к. 1 (4); Балтарган, м.; Иня-1, к. 9, м. 2, к. 16, м. 1 (2); Чингис-2, к. 1; Быково-IV, к. 5; Павловка-I, к. 2; Поповская Дача, к., м. 4; Гилево-III, к. 10, 12; Верх-Еланда-I, к. 1.

Отдел III. Негеометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника напоминает фигуру на ассоциативном уровне.

Тип 15. Листовидные. Перо наконечника напоминает растительный лист и составляет фигуру, у которой боковые стороны сходятся по дуге, образуя острие. Некоторые наконечники имеют округлые прорези в лопастях. У одного экземпляра в основании пера имеются шипы. Размеры пера: 2-5,8х1-2,2 см. **Вариант а** – без упора (рис. 23.-29-30; 24.-11; 25.-6, 16-17, 28; 26.-23, 26). Всего 14 экз. из 10 наборов: Верх-Уймон, к. 4, 9; Дялян, к. 3 (3), 13; Ближние Елбаны-XIV, м. 40; Троицкий Елбан-I, м. 1969 г.; Чекановский Лог-9, м. (2); Кара-Коба-I, к. 8; Кудыргэ, к. 9, 11 (2). **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 27.-15; 30.-4, 27). Всего 31 экз. из 18 наборов: Катанда-3, к. 1 (2); Ближние Елбаны-V, м. 6; Иня-1, к. 4, м. 1; Чингис-2, к. 3, м. 1; Гилево-V, к. 5 (5), 6 (5); Грязново-IV, к. 1; Ивановка-XX, к. 1; Корболиха-II, к. 4; Корболиха-VIII, к. 8; Корболиха-X, к. 4, м. 2; Гилево-VII, к. 9; Гилево-XII, к. 2, 4, м. 1 (2); Гилево-XIII, к. 5; Ивановка-III, к. 1 (2); Кайгородка-V, к. 2 (2); Кучук-I, к. 6, м. 1; Павловка-I, к. 3. **Вариант в** – с цилиндрическим упором (рис. 24.-32; 29.-23). Всего 7 экз. из 5 наборов: Кок-Паш, к. 29; Ближние Елбаны-V, м. 6; Гилево-IV, к. 1; Сростки-I, к. 1, 2 (3).

Тип 16. Килевидные. Перо наконечника напоминает киль корабля и составляет фигуру с параллельными боковыми сторонами, плавно сходящимися к острию. Размеры пера: 2,2-8,2х1,2-2,2 см. **Вариант а** – без упора (рис. 24.-33-34). Всего 7 экз. из 4 наборов: Кок-Паш, к. 12, 28 (2), 29 (3), 39. **Вариант б** – с кольцевым упором (рис. 23.-20; 26.-9, 24). Всего 7 экз. из 5 наборов: Яломан-II, к. 30; Усть-Бийке-III, к. 5; Кудыргэ, к. 2, 5 (3), 22. **Вариант в** – с шайбовым упором (рис. 27.-8, 27, 32; 28.-2, 7, 22, 28; 29.-13-14; 30.-5, 33; 31.-5, 14, 22, 32, 36; 32.-23; 33.-9, 19; 34.-4-5). Всего 77 экз. из 38 наборов: Горно-Алтайск, к.; Курай-V, к. 1; Талдуаир-I, к. 6; Талдура-1, ог. 2 (2); Узунтал-V, к. 2; Чоба-7, к. 1; Джолин-I,

к. 9 (2); Кер-Кечу, ог. А-1, А-2 (3); Сары-Коба-II, ог. Г; Курай-IV, к. 1 (2); Балтарган, м. (2); Иня-1, к. 16, м. 1, к. 25, м. 1 (2), к. 28, м. 1; Гилево-III, к. 5 (2); Гилево-V, к. 5 (2), к. 6; Гилево-XIV, к. 1; Солоновка, к. 1 (2); Сростки-I, к. 2 (7), 5, 2 (6), 5; Ближние Елбаны-VII, м. 78 (2); Гилево-VII, к. 1 (2); Гилево-VII, к. 4, м. 2 (6); Гилево-VII, к. 9; Гилево-XII, к. 2; Гилево-XIII, к. 6; Займише, к. 7, м. 4; Филин-I, к. 1 (2); Шадринцево-1, к. 1, м. 3 (2); Барчиха, к., м. 2; Фоминское, сб. (3); Чинета-II, к. 12 (3); Яконур, к. 1, м. Е (5); Верх-Еланда-I, к. 1 (2).

Вариант г – с цилиндрическим упором (рис. 29.-15). Всего 5 экз. из 2 наборов: Иня-1, к. 21, м. 3 (4), к. 29.

Отдел IV. Геометрические срезни. Силуэт пера наконечника не имеет выраженного острия.

Тип 17. Четырехугольные. Перо наконечника представляет собой четырехугольную фигуру. Часть экземпляров снабжена округлыми отверстиями в лопастях. Размеры: 3,2–6,5х2,8–4,8 см. **Вариант а** – с кольцевым упором (рис. 26.-3, 7–8; 27.-4, 6–7). Всего 8 экз. из 6 наборов: Усть-Бийке-III, к. 5, 6 (2); Яконур, к. 5; Нижняя Сору, ог. В-3, Г-1; Тыткескен-VI, к. 10 (2).

Тип 18. Арочные. Перо наконечника представляет собой фигуру, близкую по абрису к сектору круга, дуга которого сильно вытянута и похожа на параболу или арку. Размеры: 4–5,4х3,2–4,5 см. **Вариант а** – с кольцевым упором (рис. 26.-10, 25). Всего 4 экз. из двух наборов: Усть-Бийке-III, к. 5; Кудыргэ, к. 11 (3).

Раздел II. Трехгранно-трехлопастные. Перо наконечника представляет собой тело, верхняя часть которого является трехгранником, а нижняя часть раскована на три лопасти. Поперечное сечение острия пера имеет форму треугольника, а остальной части – форму трехлучевой звезды.

Отдел I. Ярусные.

Тип 19. Пятиугольные – асимметрично-ромбические. Форма пера, как у типа 7. Лопастни нижнего яруса снабжены округлыми прорезями. Размеры пера 5,8х2,8 см. **Вариант а** – без упора, с равным – большим верхним ярусом (рис. 23.-22). Всего 1 экз. из 1 набора: Яломан-II, к. 31.

Тип 20. Пятиугольные – шестиугольные. Форма верхнего яруса аналогична типу 7, а нижнего яруса – типу 2. Размеры пера: 3,1х1,5 см. **Вариант а** – с кольцевым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 24.-14). Всего 1 экз. из 1 набора: Усть-Бийке-III, к. 4.

Тип 21. Пятиугольные – четырехугольные. Форма верхней части пера аналогична типу 7, а нижняя часть напоминает четырехугольную фигуру, основание которой оформлено треугольными шипами. Размеры пера: 6,6х3 см. **Вариант а** – без упора, с равным – большим верхним ярусом (рис. 24.-35). Всего 1 экз. из 1 набора: Кок-Паш, к. 29.

Тип 22. Килевидные – шестиугольные. Верхний ярус пера имеет килевидную форму, а нижний ярус – как у типа 2. Размеры пера: 5,2х1,4–1,8 см. **Вариант а** – с шайбовым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 32.-30). Всего 2 экз. из 2 наборов: Татарские Могилки, м. 4, к.с.

Отдел II. Геометрические, заостренные.

Тип 23. Треугольные. Форма пера аналогична типу 9. Размеры пера: 2,6–7,4х1,5–1,9 см. **Вариант а** – с лопастным упором (рис. 23.-13; 25.-18–19). Всего 3 экз. из двух наборов: Яломан-II, к. 30; Чекановский Лог-9, м. (2). **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 28.-8; 33.-20, 22). Всего 3 экз. из 2 наборов: Кер-Кечу, ог. А-2; Чинета-II, к. 12 (2).

Тип 24. Асимметрично-ромбические. Форма пера аналогична типу 10. Размеры пера: 4х1,2 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 31.-6). Всего 4 экз. из 2 наборов: Шадринцево-1, к. 1, м. 2; Чинета-II, к. 10 (3).

Тип 25. Ромбические. Форма пера аналогична типу 11. Размеры пера: 3,4–4,6х1–1,9 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 28.-9, 29–30; 33.-21, 34–35). Всего 22 экз. из 6 наборов: Кер-Кечу, ог. А-1, А-2; Балтарган, м. (14); Змеевка, сб. (2); Чинета-II, к. 12, 13 (3).

Тип 26. Шестиугольные. Форма пера аналогична типу 13. Размеры пера: 4,2х1,3 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 32.-31). Всего 1 экз. из 1 набора: Татарские Могилки, м. 4.

Отдел III. Негеометрические, заостренные.

Тип 27. Килевидные. Форма пера аналогична типу 16. Размеры пера: 4,8–5,6х1,2–1,4 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 34.-6, 10). Всего 2 экз. из 2 наборов: Верх-Еланда-I, к. 1; Элекманар, к. 17.

Раздел III. Трехгранные. Перо наконечника представляет собой трехгранное тело, в поперечном сечении имеющее форму треугольника.

Отдел II. Геометрические, заостренные.

Тип 28. Треугольные. Форма пера аналогична типу 9. Размеры пера: 2–3,2х0,9–1,8 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 26.-27; 30.-18; 31.-7). Всего 7 экз. из 6 наборов: Кудыргэ, к. 5; Гилево-II, к. 3; Гилево-XIV, к. 3, м. 1; Чинета-II, к. 7; Кучук-I, к. 6, м. 1; Шадринцево-1, к. 1, м. 3 (2). **Вариант б** – с цилиндрическим упором (рис. 24.-15; 29.-31; 31.-19, 37, 47; 32.-2, 4, 10, 19; 33.-36). Всего 21 экз. из 16 наборов: Усть-Бийке-III, к. 4; Катанда-II, к. 1 (2); Гилево-XIV, к. 3, м. 1; Комаришинский Карьер, к.; Новофирсово-VII, к. 3, м. 2; Сростки-I, раск. Копытова; Чинета-II, к. 7; Гилево-VII, к. 4, м. 2; Гилево-XIII, к. 4, м. 1, к. 5 (2); Грань, к.; Корболиха-V, к. 1 (2); Корболиха-VIII, к. 3; Павловка-I, к. 2 (2); Ближние Елбаны-IX, к. 1; Чинета-II, к. 13 (2).

Тип 29. Асимметрично-ромбические. Форма пера аналогична типу 10. Размеры пера: 4–5,2х1–2 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 29.-24, 32; 31.-26, 38, 43; 32.-24; 33.-12). Всего 26 экз. из 14 наборов: Ближние Елбаны-V, м. 6; Гилево-II, к. 3; Гилево-XIV, к. 3, м. 1 (3); Коловый Мыс, к.; Комаришинский Карьер, к. (2); Корболиха-VIII, к. 4 (7); Хлеборобный Елбан-I, к. 1, м. 1; Гилево-VII, к. 4, м. 2; Гилево-XII, к. 1; Степной Кучук-1, к. 1 (2); Щепчиха-1, к. 3; Барчиха, к., м. 2; Коргон-I, к. 8; Чинета-II, к. 10 (3).

Тип 30. Ромбические. Форма пера аналогична типу 11. Размеры пера: 2х1,2 см. **Вариант а** – без упора (рис. 28.-10). Всего 1 экз. из 1 набора: Кер-Кечу, ог. А-1. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 31.-39, 48; 32.-25). Всего 10 экз. из 7 наборов: Гилево-VII, к. 4, м. 2; Гилево-XIII, к. 5, 15, м. 1; Ивановка-III, к. 1 (2); Щепчиха-1, к. 3, 4 (3); Барчиха, к., м. 2.

Тип 31. Вытянуто-ромбические. Форма пера аналогична типу 12. Размеры пера: 2,7–3,8х0,9–1,6 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 31.-8; 32.-14). Всего 3 экз. из 3 наборов: Шадринцево-1, к. 1, м. 2; Змеевка, к. 3, м. 1, к. 5. **Вариант б** – с цилиндрическим упором (рис. 31.-9, 27). Всего 4 экз. из 3 наборов: Ивановка-III, к. 1 (2); Шадринцево-1, к. 1, м. 3; Щепчиха-1, к. 3.

Отдел III. Негеометрические, заостренные.

Тип 32. Листовидные. Форма пера аналогична типу 15. Размеры пера: 2,2–2,4х1 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 27.-19; 30.-6, 38; 32.-26). Всего 19 экз. из 14 наборов: Катанда-3, к. 1; Гилево-IV, к. 1; Гилево-IX, к. 18; Гилево-XIV, к. 1; Ивановка-XX, к. 1; Корболиха-X, к. 5, м. 1 (3); Сростки-I, к. 5 (2), 11; Гилево-XII, к. 2, 4, м. 1; Кучук-I, к. 6, м. 1; Павловка-I, к. 3 (2); Щепчиха-1, к. 1 (2); Барчиха, к., м. 2. **Вариант б** – с цилиндрическим упором (рис. 24.-36; 31.-29). Всего 5 экз. из 2 наборов: Кок-Паш, к. 39; Щепчиха-1, к. 3 (4).

Тип 33. Килевидные. Форма пера аналогична типу 16. Размеры пера: 3,2–5,8х1,4–1,8 см. **Вариант а** – без упора (рис. 23.-21). Всего 2 экз. из 1 набора: Яломан-II, к. 30 (2). **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 29.-25, 33, 36; 30.-7, 37). Всего 26 экз. из 14 наборов: Катанда-II, к. 1 (2); Ближние Елбаны-V, м. 6; Гилево-II, к. 3 (2); Гилево-IX, к. 18; Ивановка-XX, к. 4; Комаришинский Карьер, к. (2); Корболиха-VIII, к. 4 (6); Сростки-I, к. 5 (2); Хабазино-4, м. (4); Гилево-XII, к. 1; Гилево-XII, к. 2; Гилево-XIII, к. 15, м. 2; Павловка-I, к. 2; Малая Угренева, сб. **Вариант в** – с цилиндрическим упором (рис. 31.-28). Всего 2 экз. из 2 наборов: Щепчиха-1, к. 3; Змеевка, к. 1, м. 4.

Раздел IV. Четырехгранные. Перо наконечника представляет собой четырехгранное тело, имеющее в поперечном сечении форму ромба, квадрата или прямоугольника.

Отдел II. Геометрические, заостренные.

Тип 34. Треугольные. Форма пера аналогична типу 9. Размеры пера: 1,6–6,4х0,9–2,2 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 29.-17, 27; 30.-29; 33.-2; 36.-24). Всего 6 экз. из 6 наборов: Иня-1, к. 2, м. 1, к. 16, м. 1; Гилево-V, к. 5; Грязново-III, к. 3, м. 1; Кок-Эдиган, к. 1; Усть-Ануй «Пески», сб. **Вариант б** – с цилиндрическим упором (рис. 30.-8–9, 30; 31.-49; 32.-32; 33.-37; 34.-11). Всего 12 экз. из 10 наборов: Гилево-V, к. 5; Сростки-I, к. 1 (2); Гилево-XIII, к. 5, 6; Грань, к.; Ближние Елбаны-IX, к. 2, м. 3; Татарские Могилки, к.с.; Фоминское, сб.; Чинета-II, к. 13 (2); Ак-Алаха, к. 1.

Тип 35. Асимметрично-ромбические. Форма пера аналогична типу 10. Размеры пера: 4–8х0,9–2,2 см. **Вариант а** – без упора (рис. 28.-11). Всего 1 экз. из 1 набора: Кер-Кечу, ог. А-1. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 29.-18–19, 28; 30.-24, 36). Всего 12 экз. из 10 наборов: Иня-1, к. 2, м. 1, к. 7, 16, м. 1, к. 17, м. 3, к. 21, м. 3, к. 27, м. 1 (3), м. 4; Белый Камень, к. 1; Гилево-VI, к. 5; Грязново-II, к. 2, м. 2.

Тип 36. Ромбические. Форма пера аналогична типу 11. Размеры пера: 1,2–5,8х1,1–2,1 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 27.-34; 30.-35; 31.-24; 35.-27; 36.-12). Всего 7 экз. из 6 наборов: Горно-Алтайск, к.; Гилево-II, к. 3; Гилево-VI, к. 5 (2); Прудской, к. 6, м. 1; Старый Монастырь, сб.; Страшный Яр, сб. **Вариант б** – с цилиндрическим упором (рис. 27.-10; 30.-28, 40; 32.-20; 33.-41). Всего 6 экз. из 6 наборов: Большой Курманак-1, ог. А-1; Гилево-II, к. 3; Гилево-XIV, к. 3, м. 1; Сростки-I, раск. Копытгова; Ближние Елбаны-IX, к. 1; Ак-Таш, к. 27.

Тип 37. Вытянуто-ромбические. Форма пера аналогична типу 12. Размеры пера: 2,4–5х1–2 см. **Вариант а** – без упора. Всего 3 экз. из 3 наборов: Ак-Кообы, к.; Нечунаевский Елбан-II, м. 1, 2. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 27.-28; 30.-20; 31.-51). Всего 3 экз. из 3 наборов: Талдуair-I, к. 6; Чинета-II, к. 8; Новенькое, сб. **Вариант в** – с цилиндрическим упором (рис. 27.-33; 33.-40). Всего 5 экз. из 4 наборов: Горно-Алтайск, к.; Кучук-I, к. 6, м. 1 (2); Малая Угренева, сб.; Чинета-II, к. 1.

Тип 38. Шестиугольные. Форма пера аналогична типу 13. Размеры пера: 2,2–4,7х1–1,5 см. **Вариант а** – с кольцевым упором (рис. 26.-16). Всего 1 экз. из 1 набора: Боротал, к. 82. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 28.-12). Всего 1 экз. из 1 набора: Кер-Кечу, ог. А-1.

Отдел III. Негеометрические, заостренные.

Тип 39. Листовидные. Форма пера аналогична типу 15. Размеры пера: 1,5–3,6х0,8–1,4 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 30.-10, 31; 31.-23; 33.-38). Всего 4 экз. из 4 наборов: Гилево-V, к. 5; Сростки-I, к. 1; Филин-I, к. 1; Чинета-II, к. 13. **Вариант б** – с цилиндрическим упором (рис. 27.-17–18; 30.-11, 19). Всего 4 экз. из 3 наборов: Катанда-3, к. 21 (2); Сростки-I, к. 1; Чинета-II, к. 7.

Тип 40. Килевидные. Форма пера аналогична типу 16. Размеры пера: 2,4–8х0,6–1,5 см. **Вариант а** – без упора (рис. 24.-37). Всего 9 экз. из 2 наборов: Кок-Паш, к. 12 (4),

28 (5). **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 29.-20; 30.-14; 31.-10; 32.-5). Всего 10 экз. из 7 наборов: Иня-1, к. 7; Сростки-I, к. 1 (2); Займище, к. 7, м. 4 (2); Корболиха-VIII, к. 3; Прудской, к. 6, м. 1 (2); Степной Кучук-1, к. 1; Шадринцево-1, к. 1, м. 1. **Вариант в** – с цилиндрическим упором (рис. 30.-12; 31.-50). Всего 2 экз. из 2 наборов: Сростки-I, к. 1; 552 разъезд, сб.

Отдел IV. Геометрические срезни.

Тип 41. Шестиугольные. Форма пера аналогична типу 13. Размеры пера: 1,4–2,4х1–1,2 см. **Вариант а** – с цилиндрическим упором (рис. 32.-33–34). Всего 2 экз. от 2 наборов: Татарские Могилки, м. 4, к.с.

Тип 42. Четырехугольные. Форма пера аналогична типу 17. Размеры пера: 0,8–4,8х0,9–1,2 см. **Вариант а** – без упора (рис. 23.-31; 24.-12, 38). Всего 9 экз. из 3 наборов: Верх-Уймон, к. 13; Дялян, к. 13 (4); Кок-Паш, к. 39 (4). **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 25.-40). Всего 1 экз. из 1 набора: Горный-10, м. 1; **Вариант в** – с цилиндрическим упором (рис. 25.-41; 27.-35; 29.-21; 30.-42, 44; 31.-11–12, 15; 32.-12, 21; 33.-23). Всего 13 экз. из 10 наборов: Горный-10, м.1; Иня-1, м.1; Горно-Алтайск, к.; Гилево-XIV, к. 3, м. 1; Корболиха-VIII, к. 8; Кайгородка-V, к. 2; Павловка-I, к. 2; Шадринцево-1, к. 1, м. 1 (2); Ближние Елбаны-IX, к. 1; Чинета-II, к. 12 (3).

Раздел V. Шестигранные. Перо наконечника представляет собой шестигранное тело, имеющее в поперечном сечении форму шестиугольника.

Отдел III. Негеометрические, заостренные.

Тип 43. Килевидные. Форма пера аналогична типу 16. Размеры: 5,7–8х1–1,7 см. **Вариант а** – без упора (рис. 35.-8; 36.-9). Всего 2 экз. из 2 наборов: Ближние Елбаны-VI, м. 7; Телеутский Взвоз-I, к. 14.

Раздел VI. Восьмигранные. Перо наконечника представляет собой восьмигранное тело, имеющее в поперечном сечении форму восьмиугольника.

Отдел III. Негеометрические, заостренные.

Тип 44. Килевидные. Форма пера аналогична типу 16. Размеры пера: 4,4х1,2 см. **Вариант а** – без упора (рис. 35.-9). Всего 1 экз. из 1 набора: Ближние Елбаны-VI, м. 7.

Раздел VII. Круглые. Перо наконечника представляет собой тело, близкое к конусу, имеющее в поперечном сечении форму круга.

Отдел III. Негеометрические, заостренные.

Тип 45. Килевидные. Форма пера аналогична типу 16. Размеры пера: 3,8–5,3х0,9–1 см. **Вариант а** – без упора (рис. 25.-29; 29.-37). Всего 6 экз. из 4 наборов: Ближние Елбаны-III, м. 6; Чингис-2, к. 1 (2), 7 (2); Ивановка-XX, к. 4.

Раздел VIII. Двухлопастные. Перо наконечника представляет собой тело, состоящее из двух лопастей, разделенных конусовидным стержнем, и имеющее в поперечном сечении форму двухлучевой звезды.

Отдел II. Геометрические, заостренные.

Тип 46. Треугольные. Форма пера аналогична типу 9. Размеры пера: 5,4х2,2 см. **Вариант а** – без упора (рис. 28.-13). Всего 1 экз. из 1 набора: Кер-Кечу, ог. А-1.

Тип 47. Шестиугольные. Форма пера аналогична типу 13. Размеры пера: 4,6х2,6 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 32.-27). Всего 1 экз. из 1 набора: Барчиха, к., м. 2.

Отдел III. Негеометрические, заостренные.

Тип 48. Листовидные. Форма пера аналогична типу 15. Размеры пера: 3,2–3,8х1,6–1,8 см. **Вариант а** – с цилиндрическим упором (рис. 29.-16). Всего 2 экз. из 2 наборов: Иня-1, к. 2, м. 2, к. 13.

Раздел IX. Однолопастные. Перо наконечника представляет собой уплощенное тело в виде одной лопасти, имеющее в поперечном сечении форму линзы, с выпуклыми или почти параллельными сторонами.

Отдел I. Ярусные.

Тип 49. Треугольные – трапециевидные. Верхний ярус пера напоминает треугольник, а нижний ярус – трапецию, наклонные стороны которой прямые или немного выпуклые. Размеры пера: 3,8–7,5х2,5–4,8 см. **Вариант а** – без упора, с меньшим верхним ярусом (рис. 25.-32; 33.-24.). Всего 2 экз. из 2 наборов: Комарово-5, м.; Чинета-II, к. 12. **Вариант б** – с шайбовым упором и меньшим верхним ярусом (рис. 34.-23; 36.-1). Всего 2 экз. из 2 наборов: Кудыргэ, к. 14; Кармацкий, к. 9, м. 1.

Тип 50. Арочные – трапециевидные. Верхний ярус пера напоминает параболу или арку, а нижний ярус – как у типа 49. Размеры пера: 5,2–9,6х3,5–5,2 см. **Вариант а** – с шайбовым упором и меньшим верхним ярусом (рис. 35.-18; 36.-2). Всего 2 экз. из 2 наборов: Кармацкий, к. 9, м. 1; Сухие Гривы, м. 2; Усть-Алейка Клуб, м. 10. **Вариант б** – с шайбовым упором и равным – большим верхним ярусом (рис. 32.-18; 35.-19–20; 36.-22). Всего 4 экз. из 3 наборов: Змеевка, к. 3, м. 2; Усть-Алейка Клуб, м. 6 (2); Песчаное, сб.

Отдел II. Геометрические, заостренные.

Тип 51. Треугольные. Форма пера аналогична типу 9. Размеры пера: 3,8–7,2х1,4–3 см. **Вариант а** – без упора (рис. 24.-18; 31.-13; 32.-6, 15–16). Всего 8 экз. из 7 наборов: Узнезя-I, к.с.; Корболиха-IX, к. 1; Шадринцево-1, к. 1, м. 2; Ближние Елбаны-IX, к. 2, м. 1, м. 4; Змеевка, к. 2, м. 2 (2), к. 5. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 31.-16; 34.-13). Всего 2 экз. из 1 набора: Яровское-V, к. 4 (2); Яконур, к. 1, м. D (2); Ильинка, сб.

Тип 52. Асимметрично-ромбические. Форма пера аналогична типу 10. Размеры пера: 3,5–10,2х1,4–5,6 см. **Вариант а** – без упора (рис. 28.-31; 31.-25, 40; 33.-42). Всего 18 экз. из 7 наборов: Балтарган, м. (2); Сростки-I, к. 3 (2), 4 (5), 5 (2); Гилево-VII, к. 4, м. 2 (5); Прудской, к. 6, м. 1; Ак-Таш, к. 9. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 32.-17, 22; 34.-7, 9, 14, 19–20, 24; 35.-1–2, 6, 10, 12–13, 21, 28; 36.-3, 13–14, 23, 26). Всего 70 экз. из 24 наборов: Ближние Елбаны-IX, к. 1; Змеевка, к. 3, м. 2 (3); Верх-Еланда-I, к. 1 (3), 5; Кудыргэ, к. 14 (5), 76 (4); Усть-Бийке-III, к. 7 (7); Яконур, к. 1, м. D (3); АБ (Бийск), м. 2 (2); Ближние Елбаны-VI, м. 7 (2), 8 (6); Ближние Елбаны-XIV, м. 6 (2); Кармацкий, к. 9, м. 2 (3); Раздутье-I, м. 8 (3); Сухие Гривы, м. 1 (4), 2 (2), 3 (8); Телеутский Взвоз-I, к. 6 (2); Усть-Алейка Клуб, м. 3 (3), 4, 6; Победа, с.н. (2); Старый Монастырь, сб.; Усть-Ануй «Пески», сб.

Тип 53. Ромбические. Форма пера аналогична типу 11. Размеры пера: 3–10х1,8–4,5 см. **Вариант а** – без упора (рис. 25.-7, 20; 30.-13; 32.-11). Всего 7 экз. из 6 наборов: Троицкий Елбан-I, м. 1; Чекановский Лог-9, м.; Сростки-I, к. 5 (2), к. 6, 11; Павловка-I, к. 3. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 34.-8, 21; 35.-3, 7, 22, 29; 36.-4, 19). Всего 22 экз. из 11 наборов: Верх-Еланда-I, к. 1 (3); Усть-Бийке-III, к. 3 (2); Ближние Елбаны-VI, м. 7, 8 (4); Большая Речка, раск. Гуляева (6); Кармацкий, к. 9, м. 2; Сухие Гривы, м. 2; Усть-Алейка Клуб, м. 10; Песчаное, сб.; Старый Монастырь, сб.; Чуйский тракт, с.н.

Тип 54. Вытянуто-ромбические. Форма пера аналогична типу 12. Размеры пера: 4–7,5х2,3–3,5 см. **Вариант а** – без упора (рис. 25.-8). Всего 1 экз. из 1 набора: Троицкий Елбан-I, м. 1. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 30.-45). Всего 2 экз. из 2 наборов: Корболиха-VIII, к. 8; Малая Угренева, сб.

Тип 55. Шестиугольные. Форма пера аналогична типу 13. Размеры пера: 4–7,6х2,4–5 см. **Вариант а** – без упора (рис. 30.-25–26; 36.-29). Всего 4 экз. из 3 наборов: Чингис-2, к. 1; Белый Камень, к. 1 (2); Фоминское, сб. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 34.-15, 22; 35.-14). Всего 3 экз. из 3 наборов: Усть-Бийке-III, к. 3; Яконур, к. 1, м. D; Усть-Алейка Клуб, м. 3.

Тип 56. Пятиугольные. Форма пера аналогична типу 14. Основание пера снабжено треугольными выступами-шипами. Размеры пера: 5,8х3,1 см. **Вариант а** – без упора (рис. 23.-35). Всего 1 экз. из 1 набора: Берель, к. 2.

Отдел III. Негеометрические, заостренные.

Тип 57. Вильчатые. Форма пера наконечника напоминает двузубую вилку. Размеры пера: 1,6–4,2х1,5–4,4 см. **Вариант а** – без упора (рис. 23.-32; 33.-39). Всего 2 экз. из 2 наборов: Верх-Уймон, к. 13; Чинета-II, к. 13. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 35.-11, 26; 36.-7, 28). Всего 4 экз. из 4 наборов: АБ (Бийск), м. 2; Боровое-3, к.с.; Кармацкий, к. 9, м. 2; Фоминское, сб.

Отдел IV. Геометрические срезни.

Тип 58. Трапецевидные. Перо имеет форму трапеции, широкой стороной обращенной вверх. У одного экземпляра лезвие слегка волнистое. Размеры пера: 1,2–8,2х1,3–5,3 см. **Вариант а** – без упора (рис. 25.-21, 30; 30.-41; 35.-4, 17). Всего 6 экз. из 6 наборов: Ближние Елбаны-III, м. 6; Чекановский Лог-9, м. 1; Гилево-XIV, к. 3, м. 1; Ближние Елбаны-VI, м. 8; Усть-Алейка Клуб, м. 3, 6. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 34.-12, 16–17; 35.-5; 36.-6, 15, 21). Всего 9 экз. из 7 наборов: Ак-Алаха, к. 1; Яконур, к. 2 (3); Ближние Елбаны-VI, м. 8; Ильинка, сб.; Кармацкий, к. 9, м. 2; Первые Коростели, сб.; Песчаное, сб.

Тип 59. Секторные. Размеры: 3,2–8,2х2,2–4,5 см. Абрис пера напоминает сектор круга, где дуга соответствует лезвию (верхнему краю), а радиусы составляют боковые стороны. **Вариант а** – без упора (рис. 33.-25). Всего 1 экз. из 1 набора: Чинета-II, к. 12. **Вариант б** – с шайбовым упором (рис. 34.-25; 35.-15–16, 23–25; 36.-5, 18, 25, 27). Всего 16 экз. из 9 наборов: Кудыргэ, к. 14; Кармацкий, к. 9, м. 1 (2); м. 2 (2); Усть-Алейка Клуб, м. 3, 4 (2), 7 (2), 10 (2); Песчаное, сб.; Фоминское, сб. (3).

Тип 60. Арочные. Форма пера аналогична типу 18. Размеры пера: 3,6–7,7х1,8–5,6 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 34.-18; 36.-10–11, 16, 20). Всего 14 экз. из 8 наборов: Степной Кучук-1, к. 1 (2); Малая Угренева, сб.; Тожан, м. (5); Ильинка, м. 4; Калантырь, сб.; Песчаное, сб.; Страшный Яр, сб. (2); Усть-Чемровка, сб.

Тип 61. Овальные. Абрис пера наконечника близок к овальной фигуре. Размеры пера: 3–5,4х2,2–2,7 см. **Вариант а** – без упора (рис. 32.-28). Всего 2 экз. из 2 наборов: Гилево-XIV, к. 6, м. 1; Барчиха, к., м. 2.

Тип 62. Четырехугольные скошенные. Абрис пера напоминает четырехугольник, верхняя сторона которого наклонна, а одна боковая расширена. Размеры пера: 5,3х2,2 см. **Вариант а** – с шайбовым упором (рис. 36.-8). Всего 1 экз. из 1 набора: Телеутский Взвоз-I, к. 12.

В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 9 разделов, 4 отдела, 62 типа дополненных 120 вариантами (рис. 37).

Железные наконечники стрел (группа I) начинают изготавливаться с IX в. до н.э. на Переднем Востоке и уже к III–II вв. до н.э. вытесняют бронзовые изделия во многих регионах Евразии (Хазанов А.М., 1971, с. 35–36; Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелав А.И., 1995, с. 67; Литвинский Б.А., 2001, с. 81, 119). На Алтае первые наконечники стрел из железа встречаются в лесостепных памятниках каменной культуры IV–III, III–II, II–I вв. до н.э. (Могильников В.А., 1997, рис. 46.-1–2, 12–13; 2001, рис. 1.-1–6, 8–12; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, рис. 2.-16), и в горных памятниках булан-кобинской культуры II в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков Ю.С., 1997а, рис. 1.-9, 2.-8–14; Соенов В.И., 1999, рис. 15.-1–4; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 2.-7–10). В III–XIV вв. н.э. стрелы с железными наконечниками абсолютно преобладают в колчаных наборах кочевников Алтая и, по нашему мнению, являются единственным боевым материалом (Горбунов В.В., 1996, с. 162).

Все железные наконечники стрел, применявшиеся населением Алтая, имеют черешковый насад (разряд I). Данный способ крепления наконечника к древку являлся господ-

ствующим. Железные втульчатые наконечники, достаточно интенсивно используемые в Восточной Европе (Медведев А.Ф., 1966, с. 55–58; Савченко Е.И., 2004, с. 195–207), на востоке Евразии особого распространения не получили (Литвинский Б.А., 2001, с. 89).

По сечению пера наконечники стрел нашей серии делятся на девять разделов: трехлопастные, трехгранно-трехлопастные, трехгранные, четырехгранные, шестигранные, восьмигранные, круглые, двухлопастные и однолопастные (рис. 37).

Самыми многочисленными являются трехлопастные наконечники (раздел I). Они насчитывают 838 экз. из общего числа учтенного в классификации. Наличие трехлопастного пера придавало стреле улучшенные баллистические свойства: устойчивость в полете за счет вращения, дальноточность и прицельную точность поражения цели, но снижало ее проникающие возможности из-за хрупкости конструкции, делая такие стрелы небронбойными (Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И., 1995, с. 63–64). Данные наконечники стрел, появившись в середине I тыс. до н.э., использовались все I тыс. н.э. и большую часть II тыс. н.э., хотя их удельный вес в колчаных наборах, начиная с эпохи развитого средневековья, сильно снизился (Медведев А.Ф., 1966, с. 58; Худяков Ю.С., 1997б, с. 123). Раздел I представлен четырьмя отделами и 18 типами (рис. 37).

Наконечники с ярусной формой пера и выделенным острием (отдел I) включают типы 1–8, разделенные на 17 вариантов (рис. 37). Среди них типологически наиболее ранними являются экземпляры с меньшим верхним ярусом (типы 1а–б, 4а, 7а, 8а), которые продолжают собой развитие аналогичных хуннских наконечников стрел II в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 5.-14–20; Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2003, рис. 1.-1–3, 10, 12–14). Идентичные образцы встречаются во многих культурах Центральной Азии и Южной Сибири II–V вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 26.-1–8, 12, 36.-9, 12; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-10). Наконечники с равным или большим верхним ярусом (типы 1в–г, 2–3, 4б–в, 5–6, 7б) представляют дальнейшую модификацию таких стрел, возникшую не ранее II в. н.э. и первоначально характерную для южно-сибирского региона (Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991, с. 128–129, рис. 1). На Алтае первые ярусные наконечники появляются в булан-кобинских памятниках II – 1-й пол. IV вв. н.э. (Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991, рис. 2). В дальнейшем они встречаются в памятниках: булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – типы 1, 2а–б, 4, 5а, 6–8; одинцовской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. VII вв. н.э. – типы 1а, 4б, 5–8; сросткинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. XI вв. н.э. – типы 2в, 3, 7б (табл. I–II).

Наконечники с заостренной геометрической формой пера (отдел II) представлены типами 9–14, разделенными на 22 варианта (рис. 37). Из них треугольные, асимметрично-ромбические, ромбические, вытянуто-ромбические и шестиугольные экземпляры (типы 9–13), типологически более ранние. В центрально-азиатском регионе они известны уже в памятниках хунну конца III в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 5.-1–13). На территории Алтая типы 9–13 появляются в памятниках каменной культуры II–I вв. до н.э. и булан-кобинской культуры II в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков Ю.С., 1997а, рис. 2.-10, 12, 14; Могильников В.А., 2001, рис. 1.-8–10). Пятиугольные экземпляры (тип 14) являются новой формой наконечников стрел и впервые фиксируются в комплексах Горного Алтая 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. (табл. I.-10–11, 15, 41). В рассматриваемый период наконечники отдела II встречены в памятниках кулайской культуры III – 1-й пол. IV вв. н.э. – тип 9б; булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – типы 9а, 10а–б, 11а, г, 13а, 14а–б; одинцовской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. VIII вв. н.э. – типы 9б–в, 11а, 12а, 13а–б; тюркской культуры 2-й пол. V – XI вв. н.э. – типы 9а, в–г, 10а, 11б–в, 12а–в, 13а–в, 14б–в; сросткинской культуры 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. – типы 9г–д,

10в, 11в-г, 12в-г, 13в, 14в; кыргызской культуры – 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. – типы 9г, 10в, 11в-г, 12в, 13в, 14в; культуры Горного Алтая монгольского времени XII в. н.э. – типы 10в, 12в, 14в; кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. – тип 9г (табл. I–II).

Наконечники с заостренной негеометрической формой пера (отдел III) состоят из типов 15–16, разделенных на 7 вариантов (рис. 37). Экземпляры с листовидным пером (тип 15), вероятно, заимствуются населением Алтая с территории Тувы, где они появляются во II–III вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 28). Килевидные наконечники (тип 16) представляют новую форму, возникшую в Горном Алтае во 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. (табл. I.-19, 23–24, 32, 41). В дальнейшем оба типа зафиксированы в памятниках: булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – типы 15а, в, 16а–б; одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. – тип 15а; тюркской культуры 2-й пол. V–XI вв. н.э. – типы 15а–б, 16б–в; сросткинской культуры 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. – типы 15б–в, 16в–г; кыргызской культуры – 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. – тип 16в; культуры Горного Алтая монгольского времени XII в. н.э. – типы 16в (табл. I–II).

Наконечники с геометрической формой пера без выделенного острия (отдел IV) включают типы 17–18, разделенные на 2 варианта (рис. 37). Четырехугольные (тип 17) и арочные (тип 18) экземпляры представляют собой новые формы, которые появились в ранних памятниках тюркской культуры Горного Алтая во 2-й пол. V в. н.э. и активно применялись тюрками, только в эпоху первых каганатов, до середины VII в. н.э. (табл. I.-58–60, 68, 73–74, 75).

Трехгранно-трехлопастные наконечники (раздел II) насчитывают 40 экз., учтенных в классификации. Наличие трехгранно-трехлопастного пера обеспечивало стреле сочетание высоких баллистических и проникающих качеств, делая такие стрелы бронебойными и достаточно точными для ведения прицельной стрельбы (Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И., 1995, с. 64–65). Такие наконечники стрел появляются со второй четверти I тыс. н.э. в среднеазиатском регионе, откуда попадают в Центральную Азию (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 5–6). Здесь наиболее активный период их применения приходится на последнюю четверть I тыс. н.э. – начало II тыс. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, с. 212–213). Раздел II представлен тремя отделами и 9 типами (рис. 37).

Наконечники с ярусной формой пера и выделенным острием (отдел I) включают типы 19–22, разделенные на 4 варианта (рис. 37). Данные экземпляры являются продуктом местного развития, основанном на совмещении прежних форм ярусных трехлопастных наконечников с новым сечением, скорее всего, заимствованным кочевниками Алтая у населения кенкольской культуры Семиречья. Типы 19–21 найдены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. (табл. I.-24, 38, 42), а тип 22 – в комплексе сросткинской культуры 2-й пол. XI–XII вв. н.э. (табл. II.-216–217).

Наконечники с заостренной геометрической формой пера (отдел II) представлены типами 23–26, разделенными на 5 вариантов (рис. 37). Из них экземпляры с треугольным (тип 23) и ромбическим (тип 25) пером типологически более ранние. Они есть в материалах кенкольской культуры II–V вв. н.э. (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 5, 6.-1–4). Происхождение асимметрично-ромбических (тип 24) и шестиугольных (тип 26) наконечников аналогично ярусным стрелам этого раздела. На территории Алтая изделия отдела II найдены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – тип 23а; одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. – тип 23а; тюркской культуры 2-й пол. VIII–XI вв. н.э. – типы 23б, 25; сросткинской культуры 2-й пол. X–XII вв. н.э. – типы 24–26; кыргызской культуры – 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. – тип 23б, 24–25 (табл. I–II).

Наконечники с заостренной негеометрической формой пера (отдел III) состоят из типа 27 с одним вариантом (рис. 37). Экземпляры с килевидным пером появляются в результате совмещения формы раздела I с сечением раздела II и известны в курганах культуры монгольского времени Горного Алтая XII в. н.э. (табл. I.-149, 152).

Трехгранные наконечники (раздел III) насчитывают 126 экз., учтенных в классификации. Трехгранное перо повышало у стрелы проникающие и снижало баллистические качества, что делало такие стрелы наиболее эффективными для пробивания брони на короткой дистанции (Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И., 1995, с. 64–65). Такие наконечники известны с середины I тыс. до н.э. и использовались до середины II тыс. н.э. Наиболее ранним регионом их интенсивного применения, пожалуй, является Средняя Азия (Литвинский Б.А., 2001, с. 107–110). В Центральной Азии наконечники с трехгранным пером бытуют на протяжении II в. до н.э. – XIV в. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 97; 1997б, рис. 81). Раздел III представлен двумя отделами и 6 типами (рис. 37).

Наконечники с заостренной геометрической формой пера (отдел II) включают типы 28–31, разделенные на 7 вариантов (рис. 37). Изделия с треугольным (тип 28), асимметрично-ромбическим (тип 29), ромбическим (тип 30) и вытянуто-ромбическим (тип 31) пером хорошо известны по материалам Средней Азии. Наиболее близкие аналогии алтайским находкам происходят из комплексов кенкольской культуры (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 6.-7, 9–10, 14–17, 19, 21–24). В Центральной Азии самым ранним является тип 28, применявшийся уже хунну (Худяков Ю.С., 1986, рис. 6.-1). На территории Алтая наконечники отдела II встречены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – тип 28б; тюркской культуры 2-й пол. VI–XI вв. н.э. – типы 28а–б, 30а; сроткинской культуры 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. – типы 28а–б, 29, 30б, 31; кыргызской культуры – 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. – типы 28б, 29 (табл. I–II).

Наконечники с заостренной негеометрической формой пера (отдел III) состоят из типов 32–33, разделенных на 5 вариантов (рис. 37). Экземпляры с листовидным (тип 32) и килевидным (тип 33) пером также более всего похожи на среднеазиатские образцы II–V вв. н.э. (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 6.-8, 18, 20; Литвинский Б.А., 2001, рис. 29.-28–36). На Алтае они найдены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – типы 32б, 33а; тюркской культуры 2-й пол. VII–XI вв. н.э. – типы 32а, 33б; сроткинской культуры 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. – типы 32, 33б–в (табл. I–II).

Четырехгранные наконечники (раздел IV) насчитывают 111 экз., учтенных в классификации. Функциональные свойства четырехгранного пера в основном совпадают с трехгранным (Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И., 1995, с. 64). Данные наконечники появляются в последней четверти I тыс. до н.э. и используются до середины II тыс. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 97; 1997б, рис. 81; Литвинский Б.А., 2001, с. 111). Раздел IV представлен тремя отделами и 9 типами (рис. 37).

Наконечники с заостренной геометрической формой пера (отдел II) включают типы 34–38, разделенные на 11 вариантов (рис. 37). Типологически самими ранними являются экземпляры с треугольным пером (тип 34). Они встречаются в Забайкалье у хунну, а на Алтае – в позднекаменных и раннебулан-кобинских памятниках (Худяков Ю.С., 1986, рис. 6.-22; 1997а, рис. 1.-9; Могильников В.А., 2001, рис. 1.-11–12). Изделия с различными ромбическими абрисами пера (типы 35–37) имеют ранние аналогии в кокзельских памятниках Тувы II–V вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 27.-19, 21). Наконечник с шестиугольным пером (тип 38) является новой формой, появившейся у тюрков Горного Алтая во 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э. (табл. I.-47). Экземпляры отдела II найдены в памятниках

тюркской культуры 2-й пол. V – 1-й пол. IX вв. н.э. – типы 35а, 36–38; сrostкинской культуры 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. – типы 34, 35б, 36–37; кыргызской культуры – 2-й пол. IX–XI вв. н.э. – типы 34, 36б, 37в; культуры Горного Алтая монгольского времени XIII–XIV в. н.э. – тип 34б; кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. – тип 34а, 36а (табл. I–II).

Наконечники с заостренной негеометрической формой пера (отдел III) состоят из типов 39–40, разделенных на 5 вариантов (рис. 37). Экземпляры листовидной (тип 39) и килевидной (тип 40) формы находят ранние аналогии в среднеазиатских материалах II–V вв. н.э. (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 6.-11–12; Литвинский Б.А., 2001, рис. 29.-37–38). На территории Алтая они встречены в памятниках: булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – тип 40а; тюркской культуры 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. – тип 39б; сrostкинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. XI вв. н.э. – типы 39, 40б–в; кыргызской культуры – 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. – тип 39а (табл. I–II).

Наконечники с геометрической формой пера без выделенного острия (отдел IV) включают типы 41–42, разделенные на 4 варианта (рис. 37). Изделия четырехугольной формы (тип 42) типологически являются более ранними. Они появляются у населения кокзельской культуры Тувы со II в. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 27.-5–11). Откуда, вероятно, проникают в Горный Алтай около середины IV в. н.э. Экземпляр шестиугольной формы (тип 41), видимо, является более поздней разновидностью типа 42. На территории Алтая наконечники отдела IV найдены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – тип 42а; одинцовской культуры VI – 1-й пол. VIII вв. н.э. – тип 42б–в; тюркской культуры 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. – тип 42в; сrostкинской культуры 2-й пол. VIII – XII вв. н.э. – типы 41, 42в; кыргызской культуры – 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. – тип 42в (табл. I–II).

Шестигранные наконечники (раздел V) насчитывают 2 экз. килевидной формы (отдел III, тип 43). Их функциональные свойства совпадают с четырехгранными наконечниками. Оба экземпляра типа 43 найдены в погребениях кармацкой культуры Лесостепного Алтая XIII–XIV вв. н.э. (табл. II.-241, 262).

Восьмигранный наконечник (раздел VI) имеет килевидную форму пера (отдел III, тип 44) и функционально аналогичен другим граненым изделиям. Тип 44 обнаружен в погребении кармацкой культуры Лесостепного Алтая XIII–XIV вв. н.э. (табл. II.-241).

Круглые наконечники (раздел VII) насчитывают 6 экз. килевидной формы (отдел III, тип 45). Функционально они относятся к бронебойным и использовались с рубежа эр до первой половины II тыс. н.э. включительно (Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И., 1995, с. 51–52, 64; Литвинский Б.А., 2001, с. 112–113). На Алтае экземпляры типа 45 найдены в памятнике одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. и погребениях сrostкинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. II.-2, 65, 67, 104).

Двухлопастные наконечники (раздел VIII) насчитывают 4 экз. Функционально они являлись небронебойными и предназначались для ведения настильной стрельбы на короткой дистанции (Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И., 1995, с. 63–64). Данные наконечники применялись со 2-й четверти I тыс. до н.э. – до середины II тыс. н.э. (Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И., 1995, с. 30–32, рис. 9; Литвинский Б.А., 2001, с. 89–90). Раздел VIII представлен двумя отделами и 3 типами (рис. 37).

Наконечники с заостренной геометрической формой пера (отдел II) включают типы 46–47, разделенные на 2 варианта (рис. 37). Наиболее ранние аналогии экземплярам с треугольной (тип 46) и шестиугольной (тип 47) формами известны у сяньби в конце I–III вв. н.э. (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-14, 23). От них такие наконечники

заимствуют кочевники Горного Алтая, где они встречены уже в булан-кобинском памятнике II – 1-й пол. IV вв. н.э. (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 2003, рис. 5.-9, 6.-2). В дальнейшем образец типа 46 зафиксирован в тюркском комплексе 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX вв. н.э. (табл. I.-115), а типа 47 – в сrostкинском кургане 2-й пол. XI–XII вв. н.э. (табл. II.-198).

Наконечники с заостренной негеометрической формой пера (отдел III) состоят из типа 48 с одним вариантом (рис. 37). Листовидные экземпляры также восходят к сяньбийским прототипам (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-19, 26) и обнаружены на Алтае в курганах сrostкинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX вв. н.э. (табл. II.-42, 50).

Однолопастные наконечники (раздел IX) насчитывают 206 экз., учтенных в классификации. Функционально они близки разделу VIII. Такие наконечники появились в последней четверти I тыс. до н.э. и использовались большую часть I–II тыс. н.э. (Медведев А.Ф., 1966, с. 61). Особенно их роль возросла начиная с эпохи развитого средневековья (Худяков Ю.С., 19976, с. 124–125) Раздел IX представлен четырьмя отделами и 14 типами (рис. 37).

Наконечники с ярусной формой пера и выделенным острием (отдел I) включают типы 49–50, разделенные на 4 варианта (рис. 37). Прототипами для данных экземпляров являются сяньбийские образцы конца I–III вв. н.э. (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-31). На территории Алтая однолопастные ярусные наконечники встречены в памятниках одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. – тип 49а; сrostкинской культуры 2-й пол. XI–XII вв. н.э. – тип 50б; кыргызской культуры – 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. – тип 49а; культуры Горного Алтая монгольского времени XIII–XIV в. н.э. – тип 49б; кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. – типы 49б, 50 (табл. I–II).

Наконечники с заостренной геометрической формой пера (отдел II) представлены типами 51–56, разделенными на 11 вариантов (рис. 37). Экземпляры треугольной (тип 51) и ромбических (типы 52–54) форм являются для данного отдела более ранними. Они есть в хуннских комплексах конца III в до н.э. – I в. н.э. и известны у сяньби и населения Южной Сибири во II–V вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 6.-2–8, 16.-4, 27.-12–13, 23, 36.-24; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-25; 2003, рис. 1.-29). На Алтае данные типы появляются в булан-кобинских памятниках II – 1-й пол. IV вв. н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, рис. 4.-6; Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, рис. 2.-3–5). Шестиугольные (тип 55) наконечники, вероятно, восходят к сяньбийским образцам (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-30), а пятиугольный (тип 56) оригинален. Наличие у него шипов соответствует однолопастным наконечникам хунну и сяньби (Худяков Ю.С., 1986, рис. 6.-8; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2003, рис. 1.-29). Изделия отдела II встречены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – типы 51а, 56; одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. – типы 53а, 54а; тюркской культуры 2-й пол. X–XI вв. н.э. – тип 52а; сrostкинской культуры 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. – типы 51, 52, 53а, 54б, 55а; кыргызской культуры – 2-й пол. X–XI вв. н.э. – тип 52а; культуры Горного Алтая монгольского времени XII–XIV вв. н.э. – типы 51б, 52б, 53б, 55б; кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. – типы 51б, 52б, 53б, 55б (табл. I–II).

Наконечники с заостренной негеометрической формой пера (отдел III) состоят из типа 57, разделенного на 2 варианта (рис. 37). Вильчатые изделия происходят от сяньбийских образцов конца I–III вв. н.э. (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-29; 2003, рис. 1.-40). На территории Алтая их применение зафиксировано в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. – тип 57а; кыргызской культуры – 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. – тип 57а; кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. – тип 57б (табл. I.-9, 143; II.-240, 245, 250, 282).

Наконечники с геометрической формой пера без выделенного острия (отдел IV) включают типы 58–62, разделенные на 7 вариантов (рис. 37). Типологически ранними являются изделия трапециевидной (тип 58) и секторной (тип 59) форм, происходящие от аналогичных хуннских и сяньбийских наконечников (Худяков Ю.С., 1986, рис. 6.-9; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1.-20, 24). Экземпляры арочной (тип 60), овальной (тип 61) и четырехугольно-скошенной (тип 62) форм повторяют киданьские и монгольские образцы (Худяков Ю.С., 1991, рис. 36.-1, 54.-3, 7, 58.-8; Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И., 1995, рис. 5.-2, 7). На территории Алтая наконечники отдела IV встречены на памятниках одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. – тип 58а; сросткинской культуры 2-й пол. IX–XII вв. н.э. – тип 58а, 60, 61; кыргызской культуры – 2-й пол. X–XI вв. н.э. – тип 59а; культуры Горного Алтая монгольского времени XIII–XIV вв. н.э. – типы 58б, 59б, 60; кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. – типы 58, 59б, 60, 62 (табл. I–II).

Отдельно следует остановиться на такой детали алтайских наконечников, как переход пера в черешок. Типологический анализ показывает, что наиболее ранним признаком здесь выступает отсутствие упора. Экземпляры без упора преобладают в комплексах Алтая эпохи «великого переселения народов», наследуя эту тенденцию от предыдущего времени (хуннского и сяньбийского). В дальнейшем они встречаются на протяжении раннего и развитого средневековья, но численно уступают наконечникам с различными упорами и характерны для немассовых серий. Наконечники с кольцевым упором появляются около середины IV в. н.э. и доминируют до середины VII в. н.э., когда они сменяются изделиями с шайбовым упором. Последние господствуют до конца рассматриваемого периода и характерны для наиболее массовых серий наконечников. Экземпляры с цилиндрическим упором (часто их называют боеголовковыми) бытуют на Алтае весь период III–XIV вв. н.э., преобладая в эпоху раннего средневековья. Чаще всего такой упор сопутствует бронебойному перу (рис. 38).

Эволюция наконечников стрел у населения Алтая в III–XIV вв. н.э. проходила в тесном взаимодействии с развитием конструкции сложносоставных луков и была направлена на повышение эффективности дистанционного боя, путем отбора оптимальных форм для поражения живой силы противника и преодоления усиливающихся средств защиты.

В эпоху «великого переселения народов» воины Алтая применяли наконечники стрел, самыми многочисленными из которых были трехлопастные изделия, хорошо приспособленные для прицельной стрельбы на дальнюю дистанцию из больших луков «хуннских» типов. Небольшую серию составляли однолопастные наконечники, использовавшиеся при ведении частого огня на короткой дистанции. Для пробивания доспехов служили разные типы трехгранно-трехлопастных, граненых и круглых наконечников. Их удельный вес был немного больше однолопастных (10 типов против 7), но в целом и те и другие сильно уступали трехлопастным экземплярам (15 типов). Преобладающими формами пера являлись ярусные, треугольная и ромбические (рис. 38). В эту эпоху типологически более развитым выглядит стрелковый набор булан-кобинской культуры Горного Алтая (26 типов, 38 вариантов), который оказал явное влияние на формирование набора одинцовской культуры Лесостепного Алтая (17 типов, 18 вариантов). Большая часть наконечников стрел демонстрирует связь с хуннской и сяньбийской традициями, инновации которых были переработаны на южно-сибирской основе. Среди бронебойных форм наблюдается сильное влияние среднеазиатского региона, осуществлявшееся, скорее всего, через население кенкольской культуры. Появляются в это время и новые типы наконечников: трехлопастные пятиугольные (тип 14) и килевидные (тип 16), трехгранно-трехлопастные ярусные (типы 19–21) – все в Горном Алтае.

Эпоха раннего средневековья знаменуется для населения Алтая существенными изменениями в оружии дальнего боя. Появление средних и коротких луков «тюркских» типов сократило дистанцию стрельбы, что не могло не отразиться на развитии стрел, которое можно разделить на два основных периода. В первом периоде (2-я пол. V – 1-я пол. IX вв. н.э.) продолжают господствовать трехлопастные изделия (13 типов), но их размеры в среднем становятся крупнее, что неизбежно увеличивало общий вес стрелы и уменьшало дальность ее полета. Очевидно, самые большие трехлопастные наконечники стрел применялись для скоротечной стрельбы, что объясняет столь незначительное присутствие в данный период двухлопастных и однолопастных экземпляров (всего 3 типа). Набор броневых стрел крайне беден в начале периода и существенно вырастает к его окончанию (9 типов). По сечениям пера он сохраняет прежний уровень. Преобладающими формами наконечников становятся шестиугольная, пятиугольная и килевидная, сохраняет свое значение треугольная (рис. 38). В данный период ведущим является стрелковый набор тюркской культуры (23 типа, 36 вариантов). Именно тюрки делают акцент на изготовлении крупных трехлопастных наконечников, изобретая их новые формы (типы 17–18), рассчитанные на поражение большой площади. Из булан-кобинского наследия отбираются многие перспективные образцы, но ярусные экземпляры почти сразу выходят из употребления, а доля ромбических несколько сокращается. Единцовский стрелковый набор (6 типов, 8 вариантов) сохраняет ряд прежних типов, на которых сказывается тюркское влияние через укрупнение размеров. В конце периода формируется сrostкинский стрелковый набор (16 типов, 20 вариантов), сочетающий тюркские и отдельные единцовские черты. В целом первый период демонстрирует становление и господство тюркской традиции в изготовлении наконечников стрел.

Во втором периоде (2-я пол. IX–XI вв. н.э.) воины Алтая применяют почти исключительно короткие луки «сrostкинских» типов, которые являлись модификацией «тюркских» типов без концевых накладок. Это свидетельствует о том, что основная ставка в дистанционном бою делалась на скоротечный обстрел при сближении с противником. Среди наконечников стрел отчетливо наблюдается количественный и типологический рост броневых экземпляров (16 типов), которые обгоняют трехлопастные (10 типов). Встречаются колчаные наборы, где число броневых стрел превосходит неброневые. Трехлопастные изделия имеют тенденцию к уменьшению размеров, крупные наконечники – явление редкое. Однолопастные наконечники постепенно восстанавливают свои позиции, происходит их типологический рост (8 типов). У броневых наконечников преобладают экземпляры с пером четырехгранного сечения, затем идут трехгранные, трехгранно-трехлопастные и отдельные круглые. Основными формами наконечников являются: треугольная, листовидная, килевидная и ромбические. Число пяти- и шестиугольных падает, ярусные и срезневые формы редки (рис. 38). В данное время наиболее развитым выглядит стрелковый набор сrostкинской культуры Лесостепного Алтая, в котором представлен наиболее полный спектр стрел (31 тип, 46 вариантов). Именно его отличает доминирование броневых наконечников. Тюркский стрелковый набор сохраняет в основном свои прежние типы, но становится менее разнообразен (10 типов, 10 вариантов). Присутствие в нем новых образцов можно связывать со сrostкинским или кыргызским влиянием. В начале периода появляется стрелковый набор кыргызской культуры (21 тип, 22 варианта). Для него характерно наличие большого числа трехлопастных наконечников мелких пропорций, по отделке пера приближающихся к трехгранно-трехлопастным. В общем второй период показывает существование на Алтае трех традиций в изготовлении стрел: сrostкинской, кыргызской и тюркской, первая из которых была ведущей.

В эпоху развитого средневековья в оружии дальнего боя у населения Алтая происходят новые весьма значительные изменения. Они проявились в распространении более мощных луков «монгольских» типов. Наблюдается возрождение образцов с концевыми накладками и общее усиление конструкции всех луков за счет введения более массивной рукояти. С одной стороны, это могло повысить дистанцию стрельбы, но, скорее всего, было вызвано потребностью в ведении огня снарядами с крупными широкими наконечниками. Такие изделия с однолопастным пером становятся самыми массовыми и наиболее разнообразными (12 типов). Известен один тип двухлопастных наконечников. В начале эпохи на Алтае еще наблюдается применение значительной серии бронебойных стрел (8 типов), однако уже с XIII в. их спектр уменьшается (4 типа), хотя и появляются образцы с новым шести- и восьмигранным сечением пера. Трехлопастные изделия, представленные в XII в. н.э. шестью типами, в дальнейшем почти исчезают (всего 1 тип), встречаясь единичными экземплярами. Основными формами наконечников в это время являются ромбические и срезные, возрастает доля ярусных и вильчатой (рис. 38). В начале эпохи еще достаточно представлен стрелковый набор сrostкинской культуры (22 типа, 25 вариантов). Его состав постепенно меняется в сторону увеличения доли однолопастных наконечников, среди которых появляются типы, характерные для монголоязычных племен. Стрелковый набор кармацкой культуры (15 типов, 17 вариантов), сменившей в Лесостепном Алтае сrostкинскую, уже полностью состоит из стрел монгольского облика. У населения Горного Алтая стрелковый набор (14 типов, 14 вариантов) начала эпохи сочетает в себе прежние (тюрко-кыргызские) и привнесенные (монгольские) черты, а в дальнейшем неотличим от собственно монгольского. Таким образом, в развитом средневековье на Алтае возобладала монгольская традиция в изготовлении стрел.

Стрелы, применявшиеся воинами Алтая в III–XIV вв. н.э., судя по сохранившимся изделиям, имели общую длину, в среднем 80–85 см, из которых не менее 70 см приходилось на древко (рис. 11.-5). Древки делались в основном из березы и имели «сигарообразную» форму, с небольшим утолщением тела в середине, ближе к наконечнику. Нижняя часть древка – ушко, снабжалась вильчатым вырезом для фиксации тетивы. Иногда ушко изготавливалось отдельно из кости и надевалось на древко (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. 3.-14).

Хранились и носились стрелы в специальных цилиндрических, уплощенно-цилиндрических и цилиндроконических футлярах – колчанах. Полный футляр мог вместить до 15–20 стрел, но известны случаи, когда в обычном по размерам приемнике их было больше 30. Первые колчаны указанной конструкции появляются в центрально-азиатском регионе, вероятно, у саянцев (Воробьев М.В., 1994, с. 223). На Алтае остатки берестяных колчанов встречаются уже в булан-кобинских памятниках (Тетерин Ю.В., 2004, с. 54). Из комплексов раннего и развитого средневековья происходит значительная серия целых берестяных колчанов (рис. 39–41), а их изображения есть на наскальных рисунках и предметах торевтики (Горбунов В.В., 2003а, рис. 35.-1–2, 36.-4–5; Черемисин Д.В., 2004, рис. 13–14) (рис. 74.-1–3, 5).

Помимо бересты, встречаются и другие материалы. Так, в позднебулан-кобинском погребении на памятнике Яломан-II зафиксированы остатки футляра, корпус которого был изготовлен из плотной тканой материи. Она пришивалась к деревянному круглому днищу и крышке в форме полумесяца, а в месте наложения сторон сшивалась через вертикальную деревянную планку. В бок колчана, у горловины, вшивалась деревянная планка с двумя пазами под портупейные ремешки. Окружность горловины украшал ряд трезубых аппликаций из тонкой коры (рис. 11.-4).

По оформлению верхней части колчанов можно выделить два основных типа, которые применялись на Алтае в течение всего рассматриваемого периода. Первый тип – это колчаны с открытым ровным верхом (рис. 39.-1; 41.-1, 3–4; 73.-12; 74.-2). В них стрелы располагались наконечниками вниз. Второй тип – это колчаны с карманом (рис. 11.-4; 39.-2–4; 40.-1–4; 41.-2; 73.-11; 74.-1, 3). В этих футлярах стрелы помещались наконечниками вверх или вверх и вниз. Не исключено, что многие берестяные колчаны с открытым верхом монгольского времени могли иметь карманы из других материалов. Это подтверждается наличием деревянной рамки из памятника Усть-Алейка Клуб (рис. 41.-2). Кроме того, в погребальном памятнике Горного Алтая XIII–XIV вв. н.э. был обнаружен еще один тип колчана. Его футляр, открытый и короткий, фигурно-выемчатой формы, был сшит из кожи и имел одну боковую деревянную планку (Кочеев В.А., 1983, с. 155, рис. 5). Стрелы помещались в него, на половину своей длины, наконечниками вниз. Подобные футляры есть среди изображений и находок воинского снаряжения эпохи развитого и позднего средневековья (Соловьев А.И., 1987, рис. 6; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, рис. 48.-1; Горелик М.В., 2002, с. 49, 58–59).

Колчаны подвешивались вместе с налучьем на специальном стрелковом поясе, к которому под наклоном, устьем вперед, пристегивались двумя портупейными ремешками (Горбунов В.В., 1998, с. 121–122; Кубарев Г.В., 1998, с. 191–192, рис. 4). Изобразительные материалы демонстрируют, что колчаны, чаще всего, носились с правой стороны пояса (Горбунов В.В., 2003а, рис. 34–35; Черемисин Д.В., 2004, рис. 1–14).

Массовая встречаемость вещественных остатков луков и стрел в погребальных комплексах говорит, с одной стороны, о их высоком сакральном значении, а с другой – о доступности этого вооружения для большинства населения. Письменные источники, в основном китайские, часто упоминают луки и стрелы среди паноплии тюрок (Бичурин Н.Я., 1950, с. 229, 250; Малов С.Е., 1951, с. 41; Лю Маоцай, 2002, с. 19–20, 37). Иконографические материалы показывают, что стрелковое оружие являлось обязательным атрибутом боевой экипировки как конных, так и пеших воинов (рис. 73–74).

1.3. Копья

Копье – это оружие колющего действия, предназначенное для нанесения таранного удара на средней дистанции. Состоит из двух основных отдельных частей: поражающей – наконечник и несущей – древко (Худяков Ю.С., 1980, с. 50; Горелик М.В., 2003, с. 53).

На Алтае вещественные остатки копий, относимые к рассматриваемому периоду, найдены на 44 объектах. В основном это железные наконечники, во втулках которых иногда сохраняются остатки деревянных древков. Всего нами учтено 45 наконечников копий. Из них шесть экземпляров представлены только втулками или их фрагментами (табл. II.-65, 79, 81, 94, 123, 227), а сведения о четырех копьях ограничены упоминаниями в публикациях (табл. I.-76, 80, 130; II.-63). На территорию Горного Алтая приходится 10 наконечников копий: 7 экз. из курганных погребений (табл. I.-16–17, 60, 76, 79–80, 130), 1 экз. из поминальной оградки (табл. I.-54) и 2 экз. – случайные находки (табл. I.-137, 160). С территории Лесостепного Алтая происходит 35 наконечников копий: 21 экз. – из курганных и грунтовых погребений (табл. II.-21, 63, 65, 67, 71, 73, 77, 79, 81, 94, 110, 123, 126, 143, 148, 162, 171, 198–199, 244), 4 экз. – сборы на поселениях и могильниках (табл. II.-213, 226–227, 234), 10 экз. – случайные находки (табл. II.-220, 225, 228–230, 232, 236, 272–273, 278).

В классификации использовано 35 наконечников копий. Серию составили целые экземпляры, а также частично поврежденные наконечники, реконструируемые на основе сопоставления с целыми, а также исходя из логики формы и принципа симметрии изделия.

Для системного описания наконечников копий их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления, разряд определяется способом насада наконечника на древко, раздел выявляет соотношение длины пера и втулки, отдел характеризует форму тела пера наконечника и его поперечного сечения, тип устанавливает абрис пера в продольной плоскости, вариант информирует о деталях оформления перехода пера во втулку.

Группа I. Железные. Все наконечники нашей серии изготовлены из железа.

Разряд I. Втульчатые. Древко копья вставляется в наконечник, снабженный для этого специальным приемником в виде конического, реже цилиндрического раструба-втулки. У большинства втулок прослеживается соединительный шов, иногда разомкнутый к основанию. Многие втулки, ближе к основанию, снабжены сквозными отверстиями (от одного до четырех), через которые продевались железные стержни, дополнительно закреплявшие древко в насаде (рис. 42.-2, 5; 43.-3–5, 8–10; 44.-1–2, 4–6, 7; 45.-2–3, 5–6). Некоторые экземпляры по краю имеют своеобразный пояс-валик (рис. 42.-5, 7; 43.-3, 6, 12, 44.-1; 45.-6). У наконечников с более широким пером диаметр основания втулки, как правило, больше, чем у наконечников с узким пером.

Раздел I. Длинновтульчатые. Длина втулки превышает длину пера в 1,5 и более раза.

Отдел I. Однолопастные (линзовидные). Перо наконечника представляет собой уплощенное тело в виде одной лопасти, имеющее в поперечном сечении форму выпуклой линзы.

Тип 1. Вытянуто-ромбические. Абрис пера похож на ромб, у которого стороны преломляются ближе к основанию. Размеры наконечника: длина пера 6–7,5 см, его наибольшая ширина 2–2,4 см, наибольшая толщина 0,4–0,6 см; длина втулки 14,2–17 см, ее диаметр в основании 2,3–2,9 см. Один экземпляр представляет собой уменьшенную копию, реального изделия. Его размеры: перо – 1,8х0,7х0,2 см, втулка – 5,4х1,3 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками, образованными преломлением сторон пера (рис. 42.-1, 3, 4; 43.-1). Всего 4 экз. из 4 объектов: Катанда-I, к. 7; Троицкий Елбан-I, м. 1969; Кызыл-Таш, ог. 2 (вотивное); Чингис-2, к. 7.

Тип 2. Шестиугольные. Абрис пера напоминает шестиугольную фигуру. Размеры наконечника: перо – 8,4х2,2х0,6 см, втулка – 13,1х3,6 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 42.-5). Всего 1 экз. из 1 объекта: Яконур, к. 5.

Отдел II. Четырехгранные (ромбовидные). Перо наконечника представляет собой четырехгранное тело, имеющее в поперечном сечении форму ромба.

Тип 3. Килевидные. Абрис пера напоминает киль корабля, с почти параллельными боковыми сторонами, плавно сходящимися к острию. Размеры наконечника: перо – 7–12,2х1,6–2,2х0,8–1,8 см, втулка – 15,3–21,8х3,1–3,8 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 43.-2, 3). Всего 2 экз. из 2 объектов: Белый Камень, к. 1; Камышенка, с.н.

Раздел II. Равновеликие. Длина втулки и пера примерно равны. Разница составляет менее чем 1,5 раза.

Отдел II. Четырехгранные – ромбовидные.

Тип 4. Килевидные. Размеры наконечника: перо – 7,2–13,1х1,5–2,2х0,7–1,6 см, втулка – 6,4–13,6х2,4–3,7 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 42.-2, 6; 43.-6–10). Всего 7 экз. из 6 объектов: Катанда-I, к. 6; Балык-Соок-I, к. 11; Гилево-II, к. 3; Ближние Елбаны-VIII, к. 1, м. 5; Ближние Елбаны-IX, к. 1 (2); Перешеечное-VI, сб. **Вариант б** – с прямыми плечиками (рис. 42.-7; 43.-4). Стороны пера переходят во втулку почти под прямым углом. Всего 2 экз. из 2 объектов: Горный Алтай, с.н.; Грань, к. **Вариант в** –

без плечиков (рис. 43.-5, 11). Перо плавно переходит во втулку. Всего 2 экз. из 2 объектов: Корболиха-II, к. 7; Гилево-VII, к. 4, м. 2.

Отдел III. Четырехгранные (уплощенно-ромбовидные). Перо наконечника в поперечном сечении имеет форму ромба, вытянутого по горизонтали.

Тип 5. Вытянуто-ромбические. Размеры наконечника: перо – 9–16х3–4,6х0,8–1,2 см, втулка – 8,6–14,3х2,6–4,6 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 44.-1–4, 6). Всего 5 экз. из 5 объектов: Сростки-I, раск. Копытова; Ильинка, сб.; Егона, с.н.; Караульная, с.н.; Суслово, с.н.

Отдел IV. Четырехгранные (прямоугольные). Перо наконечника в поперечном сечении имеет форму прямоугольника.

Тип 6. Вытянуто-ромбические. Размеры наконечника: перо – 11х2,3х0,2 см, втулка – 13,2х2,2 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 45.-3). Всего 1 экз. из 1 объекта: Степной Чумыш, с.н.

Тип 7. Килевидные. Размеры наконечника: перо – 10–10,2х1,5–2,4х0,3–0,4 см, втулка – 9,2–12,6х1,6–2,7 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 45.-4). Всего 1 экз. из 1 объекта: Лесостепной Алтай, с.н. **Вариант б** – с шайбовым утолщением (рис. 45.-5). Перо при переходе во втулку снабжено четко выделенной увеличенной шейкой, высота которой меньше ее ширины. Всего 1 экз. из 1 объекта: Большая Речка, раск. Гуляева.

Отдел V. Трехгранные. Перо наконечника имеет в поперечном сечении форму треугольника.

Тип 8. Килевидные. Размеры наконечника: перо – 13х2х1,8 см, втулка – 14,6х4 см. **Вариант а** – без плечиков (рис. 43.-13). Всего 1 экз. из 1 объекта: Барчиха, к., м. 2.

Отдел VI. Четырехлопастные. Перо наконечника представляет собой тело, состоящее из четырех лопастей: двух коротких и двух более длинных, в поперечном сечении имеющее форму четырехлучевой звезды.

Тип 9. Килевидные. Размеры наконечника: перо – 13х1,8х1,2 см, втулка – 10,5х3,5 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 43.-12). Всего 1 экз. из 1 объекта: Лесостепной Алтай, с.н.

Отдел VII. Четырехгранно-четырехлопастные. Перо наконечника представляет собой четырехгранное тело, в нижней половине которого сделаны четыре выемки-долы. Поперечное сечение верхней части пера имеет форму ромба, нижней части – форму четырехлучевой звезды.

Тип 10. Килевидные. Размеры наконечника: перо – 10,6х1,4х0,8 см, втулка – 11,7х3–3,2 см. **Вариант а** – с цилиндрическим утолщением (рис. 45.-6). Перо при переходе во втулку снабжено четко выделенной увеличенной шейкой, высота которой больше ее ширины. Всего 1 экз. из 1 объекта: Горный Алтай, с.н.

Раздел III. Коротковтульчатые. Длина втулки короче длины пера в 1,5 и более раза.

Отдел III. Четырехгранные (уплощенно-ромбовидные).

Тип 11. Вытянуто-ромбические. Размеры наконечника: перо – 11,3–15,4х3,7–4,2х0,8–1,6 см, втулка – 6,7–8,6х3–3,1 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 44.-5, 7, 8). Всего 3 экз. из 3 объектов: Быково-IV, к. 5; Верх-Кучук, с.н.; Черная Курыя-VI, сб.

Тип 12. Треугольные. Абрис пера приближается к удлинённому треугольнику. Размеры наконечника: перо – 18х3,9х1,3 см, втулка – 13,5х2,5 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 45.-1, 2). Всего 2 экз. из 2 объектов: Шипуновка, с.н.; Павловск, с.н.

Отдел VIII. Трехгранно-трехлопастные. Перо наконечника представляет собой тело, верхняя часть которого является трехгранником, а нижняя раскована на три лопасти. Поперечное сечение острия пера имеет форму треугольника, а остальной части – форму трехлучевой звезды.

Тип 13. Килевидные. Размеры наконечника: перо – 13,3х1,9х1,5 см, втулка – 8,8х2,1 см. **Вариант а** – с наклонными плечиками (рис. 43.-14). Всего 1 экз. из 1 объекта: Корболиха-VIII, к. 2.

В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 3 раздела, 8 отделов и 13 типов, дополненных 16 вариантами (рис. 46).

Железные наконечники копий (группа I) начинают изготавливаться с XI–X вв. до н.э. в различных районах Восточного Средиземноморья: Египет, Палестина, Сирия, Малая Азия, Греция и, судя по всему, в Иране (Литвинский Б.А., 2001, с. 167–168, 176, 187). Одна находка из Египта датируется еще раньше – XX/XIX вв. до н.э. (Горелик М.В., 2003, табл. XXXIII.-72). Уже в VIII–VII вв. до н.э. копья с наконечниками из железа становятся известны ассирийцам, урартам, скифам, а в VI–V вв. до н.э. распространяются в пределах Ахеменидской державы и у большинства кочевых племен западной части Евразийских степей (Литвинский Б.А., 2001, с. 178, 181–182, 185, 189–190, 197–198). В Восточной Азии первые железные наконечники копий появляются с конца IV–III вв. до н.э. (Горелик М.В., 2003, табл. XXXVIII.-65–67, 128–129). На Алтае они зафиксированы в курганах каменной культуры III–II вв. до н.э. (Могильников В.А., 1997а, с. 52, рис. 41.-1–2) и булан-кобинской культуры II – 1-й пол. IV вв. н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1996, рис. 1.-2). Во 2-й пол. IV–XII вв. н.э. наблюдается наиболее массовое применение железных наконечников копий алтайским населением (Горбунов В.В., 2005а, с. 68–71). Отдельные их находки известны для XIII–XIV вв. н.э. и эпохи позднего средневековья (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998б, с. 264, рис. 35–37; Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2005, рис.3.-4).

Наконечники копий с втульчатым насадом (разряд I) появились на Ближнем Востоке во 2-й пол. III тыс. до н.э., потеснив более ранние черешковые изделия, а к середине II тыс. до н.э. втульчатая конструкция насада абсолютно возобладала и в дальнейшем принципиально не менялась (Горелик М.В., 2003, с. 54). Все наконечники копий, найденные на Алтае, начиная с эпохи бронзы и до позднего средневековья, вне зависимости от материала, являются втульчатыми (Савинов Д.Г., 1975, рис. 2.-5–6, 15, 6.-1; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 5.-7, 6.-12; Мамадаков Ю.Т., 1996, рис. 1.-2; Могильников В.А., 1997а, рис. 41.-1–6; Тишкин А.А., Папин Д.В., 1998, рис. 3; Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 151–153; Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2005, рис. 3.-4) (рис. 42–45). Исключение составляет один бронзовый экземпляр, обнаруженный в кургане афанасьевской культуры Горного Алтая, который имел раздвоенный насад (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1992, с. 41, рис. 1).

Копья с железными наконечниками, снабженными длинными втулками (раздел I), для территории Алтая хронологически являются более ранними. Таковы каменные, булан-кобинские, одинцовские, раннетюркские и раннесросткинские экземпляры (Мамадаков Ю.Т., 1996, рис. 1.-2; Могильников В.А., 1997а, рис. 41.-1–2) (рис. 42.-1, 3–5; 43.-1–3). Их использование приходится на период с III в. до н.э. до середины X в. н.э. Раздел I представлен двумя отделами и тремя типами (рис. 46).

Изделия с пером линзовидного сечения (отдел I) типологически сменяют наконечники с двухлопастным пером и известны уже у скифов с конца VII в. до н.э. и у сарматов с IV в. до н.э. (Хазанов А.М., 1971, с. 48, табл. XXIV.-8, XXVII.-1–7, 10; Литвинский Б.А., 2001, с. 183, табл. 44.-6–7; Савченко Е.И., 2004, рис. 4.-2–3, 5, 8, 5.-1, 4). Их проникающие способности, очевидно, были выше, чем у двухлопастных, за счет более обтекаемой формы. В Центральной Азии копья с линзовидными наконечниками преобладают в саянско-горном комплексе вооружения конца I–III вв. н.э. (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 4.-1–2, 7–9). На Алтае линзовидное сечение встречается у наконечников каменной, булан-ко-

бинской, одинцовской, тюркской и сросткинской культур с III в. до н.э. до середины IX в. н.э. Отдел I делится на два типа и варианта (рис. 46).

Тип 1 включает наконечники с пером вытянуто-ромбической формы. Его происхождение, вероятно, связано с копьями раннего железного века, имевшими вытянуто-листо-видный абрис пера. Изменения произошли путем выделения наклонных плечиков, которые, преломляясь под тупыми углами, переходили в более длинное треугольное острие. Вполне сложившиеся формы таких наконечников известны у сяньби в конце I–III вв. н.э., но все они имеют короткие втулки (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 4.-2, 8–9). Видимо, от них данная форма пера была заимствована населением Горного Алтая, где вытянуто-ромбический наконечник, но уже с длинной втулкой обнаружен в булан-кобинском погребении II – 1-й пол. IV вв. н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1996, рис. 1.-2). Ближайшие аналогии типу 1 есть среди материалов кокзельской культуры Тувы II–V вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 32.-4–5, 9, 14). В рассматриваемый период на территории Алтая изделия типа 1 встречены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э., одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э., тюркской культуры 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э., сросткинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX вв. н.э. (табл. I.-17, 54; II.-21, 67). Датировка типа 1 определяется II – 1-й пол. IX вв. н.э.

Тип 2 представлен наконечником с пером шестиугольной формы. Скорее всего, он образовался в результате видоизменения типа 1, за счет уменьшения длины наклонных плечиков, придания боковым сторонам параллельного направления и переходу их в острие под тупыми углами. Зафиксирован такой наконечник в кургане тюркской культуры Горного Алтая 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э. (табл. I.-60).

Наконечники с пером четырехгранного сечения в виде плотного ромба (отдел II), возможно, произошли от наиболее толстых и узких линзовидных экземпляров. Наличие четырех граней при плотном теле пера обеспечивало ему отличные бронепробивные качества. Первые образцы копий с таким пером появляются на юго-востоке Монголии у сяньби в конце I–III вв. н.э. (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 4.-3–5). В эпоху «великого переселения народов» они заимствуются кочевниками Южной Сибири, а в период Тюркских каганатов распространяются по степному поясу Евразии. Их активное применение фиксируется до эпохи позднего средневековья (Кирпичников А.Н., 1976, с. 20, табл. III). На территории Алтая ромбовидное сечение встречается у наконечников булан-кобинской, тюркской и сросткинской культур с середины IV по XII вв. н.э. Отдел II представлен одним типом и вариантом (рис. 46).

Тип 3 имеет наконечник килевидной формы. Его происхождение может быть связано с типом 1, путем уменьшения длины плечиков и приданию боковым сторонам параллельного или слегка сужающегося направления с плавным переходом в острие. Наиболее ранние экземпляры с аналогичной формой пера, но короткой или равновеликой втулкой встречены в сяньбийских памятниках конца I–III вв. н.э. (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 4.-3–5). На Алтае изделия типа 3 найдены в комплексах сросткинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. II.-71, 220) и завершают собой местную линию развития длинновтульчатых наконечников.

Копья с наконечниками, равновеликими втулкам (раздел II), на территории Алтая хронологически следуют за экземплярами раздела I. Они составляют самую многочисленную и типологически разнообразную серию, включающую булан-кобинские, тюркские, сросткинские, кармацкие и горно-алтайские монгольского времени образцы (рис.42.-2, 6–7; 43.-4–13; 44.-1–4, 6; 45.-3–6). Их использование охватывает период с середины IV по XIV вв. н.э. Раздел II представлен шестью отделами и семью типами (рис. 46).

Экземпляры с ромбовидным сечением пера (отдел II) состоят из одного типа и трех вариантов (рис. 46).

Тип 4 по форме пера аналогичен типу 3, но более разнообразен в оформлении перехода пера во втулку. Помимо небольших наклонных плечиков (тип 4а), встречаются изделия с прямыми слабовыраженными плечиками (тип 4б) и без плечиков (тип 4в). Ранние изделия, аналогичные типу 4, есть в памятниках сяньби конца I–III вв. н.э. и кокзельской культуры II–V вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 32.-1; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 4.-4). В дальнейшем они фиксируются у кыргызов и самодийцев в VIII–X вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. X.-7; Чиндина Л.А., 1991, рис. 26.-26; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, рис. 33.-13; Илюшин А.М., 1999, рис. 5.-1). Много таких наконечников у населения Восточной Европы, где они активно применялись в VIII–XIII вв. н.э. (Кирпичников А.Н., 1966б, с. 16, табл. IX.-9; Измайлов И.Л., 1997, с. 58, рис. 31.-2–4, 32.-1–2, 34.-2–3). На Алтае экземпляры типа 4 найдены в комплексах булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э., тюркской культуры VIII–X вв. н.э., сросткинской культуры 2-й пол. IX–XII вв. н.э. (табл. I.-16, 79, 137; II.-77, 110, 143, 148, 162, 199, 226). Датировка типа 4 может быть определена в рамках II–XIII вв. н.э.

Наконечники с четырехгранным пером в виде уплощенного ромба (отдел III) могут происходить от двухлопастных образцов, у которых разделительные валики преобразовались в грани, или от толстых и широких линзовидных экземпляров. Уплощенно-ромбовидные наконечники были широко распространены у скифов и сарматов (Хазанов А.М., 1971, с. 47, табл. XXIV.-3, XXVI.-1–4; Литвинский Б.А., 2001, с. 183–184, табл. 44.-8, 16; Савченко Е.И., 2004, рис. 4.-1, 4, 6, 5.-2–3, 5–9). Сохраняется и даже возрастает их значение у народов Восточной Европы в эпоху средневековья (Кирпичников А.Н., 1966б, с.13–14, табл. VII; 1976, с. 20, табл. I–III; Измайлов И.Л., 1997, с. 64–67, рис. 36.-2, 37.-3, 38.-1–2, 39.-2). В Центральной Азии и Сибири наконечники отдела III известны с IX по XVII вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. X.-1–3, 5–6, XI.-1–2; 1991, рис. 5.-6, 19.-2, 74.-6; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, рис. 56.-1; Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2005, рис. 3.-11–12). На территории Алтая они встречаются в ареале сросткинской и кармацкой культур во 2-й пол. IX–XIV вв. н.э. Отдел III представлен одним типом и вариантом (рис. 46).

Тип 5 по форме пера аналогичен типу 1, но в среднем в два раза шире его. Такие изделия применялись байырку в IX–X вв. н.э., кыргызами в IX–XII вв. н.э., волжскими булгарами и другими народами Восточной Европы в X–XIII вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. X.-1–2, XI.-1; 1991, рис. 19.-2; Измайлов И.Л., 1997, с. 64–67, рис. 37.-3, 38.-1–2, 39.-2). На Алтае они найдены в памятниках сросткинской культуры 2-й пол. IX–XII вв. н.э. (табл. II.-126, 213, 229–230, 232). Датировка типа 5 определяется IX–XIII вв. н.э.

Наконечники копий с четырехгранным пером в виде прямоугольника (отдел IV) технологически могут восходить к отделу I или наконечникам стрел аналогичного сечения. Экземпляры с прямоугольным сечением пера достаточно редки и характерны для киданьских копий X–XII вв. н.э. (Горелик М.В., 2002, с. 51.-2, 5, 7–8). На Алтае такие наконечники известны в ареале кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. Отдел IV представлен двумя типами и вариантами (рис. 46).

Тип 6 по форме пера и его ширине аналогичен типу 1. Похожие наконечники есть среди вооружения киданей X–XII вв. н.э. (Горелик М.В., 2002, с. 51.-2, 7). На территории Алтая тип 6 относится к комплексу кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. (табл. II.-278). Его вероятная датировка X–XIV вв. н.э.

Тип 7 аналогичен по форме пера типам 3 и 4, но выделяется оформлением перехода пера во втулку. Помимо наклонных плечиков (тип 7а), есть изделие с утолщенной шейкой, напоминающей шайбу (тип 7б). По форме пера типу 7 близки киданьские изделия, но они коротковтульчатые и без плечиков (Горелик М.В., 2002, с. 51.-5, 8). Аналогии такой детали оформления, как выделенная шейка (тип 7б), встречаются у ряда монгольских наконечников копий в XIII–XIV вв. н.э. и русских изделий с рубежа XII/XIII по 1-ю пол. XVI вв. н.э. (Кирпичников А.Н., 1966б, рис. 1; 1976, табл. III; Горелик М.В., 2002, с. 66.-10, 12, 14, 16). На Алтае изделия типа 7 относятся к кармацкой культуре XIII–XIV вв. н.э. (табл. II.-244, 272). В целом тип 7 можно датировать X–XIV вв. н.э.

Изделия с трехгранным пером в виде треугольника (отдел V), скорее всего, восходят к наконечникам стрел с аналогичным сечением. Копья с трехгранными наконечниками известны у согдийцев в 1-й пол. VIII в. н.э., в монгольском вооружении XIII–XIV вв. н.э. и на Руси в 1-й пол. XVI в. н.э. (Кирпичников А.Н., 1976, табл. III; Распопова В.И., 1980, рис. 49.-11; Худяков Ю.С., 1991, рис. 74.-3; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 12.-2). Отдел V представлен одним типом и вариантом (рис. 46).

Тип 8 по форме пера аналогичен типам 3, 4, 7, а на уровне варианта – типу 4в. Наиболее близки ему монгольские экземпляры из Укека и Каракорума, причем последний также не имеет плечиков (Худяков Ю.С., 1991, рис. 74.-3; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 12.-2). На Алтае экземпляр типа 8 найден в погребении сrostкинской культуры 2-й пол. XI–XII вв. н.э. (табл. II.-198). Датировку типа 8 можно определить 2-й пол. XI–XIV вв. н.э.

Наконечник копья с четырехлопастным сечением пера (отдел VI) технологически может восходить к отделу II или наконечникам стрел с аналогичным сечением. Такие экземпляры достаточно редки и известны в комплексе вооружения волжских булгар X–XI вв. н.э. и монголов XIII–XIV вв. н.э. Отдел VI представлен одним типом и вариантом (рис. 46).

Тип 9 по форме пера аналогичен типам 3, 4, 7, 8, а на уровне варианта типам 3а, 4а, 7а. Такие же наконечники применялись волжскими булгарами и монголами (Измайлов И.Л., 1997, рис. 31.-1; Горелик М.В., 2002, с. 66.-13). Найденный на территории Алтая экземпляр типа 9 отнесен к вооружению сrostкинской культуры 2-й пол. IX–XII вв. н.э. (табл. II.-225). Вероятная датировка типа 9 – 2-я пол. IX–XIV вв. н.э.

Наконечник копья с четырехгранно-четырёхлопастным сечением пера (отдел VII) представляет собой комбинацию из отделов II и VI. Подобное сечение есть у наконечников копий киданей X–XII вв. и у одной находки из Барабы, которая относится к позднему средневековью (Горелик М.В., 2002, с. 51.-6). Отдел VII представлен одним типом и вариантом (рис. 46).

Тип 10 по форме пера аналогичен типам 3, 4, 7–9, а на уровне варианта близок типу 7б. Экземпляр типа 10 найден на территории Горного Алтая и отнесен к культуре монгольского времени XII–XIV вв. н.э. (табл. I.-160). Общая датировка типа 10 может быть определена X–XIV вв. н.э.

Копья с наконечниками, снабженными короткими втулками (раздел III), для территории Алтая хронологически являются наиболее поздними. Таковы сrostкинские экземпляры (рис. 43.-14; 44.-5, 7–8; 45.-1–2). Их использование приходится на период с середины IX по XIV вв. н.э. Наконечники раздела III представлены двумя отделами и тремя типами (рис. 46).

Экземпляры с уплощенно-ромбовидным сечением пера (отдел III) состоят из двух типов и вариантов (рис. 46).

Тип 11 по форме пера аналогичен типу 5. Такие экземпляры встречаются у кыргызов в XI–XII вв. н.э., волжских булгар в XII–XIII вв. н.э. и на Руси в XIV – 1-й пол. XVI вв. н.э.

(Кирпичников А.Н., 1976, табл. I.-2, II.-2, III; Худяков Ю.С., 1980, табл. XI.-2; Измаилов И.Л., 1997, рис. 36.-2). На Алтае наконечники типа 11 обнаружены в памятниках сросстинской культуры 2-й пол. IX–XII вв. н.э. (табл. II.-73, 228, 234). Общая датировка типа 11 может быть определена 2-й пол. IX – 1-й пол. XVI вв. н.э.

Тип 12 имеет перо треугольного абриса, которое в общем очень близко к форме типа 11. Отличие между ними состоит в менее наклонных плечиках, что делает перо типа 12 ближе к треугольной, чем вытянуто-ромбической форме. Аналогичные изделия есть в вооружении монголов XIII–XIV вв. н.э. и, вероятно, барабинских татар XVI–XVII вв. н.э. (Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, рис. 56.-1; Худяков Ю.С., 1991, рис. 74.-6). Обнаруженные на Алтае экземпляры типа 12 относятся к комплексам сросстинской культуры XI–XII вв. н.э. и кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. (табл. II.-236, 273). Датировка типа 12 – XI–XVII вв. н.э.

Наконечники с трехгранно-трехлопастным пером (отдел VIII) копируют наконечники стрел с аналогичным сечением. Подобное сечение для копий – большая редкость. Оно имеется на одном киданьском наконечнике X–XII вв. н.э. и у экземпляра из адыгского погребения Северного Кавказа XIV–XV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, рис. 40.-1; Голубев Л.З., 1997, рис. 2.-20). Отдел VIII представлен одним типом и вариантом (рис. 46).

Тип 13 по форме пера аналогичен типам 3–4, 7–10, а на уровне варианта типам 3а, 4а, 7а, 9а. Киданьский экземпляр отличается от типа 13 длинной втулкой, а адыгский наконечник – треугольной формой пера. На Алтае изделие типа 13 найдено в курганном погребении сросстинской культуры 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. II.-171). Вероятная датировка типа 13 – 2-я пол. X–XV вв. н.э.

Эволюция наконечников копий у населения Алтая в III–XIV вв. н.э. шла по линии сокращения длины втулки и перехода от линзовидного пера к граненым, обладающим лучшими проникающими свойствами. С точки зрения функциональной специализации среди них можно выделить пики (типы 1–4, 6–10, 13) и рогатины (типы 5, 11–12). Первые отличаются узким компактным пером, рассчитанным на глубокое проникновение. Разновидностью бронебойных пик являются экземпляры с ромбовидным и треугольным сечением (отделы II и V) и килевидной формой (типы 3–4, 7–10, 13) пера, которые имели наибольшие пробивающие качества. Линзовидное и прямоугольное сечение (отделы I и IV), а также вытянуто-ромбическая и шестиугольная формы (типы 1–2, 6), как представляется, были менее эффективны. Вероятно, изделия с этими признаками следует относить к разновидности «легких» пик, которые ориентировались на борьбу с «мягкодоспешным» противником. Не совсем ясно приращение перу наконечника четырехлопастного, четырехгранно-четырёхлопастного и трехгранно-трехлопастного сечения (отделы VI–VII), так как это дополнительно не усиливало бронебойные свойства пики. Возможность применения данных образцов в качестве метательных копий кажется нам маловероятной, учитывая их остальные параметры. Остается предположить, что наличие выемок в теле пера связано с функцией кровотоков. Рогатины имеют широкое массивное перо, способное наносить значительные по площади повреждения. Экземпляры с уплощенно-ромбовидным сечением (отдел III), вытянуто-ромбической и треугольной формами (типы 5, 11–12) для этого оптимальны. Те и другие копия могли использоваться в конном бою для нанесения таранного удара. Однако для пик это была узкоспециализированная функция, тогда как рогатины являлись более универсальным оружием. Они могли успешно применяться в пеших порядках, а также служили орудиями охоты (Горбунов В.В., 2005а, с. 73).

В эпоху «великого переселения народов» на Алтае фиксируется использование пик обеих разновидностей: «легких» – с длинной втулкой и линзовидным вытянуто-ромби-

ческим пером (тип 1) и бронебойных – равновеликих с ромбовидным килевидным пером (тип 4). Сложение изделий первого типа происходит на территории Горного Алтая. Такие их признаки, как длинная втулка и линзовидное сечение пера, восходят к одной из линий развития данного оружия в сарматской традиции (Хазанов А.М., 1971, с. 47–48). Похожее копьё применяло население каменной культуры Лесостепного Алтая последних веков до нашей эры, от которого они могли попасть в Горный Алтай. Вытянуто-ромбическая форма пера появляется у типа 1 из сяньбийской традиции, чье влияние на племена булан-кобинской культуры становится ощутимо со II в. н.э. От «булан-кобинцев» тип 1 наследует население одинцовской культуры и тюрки (рис. 47). Пики второй разновидности целиком заимствуются горно-алтайскими племенами у сяньби, не ранее середины IV в. н.э., и знаменуют собой новое для Алтая направление в эволюции копий, направленное на борьбу с тяжеловооруженным противником.

В эпоху раннего средневековья воины Алтая используют самый разнообразный набор копий. У населения тюркской культуры наблюдается применение трех типов. «Легкие» пики (типы 1–2), несмотря на появление новой шестиугольной формы пера (тип 2), видимо, достаточно быстро выходят из употребления. Бронебойные экземпляры (тип 4), наоборот, используются длительное время и составляют основу оружия таранного удара (рис. 47). Весьма представительна серия копий сrostкинской культуры, насчитывающая девять типов. На ее раннем этапе развития встречаются длинновтульчатые пики, из которых тип 1 «легкий» и наиболее архаичен, а тип 3 является его усовершенствованной бронебойной версией, в результате заимствования пера у типа 4. С середины IX в. н.э. в Лесостепном Алтае преобладание получают равновеликие наконечники копий и появляются первые коротковтульчатые образцы. Среди бронебойных пик ведущим становится тип 4, но фиксируются и новые одиночные версии (типы 8–9, 13), вероятно, отражающие дальнейший поиск наиболее оптимальных проникающих форм. С этого же времени у сrostкинского населения начинают распространяться копьё новой разновидности – рогатины (типы 5, 11–12). Их происхождение для территории Алтая может быть связано с восточной частью Центральной Азии, где наконечники копий с широким пером применялись от сяньбийского до позднемонгольского времени. Таким образом, в эволюции сrostкинского набора копий наблюдается достаточно четкая дифференциация на узкоспециализированные и универсальные типы таранного оружия, с преобладающим значением бронебойных средств (рис. 47).

В начале эпохи развитого средневековья на Алтае завершается развитие сrostкинской культуры с присущими ей особенностями вооружения. Набор копий следующей кармацкой культуры Лесостепного Алтая имеет свои отличительные черты. Наследием предыдущего периода является применение рогатин (тип 12), а пики представлены новыми «легкими» образцами (типы 6–7), происхождение которых можно связывать с киданьской и монгольской традициями. Среди вооружения культуры Горного Алтая этой эпохи известен один бронебойный наконечник пики (тип 10), также имеющий киданьские и монгольские черты. В целом воины Алтая развитого средневековья продолжали применять все разновидности копий известных ранее, но преобладание среди них получили пики, ориентированные на борьбу с легковооруженным противником (рис. 47).

Помимо вещественных источников, с территории Алтая происходит представительный корпус наскальных рисунков и предметов торевтики с изображениями воинов-копейщиков, относящихся к рассматриваемому времени (Новгородова Э.А., Горелик М.В., 1980, рис. 6–7; Монгол нутаг..., 1999, с. 61; Кубарев В.Д., 2002, рис. 2.-в; Горбунов В.В., 2003а, рис. 34–36; Черемисин Д.В., 2004, рис. 6, 12–14) (рис. 74). Они позволяют составить представление о копьёх как о цельной конструкции и сопоставить их с археологическими находками этого оружия.

Длина копий на рисунках, судя по соотношению с человеческими фигурами, составляет от 2 до 4 м. Есть образцы более короткие (рис. 74.-1, 5) и более длинные (Кубарев В.Д., 2002, рис. 2.-в), но, скорее всего, это результат стилизации изображений. Многие из копий отмечены бунчуками в виде кистей и лент, подвязанных под наконечниками (Горбунов В.В., 2003а, рис. 34.-8, 35.-3в) (рис. 73.-8–10). Бунчук мог крепиться и к втулке наконечника, которая для этого снабжалась специальным кольцом, как у изделия из сrostкин-ского кургана (рис. 43.-8). Встречаются рисунки, на которых бунчук имеет не только боевая часть копья, но и окончание древка или только оно одно (Горбунов В.В., 2003а, рис. 35.-3а–б, 13а) (рис. 73.-6). Есть копья, оформленные флажками (вымпелами), треугольной или прямоугольной формы, иногда двойными (Горбунов В.В., 2003а, рис. 35.-5б; Черемисин Д.В., 2004, рис. 13–14). Одно копьё отличает прямоугольный штандарт, подвешенный к древку на ремне или прибитый на планке (рис. 73.-1). Прежде всего бунчуки, флажки и штандарты боевых копий выполняли утилитарные военные функции, служа опознавательными и сигнальными знаками определенных отрядов и их командиров (Лю Маоцай, 2002, с. 33; Худяков Ю.С., 2005б, с. 359, 362).

На части изображений у копий выделены наконечники листовидных и ромбовидных очертаний (Горбунов В.В., 2003а, рис. 34.-3–4, 7–8, 35.-3–4, 9, 36.-1–2, 7–8; Черемисин Д.В., 2004, рис. 6) (рис. 74.-1, 5, 7). Несмотря на схематизм таких рисунков, можно предполагать в них реальные типы вытянуто-ромбических и шестиугольных форм, характерные для «легких» пик и рогатин. Значительная серия рисунков копий не имеет выделенного наконечника (Горбунов В.В., 2003а, рис. 35.-3б, 5б, 13а; Черемисин Д.В., 2004, рис. 12–14) (рис. 73.-1–2, 6, 8–10), что может быть объяснено наличием у них экземпляров килевидных форм, присущих бронебойным пикам. На некоторых копьях, вероятно, показаны втоки (Черемисин Д.В., 2004, рис. 13–14).

По иконографическим материалам можно выделить несколько способов боевого захвата копий:

1. Копье удерживается одной рукой, в горизонтальной позиции, на уровне пояса – нижней части груди. Рука отведена назад и согнута в локте. Данный захват используется всадниками-копейщиками для атаки конного и пешего противника (Горбунов В.В., 2003а, рис. 35.-3, 5, 13). Подобный способ был хорошо известен уже в македонской кавалерии, применявшей конный вариант длинного копья-сариссы.

2. Копье удерживается двумя руками, в горизонтальной позиции, на уровне пояса – нижней части груди. Руки воина широко расставлены, одна из них (направляющая) отведена назад и согнута в локте, а вторая (поддерживающая) вытянута вперед и, наверное, тоже согнута в локте параллельно древку. Копье может быть немного опущено наконечником вниз (рис. 73.-1–2, 6; 74.-1, 5, 7) или, наоборот, приподнято вверх (Горбунов В.В., 2003а, рис. 36.-1–2, 7–8). Данный захват используется как конными, так и пешими воинами (Горбунов В.В., 2003а, рис. 34.-3, 7–8; Черемисин Д.В., 2004, рис. 6). Пехота применяла такой способ со времен шумерской фаланги, а для конницы он известен с момента появления катафрактариев.

3. Копье удерживается двумя руками, в наклонно-горизонтальной позиции, на уровне головы. Руки воина широко расставлены и согнуты в локтях (Горбунов В.В., 2003а, рис. 35.-4, 9). Этот захват применяется конными воинами для атаки пеших стрелков (Горбунов В.В., 1998, с. 123), но известен и в поединках между всадниками (Черемисин Д.В., 2004, рис. 12–14). Данный способ не имеет ранних аналогов и характерен изначально именно для центрально-азиатской конницы.

4. Единичное изображение можно трактовать как захват копья одной рукой, на уровне головы, для удара сверху вниз (Черемисин Д.В., 2004, рис. 14). Этот способ известен с момента появления конницы и присущ ее легким и средним формированиям.

В положении перед боем копья удерживались одной рукой в наклонно-вертикальной позиции (Горбунов В.В., 2003а, рис. 34.-4) (рис. 73.-8–10).

По характеру изображений можно констатировать, что копья применялись воинами Алтая только как оружие таранного удара. Многие воины-копейщики имеют еще и стрелковое оружие: колчан со стрелами, лук в налучье, но действуют исключительно копьем. В батальных сюжетах воины-копейщики – это всадники, которые сражаются друг с другом или с пешими лучниками. В целом среди учтенных нами изобразительных материалов с военными сценами (Горбунов В.В., 1998, с. 102) насчитывается 35 воинов, применяющих копья (4 пеших и 31 конный), и 21 воин применяющий луки (18 пеших и 3 конных). Эти факты говорят о ведущей роли копья как кавалерийского оружия среди других видов наступательного вооружения у средневекового населения Алтая.

Относительно немногочисленная серия вещественных находок наконечников копий с территории Алтая, в сравнении с оружием дальнего и некоторыми видами ближнего боя, не согласуется с частыми изображениями копий на наскальных рисунках и предметах торевтики. Широкое применение копий тюрками засвидетельствовано письменными источниками как китайскими так и собственно тюркскими (Бичурин Н.Я., 1950, с. 229; Малов С.Е., 1951, с. 41–42, 67; 1959, с. 20, 29; Древнетюркский словарь, 1969, с. 517; Лю Маоцай, 2002, с. 19–20, 33). Технология изготовления железных наконечников копий и количество потребляемого металла также не могли служить препятствием для их массового производства (Зиняков Н.М., 1988, с. 100). Остается предположить, что копье обладало у кочевников Алтая достаточно высоким социальным и профессиональным статусом и в силу этих причин редко помещалось в погребальные и поминальные комплексы.

Глава II ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

2.1. Мечи и сабли

Меч – это достаточно длинное оружие рубяще-колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из основной монолитной конструкции, в которой выделяется поражающая часть – клинок и несущая часть – черен (Худяков Ю.С., 1980, с. 27). Важными дополнениями в конструкции меча являются такие, чаще всего отдельные, части, как перекрестие и детали рукояти: обкладка, обмотка, навершие, штифты, штыри, бляхи и обоймы.

Сабля – это достаточно длинное оружие рубяще-режущего и колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Ее основные конструктивные элементы совпадают с мечом, а главное отличие состоит в изогнутом клинке, характер изгиба которого придает выпуклость основному (фронтальному) лезвию.

В археологических и оружейведческих работах к мечам обычно относят только изделия с прямым двухлезвийным клинком. Экземпляры с прямым однолезвийным и однолезвийно-двухлезвийным клинком определяются как палаши, протосабли или описательно, например: однолезвийное клинковое оружие (Худяков Ю.С., 1980, с. 27, 33; Соловьев А.И., 1987, с. 65; Горелик М.В., 1995, с. 387, 392; 2003, с. 25, 33). Существует мнение, что изделия с прямым однолезвийным и однолезвийно-двухлезвийным клинком и наклонной рукоятью являются саблями (Худяков Ю.С., 1980, с. 39; Плотников Ю.А., 1981б, с. 164). Между тем исследователи неоднократно пытались взять за основу разделения меча и сабли основные функциональные особенности их действия (Потемкина Т.Н., 1998, с. 289–290). Для меча – это рубяще-колющий удар, для сабли – рубяще-режущий (Кирпичников А.Н., 1966а, с. 62; 1976, с. 23). В данном случае решающим признаком, влияющим на функцию изделия, является прямой или изогнутый (в сторону основного лезвия) клинок. Наклон рукояти принципиально не меняет механизм удара (Соловьев А.И., 1987, с. 65), а служит для более удобного захвата оружия, усиливая фехтующие возможности и именно: рубящие свойства относительно узких клинков. Учитывая приведенные аргументы, к мечам следует относить прямые клинки вне зависимости от количества лезвий и расположения рукояти, а изогнутые клинки (даже в незначительной степени) считать саблями. Термин *палаш*, наиболее часто используемый для обозначения прямых однолезвийных и однолезвийно-двухлезвийных клинков, не отражает особой функциональной нагрузки по сравнению с целиком двухлезвийными мечами. Он появился достаточно поздно, не ранее XV в. и характерен для узкоспециализированной терминологии европейского вооружения. В литературе уже отмечалось, что название «палаш» применительно к более раннему оружию выглядит не точно (Горелик М.В., 1995, с. 392). По нашему мнению, за всем оружием с длинным прямым клинком будет правильное сохранить общее название *меч* (оставив употребление специальных терминов для конкретных типов), а для удобства их различия использовать прилагательные: *двухлезвийный*, *однолезвийный*, *однолезвийно-двухлезвийный*, причем два последних обозначения применимы и для отличия сабель.

На Алтае вещественные остатки мечей и сабель, относящиеся к рассматриваемому периоду, обнаружены на 103 объектах. Это – как целые железные клинки с черенами, так и фрагменты подобных изделий, железные и бронзовые перекрестия, а также различные металлические и деревянные детали рукоятей и ножен. Всего нами учтено 93 меча и 17 сабель (табл. I.-113, 123, 129, 133, 160; табл. II.-37, 66, 117, 144, 163, 167, 198, 227, 231,

250, 255, 270). Часть фрагментарных находок однолезвийных и однолезвийно-двухлезвийных клинков из погребений сrostкинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. XI вв. н.э., отнесены к мечам условно, они вполне могли являться слабоизогнутыми саблями. Сведения о 11 мечах и 5 саблях ограничены только упоминаниями в публикациях (табл. I.-131–133; II.-36–38, 63, 109, 113, 151, 167, 184, 197–198, 255). На территорию Горного Алтая приходится 17 мечей и 5 сабель: 20 экз. – из курганных погребений (табл. I.-1–2, 9, 15, 19, 24, 36, 41, 58, 67, 69, 91, 112–113, 123, 129, 131–133, 144), 1 экз. – из поминальной оградки (табл. I.-54) и 1 экз. – случайная находка (табл. I.-160). С территории Лесостепного Алтая происходит 76 мечей и 12 сабель: 81 экз. – из курганных и грунтовых погребений (табл. II.-5, 9, 14, 18, 20, 23, 26, 36–39, 55, 58, 63–64, 66, 74, 79–82, 84–85, 88–89, 94, 96, 100–101, 108–109; 111, 113–114, 117, 119, 125–127, 129, 134, 136, 138, 141–144, 148, 150–155, 161–163, 165–168, 178, 180–181, 183–184, 186–187, 189, 194, 197–198, 250, 255), 2 экз. – сборы на могильниках (табл. II.-224, 227), 5 экз. – случайные находки (табл. II.-35, 219, 231, 233, 270). Системный анализ мечей и сабель проводился в рамках отдельных классификаций.

В первой классификации использовано 62 меча. Серию составили полные изделия, частично разрушенные экземпляры, сохранившие большинство основных параметров и фрагменты мечей, реконструируемые на основе сопоставления с целыми.

Для систематизации мечей их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления клинка и черена меча, разряд определяется количеством лезвий на клинке, раздел характеризует форму окончания клинка, отдел выявляет положение рукояти относительно оси клинка, тип информирует о наличии перекрестия и дает его характеристику (материал, форма, устройство), вариант сообщает о деталях, способствующих закреплению обкладки на черене рукояти и фиксации рукояти в руке.

Группа I. Железные. Клинок и черен меча откованы из цельной железной заготовки.

Разряд I. Двухлезвийные. Обе стороны клинка по всей длине снабжены лезвиями. В поперечном сечении полотно клинка имеет форму линзы или ромба.

Раздел I. С острым окончанием. Лезвия клинка плавно сходятся, образуя в месте своего соединения острый угол килевидной формы.

Отдел I. С прямой рукоятью. Черен рукояти расположен на одной оси с клинком, который в месте перехода в черен образует два покатых или прямых плечика.

Тип 1. Без перекрестия. Размеры меча: клинок – длина 60–84,4 см, тах ширина 3–6 см, тах толщина 0,8 см; черен – длина 10–17 см, тах ширина 2,2–3,2 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 49.-1–3). Рукоять не имеет дополнительных деталей. Всего 3 экз. из 3 объектов: Ближние Елбаны-XII, м.18; Ближние Елбаны-XIV, м. 29; Плоское, с.н. **Вариант б** – с двумя штифтами (рис. 48.-1). Черен снабжен двумя сквозными отверстиями, в которые вставлялись железные стержни, служившие для крепления деревянной обкладки рукояти. Она фиксировалась на черене расплющиванием верхней части стержней или надеванием на них шляпок-шайб. Всего 1 экз. из 1 объекта: Дялян, к. 13.

Тип 2. Ромбовидно-шестиугольные. Меч снабжен железным, цельным (напускным) перекрестием, имеющим в продольной плоскости форму ромба, у которого ровно срезаны длинные окончания, придающие изделию вид шестиугольника. Размеры меча: клинок – 69,5–70,5х4–4,8х0,8–1,2 см, черен – 10–12х3,2 см, перекрестие – длина 7–10 см, тах ширина 1,6–1,8 см, тах толщина 1,6–2 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 54.-7). Всего 1 экз. из 1 объекта: Гилево-VII, к. 7. **Вариант б** – с 2 штифтами (рис. 50.-3). Всего 1 экз. из 1 объекта: Кудыргэ, к. 9.

Раздел II. Со срезанным окончанием. Лезвия клинка соединяются косым ровным срезом, начинающимся выше на фронтальном лезвии и ниже – на тыльном.

Отдел II. С наклонной рукоятью. Черен рукояти расположен под тупым углом к оси клинка и наклонен в сторону фронтального лезвия. Клинок при переходе в черен образует два прямых плечика.

Тип 3. Прямоугольные. Меч снабжен железным цельным перекрестием, абрис которого в продольной плоскости напоминает прямоугольник. Размеры меча: клинок – 60х4х1,2 см, черен – 11,6х2,5х см, перекрестие – 8х2,4х2,4 см. **Вариант а** – с 1 штырем (рис. 51). К одной плоскости черена приварен железный стержень, фиксирующий обкладку рукояти аналогично штифтам, но только с одной стороны. Всего 1 экз. из 1 объекта: Иня-1, к. 25, м. 1.

Разряд II. Однолезвийные. Клинок снабжен лезвием только по фронтальной стороне, а тыльная его сторона откована в виде прямой спинки, постепенно сужающейся к острию. В поперечном сечении полотно клинка имеет треугольную, пятиугольную или килевидную форму.

Раздел II. Со срезанным окончанием. Лезвие соединяется со спинкой косым ровным срезом.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 4. Без перекрестия. Размеры меча: клинок – 77х3,6х1,5 см, черен – 15х2,8 см. **Вариант а** – с дисковым навершием и обоймой (рис. 48.-5). На торце деревянной обкладки рукояти при помощи железного стержня закреплялось каменное навершие в виде объемного диска. В средней части рукояти обкладка дополнительно скреплялась железной обоймой, снабженной одним штифтом. Всего 1 экз. из 1 объекта: Яломан-II, к. 30.

Тип 5. Прямоугольные. На основание клинка надето перекрестие, по форме близкое типу 3. Размеры меча: клинок – 7,3х0,9х0,2 см, черен – 3х0,5 см, перекрестие – 0,8х0,2 см. **Вариант а** – с кольцевым навершием (рис. 50.-2). Верхний край черена раскован таким образом, что образует навершие в виде несомкнутого кольца-крюка. Всего 1 экз. из 1 объекта: Кызыл-Таш, ог. 2 (вотивный).

Раздел III. С вогнуто-острым окончанием. Перед соединением с лезвием спинка клинка имеет заметный прогиб, придающий острию характерную форму.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 6. Без перекрестия. Размеры меча: клинок – 62–74,5х5–6х0,6–1,5 см, черен – 13–16х2,4–3 см. **Вариант а** – с кольцевым навершием (рис. 48.-2–3; 50.-1; 54.-2). Верхний край черена раскован в виде сомкнутого кольца или несомкнутого кольца-крюка. Всего 5 экз. из 5 объектов: Кок-Паш, к. 12, 29, 55; Усть-Бийке-III, к. 5; Гилево-I, к. 2.

Раздел IV. С полусегментным окончанием. Соединение лезвия со спинкой напоминает половину сегмента круга, где спинка является длинной прямой стороной, а лезвие – дугой. Эта дуга может быть крутой или пологой, что делает острие более широким, почти полукруглым или более узким – подтреугольным.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 7. Без перекрестия. Размеры меча: клинок – 58,2–92,6х3,2–4,5х0,8–2 см, черен – 10,3–14х2,2–3,8 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 54.-3). Всего 5 экз. из 5 объектов: Берель, к. 2; Чекановский Лог-9, м. 1; Кудыргэ, к. 12; Ябоган-I, к. 1; Усть-Калманский район, с.н. **Вариант б** – с 1 штифтом (рис. 49.-6). Всего 3 экз. из 3 объектов: Татарские Могилки, м. 4; Гилево-V, к. 5; Щепчиха-I, к. 4. **Вариант в** – с дисковым навершием (рис. 49.-5). Торце рукояти снабжен каменным навершием в виде сегментного диска, надетого на железный стержень. Всего 2 экз. из 2 объектов: Верх-Уймон, к. 13; Татарские Могилки, м. 4. **Вариант г** – с дисковым навершием, раструбом и колпачком (рис. 49.-7).

Окончание рукояти снабжено каменным диском, заключенным в футляр из золотой трубки-раструба и полушаровидного колпачка. Они украшены в полихромном стиле зернью и гнездами под каменные вставки. Всего 1 экз. из 1 объекта: Тугозвонovo, м. «князя».

Тип 8. Прямоугольные. На основание клинка надето железное цельное перекрестие, по форме близкое типу 3. Размеры меча: клинок – 64–78х2,8–4,4х1–1,2 см, черен – 10–16х3–3,6 см, перекрестие – 7,6–13х1,6–2,4х1,6–3,6 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 50.-4; 53.-1; 54.-5). Всего 5 экз. из 5 объектов: Кара-Коба-I, к. 85; Гилево-IV, к. 1; Гилево-V, к. 6; Луговское-1, к. 1; Сростки-I, к. 2 (1930). **Вариант б** – с кольцевым навершием (рис. 48.-4). Верхний край черена раскован в виде сомкнутого кольца. Всего 1 экз. из 1 объекта: Берель, к. 3. **Вариант в** – с колпачковым навершием (рис. 55.-2). На торец рукояти надевался бронзовый колпачок, снабженный для крепления штырем. Всего 1 экз. из 1 объекта: Грязново-II, к. 5. **Вариант г** – с колпачковым навершием и 2 бляхами (рис. 53.-2). На торец рукояти надевался бронзовый колпачок, а в ее обкладке, со стороны лезвия, закреплялись бронзовые бляхи, имевшие по два штыря и служившие фиксаторами для пальцев руки. Колпачок и бляхи украшены растительным орнаментом. Всего 1 экз. из 1 объекта: размеры: Сростки-I, к. 2 (1925).

Тип 9. Прямоугольно-шаровидные. Меч снабжен бронзовым или железным цельным перекрестием, центральная часть которого имеет параллельные стороны, а окончания сделаны в виде выделенных шариков. Размеры меча: клинок – 66–72х2,8–3х0,8 см, черен – 13,2х2,4–2,6 см, перекрестие – 7,4–10,8х1,2х1,8 см. **Вариант а** – с дисковым навершием (рис. 49.-4). На торец рукояти надевалось каменное навершие в виде уплощенного вогнутого диска, имеющего отверстие для стержня. Всего 1 экз. из 1 объекта: Ераска, м. **Вариант б** – с 1 штырем (рис. 53.-3). Всего 1 экз. из 1 объекта: Сростки-I, к. 4 (1925).

Тип 10. Крестовидные. Меч снабжен бронзовым составным (из двух половин) перекрестием, имеющим в продольной плоскости сложную форму. Ее основу составляет узкий прямоугольник с ромбовидным выступом посередине и расширенными окончаниями, что придает всему абрису определенную крестообразность. Перекрестие имеет прорезы на окончаниях и украшено элементами растительного орнамента и изображениями львов. Размеры меча: клинок – 83х4х1 см, черен – 12х2,5 см, перекрестие – 14х2,4х1,8 см. **Вариант а** – с колпачковым навершием и 2 бляхами (рис. 52). На торец рукояти надевался бронзовый двухсоставной колпачок, а в обкладке, под пальцы руки, крепились две бронзовые двухштырьковые бляхи. Они украшены растительным орнаментом, а колпачок еще и изображениями львов. Всего 1 экз. из 1 объекта: Сростки-I, раск. Копытова.

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 11. Без перекрестия. Размеры меча: клинок – 65–80х2,8–3,2х0,8–1,2 см, черен – 10,4–12х2,4 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 53.-6). Всего 3 экз. из 3 объектов: Солоновка, к. 1; Сростки-I, раск. Копытова; Ближние Елбаны-VII, м. 78.

Тип 12. Прямоугольные. Меч снабжен железным цельным перекрестием, по форме близким типу 3. Размеры меча: клинок – 65–83х3,5–4,5х0,8–1,2 см, черен – 10–15х2,5–4 см, перекрестие – 7–11,5х1,2–1,5х1,6 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 55.-1). Всего 4 экз. из 4 объектов: Ближние Елбаны-V, м. 6; Ближние Елбаны-VIII, к. 1, м. 5; Гилево-VII, к. 4, м. 2; Гилево-XII, к. 4, м. 1.

Тип 13. Крестовидные. Меч снабжен железным цельным перекрестием, по форме близким типу 10. У одного экземпляра не ромбовидный, а округлый выступ посередине. Размеры меча: клинок – 82,6х2,5–2,8х0,8–1,2 см, черен – 10,4х2,1–2,4 см, перекрестие – 9–10,8х1,6–2,8х1,8–2,4 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 53.-4). Всего 2 экз. из 2 объектов: Сростки-I, раск. Копытова; Усть-Козлуха, к. **Вариант б** – с 1 штырем (рис. 57.-1). Всего 1 экз. из 1 объекта: Филин-I, к. 1.

Разряд III. Однолезвийно-двухлезвийные. Большая часть клинка имеет лезвие на фронтальной стороне, тогда как тыльная его сторона откована в виде прямой спинки. Нижняя же часть клинка, от одной трети длины и меньше, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка имеет треугольную, пятиугольную или килевидную форму, а его двухлезвийная часть – форму ромба.

Раздел I. С острым окончанием. Лезвия клинка соединяются плавно или встречными наклонными срезами, образуя острый угол килевидной или треугольной формы.

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 14. Без перекрестия. Размеры меча: клинок – 65–70,6х2,4–3,2х0,6–1,2 см, черен – 8х1,6–2,4 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 53.-5; 57.-5). Всего 3 экз. из 3 объектов: Сростки-I, раск. Копытова; Ивановка-III, к. 1; Поповская Дача, к., м. 4. **Вариант б** – с 1 штифтом (рис. 54.-1; 57.-6). Всего 3 экз. из 3 объектов: Поповская Дача, к., м. 4; Прудской, к. 5; Усть-Калманский район, с.н. **Вариант в** – с 1 штырем. Всего 1 экз. из 1 объекта: Корболиха-VIII, к. 4.

Тип 15. Прямоугольные. Меч снабжен железным цельным перекрестием, по форме близким типу 3. Размеры меча: клинок – 63,8–71,8х2,2–4х1–1,6 см, черен – 8,6–13,2х1,6–2,6 см, перекрестие – 7,5–12,4х1,2–2,4х2,2–3 см. **Вариант а** – с кольцевым навершием (рис. 50.-8). Всего 1 экз. из 1 объекта: Яконур, к. 1, м. Е. **Вариант б** – с 2 штифтами (рис. 55.-4; 56). Всего 3 экз. из 3 объектов: Дмитротитово, к.; Комаришинский Карьер, к.; Прудской, к. 6, м. 1. **Вариант в** – с 1 штырем (рис. 54.-6). Всего 2 экз. из 2 объектов: Гилево-VII, к. 4, м. 2; Рогозиха-1, к. 10, м. 3.

Тип 16. Крестовидные. Меч снабжен железным цельным перекрестием, по форме близким типу 10. Размеры меча: клинок – 76,8–86х3,3–3,5х1,2 см, черен – 8,6–10,5х2,8х1 см, перекрестие – 8,4–11,2х1,2–2,4х2 см. **Вариант а** – с 1 штырем (рис. 54.-4). Всего 2 экз. из 2 объектов: Гилево-XII, к. 2; Ивановка-III, к. 2.

Тип 17. Фигурно-треугольные. Меч снабжен железным цельным перекрестием, имеющим в продольной плоскости форму прямоугольника с треугольным выступом посередине, обращенным вниз. Край выступа оформлен вырезами-ступеньками. Размеры меча: клинок – 87х4х1 см, черен – 10х3,6 см, перекрестие – 10х3х3 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 55.-3). Всего 1 экз. из 1 объекта: Щадринцево-1, к. 1, м. 2.

В результате систематизации материала выделены 1 группа, 3 разряда, 4 раздела, 2 отдела и 17 типов, дополненных 31 вариантом (рис. 60).

Меч как особое оружие ближнего боя развился из кинжалов с наиболее длинным клинком. Время его изобретения относится к последней четверти III тыс. до н.э., а родиной считается Малая Азия, где обнаружен самый древний экземпляр меча из метеоритного железа (Горелик М.В., 2003, с. 26, табл. XIV.-1). Регулярное применение железных мечей (группа I) начинается с начала I тыс. до н.э. в Сирии, Закавказье и Иране (Горелик М.В., 2003, с. 27–28). В VII–VI вв. до н.э. они начинают использоваться кочевниками евразийских степей и народами Средней Азии, а с III в. до н.э. населением Центральной Азии, Китая и Дальнего Востока (Худяков Ю.С., 1986, с. 217; Деревянко Е.И., 1987, с. 22–23; Литвинский Б.А., 2001, с. 215–236; Горелик М.В., 2003, с. 28–33, табл. XIV–XVII). На Алтае первые мечи, уже в железном материале, появляются в конце VI–V вв. до н.э. Все они найдены в лесостепи, в ареале каменной культуры и по своим параметрам и деталям оформления восходят к савромато-сарматской или сакской традиции (Иванов Г.Е., 1987, с. 17, рис. 5.-8, 7.-21; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б., 1995, с. 99–103, рис. 1; Могильников В.А., 1997, с. 36–47). Со II в. до н.э. в Горном Алтае появляются железные мечи новой конструкции, без перекрестия и навершия, которые, возможно, от-

носятся к центрально-азиатской традиции (Худяков Ю.С., 1997а, рис. 1.-14). На период IV–XII вв. н.э. приходится наиболее массовое использование железных мечей населением Алтая.

Двухлезвийные мечи (разряд I) являются наиболее древней, широко распространенной и долго применявшейся разновидностью длинноклинкового оружия ближнего боя. На территории Алтая они господствовали во 2-й пол. I тыс. до н.э. и первые века I тыс. н.э. В рассматриваемый период применение двухлезвийных мечей фиксируется до середины XI в. н.э., но не исключено и их более позднее бытование. Разряд I состоит из двух разделов и двух отделов (рис. 60).

Острое окончание клинка меча (раздел I) – также весьма широко известный во времени и пространстве признак, который придавал мечу его вторую, не менее важную по сравнению с рубящей, колющую функцию. На Алтае такие изделия абсолютно преобладали в течение всего времени использования мечей. Раздел I включает один отдел и два типа (рис. 60).

Мечи с прямой рукоятью (отдел I) составляют более половины изделий, учтенных в классификации, – 35 экз. На территории Алтая они встречаются до середины XI в. н.э. и типологически предшествуют изделиям с наклонной рукоятью. Отдел I представлен двумя типами и четырьмя вариантами (рис. 60).

Тип 1 состоит из экземпляров, не имеющих перекрестия. Данный признак служит достаточно устойчивым типологическим показателем. Конечно, не исключены случаи, когда у меча перекрестие могло быть утрачено или сделано из не сохранившихся органических материалов. Однако нахождение в закрытых археологических комплексах значительного числа мечей без перекрестия с хорошей сохранностью дерева и другой органики скорее говорит о том, что они изначально не имели данной детали. Использование мечей без перекрестий широко и давно известная практика. Основная функция перекрестия – служить упором руке, предотвращающим ее соскальзывание на клинок. У ряда мечей это могло достигаться расширением обкладки рукояти к основанию клинка, как, например, у сарматских, сяньбийских и кокзельских экземпляров (Хазанов А.М., 1971, с. 16; Худяков Ю.С., 1986, рис. 31.-4–6, 9; Худяков Ю.С., Юй Су Хуа, 2000, рис. 3.-2–5). Деревянный тлен от такого расширения был зафиксирован нами на мече в одном из булан-кобинских курганов (рис. 48.-5). Изделия без дополнительных деталей рукояти (тип 1а) хорошо известны среди сарматского и среднеазиатского вооружения I–V вв. н.э. (Хазанов А.М., 1971, с. 17–21, табл. XI.-1, 6, XII.-1–2; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 7.-1; Левина Л.М., 1996, рис. 85.-1). Для Центральной Азии не исключается их появление со II в. до н.э. и даже раньше (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, с. 89), что возможно подтверждается находкою фрагмента двухлезвийного клинка и рукояти на Дырестуйском могильнике (Миняев С.С., 1998, табл. 30.-13–14). Аналогичный меч найден в булан-кобинском памятнике II в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков Ю.С., 1997а, рис. 1.-14). Мечи с двумя штифтами для крепления обкладки рукояти (тип 1б), вероятно, распространяются с середины I тыс. н.э. Начиная со 2-й пол. IV в. н.э. такие образцы появляются в Горном Алтае (Тетерин Ю.В., 2004, с. 55, рис. 8.-1). Аналогичные экземпляры известны у кыргызов и населения Западной Сибири в VI–IX вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. III.-4–5; Соловьев А.И., 1987, рис. 10.-1). В рассматриваемый период мечи типа 1 обнаружены на Алтае в памятниках булан-кобинской культуры 2-ой пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. и одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. (табл. I.-15; II.-5, 9, 35). Общая датировка типа 1 определяется II в. до н.э. – IX в. н.э.

Тип 2 включает экземпляры с шестиугольно-ромбовидным перекрестием. На уровне вариантов (тип 2а–б) они аналогичны типу 1. Перекрестия, как у типа 2, появляются

с VI в. н.э. Наиболее ранние и территориально близкие образцы есть на мечах кыргызов (Худяков Ю.С., 1980, табл. II.-1–2). На Алтае изделия типа 2 встречаются в памятниках: тюркской культуры 2-й пол. VI – 1-й пол. VII вв. н.э. и сросткинской культуры 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. I.-67; II.-150). Датировку типа 2 можно определить в рамках VI–XI вв. н.э.

Срезанное окончание клинка меча (раздел II), как представляется, сильно уменьшало его колющую функцию, и, следовательно, такие изделия были рассчитаны в основном на рубящий удар. Срезанные клинки получают распространение у сяньби и в ханьском Китае с рубежа I/II вв. н.э. (Худяков Ю.С., Юй Су Хуа, 2000, рис. 3.-5, 8–10; Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, рис. 7.-14–17). Большое их количество обнаружено в Западной Сибири в основном в составе кладов, дата которых не позднее IX в. н.э. (Соловьев А.И., 1987, рис. 12–15; Чиндина Л.А., 1991, рис. 27.-2). Такие клинки особо стали популярны в Японии с VII–VIII вв. н.э. (Горелик М.В., 1995, с. 393). На Алтае данные изделия встречаются с середины IV до середины IX вв. н.э. Раздел II включает один отдел и один тип (рис. 60).

Наличие у меча наклонной рукояти (отдел II) делало более прочным захват оружия в руке и повышало силу рубящего удара. В нашей серии они составляют немного меньше половины экземпляров, учтенных в классификации, – 27 экз. Данный признак наблюдается у кенкольского меча IV–V вв. н.э., но пока это единичный случай (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 7.-8). Нам представляется, что наклон рукояти, как устойчивый признак, перешел к мечам от сабель около рубежа VII/VIII вв. н.э. На территории Алтая применение мечей отдела II зафиксировано с середины VIII до середины XI в. н.э., но весьма вероятно и более позднее бытование. Отдел II представлен одним типом и вариантом (рис. 60).

Тип 3 имеет прямоугольное перекрестие. Эта деталь появляется у сарматских и среднеазиатских мечей с III в. до н.э. (Хазанов А.М., 1971, табл. III, X.-4, 6–7; Левина Л.М., 1996, рис. 85.-5, 9; Литвинский Б.А., 2001, табл. 61.-1–2). К середине I тыс. н.э. такие перекрестия становятся длиннее и массивнее и используются очень широко (Горелик М.В., 1995, с. 389). По сочетанию таких признаков, как двухлезвийность и срезанное острие, меч типа 3 находит соответствия среди оружия сяньби II–III вв. н.э. и алан VII в. н.э. (Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В., 1997, рис. 2.-8; Худяков Ю.С., Юй Су Хуа, 2000, рис. 3.-5). Наличие на черене одного штыря для крепления обкладки рукояти (тип 3а) является оригинальной деталью, получившей распространение на юге Западной Сибири и в Восточном Казахстане с последней трети I тыс. н.э. (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1989, с. 81–82). Меч типа 3 обнаружен в кургане сросткинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX вв. н.э. (табл. II.-58). На Алтае это одна из самых ранних находок меча с наклонной рукоятью.

Однолезвийные мечи (разряд II) являются типологически более поздними. Отдельные их образцы изготавливались уже скифами в IV в. до н.э. (Горелик М.В., 2003, с. 35–36, табл. XVIII.-73–74). Однако самостоятельное возникновение этого оружия отмечается на востоке Азии у хунну и ханьцев в конце III в. до н.э., откуда они начинают распространяться по Евразии (Худяков Ю.С., 1986, рис. 11.-1; 2000, рис. 1.-1; Горелик М.В., 1995, с. 392). Не исключено, что однолезвийные мечи произошли от длинных боевых ножей, известных например, по материалам польцевской культуры Приамурья (Деревянко Е.И., 1987, с. 22–23, рис. 5). На территории Алтая применение однолезвийных мечей зафиксировано для 2-й пол. IV–XII вв. н.э. Разряд II состоит из трех разделов и четырех отделов (рис. 60).

Изделия со срезанным окончанием (раздел II) делятся на один отдел и два типа (рис. 60).

Экземпляры с прямой рукоятью (отдел I) представлены двумя типами и вариантами (рис. 60).

Тип 4 по отсутствию перекрестия аналогичен типу 1. Изделие с дисковым навершием и обоймой (тип 4а) близко сяньбийским мечам конца I–III вв. н.э., на рукоятях которых, правда, присутствует по несколько дисков-шайб (Худяков Ю.С., Юй Су Хуа, 2000, рис. 3.-1–5). На Алтае меч типа 4 найден в кургане булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. (табл. I.-41). Датировка типа 4 может быть определена в рамках II–V вв. н.э.

Тип 5 по наличию прямоугольного перекрестия аналогичен типу 3. Мечи с кольцевым навершием (тип 5а) появляются в III в. до н.э. на западе у сарматов и на востоке у хунну и ханьцев (Хазанов А.М., 1971, с. 9, табл. III; Худяков Ю.С., 1986, рис. 11.-2; 2000, рис. 1.-2). Навершия в виде несомкнутого кольца-крюка характерны для мечей Южной Сибири II–V вв. н.э. и Западной Сибири VI–IX вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, рис. 31.-1, 40.-2–3; Соловьев А.И., 1987, рис. 12.-2–3, 13.-5, 14.-2, 5–7, 15.-1; Чиндина Л.А., 1991, рис. 27.-1; Илюшин А.М., 1997, рис. 26.-7). Полная (по всем признакам) аналогия такому мечу есть в Елыкаевском кладе, дата которого не позже IX в. н.э. (Соловьев А.И., 1987, рис. 12.-2). На Алтае votивная копия типа 5 найдена на поминальнике тюркской культуры 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э. (табл. I.-54). Датировка типа 5 определяется V–IX вв. н.э.

Вогнуто-острое окончание (раздел III) придавалось клинку меча для усиления его колющей функции. Данный признак фиксируется на Алтае с середины IV до середины X вв. н.э. Раздел III включает один отдел и один тип (рис. 60).

Экземпляры с прямой рукоятью (отдел I) представлены одним типом и вариантом (рис. 60).

Тип 6 по отсутствию перекрестия аналогичен типам 1 и 4, а по наличию навершия в виде кольца-крюка (тип 6а) – типу 5а. Такие мечи обнаружены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э., тюркской культуры 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э. и сросткинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-19, 24, 36, 58; II.-74). Общая датировка типа 6 – IV–X вв. н.э.

Полусегментное окончание клинка меча (раздел IV) указывает на преобладание его рубящей функции, хотя экземпляры с пологим сужением острия сохраняли возможность для укола. Полусегментная форма окончания клинка известна уже у ханьских экземпляров и присуща многим однолезвийным мечам в дальнейшем (Худяков Ю.С., 2000, рис. 1.-1). На Алтае она фиксируется у изделий 2-й пол. IV – 1-й пол. XI вв. н.э. Раздел IV состоит из двух отделов и семи типов (рис. 60).

Экземпляры с прямой рукоятью (отдел I) представлены четырьмя типами и 11 вариантами (рис. 60).

Тип 7 по отсутствию перекрестия аналогичен типам 1, 4, 6. Экземпляры с гладким череном (тип 7а) совпадают с типами 1а, 2а. Такие же мечи есть у кыргызов в IX–X вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. IV.-5). Изделия с одним штифтом (тип 7б) находят полные аналогии в материалах Западной Сибири VI–IX вв. н.э. (Соловьев А.И., 1987, рис. 13.-7–9, 14.-1). Рукояти с дисковым навершием (тип 7в) применялись в боспорских и сарматских мечях II–IV вв. н.э. (Хазанов А.М., 1971, с. 16, табл. XIV.-4-5, 7), однако их происхождение связано с Китаем (Горелик М.В., 1995, с. 389). Более сложные и богато украшенные навершия из диска, колпачка и раструба (тип 7г) характерны для гуннских и среднеазиатских изделий эпохи «великого переселения народов», а самый близкий аналог обнаружен в погребении IV–V вв. н.э. из Барабы (Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1990, рис. 2–3; Засецкая И.П., 1994, табл. 3, 23, 45). На Алтае мечи типа 7 найдены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э., одинцовской культуры 2-й пол.

IV–V вв. н.э., тюркской культуры 2-й пол. VI – 1-й пол. VIII вв. н.э. и сросткинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. I.-1, 9, 69, 112; II.-20, 23, 26, 81, 194, 219). Видимо, именно к типу 7 относится большое число изображений мечей без перекрестия на тюркских каменных изваяниях Горного Алтая VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. (Кубарев В.Д., 1984, табл. I.-2, II.-15, V.-35, VII.-48, XVI.-99, XVIII.-112, XXI.-130, 133, XXII.-137, 139, XXIII.-141, 143–144, XXVII.-169, XXVIII.-172, XXXIII.-198–199, XXXIV.-203–204, XXXV.-207, XXXVI.-213, XXXVIII.-222) и двух бронзовых бляхах-подвесках сросткинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (Горбунов В.В., 2003а, рис. 36.-1–2). Общая датировка типа 7 определяется IV–XI вв. н.э., а для вариантов 7в–г – не позднее V в. н.э.

Тип 8 имеет прямоугольное перекрестие и по этому признаку аналогичен типам 3 и 5. Изделия с гладким череном (тип 8а) соответствуют типам 1а, 2а, 7а. Подобные мечи есть у кимаков в IX–XI вв. н.э. (Археологические памятники..., 1987, рис. 84.-9; Суворова Г.И., Ткачев А.А., 1995, рис. 2.-23). Экземпляр с кольцевым навершием (тип 8б) подобен типам 5а, 6а. Близкие ему мечи есть в оружейныхкладах Западной Сибири VI–IX вв. н.э. (Соловьев А.И., 1987, рис. 14.-6, 15.-1). Рукояти с колпачковым навершием (тип 8в) получают распространение в эпоху средневековья и встречаются на многих мечах и саблях. Наиболее близки типу 8в некоторые хазарские – IX–X вв. н.э. и южно-уральские – XII–XIV вв. н.э. образцы (Плетнева С.А., 1989, рис. 34; Иванов В.А., 1987, рис. 3.-3, 6, 8). Экземпляр с колпачковым навершием и бляхами (тип 8г) находит соответствия среди деталей кимакских рукоятей IX–XI вв. н.э. (Петенева Г.Г., 2001, рис. 1). Вероятно, подобные рукояти, но с тремя-четырьмя бляхами изображены на тюркских изваяниях 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. (Кубарев В.Д., 1984, табл. II.-11, VII.-48, XXXVI.-214). На Алтае мечи типа 8 найдены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э., тюркской культуры 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. и сросткинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-2, 91; II.-79, 82, 96, 119, 127). Мечи типа 8 можно подразумевать среди изображений этого оружия на каменных изваяниях тюрков Горного Алтая 2-й пол. VII – 1-й пол. X вв. н.э. (Кубарев В.Д., 1984, табл. II.-11, XIX.-114, XX.-121, XXX.-185, XXXI.-191–192, XXXVI.-214, XLI.-230, XLII.-233; Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1988, табл. IV.-5). Общая датировка типа 8 определяется IV–XI вв. н.э. Для вариантов 8в–г – не раньше VII в. н.э.

Тип 9 снабжен прямоугольно-шаровидным перекрестием. Его форма оригинальна, но шаровидные окончания встречаются у многих средневековых перекрестий мечей и сабель с VII по XII вв. н.э. Например, так оформлено оружие кыргызов и кимаков, хазар и мадьяр, алан и болгар и ряда других народов (Худяков Ю.С., 1980, табл. VI.-2, VII.-4; Плотников Ю.А., 1981, рис. 2.-3; Иванов В.А., 1987, рис. 3.-1–2; Измайлов И.Л., 1989, рис. 1; 1997, рис. 7.-1–2, 8.-3; Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В., 1997, рис. 2–3; Горелик М.В., 2001, рис. 1–2, 4; 2004, рис. 1.-4, 6–7, 3.-1–2). Обычно эти окончания опущены вниз, но встречаются и прямые разновидности, как у типа 9, который, судя по хронологии алтайских находок, является типологически более ранним. На уровне вариантов тип 9а соответствует типу 7в, а тип 9б – типу 3а. На Алтае мечи типа 9 найдены в памятниках одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. и сросткинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. II.-14, 129). Общая датировка типа 9 определяется IV–XII вв. н.э. Для варианта 9а – не позднее V в. н.э.

Тип 10 имеет крестовидное перекрестие. Данная форма появляется у мечей ханьского Китая в конце III–II вв. до н.э. (Худяков Ю.С., 2000, рис. 1.-1–2). Позднее, в III–IV вв. н.э., такие перекрестия известны у сарматского оружия (Хазанов А.М., 1971, табл. XIII.-5). В эпоху раннего средневековья крестовидные перекрестия распространяются по всей степ-

ной зоне Евразии и в сопредельных регионах. Они становятся длиннее и имеют массу нюансов в своей отделке. Экземпляры, подобные типу 10, есть у хазар в IX–X вв. н.э. (Плетнева С.А., 1989, рис. 35). На уровне варианта тип 10а соответствует типу 8г. Меч типа 10 обнаружен на памятнике сrostкинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. II.-126).

Экземпляры с наклонной рукоятью (отдел II) представлены тремя типами и четырьмя вариантами (рис. 60).

Тип 11 по отсутствию перекрестия аналогичен типам 1, 4, 6, 7, а на уровне варианта (тип 11а) – типам 1а, 2а, 7а, 8а. Изделия типа 11 встречены в памятниках сrostкинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. II.-125–126, 142). Изображения этих мечей есть на тюркских изваяниях Горного Алтая VIII – 1-й пол. X вв. н.э. (Кубарев В.Д., 1984, табл. II.-17, XXXVI.-212, XXXVII.-219) и одном наскальном рисунке тюркского воина 2-й пол. VIII–XI вв. н.э. (Горбунов В.В., 1998, с. 121, рис. 2.-2). Общая датировка типа 11 определяется VIII–XI вв. н.э.

Тип 12 имеет прямоугольное перекрестие и по данному признаку аналогичен типам 3, 5, 8, а на уровне варианта (тип 12а) – типам 1а, 2а, 7а, 8а, 11 а. Похожие мечи есть у кимаксов из комплексов IX–XI вв. н.э. (Плотников Ю.А., 1981б, рис. 1.-1–4; Суворова Г.И., Ткачев А.А., 1995, рис. 2.-22). На Алтае экземпляры типа 12 найдены в памятниках сrostкинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. II.-39, 143, 148, 154). Изображения таких мечей есть на тюркских изваяниях Горного Алтая VIII – 1-й пол. X вв. н.э. (Кубарев В.Д., 1984, табл. V.-36, XXXVI.-215) и двух бронзовых бляхах-подвесках сrostкинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (Горбунов В.В., 2003а, рис. 36.-7–8). Общая датировка типа 12 – VIII–XI вв. н.э.

Тип 13 снабжен крестовидным перекрестием, по общей форме подобным типу 10. Экземпляры с гладким череном (тип 13а) соответствуют типам 1а, 2а, 7а, 8а, 11а, 12а. Изделия с одним штырем (тип 13б) – типам 3а, 9б. Мечи типа 13 найдены в памятниках сrostкинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. II.-126, 186–187).

Однолезвийно-двухлезвийные мечи (разряд III) для территории Алтая составляют наиболее позднюю типологическую серию. Наличие второго, короткого лезвия, со стороны спинки клинка, делало их наиболее оптимальными для колющего удара. Не исключено, что обоюдоострость нижней части клинка была сначала опробована на сабле, а потом перешла к однолезвийным мечам. На Алтае применение однолезвийно-двухлезвийных мечей фиксируется во 2-й пол. IX–XII вв. н.э. Разряд III состоит из одного раздела и одного отдела (рис. 60).

Изделия с острым окончанием (раздел I) делятся на один отдел и четыре типа (рис. 60).

Экземпляры с наклонной рукоятью (отдел II) представлены четырьмя типами и восемью вариантами (рис. 60).

Тип 14 по отсутствию перекрестия аналогичен типам 1, 4, 6, 7, 11. На уровне вариантов: тип 14а соответствует типам 1а, 2а, 7а, 8а, 11а, 12а, 13а, тип 14б – типу 7б, тип 14в – типам 3а, 9б, 13б. Экземпляры типа 14 встречены в памятниках сrostкинской культуры 2-й пол. IX–XII вв. н.э. (табл. II.-111, 126, 165, 178, 180, 233).

Тип 15 имеет прямоугольное перекрестие и по данному признаку аналогичен типам 3, 5, 8, 12. На уровне вариантов: тип 15а – типам 5а, 6а, 8б, тип 15б – типам 1б, 2б, тип 15в – типам 3а, 9б, 13б, 14в. Подобные мечи известны у кыргызов в IX–XII вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. IV.-4). Оформление навершия небольшим кольцом, как у типа 15а, есть на кимакской сабле X–XI вв. н.э. (Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1999, рис. 4.-16). На Алтае экземпляры типа 15 найдены в памятниках сrostкинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол.

XI вв. н.э. и кыргызской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-144; II.-100, 108, 148, 181, 183). Датировка типа 15 может быть определена IX–XII вв. н.э.

Тип 16 снабжен крестовидным перекрестием, по общей форме подобным типам 10 и 13. Экземпляры с одним штырем (тип 16а) соответствуют типам 3а, 9б, 13б, 14в, 15в. Аналогичные мечи применялись кыргызами в X–XII вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. VII.-1). На Алтае изделия типа 16 найдены в памятниках сросткинской культуры 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. II.-153, 166). Общая датировка типа 16 – X–XII вв. н.э.

Тип 17 имеет фигурно-треугольное перекрестие. На уровне варианта (тип 17а) соответствует типам 1а, 2а, 7а, 8а, 11а, 12а, 13а, 14а. Аналогичный экземпляр, но без вырезов в нижней части перекрестия, есть среди оружия кыргызов X–XII вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. VII.-2). На Алтае меч типа 17 обнаружен в погребении сросткинской культуры 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. II.-189). Датировка типа 17 – X–XII вв. н.э.

В классификации сабель использовано 12 экз. Серию составили целые и частично поврежденные изделия, сохранившие большинство основных параметров.

Для системного описания сабель их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления клинка и черена сабли, разряд определяется количеством лезвий на клинке, раздел характеризует форму окончания клинка, отдел выявляет степень изогнутости клинка, тип информирует о наличии перекрестия и обоймы под ним, а также дает их характеристику (материал, форма, устройство), вариант сообщает о деталях, способствующих закреплению обкладки на черене и фиксации рукояти в руке.

Группа I. Железные. Клинок и черен сабли, откованы из цельной железной заготовки.

Разряд I. Однолезвийные. Клинок снабжен лезвием с выпуклой стороны полотна, а его вогнутая сторона откована в виде спинки. В поперечном сечении полотно имеет треугольную форму.

Раздел I. С острым окончанием. Лезвие и спинка клинка соединяются встречными наклонными срезами, образуя острый угол треугольной формы.

Отдел I. Слабоизогнутые. Прогиб клинка сабли составляет от 0,5 до 1,2 см. Данное расстояние вычисляется по перпендикуляру к условной прямой линии (от основания до острия клинка) в месте наибольшего прогиба спинки клинка.

Тип 1. Прямоугольные. На основание клинка сабли надето цельное железное перекрестие, по форме близкое прямоугольной фигуре. Размеры сабли: клинок – 62,4х2,6–3,8х1 см, черен – 10,6х3 см, перекрестие – 9–11,5х1,3–1,6х2,2 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 58.-1–2). Всего 2 экз. из 2 объектов: Чингис-2, к. 3, м. 1; Корболиха-X, к. 8.

Тип 2. Крестовидные, с язычковой обоймой. Сабля снабжена железным цельным перекрестием, имеющим в продольной плоскости форму прямоугольника с ромбовидным выступом посередине и расширенными окончаниями, что придает всему абрису крестообразность. Под перекрестием, на основании клинка, имеется железная обойма с длинным язычком со стороны лезвия. Окончание язычка фигурно расширено. Размеры сабли: клинок – 64,4х3,6х1,2 см, черен – 7,6х2,2 см, перекрестие – 10,5х2,5х2 см. **Вариант а** – с 1 штырем (рис. 58.-4). Всего 1 экз. из 1 объекта: Лесостепной Алтай, с.н.

Раздел II. С полусегментным окончанием. Лезвие соединяется с прямой спинкой полой дугой.

Отдел II. Сильноизогнутые. Прогиб клинка сабли составляет от 1,6 до 3,6 см.

Тип 3. Без перекрестия. Размеры сабли: клинок – 62,4–65,2х2,8х0,6 см, черен – 10,4–11,2х2–3,2 см. Один экземпляр является погребальной имитацией сабли, у которой недостающая часть клинка заменена деревянной моделью. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 59.-6–7). Всего 2 экз. из 2 объектов: Кармацкий, к. 9, м. 2; Горный Алтай, с.н.

Тип 4. Ромбовидно-шестиугольные. Сабля снабжена железным цельным перекрестием, имеющим в продольной плоскости форму ромба, у которого ровно срезаны длинные окончания, придающие изделию вид шестиугольника. Размеры сабли: клинок – 76х3,2х0,8 см, черен – 5,6х2,5 см, перекрестие – 9,6х2,4 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 58.-3). Всего 1 экз. из 1 объекта: Ближние Елбаны-VIII, к. 2, м. 2.

Разряд II. Однолезвийно-двухлезвийные. Большая часть клинка снабжена одним лезвием с выпуклой стороны, тогда как противоположная его сторона откована в виде спинки. Нижняя же часть клинка, от одной трети и меньше, раскована на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка имеет форму треугольника, а его двухлезвийная часть – форму ромба.

Раздел I. С острым окончанием. Лезвия клинка плавно сужаются, образуя в месте своего соединения острый угол килевидной формы.

Отдел I. Слабоизогнутые.

Тип 5. Прямоугольные, с обоймой. Сабля снабжена железным, цельным перекрестием, по форме аналогичным типу 1, и железной узкой обоймой в основании клинка. Размеры сабли: клинок – 62–82,5х3–3,2х1–1,2 см, черен – 8–12,5х2–2,4 см, перекрестие – 7,5–10,3х1,2–2х1,8–2,2 см. **Вариант а** – с 1 штифтом (рис. 50.-5, 7; 58.-5). Всего 4 экз. из 4 объектов: Джолин-I, к.9; Балтарган, м.; Займище, к.7, м.4; Лесной, сб.

Тип 6. Крестовидные, с язычковой обоймой. Сабля снабжена железным цельным перекрестием, аналогичным типу 2, и железной обоймой с коротким язычком со стороны лезвия. Размеры сабли: клинок – 77,5х2,5х1 см, черен – 9х1,6 см, перекрестие – 11,5х1,6х1,6 см. **Вариант а** – с 1 штифтом (рис. 50.-6). Всего 1 экз. из 1 объекта: Беш-Озек, к.

Раздел III. С елманью. Клинок сабли слегка расширяется к окончанию. Его острие выделено специальным скосом, идущим от спинки к лезвию, и имеет подтреугольную форму.

Отдел I. Слабоизогнутые.

Тип 7. С гардой и язычковой обоймой. Сабля снабжена железным цельным перекрестием, имеющим в поперечной плоскости форму овала. Верхняя (лицевая) поверхность гарды украшена изображениями драконов (рис. 59.-4). На основании клинка имеется обойма с длинным фигурным язычком со стороны лезвия (рис. 59.-5). Обе плоскости полотна клинка снабжены четырьмя узкими долами неравной длины. Размеры сабли: клинок – 76х3,8х1 см, черен – 15,2х2,4 см, перекрестие – 7,3х0,6х6,4 см. **Вариант а** – с 2 штифтами, колпачковым навершием и обоймой (рис. 59.-1). В черене пробито два сквозных отверстия, под крепежные стержни, помимо этого, на него надета обойма для дополнительной фиксации обкладки, а сверху на выступающем стержне закреплено навершие в виде колпачка. Обойма и навершие украшены изображениями драконов (рис. 59.-2–3). Всего 1 экз. из 1 объекта: Кабаково, с.н.

В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 2 разряда, 3 раздела, 2 отдела и 7 типов, дополненных 7 вариантами (рис. 61).

Железная сабля (группа I), безусловно, является венцом развития кавалерийского оружия ближнего боя. Ее типологическая преемственность с однолезвийным мечом не вызывает сомнений. Причем первые сабли могли получиться из мечей по чисто технологическим причинам, а затем, убедившись в эффективности «бракованного» оружия, его стали изготавливать специально.

Место и время изобретения сабли определяются по-разному. Большинство специалистов согласны с гипотезой Н.Я. Мерперта о возникновении сабли в VII–VIII вв. н.э., иногда корректируя ее 2-й пол. VII в. или рубежом VII/VIII вв., а вот среди основных

территорий называются степи Восточной Европы, Средняя Азия, Южная Сибирь, выдвигается то европейский, то азиатский приоритет (Соловьев А.И., 1987, с. 75; Крыганов А.В., 1990, с. 74–75; Кирпичников А.Н., Коваленко В.П., 1993, с. 126; Горелик М.В., 1995, с. 393; Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1995, с. 99; Измайлов И.Л., 1997, с. 19). На сегодняшний день можно считать установленным, что первые сабли появились у населения ханьского Китая в I–II вв. н.э. (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 120, рис. 7.-6, 20–22). Они имели слабоизогнутый клинок и у некоторых экземпляров наклонную рукоять, а в остальных деталях (полусегментное острие, крестовидное перекрестие, кольцевое навершие) копируют однолезвийные мечи. В дальнейшем бытование сабель зафиксировано на территории Китая в эпоху династии Северная Вэй (386–534 гг.). Это уже более изогнутые клинки, имеющие характерное для сяньбийского оружия срезанное окончание (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, рис. 6.-22). Скорее всего, ханьские сабли применялись пехотой, и лишь появление жесткого седла с высокими луками и изобретение стремян в сяньбийской среде сделало саблю эффективной в конном бою (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 120–121).

Продвижение сабли со своей прародине наблюдается в таком необычном регионе, как таежная зона Западной Сибири. Это серия изогнутых клинков из Елыкаевского клада, могильника Релка и Старицинского местонахождения (Соловьев А.И., 1987, рис. 15.-3–9, 17.-1–6). Широкая датировка этих комплексов VI–IX вв. н.э. Западносибирские сабли, как и многие однолезвийные мечи этого времени, по своим признакам: широкая полоса клинка, срезанное острие, кольчатое навершие – копируют сяньбийское оружие. Их первые экземпляры могли являться южным импортом, а встречающиеся чиненные рукояти говорят о длительном использовании исходных образцов.

Наиболее ранние находки сабель классического вида пока действительно относятся к VII–VIII вв. н.э. Для Азии это сабля из тюркского (тюркешского) погребения на Тянь-Шане (Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 10.-1). Инвентарный набор этого объекта, содержащий очень архаичные стремяна с Т-образной подножкой, в целом можно датировать 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. (Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 10–13). Для Восточной Европы это хорошо датированная нумизматическим материалом сабля из аланского комплекса на Северном Кавказе. Ее дата – не раньше начала VIII в. н.э. (Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В., 1997, с. 62, рис. 2.-5).

Учитывая имеющиеся материалы, можно определенно говорить о восточноазиатском возникновении сабли. Переход ее сяньбийской разновидности в классический средневековый вид ранее всего мог произойти у тюрков, но для окончательного решения этого вопроса нужны новые материалы и исследования. На территории Алтая вещественные находки сабель зафиксированы в памятниках 2-й пол. VIII–XIV вв. н.э., а их изображения можно подразумевать на тюркских изваяниях 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. Применение сабель продолжалось местным населением и в эпоху позднего средневековья (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2005, с. 47, рис. 1.-1–3).

Сабли с однолезвийным клинком (разряд I), безусловно, заимствуют этот признак у однолезвийных мечей и типологически являются более ранними. Однако в средневековых комплексах Алтая они существуют одновременно с экземплярами, имеющими обоюдоострое окончание. Использование изделий разряда I прослеживается весь период бытования сабель на Алтае. Разряд I состоит из двух разделов и двух отделов (рис. 61).

Острое окончание клинка (раздел I) придавало сабле дополнительную колющую функцию. На Алтае такие изделия характерны для периода 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. Раздел I включает один отдел и два типа (рис. 61).

Слабоизогнутые сабли (отдел I) составляют большую часть изделий, учтенных в классификации – 9 экз. Отметим, что даже незначительный прогиб клинка усиливал его режущие свойства. Одним из главных направлений развития клинка сабли являлось постепенное увеличение его кривизны. На территории Алтая слабоизогнутые сабли преобладают во 2-й пол. VIII–XII вв. н.э., но встречаются и в XIII–XIV вв. н.э. Отдел I представлен двумя типами и вариантами (рис. 61).

Тип 1 снабжен прямоугольным перекрестием, как у мечей типов 3, 5, 8, 12, 15. На уровне варианта (тип 1а) соответствует мечам типов 1а, 2а, 7а, 8а, 11а, 12а, 13а, 14а, 17а. Похожие сабли, но с различными деталями крепления рукояти есть у кимаков в IX–XI вв. н.э. (Плотников Ю.А., 1981б, рис. 2.-2; Археологические памятники..., 1987, рис. 63, 97.-20). На Алтае сабли типа 1 найдены в памятниках сросткинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. II.-66, 117). Датировка типа 1 определяется VIII–XI вв. н.э.

Тип 2 имеет крестовидное перекрестие, как у мечей типов 10, 13, 16. По наличию одного штыря на черене (тип 2а) он соответствует мечам типов 3а, 9б, 13б, 14в, 15в, 16а. Кроме того, основание клинка типа 2 снабжено обоймой с выступающим на лезвие язычком. Данный признак известен для мечей и сабель хазарского ареала с VIII в. н.э., а с середины XIII в. н.э. преобладает у большинства восточноевропейских и многих западно-азиатских изогнутых клинков (Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В., 1997, рис. 2.-5; Горелик М.В., 2004, рис. 1, 4–6). На востоке Азии язычковая обойма была характерна для кыргызских мечей (кроме двухлезвийных) и сабель IX–XIV вв. н.э., а также для клинкового оружия чжурчжэней и Китая XII–XIII вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. IV.-1, 6, V.-1–2, VI.-1–2, VII.-1, 3, VIII.-1, 3; 1997б, рис. 6–7; Горелик М.В., 2004, рис. 2.-1–4). На Алтае находка типа 2 отнесена к комплексу сросткинской культуры X–XII вв. н.э. (табл. II.-231).

Полусегментное окончание клинка (раздел II) акцентировало саблю на рубяще-режущей функции, хотя в силу своей вытянутости могло служить и для укола. На Алтае такие изделия характерны для памятников 2-й пол. X–XIV вв. н.э. Раздел II включает один отдел и два типа (рис. 61).

Сильноизогнутые сабли (отдел II) составляют всего 3 экз. из учтенных в классификации. Они обладали наиболее оптимальными рубяще-режущими свойствами. По имеющимся находкам можно предположить, что на территории Алтая первые сильноизогнутые сабли встречаются со 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. н.э., а начинают доминировать в XIII–XIV вв. н.э. Отдел I представлен двумя типами и вариантами (рис. 61).

Тип 3 по отсутствию перекрестия соотносится с мечами типов 1, 4, 6, 7, 11, 14, а по наличию гладкого черена (тип 3а) – с саблей типа 1а. Ближайшие аналоги имеются среди кимакского оружия X–XI вв. н.э., а отдаленные – в Волжской Булгарии XII–XIII вв. н.э. (Суворова Г.И., Ткачев А.А., 1995, рис. 2.-24; Измайлов И.Л., 1997, рис. 4.-2). На Алтае сабля-модель типа 3 найдена в погребении кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э., а целый экземпляр отнесен к комплексу культуры Горного Алтая монгольского времени XII–XIV вв. н.э. (табл. I.-160; II.-250). Общая датировка типа 3 может быть определена X–XIV вв. н.э.

Тип 4 снабжен ромбовидно-шестиугольным перекрестием, как у мечей типа 2, а на уровне варианта (тип 4а) соответствует саблям типов 1а, 3а. Такие же экземпляры, но с более длинным клинком есть у кочевников Поросья в конце XI – начале XIII вв. н.э. (Плетнева С.А., 1973, табл. 1.-1, 8, 12.-1, 13.-6). На территории Алтая сабля типа 4 найдена в погребении сросткинской культуры 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. II.-144). В целом датировка типа 4 укладывается в рамки 2-й пол. X–XIII вв. н.э.

Сабли с однолезвийно-двухлезвийным клинком (разряд II) обладали наилучшими колющими качествами. Представляется, что идея обоюдоострого окончания была взята у двухлезвийного меча и сначала опробована на саблях, а уже затем этот признак перешел на однолезвийный меч. Применение однолезвийно-двухлезвийных клинков прослеживается весь период бытования сабель на Алтае. Разряд II состоит из двух разделов и двух отделов (рис. 61).

Изделия с острым окончанием (раздел I) делятся на один отдел и два типа (рис. 61).

Слабоизогнутые экземпляры (отдел I) представлены двумя типами и вариантами (рис. 61).

Тип 5 имеет прямоугольное перекрестие, как у сабель типа 1. По наличию одного штифта на черене (тип 5а) соответствует мечам типа 146. Кроме того, основание клинка снабжено узкой прямой обоймой. Данный признак типологически предшествует обоймам с язычком. Обычная обойма, без выступа на лезвие, есть у меча VII в. н.э. из Мокрой Балки на Северном Кавказе, возможно, она присутствует на некоторых кимакских саблях IX–XI вв. н.э., а также встречается на клинках из сунского Китая XII–XIII вв. н.э. (Плотников Ю.А., 1981б, рис. 2.-1–2; Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В., 1997, рис. 2.-8; Горелик М.В., 2004, рис. 2.-6–7). Подобные типу 5 сабли, но без обоймы, известны у хазар в IX–X вв. н.э. и кимаков в X–XI вв. н.э. (Плетнева С.А., 1989, рис. 35; Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1993, рис. 4.-16). На Алтае изделия типа 5 обнаружены в памятниках тюркской культуры 2-й пол. VIII–XI вв. н.э. и сросткинской культуры 2-й пол. X–XI вв. н.э. (табл. I.-113, 129; II.-163, 227). Весьма вероятно, что сабли именно этого типа изображены на тюркских изваяниях из Горного Алтая 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э. (Кубарев В.Д., 1984, табл. XX.-120, XL.-228). Общая датировка типа 5 – VII/VIII–XI вв. н.э.

Тип 6 снабжен крестовидным перекрестием и язычковой обоймой, как у типа 2, и одним штифтом на черене (тип 6а), как у типа 5а. Язычок обоймы более короткий и ровный, что, возможно, является ранним типологическим признаком. Наиболее близкие аналоги типу 6 можно отметить среди кыргызских сабель X–XII вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. VIII.-1). На Алтае экземпляр типа 5 отнесен к комплексу тюркской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-123). В целом датировка типа 6 определяется IX–XII вв. н.э.

Оформление окончания сабли елманью (раздел III) делало клинок обоюдоострым и более массивным. Полоса такой сабли не сужалась, а наоборот, немного расширялась к окончанию. Елмань увеличивала не только колющую, но рубящую функции данного оружия. На Алтае такая сабля отнесена к XIII–XIV вв. н.э. Раздел III включает один отдел и один тип (рис. 61).

Слабоизогнутый экземпляр (отдел I) представлен одним типом и вариантом (рис. 61).

Тип 7 имеет перекрестие в виде овальной гарды. Такие изделия характерны для восточноазиатской оружейной традиции. Плоские гарды различной формы известны у мечей и сабель киданей, кыргызов и кыпчаков в X–XII вв. н.э., чжурчжэней и сунского Китая в XII–XIII вв. н.э., монголов в XIII–XIV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. IV.-2–3, VIII.-3; 1991, рис. 72.-2–4; Шавкунов В.Э., 1993, рис. 30; Горелик М.В., 2002, с. 50.-3–4, 57.-11–13, 63.-4–5). Наличие бортика и орнамента несколько сближают гарду типа 7 с позднесредневековыми маньчжурскими образцами, один из которых был найден на Алтае (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2005, с. 47, рис. 1.-2). Основание клинка типа 7 снабжено язычковой обоймой, как у сабель типов 2, 6, но ее длинный и фигурный язычок типологически позднее и характерен для изделий XII–XIV вв. н.э. (Горелик М.В., 2004, рис. 4,

6). Сочетание колпачкового навершия и отверстий под штифты (тип 7а), а также елмани находят соответствия в золотоордынском оружии XIII–XIV вв. н.э. (Горелик М.В., 2002, с. 63.-6, 64.-19), а наличие дол на клинке – в болгарских саблях XI–XIII вв. н.э. (Измайлов И.Л., 1997, рис. 2.-2, 3.-2–3). Орнамент деталей сабли типа 7, изображающий драконов, явно имеет китайское происхождение. Представляется, что данная сабля могла быть изготовлена юаньскими оружейниками в конце XIII – 1-й пол. XIV вв. н.э. На территории Алтая тип 7 обнаружен в ареале кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. (табл. I.-270).

Эволюция мечей и сабель у средневекового населения Алтая была направлена на создание конструкций, оптимальных для использования в кавалерийском бою. Отсюда вытекали основные требования к такому оружию: не слишком тяжелый вес, достаточная длина и акцент на рубящий и режущий удар. Колющая функция при всей своей важности для конного воина оставалась дополнительной.

В эпоху «великого переселения народов» на Алтае сформировался достаточно развитый набор длинно-клинкового оружия ближнего боя. Он состоял из двухлезвийных и однолезвийных мечей. Среди них встречаются как более длинные от 80 до 90 см, так и средние от 60 до 80 см клинки. Мечи с одним лезвием (5 типов) по разнообразию и количеству преобладают над обоюдоострыми изделиями (1 тип). Все изделия данного периода имели прямую рукоять. В это же время наблюдается появление первых перекрестий. Они имели небольшие размеры и прямоугольную и прямоугольно-шаровидную форму (рис. 62). Последняя форма оказалась весьма перспективной, поскольку шаровидные окончания позволяли лучше улавливать клинок противника. Набор мечей булан-кобинской культуры Горного Алтая (5 типов и 6 вариантов) выглядит весьма представительно. В нем очень отчетливо проявляется влияние хунно-саньбийской традиции, хотя присутствуют и отдельные черты сармато-кушанского воздействия. Можно говорить о выработке у булан-кобинцев и новых признаков оружия, таких как вогнуто-острое окончание клинка (тип 6) и крепление обкладки рукояти двумя штифтами (тип 1б). Набор мечей одинцовской культуры Лесостепного Алтая (3 типа и 6 вариантов) мало уступает горно-алтайскому комплексу в разнообразии и даже превосходит числом (9 экз. против 8 экз.). Его своеобразие выражается в более сильном влиянии сармато-кушанской традиции, что, очевидно, связано с продвижением кенкольского населения в алтайскую лесостепь. В одинцовском наборе фиксируется появление новой прямоугольно-шаровидной формы перекрестия (тип 9).

В раннем средневековье на территории Алтая происходит дальнейшее наиболее интенсивное развитие длинно-клинкового оружия ближнего боя. Помимо мечей с двумя и одним лезвиями, появляются сабли, видимо, с середины VII в. н.э. и однолезвийно-двухлезвийные мечи – с середины IX в. н.э. Преобладают средние клинки длиной 60–80 см, и лишь немногие экземпляры приближаются к 90 см. Мечи с одним лезвием (10 типов) составляют самую разнообразную и многочисленную серию. За ними следуют однолезвийно-двухлезвийные мечи (4 типа), однолезвийные сабли (4 типа), однолезвийно-двухлезвийные сабли (3 типа) и обоюдоострые мечи (2 типа). В начале этого периода среди мечей встречаются изделия только с прямой рукоятью. Ближе к рубежу VII/VIII вв. н.э. появляются, а с середины X в. н.э. начинают господствовать экземпляры с наклонной рукоятью. В данную эпоху происходит интенсивное развитие перекрестий, которыми снабжается все большее число мечей и сабель. Возрастает длина перекрестий, и внедряются, наряду с прямоугольной и прямоугольно-шаровидной, их новые формы: ромбовидно-шестиугольная, крестовидная, фигурно-треугольная (рис. 62). Данные изменения были направлены на повышение защиты руки, так как различные скосы и вырезы перекрестия улучшали улавливание клинка противника. В этом отношении самыми перспективными,

конечно, были крестовидные изделия. Клиновый набор тюркской культуры (5 типов и вариантов мечей, 2 типа и варианта сабель) достаточно разнообразен, но пока представлен небольшим числом находок (12 экз.). Среди тюркских мечей присутствуют как экземпляры, восходящие к булан-кобинскому оружию (типы 5–7), так и более передовые изделия (типы 2, 8). Особенно совершенно выглядят тюркские сабли (типы 5, 6). В тюркском наборе фиксируется появление обоюдоострого сабельного клинка и обоймы на его основании (тип 5), ромбовидно-шестиугольного перекрестия (тип 2). Судить о кыргызском клиновом оружии по алтайским материалам трудно. Имеется всего одна находка меча (тип 15а), которая, однако, демонстрирует вполне развитую конструкцию. Самым представительным по типовому разнообразию и числу находок (76 экз.) является клиновый набор сrostкинской культуры (14 типов и 20 вариантов мечей, 4 типа и варианта сабель). В его формировании прослеживаются многие тюркские и некоторые одинцовские черты (рис. 62). В сrostкинском комплексе вырабатывается целый ряд новых признаков мечей: крестовидное и фигурно-треугольное перекрестия (типы 10, 13, 16, 17), штырьковое крепление обкладки рукояти (типы 3а, 9б, 13б, 14в, 15в, 16а), колпачковые навершия и бляхи для пальцев руки (типы 8в–г, 10а). Можно говорить, что в этот период на Алтае существовали две традиции в изготовлении мечей и сабель: тюркская и сrostкинская.

Эпоха развитого средневековья озаменована для Алтая установлением господства сабли. Если в начале этого периода у населения сrostкинской культуры еще встречаются однолезвийные мечи, то для XIII–XIV вв. н.э. известны только сабли. Они представлены двумя разновидностями, из которых сильноизогнутые изделия (тип 3) известны и в Горном и в Лесостепном Алтае, а слабоизогнутый образец (тип 7) найден в лесостепи (рис. 62). Возможно, что изображение слабоизогнутой сабли без перекрестия есть на наскальном рисунке монгольского времени из Горного Алтая (рис. 74.-7). Все найденные экземпляры имеют средние параметры с длиной клинка 62–76 см. Новыми конструктивными элементами сабель являются елмань, доли на клинке, перекрестие в виде гарды, обойма на рукояти. Все они связаны с монгольской традицией, вобравшей в себя дальневосточное и китайское наследие.

Носились и хранились мечи и сабли в деревянных ножнах, которые обтягивались кожей или обклеивались полосами бересты (рис. 53.-3; 56.-1). Корпус ножен мог дополнительно скрепляться железными, реже бронзовыми и золотыми обоймами, в количестве от одной до четырех штук (рис. 48.-3; 49.-3, 6-7; 50.-3; 52.-1; 54.-5; 55.-1; 56.-7; 57.-4, 9; 59.-1). Нижняя часть ножен также могла иметь металлические детали. Встречается оковка корпуса листовым серебром, оканчивающаяся бутеролью, двух вариантов: до половины ножен (рис. 49.-7) и ближе к их окончанию (рис. 50.-4). Более утилитарный характер носили железные наконечники ножен: прямоугольной и сегментной формы (рис. 54.-4–5).

Подвешивание ножен к поясу производилось портупейными ремнями, закреплявшимися на ножнах при помощи скоб или колец. Прослеживаются два основных способа подвешивания ножен: на один и на два портупейных ремня. При первом из них к широкой поверхности ножен двумя штифтами крепилась железная скоба (рис. 49.-5). Между ней и корпусом пропускался ремень, который перегибался и соединялся с поясом, образуя подобие треугольника, где скоба составляла вершину, а пояс – основание. Меч при этом висел на поясе почти вертикально. Такой прием был широко распространен в Евразии с конца I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. (Горелик М.В., 1995, с. 388).

При втором способе к торцевой стороне ножен в двух местах, ближе к устью и к середине, прикреплялись железные, реже бронзовые детали. Это могли быть кольца, сделанные вместе с обоймами (рис. 48.-3); отдельные кольца, очевидно, привязывающие-

ся вокруг ножен (рис. 53.-2); кольца, вставленные в петли-пробой с фиксирующими пластинами (рис. 54.-4; 56.-1, 5–6; 57.-1–3, 6–8); крупные скобы, приклепанные к обоймам (рис. 52.-1, 5). Парные скобы сегментной формы изображены у большинства ножен на тюркских каменных изваяниях, где также показано подвешивание мечей и сабель к поясу на двух портупейных ремнях, в наклонном положении, рукоятью вперед (Кубарев В.Д., 1984, табл. II–XLII). Аналогичный способ демонстрируют бляхи-подвески сrostкинской культуры (Горбунов В.В., 2003а, рис. 36) и наскальный рисунок монгольского времени (рис. 74.-7). Почти на всех иконографических памятниках мечи и сабли размещены у воинов с левой стороны и только на одном наскальном рисунке встречается правое расположение этого оружия (Горбунов В.В., 2003а, рис. 35.-9). Данный прием ношения длинно-клинкового оружия получил распространение с середины I тыс. н.э. и быстро стал основным у многих народов Евразии.

Мечи и сабли по своему значению занимали равное место с луком и стрелами в комплексах вооружения средневековых кочевников Алтая. Они были повседневным оружием степного всадника и незаменимым в скоротечных конных схватках, связанных с набегам и различными рейдами. В правильном сражении, где главная роль отводилась копьём, мечи и сабли использовались на последней завершающей стадии боя (Горбунов В.В., 2003а, с. 96). Найденное на Алтае оружие этих видов не дает нам узкоспециализированных бронебойных образцов. Видимо, против пластинчатой брони они были малоэффективны и в основном предназначались для расчленения частей доспеха и поражения слабо защищенных участков.

Среди вещественных находок мечей и сабель в памятниках Алтая III–XIV вв. н.э. наблюдается существенная диспропорция. Большая их часть, 76 экз. из 110, относится к комплексу вооружения сrostкинской культуры. С одной стороны, это объясняется лучшей изученностью ее памятников, а с другой – наличием устойчивой традиции помещать в погребения воинов основные виды оружия ближнего боя. Эта практика явно отсутствовала в остальных общностях Алтая рассматриваемого времени. У населения булано-кобинской, одинцовской, тюркской и кармацкой культур мечи и сабли полагались умершим только в исключительных случаях, видимо, особо отличившимся воинам и военачальникам. Для тюрков можно констатировать широкое распространение этого оружия по его частому присутствию на каменных изваяниях. Только с территории Горного Алтая опубликовано 49 таких изображений (Кубарев В.Д., 1984, табл. I–L; Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1988, табл. IV). Это говорит о том, что на Алтае, по крайней мере в эпоху раннего средневековья, мечи и сабли были на вооружении у значительной части даже рядовых воинов. Имеющиеся иконографические источники с военными сюжетами показывают наличие длинно-клинкового оружия ближнего боя у пяти всадников (Горбунов В.В., 2003а, рис. 35.-9, 36.-1–2, 7–8) и только у одного пешего бойца (рис. 74.-7).

2.2. Боевые ножи и кинжалы

Боевой нож – это относительно короткое однолезвийное оружие режущего действия, предназначенное для ведения ближнего (рукопашного) боя. Состоит из монолитной конструкции, включающей поражающую часть – клинок и несущую часть – черен. Дополнительными деталями ножа являются навершие, перекрестие или упор в месте перехода клинка в черен. Однако чаще всего конструкция ножа ограничивалась только плечиками (пятами). Рукоять обычно была прямой, относительно оси клинка, но могла наклоняться в сторону лезвия, что делало более прочным захват оружия рукой. Клинок мог иметь раз-

личный профиль: прямой, вогнутый, выгнутый, S-видный, что корректировало степень поражающего действия (Горелик М.В., 2003, с. 11). Окончание клинка, как правило, делали острым, придающим изделию еще и колющую функцию.

К боевым ножам принято относить экземпляры с длиной клинка не короче 13 см и толщиной спинки не менее 0,3 см (Горелик М.В., 2003, с. 11). Этих стандартов мы старались придерживаться при учете материалов из средневековых памятников Алтая. Всего выделено 59 боевых ножей, которые обнаружены на 51 объекте (табл. I.-2–11, 13–14, 16, 19–20, 23–27, 29–30, 32–36, 38, 40–44, 60, 71, 113, 128, 139, 154–156; табл. II.-6, 10, 16, 20, 22, 24, 67, 104, 168, 271). Не исключено, что таких изделий в археологических памятниках гораздо больше, но при не полной сохранности отличить боевые и бытовые ножи трудно, так как многие признаки у них совпадают. Боевые ножи представлены целыми железными клинками с черенами, определяемыми фрагментами этих изделий, а также различными металлическими и деревянными деталями от рукоятей и ножен. Информация о шести ножах ограничена упоминаниями в публикациях или плохой сохранностью (табл. I.-2, 20, 25, 33; II.-16). Из памятников Горного Алтая происходит 48 боевых ножей, все из курганных погребений (табл. I.-2–11, 13–14, 16, 19–20, 23–27, 29–30, 32–36, 38, 40–44, 60, 71, 113, 128, 139, 154–156). На территорию Лесостепного Алтая приходится 11 боевых ножей: 10 экз. – из курганных и грунтовых погребений (табл. II.-6, 10, 16, 20, 22, 24, 67, 104, 168), 1 экз. – сборы на разрушенном могильнике или поселении (табл. II.-271).

В классификации использовано 53 боевых ножа. Серию составили целые экземпляры и изделия, частично поврежденные, но сохранившие большинство основных параметров.

Для системного описания боевых ножей их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления клинка и черена ножа, разряд определяется количеством лезвий на клинке и формой его поперечного сечения, раздел характеризует форму окончания клинка, отдел выявляет положение рукояти относительно оси клинка, тип информирует о наличии перекрестия и дает его характеристику (материал, форма, устройство), а вариант сообщает о деталях, способствующих закреплению обкладки на черене и фиксации рукояти в руке.

Группа I. Железные. Клинок и черен ножа откованы из цельной железной заготовки.

Разряд I. Однолезвийные, треугольные. Клинок снабжен лезвием с одной фронтальной стороны, а его тыльная сторона откована в виде спинки, постепенно сужающейся к острию. В поперечном сечении полотно клинка имеет форму треугольника, который за счет выпуклости боковых сторон может приближаться к килевидной или пятиугольной фигурам.

Раздел I. С острым окончанием. Лезвие и спинка в месте своего соединения образуют острый угол килевидной, треугольной или полусегментной формы.

Отдел I. С прямой рукоятью. Черен рукояти расположен на одной оси с клинком. При переходе клинка в черен образуются два прямых или покатых плечика или одно плечико со стороны лезвия. Если плечиков два, то, как правило, со стороны лезвия плечико больше, чем со стороны спинки. В редких случаях клинок переходит в черен почти ровно, без плечиков (рис. 63.-1).

Тип 1. Без перекрестия. Размеры ножа: клинок – длина 13–24, max ширина 1,5–2,8 см, max толщина 0,4–0,9 см, черен – длина 3,2–10 см, max ширина 1,2–2,2 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 63.-1, 8, 12; 64.-2–5, 8–9, 11). Рукоять не имеет дополнительных деталей. Всего 26 экз. из 22 объектов: Верх-Уймон, к. 5, 9, 11, 3 (2); Дялян, к. 1, 7; Кок-Паш, к. 28 (2), 31, 33, 37, 39, 41; Яломан-II, к. 31 (2); Троицкий Елбан-I, м. 1; Кудыргэ, к. 22; Джолин-I, к. 9. Узунтал-I, к. 2 (2); Ивановка-XX, к. 4; Кайгородка-V, к. 2; Кудыргэ, к. 14;

Тожан, м.; Усть-Бийке-III, к. 3. **Вариант б** – с брусковидным навершием (рис. 63.-7, 11). Верхняя часть черена заканчивается навершием в виде бруска, расположенного перпендикулярно оси рукояти. Всего 2 экз. из 2 объектов: Кок-Паш, к. 12; Ближние Елбаны-XIV, м. 31. **Вариант в** – с кольцевым навершием. Верхний край черена раскован в виде кольца-крюка. Всего 1 экз. из 1 объекта: Верх-Уймон, к. 12.

Отдел II. С наклонной рукоятью. Черен рукояти расположен под тупым углом к оси клинка и наклонен в сторону лезвия. Многие ножи данного отдела имеют слегка выпуклую спинку и вогнутое лезвие.

Тип 2. Без перекрестия. Размеры ножа: клинок – 13–16х1,6–2,8х0,4–0,8 см, черен – 4–6,2х1,8–2 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 63.-2, 4–5; 64.-10). Всего 12 экз. из 12 объектов: Верх-Еланда-II, к.10; Верх-Уймон, к. 4; Дялян, к. 3, 6; Катанда-I, к. 6; Кок-Паш, к. 54; Усть-Бийке-III, к. 4; Чендек, к. 9; Яломан-II, к. 30, 32, 33, м. 2; Калан-тырь, сб.

Раздел II. С вогнуто-острым окончанием. Лезвие, соединяясь со спинкой, образует острый угол, который со стороны спинки имеет заметный прогиб.

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 3. Без перекрестия. Размеры ножа: клинок – 14–16х2,5–3х0,6–1,4 см, черен – 4,5–6,5х2–2,5 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 63.-3, 6, 9–10). Всего 9 экз. из 7 объектов: Кок-Паш, к. 29, 36, 55 (2); Яломан-II, к. 32; Ближние Елбаны-XII, м. 34; Татарские Могилки, м. 4 (2); Тугозвоново, м. 3.

Разряд II. Однолезвийные, вогнуто-пятиугольные. В поперечном сечении полотно клинка напоминает пятиугольную фигуру с вогнутыми боковыми сторонами. Данная форма получается из-за наличия дол на полотне клинка.

Раздел I. С острым окончанием.

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 4. Без перекрестия, с упором. Переход клинка в черен оформлен утолщением в районе плечиков. Размеры ножа: клинок – 16х2,5х0,7 см, черен – 5х2 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 64.-1). Всего 1 экз. из 1 объекта: Яконур, к. 5.

Тип 5. Прямоугольные. Основание клинка снабжено железным цельным перекрестием прямоугольной формы. Размеры ножа: клинок – 13,2х2,5х0,6 см, черен – 3,8х2 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 64.-7). Всего 1 экз. из 1 объекта: Чингис-2, к. 7.

Раздел III. С елманью. Клинок ножа имеет заметное расширение к окончанию, выраженное уступом со стороны спинки. Его острие (двухлезвийное) плавно сужается, образуя острый угол килевидной формы.

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 6. Без перекрестия, с упором. Размеры ножа: клинок – 11,2х2,5х0,6 см, черен – 5,4х1,7 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 64.-6). Всего 1 экз. из 1 объекта: Кок-Эдиган, к. 1.

В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 2 разряда, 3 раздела, 2 отдела и 6 типов, дополненных 8 вариантами (рис. 65).

Боевые ножи являются одним из древнейших видов оружия ближнего боя. В железном материале (группа I) они начинают изготавливаться с первых веков I тыс. до н.э. на Ближнем Востоке и в Закавказье (Горелик М.В., 2003, с. 12). На Алтае первый период применения боевых ножей, отливавшихся из бронзы, приходится на II – начало I тыс. до н.э. (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 6.-9, 11; Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 119.-1–2, 148–150). В скифскую эпоху наблюдается полное господство кинжала. Возрождение интереса к боевому использованию ножей происходит в начале I тыс. н.э.

на территории Горного Алтая, где населением булан-кобинской культуры начинают изготавливаться достаточно длинные железные ножи, явно предназначавшиеся для военных целей (Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 4.-10, 7.-1).

Наличие одного лезвия треугольного сечения (разряд I) являлось для ножа наиболее оптимальным конструктивным решением, необходимым для выполнения его главной режущей функции. Поэтому большинству клинков присущ именно этот признак. Иногда, видимо, когда было нужно увеличить массивность ножа без увеличения его размеров, клинок мог иметь более выпуклое сечение почти килевидной или пятиугольной формы.

Острое окончание (раздел I) придавалось клинку ножа для выполнения дополнительной, но важной колющей функции. Большинство экземпляров нашей серии снабжено этим признаком. Раздел I включает два отдела и два типа (рис. 65).

Ножи с прямым череном (отдел I) составляют более половины изделий, учтенных в классификации, – 29 экз. На территории Алтая они встречаются в течение всего рассматриваемого периода. Отдел I представлен одним типом и тремя вариантами (рис. 65).

Тип 1 состоит из экземпляров, не имеющих перекрестия. Данная деталь у ножей была еще менее обязательной, чем у мечей и сабель. Основную функцию упора для руки здесь также выполняла рукоять, опирающаяся на плечики. Впрочем, последние тоже не играли большой роли, так как нередко имели малую ширину или наклон. Наличие одного плечика или их отсутствие дополнительно указывают на небольшое значение этого признака. Ножи без дополнительных деталей на рукояти (тип 1а) были распространены очень широко во времени и пространстве и отличались от бытовых изделий только своими размерами. Изделия с брусковидным (тип 1б) навершием, скорее всего, заимствуют эту деталь у кинжалов юэчжийско-кушанской традиции, а с кольцевым (тип 1в) навершием – у ножей и кинжалов хуннской традиции (Литвинский Б.А., 2001, табл. 61.-5; Давыдова А.В., 1996, табл. 70.-16, 21). На Алтае ножи типа 1 встречены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э., одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э., тюркской культуры 2-й пол. VI – 1-й пол. X вв. н.э., сросткинской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. XI вв. н.э., культуры Горного Алтая монгольского времени XIII–XIV вв. н.э. (табл. I.-5–8, 10, 14, 19, 23, 26–27, 30, 32, 34, 42, 71, 113, 128, 154–156; II.-10, 22, 103, 168). Датировка типа 1 для территории Алтая определяется 2-й пол. IV–XIV вв. н.э.

Ножи с наклонным череном (отдел II) составляют чуть менее половины изделий, учтенных в классификации, – 24 экз. Наличие такой конструкции обеспечивало более удобный захват оружия рукой и увеличивало режущие свойства ножа. На Алтае они также встречаются в течение всего рассматриваемого периода, но их массовые находки отмечены для булан-кобинских и раннеодинцовских памятников. Отдел II представлен одним типом и вариантом (рис. 65).

Тип 2 по отсутствию перекрестия и дополнительных деталей рукояти аналогичен типу 1а. Аналогичные бытовые и боевые ножи уже известны в памятниках хунну, а затем в материалах кокельской и таштыкской культур (Кызласов Л.Р., 1960, рис. 30.-8, 51.-7; Дьяконова В.П., 1970, табл. X.-22, 33; Коновалов П.Б., 1976, табл. XVI.-5, 8). Но наиболее характерны они для булан-кобинских погребальных комплексов начиная со II в. н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 4.-10, 7.-1; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, рис. 4.-1). В рассматриваемый период изделия типа 2 найдены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э., кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. (табл. I.-3–4, 11, 13, 16, 35, 38, 40–41, 43–44; II.-271). Датировка типа 2 для территории Алтая определяется II–XIV вв. н.э.

Вогнуто-острое окончание (раздел II) придавалось клинку ножа для усиления колющей функции. Среди ножей нашей серии этим признаком обладают только булан-кобинские и одинцовские экземпляры. Раздел II включает один отдел и один тип (рис. 65).

Экземпляры с наклонной рукоятью (отдел II) представлены одним типом и вариантом (рис. 65).

Тип 3 по отсутствию перекрестия и дополнительных деталей рукояти аналогичен типам 1а и 2. Такие изделия, по имеющимся данным, ранее всего появляются в Горном Алтае у населения позднего этапа булан-кобинской культуры и при его участии становятся известными в Лесостепном Алтае у воинов раннего этапа одинцовской культуры. Датировка типа 3 может быть определена 2-й пол. IV–V вв. н.э. (табл. I.-24, 29, 36, 43; II.-6, 20, 24).

Ножи с вогнуто-пятиугольным сечением лезвия (разряд II) обладали функцией кровотоков, что указывает на повышение роли колющего удара. Для Алтая их применение фиксируется в эпоху раннего средневековья.

Изделия с острым окончанием (раздел I) делятся на один отдел и два типа (рис. 65).

Экземпляры с наклонной рукоятью (отдел II) представлены двумя типами и вариантами (рис. 65).

Тип 4 является дальнейшим развитием типа 2. Его отличает присутствие упора под рукоять. Экземпляр типа 4 обнаружен в погребении тюркской культуры 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. н.э. (табл. I.-60). Изображения ножей этого типа есть на тюркских каменных изваяниях Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1984, табл. XXI.-133, XXVI.-158, XXXI.-190, XXXIII.-198–199, XLII.-233, L.-254), что говорит об их более широком и длительном применении, по крайней мере, до середины VIII в. н.э.

Тип 5 имеет напускное прямоугольное перекрестие и представляет собой более совершенную модификацию типа 4. Использование аналогичных перекрестий характерно для кинжалов булан-кобинской культуры со II в. до н.э. до середины IV в. н.э. (Соенов В.И., 1999, рис.13.-6; Мамадаков Ю.Т., 1996, рис. 1.-1) и восходит к юэчжийско-кушанской традиции (Литвинский Б.А., 2001, табл. 58.-1, 3, 6–7, 59.-1–2, 8, 61.-3–13). Боевые ножи, близкие типу 5, но отличающиеся крестовидной формой перекрестия, известны у кыргызов и самодийцев в VII–IX вв. н.э. (Евтюхова Л.А., 1948, рис. 30; Чиндина Л.А., 1991, рис. 27.-8). На Алтае экземпляр типа 5 обнаружен в кургане сросткинской культуры 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX вв. н.э. (табл. II.-67). Изображения таких ножей присутствуют на тюркских каменных изваяниях 2-й пол. VII – 1-й пол. X вв. н.э. (Кубарев В.Д., 1984, табл. XX.-121, XXIII.-143, XXV.-151, XXXVI.-214, XXXVII.-218; Кубарев В.Д., Кочев В.А., 1988, табл. V.-7), которые и очерчивают хронологические рамки их бытования.

Оформление окончания ножа елманью (раздел III), придающей клинку обоюдоострость и большую массивность, безусловно, усиливало колющую функцию данного оружия. На Алтае применение этого признака большая редкость и встречено еще только у саби. Раздел III включает один отдел и один тип (рис. 65).

Экземпляр с наклонной рукоятью (отдел II) представлен одним типом и вариантом (рис. 65).

Тип 6 по наличию упора под рукоять аналогичен типу 4 и является его типологическим продолжением. Нож типа 6 найден в Горном Алтае на памятнике кыргызской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-139).

Боевые ножи средневекового населения Алтая, безусловно, являлись лишь вспомогательным оружием ближнего боя. Об этом говорят как их относительно небольшие параметры, так и развитый набор длинно-клинкового оружия в виде мечей и сабель. Очевид-

но, основными областями боевого применения ножей являлись тесная рукопашная схватка и единоборство. Незаменимы они были в качестве средства личной безопасности. При-
сущие ножам универсализм и компактность делали удобным их постоянное ношение.

Кинжал – это относительно короткое двухлезвийное оружие колющего действия, предназначенное для ведения ближнего (рукопашного) боя. Состоит из монолитной конструкции, включающей поражающую часть – клинок и несущую часть – черен. К дополнительным деталям кинжала относятся перекрестие, навершие и обоймы для обкладки рукояти, но многие изделия имеют только плечики. Рукоять и клинок кинжала обычно были прямыми. Кинжалы с более длинным клинком обладали еще и режущей функцией, а с более широким клинком – рубящей (Горелик М.В., 2003, с. 15).

В средневековых памятниках Алтая вещественные остатки кинжалов обнаружены на 16 объектах. Это целые железные клинки с черенами и фрагменты подобных изделий, а также различные металлические и деревянные детали рукоятей и ножен. Сведения о двух кинжалах ограничены только упоминаниями в публикациях (табл. I.-86; II.-197). Сохранность одного экземпляра не позволяет дать его полную характеристику (табл. II.-132). На территории Горного Алтая найдено 7 кинжалов, все из курганных погребений (табл. I.-15, 28, 65, 86, 100, 118, 142). С территории Лесостепного Алтая происходит 9 кинжалов из курганных и грунтовых погребений (табл. II.-23, 42, 69–70, 97, 132, 152, 197, 206).

В классификации использовано 13 кинжалов. Серию составили целые экземпляры и изделия, частично поврежденные, но сохранившие большинство основных параметров.

Для системного описания кинжалов их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления клинка и черена ножа, разряд определяется количеством лезвий на клинке и формой его поперечного сечения, раздел характеризует форму клинка в продольной плоскости, отдел выявляет положение рукояти относительно оси клинка, тип информирует о наличии перекрестия и дает его характеристику (материал, форма, устройство), а вариант сообщает о деталях, способствующих закреплению обкладки на черене и фиксации рукояти в руке.

Группа I. Железные. Клинок и черен кинжала откованы из цельной железной заготовки.

Разряд I. Двухлезвийные, линзовидные. Обе стороны клинка по всей длине снабжены лезвиями. В поперечном сечении полотно клинка имеет форму линзы.

Раздел I. Килевидные. Лезвия клинка от основания идут параллельно и плавно сходятся на острие, напоминая киль корабля.

Отдел I. С прямой рукоятью. Черен рукояти расположен на одной оси с клинком, который в месте перехода в черен образует два покатых или прямых плечика. Очень редко клинок может переходить в черен почти ровно, без плечиков (рис. 66.-8).

Тип 1. Без перекрестия. Размеры кинжала: клинок – длина 10,5–20,5 см, тах ширина 2–3,8 см, тах толщина 0,3–0,7 см, черен – длина 3,2–12,5 см, тах ширина 1,6–2,4 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 66.-5, 9, 11–12). Рукоять не имеет дополнительных деталей. Всего 5 экз. из 5 объектов: Катанда-3, к. 16; Иня-1, к. 2, м. 2; Ближние Елбаны-VI, к. 4, м. 3; Грязново-III, к. 2, м. 2; Змеевка, к. 2, м. 2. **Вариант б** – с овальным навершием (рис. 66.-1). Торец рукояти оформлен деревянным навершием в виде плоского неровного овала. Всего 1 экз. из 1 объекта: Кок-Паш, к. 34. **Вариант в** – с волUTOобразным навершием (рис. 66.-8). Верхний край черена раскован на две округлые фигуры, имеющие спиралевидные завитки. Всего 1 экз. из 1 объекта: Ближние Елбаны-VI, к. 4, м. 1.

Тип 2. Прямоугольные. Основание клинка кинжала снабжено серебряным цельным перекрестием, имеющим в продольной плоскости форму прямоугольника. Его широкие

плоскости украшены геометрическим орнаментом из напаянных пластинок, образующих треугольные и ромбовидные гнезда со вставками золотой фольги и камней. Размеры кинжала: клинок – 18х2,2х0,7 см, рукоять – 10,4х1,2 см, перекрестие – 3,2х1,3х1 см. **Вариант а** – с дисковым навершием, пластиной и 2 обоймами (рис. 66.-3). Обкладка рукояти закрепляется двумя золотыми обоймами, украшенными в полихромном стиле рядами зерни и гнездами под каменные вставки, а сверху фиксируется каменным диском и золотой пластиной с зернью и каменной вставкой. Всего 1 экз. из 1 объекта: Тугозвоново, м. «князя».

Раздел II. Треугольные. Лезвия клинка от основания к острию сходятся почти прямыми линиями, напоминая равнобедренный треугольник.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 3. Без перекрестия. Размеры кинжала: клинок – 8,8–15,8х2,5–4х0,3–0,4 см, черен – 4–6,5х1–1,8 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 66.-4, 6–7). Всего 3 экз. из 3 объектов: Кудыргэ, к. 4; Курай-III, к. 6; Чинета-II, к. 12.

Разряд II. Двухлезвийные, ромбовидные. В поперечном сечении полотно клинка имеет форму ромба.

Раздел I. Килевидные.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 4. Без перекрестия. Размеры кинжала: клинок – 13,6–20х2,8–3,5х0,4–0,7 см, черен – 5–6х1,8–2,3 см. **Вариант а** – с гладким череном (рис. 66.-2, 10). Всего 2 экз. из 2 объектов: Дялян, к. 13; Гилево-XII, к. 1.

В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 2 разряда, 2 раздела, 1 отдел и 4 типа, дополненных 6 вариантами (рис. 67).

Железные кинжалы (группа I) в виде отдельных находок известны с XIV в. до н.э., а их постоянное производство начинается с VIII в. до н.э. (Литвинский Б.А., 2001, с. 215, 220; Горелик М.В., 2003, табл. V.-18, VI). На Алтае применение кинжалов фиксируется с начала II тыс. до н.э. и имело непрерывный характер. До VI в. до н.э. все кинжалы делались из бронзы (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 3.-7–9, 5.-4, 6.-4–7; Тишкин А.А., Папин Д.В., 1998, рис. 1–2; Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 113.-9; Ситников С.М., 2002, рис. 1–2). В скифскую эпоху появляются их первые железные образцы, которые окончательно вытесняют свои бронзовые аналоги лишь к рубежу IV/III вв. до н.э. (Иванов Г.Е., 1987, с. 17; Могильников В.А., 1997, с. 36; Кочеев В.А., 1999а, с. 76). В I тыс. н.э. железные кинжалы являлись важным вспомогательным средством в рукопашном бою у воинов Алтая, хотя в разнообразии и количественном отношении уступали боевым ножам.

Кинжалы с линзовидным сечением клинка (разряд I) известны на Алтае с середины I тыс. до н.э. В рассматриваемый период они являлись наиболее разнообразной и многочисленной серией.

Изделия с клинком килевидной формы (раздел I) восходят к прототипам раннего железного века, когда такой абрис был преобладающим. Раздел I включает один отдел и два типа (рис. 67).

Все кинжалы нашей серии имеют прямой черен (отдел I), который являлся наиболее оптимальным для осуществления их главной колющей функции. Отдел I представлен двумя типами и четырьмя вариантами (рис. 67).

Тип 1 состоит из экземпляров, не имеющих перекрестия. Этот признак у кинжалов аналогичен ножам. Изделия без дополнительных деталей на рукояти (тип 1а) распространяются на Алтае со II в. до н.э. у населения булан-кобинской культуры и восходят к хуннской традиции (Давыдова А.В., 1996, табл. 9.-5; Худяков Ю.С., 1997а, рис. 1.-13, 3.-1–4). Изображение кинжала типа 1а есть на тюркском изваянии 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX вв. н.э.

из Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1984, табл. X.-71). Кинжал с овальным навершием (тип 1б), продолжает собой развитие горно-алтайских образцов II – 1-й пол. IV вв. н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1996, рис. 1.-1; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001, рис. 2.-4). Экземпляр с волютообразным навершием (тип 1в) тоже происходит от булан-кобинских кинжалов II в. до н.э. – I в. н.э. (Соенов В.И., 1999, рис.13.-6). Аналогичное навершие имеет рукоять из самодийского кургана VI–VIII вв. н.э. в Кузнецкой котловине (Илюшин А.М., 1999, рис. 36.-9). В рассматриваемый период кинжалы типа 1 встречены в памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э., тюркской культуры 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. н.э., сросткинской культуры 2-й пол. VIII–XII вв. н.э. (табл. I.-28, 100; II.-42, 69–70, 97, 206). Общая датировка типа 1 для территории Алтая определяется II в. до н.э. – XII в. н.э.

Тип 2 имеет напускное прямоугольное перекрестие и богато оформленную рукоять. По своим функциональным деталям этот кинжал восходит к юэчжийско-кушанской традиции рубежа эр (Литвинский Б.А., 2001, табл. 59.-1–2, 8), а по декоративным – к кенкольским и гуннским материалам IV–V вв. н.э. (Засецкая И.П., 1994, с. 74, табл. 45). На Алтае экземпляр типа 2 обнаружен в погребении одинцовской культуры 2-й пол. IV–V вв. н.э. (табл. II.-67).

Изделия с клинком треугольной формы (раздел II) являются для Алтая хронологически более поздними и зафиксированы только в эпоху раннего средневековья. Данный абрис, безусловно, усиливал у кинжала колющие свойства. Раздел II включает один отдел и один тип (рис. 67).

Экземпляры с прямой рукоятью (отдел I) представлены одним типом и вариантом (рис. 67).

Тип 3 по отсутствию перекрестия и дополнительных деталей рукояти аналогичен типу 1а. Близкие изделия широко применялись народами Европы в XI–XIII вв. н.э. (Измайлов И.Л., 1997, с. 56, рис. 29). На Алтае находки типа 4 сделаны в памятниках тюркской культуры 2-й пол. VI – 1-й пол. IX вв. н.э. и кыргызской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-65, 118, 142).

Кинжалы с ромбовидным сечением лезвия (разряд II) имели широкое распространение в раннем железном веке. В рассматриваемый период на Алтае встречаются редко.

Изделия килевидной формы (раздел I) делятся на один отдел и один тип (рис. 67).

Экземпляры с прямой рукоятью (отдел I) представлены одним типом и вариантом (рис. 67).

Тип 4 по отсутствию перекрестия и дополнительных деталей рукояти аналогичен типам 1а и 3. Подобные кинжалы известны у сяньби во II–III вв. н.э., курыкан и шивэй в VI–X вв. н.э. и кыргызов в IX–X вв. н.э. (Евтюхова Л.А., 1948, рис. 121; Худяков Ю.С., 1991, рис. 5.-1–2, 31.-1, 6; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 3.-11). На Алтае изделия типа 4 обнаружены в кургане булан-кобинской культуры 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. н.э. и в кургане сросткинской культуры 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. н.э. (табл. I.-15; II.-152). Датировка типа 4 определяется II–XI вв. н.э.

Кинжалы, применяемые воинами Алтая, являлись вспомогательным средством ближнего боя. Интересно, что китайские летописи называют кинжалы тюрков поясными украшениями (Лю Маоцай, 2002, с. 19). Основные области их использования совпадали с боевыми ножами, но кинжалы можно считать более специализированным видом оружия.

Эволюция боевых ножей и кинжалов у средневекового населения Алтая берет свое начало в предыдущем хунно-сяньбийском времени, когда населением булан-кобинской культуры были освоены основные формы этих видов оружия. В эпоху «великого пересе-

ления народов» наблюдается наибольшее типологическое разнообразие вспомогательных средств ближнего боя, которые к тому же достаточно часто помещались в погребальные комплексы. Ведущим являлся булан-кобинский набор вооружения, включавший три разновидности боевых ножей (типы 1–3) и две кинжалов (типы 1, 4). Особое внимание в нем придавалось усилению режущих и колющих свойств у ножей. Набор вооружения одинцовской культуры представлен двумя разновидностями боевых ножей (типы 1, 3) и одной кинжалов (тип 2). Его ножи почти копируют горно-алтайские аналоги, а кинжал является наследием среднеазиатской (кенкольской) традиции.

В раннем средневековье вспомогательное оружие ближнего боя применялось в Горном Алтае населением тюркской и кыргызской культур, в Лесостепном Алтае населением сrostкинской культуры. Тюркский набор включал две разновидности боевых ножей (типы 1, 4) и две кинжалов (типы 1, 3). В его развитии прослеживается дальнейшая тенденция к усилению проникающих качеств оружия. Это выразилось в появлении новых форм сечения клинка у ножей (тип 4) и его абриса у кинжалов (тип 3). В тюркских погребально-поминальных комплексах находки боевых ножей и кинжалов очень редки, однако их частое изображение на каменных изваяниях свидетельствует об обязательном присутствии в воинской экипировке. Кыргызский набор вооружения включал по одной разновидности боевых ножей (тип 6) и кинжалов (тип 3). Для конструкции первых отмечается появление нового признака, усиливающего колющую функцию – елмани (тип 6). Набор оружия ближнего боя сrostкинской культуры представлен двумя разновидностями ножей (типы 1, 5) и кинжалов (типы 1, 4), которые в своем изготовлении следуют в русле тюркской и предшествующей ей булан-кобинской традиций.

В эпоху развитого средневековья на Алтае наблюдается применение только боевых ножей, за исключением поздних памятников сrostкинской культуры, наиболее простых форм, по одной разновидности которых имеется у горно-алтайских (тип 1) и лесостепных (тип 2) воинов.

Носились и хранились боевые ножи и кинжалы в деревянных ножнах. Футляры ножей могли дополнительно скрепляться широкими железными обоймами, одной или двумя и подвешивались к поясу при помощи железных цепочек из витых 8-видных звеньев и колец (рис. 63.-2–3, 9–11). Окончание ножен иногда снабжалось железным наконечником трапецевидной формы (рис. 63.-11). Перечисленные детали характерны для булан-кобинского и одинцовского снаряжения. Полную оковку корпуса листовым серебром, со вставками из золотой фольги, бутероль, семь обойм и две пряжки имели ножны кинжала из одинцовского погребения в Тугозвоново (рис. 66.-3). Они подвешивались к поясу двумя портупейными ремнями, застегнутыми на пряжки. Такой же способ подвешивания наблюдается у тюркских ножей и кинжалов на каменных изваяниях. Они крепились к ремням через сегментные скобы аналогично мечам и саблям, но располагались почти по центру пояса с легким наклоном или параллельно ему (Кубарев В.Д., 1984, табл. V–L).

Боевые ножи и кинжалы, обнаруженные в средневековых памятниках Алтая, не являлись бронебойным оружием. Вероятно, некоторые их типы, с елманью и треугольным клинком, могли повредить кольчугу, но, скорее всего, были бессильны против железного пластинчатого доспеха. В тесном рукопашном бою с тяжеловооруженным противником назначение ножа и кинжала состояло в нанесении удара по стыкам и сочленениям частей бронепокрытия, свободным или защищенным «мягким» доспехом участкам.

Судя по находкам боевых ножей и кинжалов в погребальных памятниках, они состояли на вооружении различных слоев общества. Это могли быть самые бедные (безлошадные) воины и богатые военачальники высокого ранга.

Помимо кинжалов, средневековые воины Алтая могли применять еще один вид короткого оружия колющего действия – стилет. Единственная похожая находка сделана в кургане тюркской культуры 2-й пол. VI – 1-й пол. VII вв. н.э. на территории Горного Алтая (табл. I.-67). Это железное изделие, состоящее из клинка и рукояти (рис. 66.-13). Клинок имеет килевидную форму, с острым окончанием и четырехгранное (прямоугольное) сечение. Его длина 14,5 см, тах ширина 1,5 см, тах толщина 0,6 см. От рукояти сохранилась часть деревянной основы и железной пластинчатой накладки с крепежными штифтами и петлей для подвешивания (Гаврилова А.А., 1965, табл. XVII.-11). Общая длина этих фрагментов 12 см. Характер крепления рукояти к клинку не совсем ясен. Клинок мог через слабовыраженные плечики переходить в прямой плоский черен. На последний с обеих сторон накладывались деревянные планки и железные пластины, скрепляемые штифтами. Данное оружие было рассчитано на сильный проникающий удар и, вероятно, предназначалось для пробивания доспеха в тесной рукопашной схватке. Впрочем, полной уверенности в том, что изделие, обнаруженное на могильнике Кудыргэ, является стилетом, у нас нет.

2.3. Боевые топоры и кистени

Боевой топор – это оружие ударно-колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из двух основных отдельных частей: поражающей – боек или собственно топор и несущей – рукоять или древко-топорище (Худяков Ю.С., 1980, с. 62; Горелик М.В., 2003, с. 37). Боевые топоры от универсальных и рабочих отличают меньшие размеры, более узкий клинок и, как правило, наличие четко выделенного, более длинного обуха (Кирпичников А.Н., 1966б, с. 29; Худяков Ю.С., 1980, с. 63).

На Алтае в памятниках рассматриваемого периода найдено 10 боевых топоров на 8 объектах (табл. I.-108, 113–114, 126, 134, 136; табл. II.-218, 269). Это целые или незначительно поврежденные железные бойки. Один раз зафиксировано деревянное топорище, которое имело прямой профиль и сохранившуюся длину более 30 см (Кубарев В.Д., 1992, рис. 1.-5). На территории Горного Алтая обнаружено 8 топоров: 5 экз. из курганных погребений (табл. I.-108, 113–114, 136), 3 экз. в составе тайников (табл. I.-126, 134). В Лесостепном Алтае известно всего 2 топора, оба случайные находки (табл. II.-218, 269).

В классификации использовано 10 боевых топоров. Серию составили целые и незначительно поврежденные изделия.

Для системного описания боевых топоров их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления, разряд определяется способом насада на древко-топорище, раздел выявляет соотношение высоты обуха и проуха, отдел характеризует форму проуха со стороны отверстия (вид в фас), тип сообщает о форме клинка с широкой стороны полотна (вид в профиль), а вариант информирует о деталях оформления обуха.

Группа I. Железные. Все топоры нашей серии изготовлены из железа.

Разряд I. Проушные. Деревянная рукоять (древко-топорище) вставляется в топор через сквозное отверстие-проух, образуя по отношению к оси топора перпендикуляр. Все изделие в сборке имеет Г-образную форму.

Раздел I. Высокообушные. Топор снабжен вытянутым обухом, напоминающим молоток, высота которого больше высоты проуха.

Отдел I. Округлые. Проух топора в фас имеет округлую форму.

Тип 1. Трапециевидные. Клинок топора в профиль близок к трапеции, где длинное основание приходится на лезвие, а короткое ограничено проухом. У одного экземпляра

на клинке есть полукруглые декоративные вырезы. Размеры топора: клинок – длина 5,9–6,4 см, тах ширина 3–5,4 см, тах толщина 0,6–1,4 см, проух – высота 2,2–2,5 см, ширина 2–3 см, длина 2–2,7 см, обух – высота 2,3–4,3 см, тах ширина 2,5–2,8 см, тах толщина 1,7–2,1 см. **Вариант а** – со шляпкой, валиками и канавками (рис. 69.-1). Верхняя часть обуха выделена и напоминает шляпку, под которой, чередуясь, выбиты три канавки и два валика. Всего 1 экз. из 1 объекта: Узунтал-V, к. 2. **Вариант б** – со шляпкой и валиками (рис. 69.-2). Верхняя часть обуха сделана в виде шляпки, под которой имеется валик. Другой валик выбит в основании обуха, в месте его перехода в проух. Всего 1 экз. из 1 объекта: Катанда-II, к. 2. **Вариант в** – со шляпкой (рис. 69.-3). Верхняя часть обуха сделана в виде шляпки. Всего 1 экз. из 1 объекта: Джолин-I, к. 9.

Раздел II. Низкообушные. Высота обуха меньше высоты проуха.

Отдел I. Округлые.

Тип 2. Вогнуто-прямоугольные. Клинок топора при виде в профиль напоминает прямоугольник, длинные стороны которого немного расширяются к лезвию и проуху. Размеры топора: клинок – 11х5,2х3,2 см, проух – 5,2х5,3х7 см, обух – 3,8х3,8х2,5 см. **Вариант а** – гладкие (рис. 69.-5). Обух не имеет дополнительных декоративных деталей. Всего 1 экз. из 1 объекта: Отокту-Оозы, тайник.

Отдел II. Овальные. Прух топора в фас имеет овальную форму, с немного выпуклыми или почти параллельными длинными сторонами.

Тип 3. Трапезиевидные. Форма клинка в профиль аналогична типу 1. Размеры топора: клинок – 7х6,5х1,2 см, проух – 3,4х2,2х1,8 см, обух – 2х1,6х1,6 см. **Вариант а** – гладкие (рис. 69.-8). Всего 1 экз. из 1 объекта: Кашкарагаиха-1, с.н.

Тип 4. Вогнуто-прямоугольные. Клинок топора в профиль аналогичен типу 2. Размеры топора: клинок – 6,5–10,5х3,8–5,8х3,2–3,7 см, проух – 5,9–7,7х4–6х4,4–4,7 см, обух – 2,5–2,8х2,8–4х2,2–3,3 см. **Вариант а** – со шляпкой (рис. 69.-4). Верхняя часть обуха оформлена в виде шляпки. Всего 1 экз. из 1 объекта: Отокту-Оозы, тайник. **Вариант б** – гладкие (рис. 70.-1–3). Всего 3 экз. из 2 объектов: Чобурак-1, к. 2 (2); Нижне-Тыткескенская Пещера-1, тайник.

Тип 5. Г-образные. Клинок топора в профиль напоминает глаголевидную фигуру. Размеры топора: клинок – 7,1х18,6х1,2 см, проух – 4х1,8х4 см, обух – 2,4х2,2х2 см. **Вариант а** – гладкие (рис. 70.-4). Всего 1 экз. из 1 объекта: Акимовка, с.н.

В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 2 раздела, 2 отдела и 5 типов, дополненных 8 вариантами (рис. 71).

Железные боевые топоры (группа I) изначально появляются на Ближнем Востоке, с момента широкого освоения черной металлургии в начале I тыс. до н.э. (Горелик М.В., 2003, с. 44). На территории Алтая первые боевые топоры делались из камня и меди, а во II – начале I тыс. до н.э. из бронзы (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 3, 5, 6; Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 28, 47). Их железные образцы распространяются здесь достаточно поздно, в раннем средневековье, что было связано с длительным господством другого вида древкового оружия ближнего боя ударно-колющего действия – чекана (Могильников В.А., 1997а, с. 49; Кочеев В.А., 1999а, с. 75).

Проушные боевые топоры (разряд I) достаточно широко применялись населением Алтая с эпохи энеолита до начала I тыс. до н.э. (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, рис. 3.-1–2, 5.-3, 6.-1–3; Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 28.-2–3, 47.-3; Тишкин А.А., Папин Д.В., 1998, рис. 4), пока их надолго не заменили в сфере вооружения чеканом. Новое внедрение проушного топора в боевую практику у населения Алтая начинается в тюркскую эпоху и фиксируется на протяжении 2-й пол. VII–XIV вв. н.э.

Высокий обух (раздел I) для территории Алтая является хронологически более ранним признаком железного топора. Высокообушные изделия зафиксированы здесь только в памятниках тюркской культуры Горного Алтая 2-й пол. VII – 1-й пол. IX вв. н.э. Раздел I включает один отдел и один тип (рис. 71).

Топоры с округлым проухом (отдел I) также являются для Алтая хронологически более ранними, но использовались несколько дольше на протяжении 2-й пол. VII – 1-й пол. X вв. н.э. Отдел I представлен одним типом и тремя вариантами (рис. 71).

Тип 1 состоит из топоров с трапецевидным клинком. Изделия, аналогичные этому типу по основным признакам, известны у кыргызов в VII–IX вв. н.э. и самодийцев юга Западной Сибири в VIII–IX вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. XII.-3, 5; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, рис. 39.-2; Илюшин А.М., 1999, рис. 59.-20). Близкие, но более крупные и массивные экземпляры применялись населением Восточной Европы в VI–XI вв. н.э., где они, скорее всего, и сформировались в алаано-болгарской среде (Плетнева С.А., 1989, с. 74–76, рис. 35; Измайлов И.Л., 1997, с. 76–77, рис. 45.-1–2). На Алтае топоры типа 1 найдены в курганах тюркской культуры 2-й пол. VII – 1-й пол. IX вв. н.э. (табл. I.-108, 113–114). Общая датировка типа 1 определяется VI–XI вв. н.э.

Низкообушные боевые топоры (раздел II) являются дальнейшим развитием раздела I, за счет уменьшения размеров обуха. На территории Алтая их применение относится ко 2-й пол. IX–XIV вв. н.э. Раздел II включает два отдела и четыре типа (рис. 71).

Отдел I представлен одним типом и вариантом (рис. 71).

Тип 2 имеет клинок вогнуто-прямоугольной формы. Похожие топоры применялись населением Хазарского каганата в VIII–X вв. н.э., Волжской Булгарии и рядом других народов из соседних с ней регионов в IX–XI вв. н.э. (Плетнева С.А., 1989, рис. 35; Измайлов И.Л., 1997, с. 82, рис. 49.-1–3). Наиболее близкий экземпляр происходит из кимакского кургана IX–X вв. н.э. в Восточном Казахстане (Археологические памятники..., 1987, рис. 77.-3). На Алтае топор типа 2 обнаружен на объекте тюркской культуры 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв. н.э. (табл. I.-126). Датировка типа 2 определяется VIII–XI вв. н.э.

Экземпляры с овальным проухом (отдел II) типологически развивают округлые образцы отдела I, путем постепенного сплющивания боковых сторон проуха. Их бытование на Алтае фиксируется на протяжении 2-й пол. VIII–XIV вв. н.э. Отдел II представлен тремя типами и четырьмя вариантами (рис. 71).

Тип 3 по форме клинка аналогичен типу 1 и является его прямым развитием. Наиболее близки ему некоторые формы кыргызских – IX–XII вв. н.э., самодийских – IX в. н.э. и монгольских – XIII–XIV вв. н.э. изделий (Худяков Ю.С., 1980, табл. XII.-4; 1991, рис. 76.-2; Илюшин А.М., 1997, рис. 19.-13, 27.-8). Экземпляр типа 3 обнаружен на памятнике сросткинской культуры Лесостепного Алтая 2-й пол. VIII–IX вв. н.э. (табл. II.-218). Датировка типа 3 может быть определена 2-й пол. VIII–XIV вв. н.э.

Тип 4 по форме клинка аналогичен типу 2 и является его дальнейшей модификацией. Аналогичные топоры есть у кыргызов в IX–XII вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1980, табл. XII.-1–2). На Алтае изделия типа 4 найдены в памятниках тюркской культуры 2-й пол. IX–XI вв. н.э. (табл. I.-126, 134, 136). Дата типа 4 определяется IX–XII вв. н.э.

Тип 5 имеет клинок Г-образной формы, образованной за счет сильной вытяжки его пятки. Очень близкие аналоги таких топоров известны среди оружия Волжской Булгарии XI–XIII вв. и Золотой Орды XIII–XIV вв. н.э. (Измайлов И.Л., 1997, рис. 52.-1–2, 54.-2; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 13.-3). Экземпляр типа 5 был найден на территории Лесостепного Алтая и отнесен к комплексу кармацкой культуры XIII–XIV вв. н.э. (табл. II.-269). Общая датировка типа 5 – XI–XIV вв. н.э.

Помимо вещественных находок боевых топоров, на территории Горного Алтая обнаружено тюркское каменное изваяние с изображением такого оружия. Это небольшой топор с высоким, немного отогнутым обухом и секировидным клинком. Он имеет прямое топорщице, подвешенное к наборному поясу в вертикальном положении (Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1988, табл. V.-6). По существу это еще один тип, не представленный пока реальными предметами. Наиболее близок ему, по форме клинка, болгарский топор из Билляра, датируемый XII–XIII вв. н.э. (Измайлов И.Л., 1997, рис. 48.-1). Изваяние по имеющимся реалиям можно отнести к эпохе II Восточно-Тюркского каганата, что ставит изображенный на нем топор в один хронологический ряд с экземплярами типа 1.

Имеющиеся на сегодняшний день источники позволяют наметить эволюцию боевых топоров у населения Алтая в самых общих чертах. Типологически ранними являются экземпляры типа 1, появившиеся у тюрков в середине – 2-й пол. VII в. н.э. (рис. 72). Видимо, первые образцы этого оружия были заимствованы у алано-болгарских племен во время господства Великого Тюркского и Западно-Тюркского каганатов на Северном Кавказе и в Волго-Донском междуречье. Там тюрки могли убедиться в эффективности боевых топоров и в дальнейшем разработать свою более легкую модификацию типа 1, которую переняли кыргызы и население юга Западной Сибири. Последующее развитие данного оружия в Горном Алтае и Южной Сибири шло по пути постепенного увеличения общих размеров, при уменьшении относительной ширины клинка, от трапециевидной формы (типы 1 и 3) к вогнуто-прямоугольной (типы 2 и 4). Очевидно, это диктовалось необходимостью повышения ударной мощи. В Лесостепном Алтае появление боевых топоров можно связывать с тюркской традицией. Во всяком случае, сросткинский тип 3 явно происходит от тюркского типа 1 (рис. 72). Возможно, данная линия повлияла на внедрение этих экземпляров у кыргызов, а затем монголов. На эпоху развитого средневековья приходится всего один топор (тип 5), восходящий к болгарско-золотоордынской традиции (рис. 72). Его находка в Лесостепном Алтае лишний раз подтверждает вхождение этой территории во владения Улуса Джучи.

В целом удельный вес боевых топоров в вооружении средневекового населения Алтая был значительно меньшим, чем видов клинкового оружия. Однако интенсивное развитие доспеха, против которого топор являлся наиболее эффективным средством ближнего боя, заставляло воинов Алтая применять и совершенствовать это оружие. У тюрков боевые топоры являлись достаточно ценными предметами, на что указывает их помещение в тайники высоко в горах, а использование боевых топоров, судя по погребальным комплексам, являлось прерогативой состоятельных дружинников и аристократии.

Кистень – это оружие ударно-дробящего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из трех основных отдельных частей: поражающей – гири, несущей – рукоять или древко и направляющей – ремень или цепь, которая соединяет гирю и рукоять (Кирпичников А.Н., 1966б, с. 59).

В средневековых памятниках Алтая найдено всего два кистеня. Оба они происходят из курганных погребений 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. н.э. сросткинской культуры с территории Лесостепного Алтая (табл. II.-144, 148). Это относительно небольшие гири, которые различаются материалом изготовления, формой ударника и петли, а также дополнительными деталями конструкции.

Первый кистень изготовлен из меди. Он имеет шаровидный гладкий ударник с узким трапециевидным поддоном. Гирю венчает прямоугольная пластинчатая петля, с двумя вертикальными валиками вдоль боковых сторон, узким горизонтальным валиком в основании и небольшим овальным отверстием. Размеры ударника 3,7х2,7 см, петли – 2,2х2,1 см (рис. 69.-6).

Второй кистень сделан из железа. Он имеет биконический ударник с прямоугольным поддоном. По широкой части ударника проходит горизонтальная канавка, по обе стороны которой чередуются вертикальные линии из узких валиков. Навершие гири образует округлая петля с валиком в основании и железным подвижным кольцом, продетым в отверстие. Размеры ударника 4,5х4,4 см, петли – 1,7х1,8 см (рис. 69.-7).

Вопрос происхождения кистеней пока не получил однозначного решения. А.Н. Кирпичников (1966б, с. 59) называет самой нижней датой их появления IV в. н.э., а территорией – Поволжье и Подонье. Эти же области очерчивает А.В. Крыганов (1987, с. 66–67), но датировку поднимает до рубежа VIII/IX вв. н.э., указывая, что предмет типа кистеня из позднесарматского погребения, вероятно, является украшением. Сведения о раннем – VIII–IX вв. н.э. – применении кистеней у волжских булгар приводит И.Л. Измайлов (1997, с. 103). Археологические материалы наглядно демонстрируют широкое использование этого оружия населением Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Золотой Орды и Руси (Кирпичников А.Н., 1966б, табл. XXX–XXXIII; Крыганов А.В., 1987, рис. 1–2; Плетнева С.А., 1989, рис. 32; Измайлов И.Л., 1997, рис. 71–73; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 12; Горелик М.В., 2002, с. 67). Период активного бытования кистеней охватывает IX–XIV вв. н.э.

Все же наиболее ранние находки кистеней фиксируются в Азии. Это биметаллический (свинцово-бронзовый) экземпляр биконической формы из дворца правителя Пенджикента в Согде (Распопова В.И., 1980, с. 75–76, рис. 52), его датировка – не позднее середины VIII в. н.э. А.В. Крыганов (1987, с. 67) считает определение согдийского изделия спорным. Однако размеры гири – 4х3,5 см и вес – 230.5 г, не оставляют никаких сомнений в ее видовой принадлежности. Еще один экземпляр кистеня обнаружен в курганном погребении тюркской культуры Тувы, на могильнике Аймырлыг. Это биметаллический (бронзово-железный) экземпляр шаровидной формы, с размерами ударника 2,7х3,4 см и поврежденным, видимо петельчатым, навершием (Овчинникова Б.Б., 2004, с. 104, рис. 12.-7). Автор публикации датирует памятник VIII–IX вв. н.э., но сравнение его материалов с однокультурными из Горного Алтая скорее говорит о сооружении тюркских курганов Аймырлыга в эпоху II Восточно-Тюркского каганата – 2-я пол. VII – 1-я пол. VIII вв. н.э. Таким образом, из Центральной и Средней Азии происходят два кистеня, которые по времени предшествуют восточно-европейским.

Еще один железный кистень биконической формы с прямоугольной петлей был найден в курганном погребении южных хантов XVII–XVIII вв. н.э. на территории Барабы (Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990, рис. 57.-1). Он очень близок аналогичным кистеням волжских булгар и русских XIII–XIV вв. н.э. (Измайлов И.Л., 1997, с. 109, рис. 73.-2).

Найти полные соответствия кистеням сросткинской культуры сложно, но основные их признаки имеют достаточное количество соответствий. Так первый кистень с шаровидным ударником и прямоугольной петлей близок целому ряду хазарских, булгарских и золотоордынских изделий (Крыганов А.В., 1987, рис. 1.-12, 2.-10; Измайлов И.Л., 1997, рис. 71.-5; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 12.-5). Вероятно, и тюркская гиря из Тувы относится к этой разновидности. Второй кистень с биконическим ударником и петлей несколько похож на хазарские и раннеболгарские экземпляры без петли и булгарские с петлей (Крыганов А.В., 1987, рис. 1.-9; 2.-12; Измайлов И.Л., 1989, рис. 4.-2; 1997, рис. 73.-2). Форма ударника сближает его и с согдийской находкой, а наличие вертикальных валиков – с тюркским изделием.

В целом кистени Тувы, Согда, Лесостепного Алтая образуют единую, пока малочисленную, серию. Она отличается от восточноевропейской серии отсутствием неметалли-

ческих и беспетельчатых изделий. Это может отражать меньшую потребность в данном оружии и его большую элитарность. У населения сросткинской культуры кистени являлись вспомогательным оружием ближнего боя конных воинов-дружинников и высшего командного состава, о чем свидетельствуют погребальный обряд и инвентарь курганов, в которых они найдены.

Неравномерная встречаемость вещественных остатков оружия ближнего боя в погребальных комплексах в значительной мере компенсируется сведениями изобразительных источников. Это позволяет предполагать достаточно широкое распространение мечей и сабель, боевых ножей и кинжалов среди вооруженного населения, тогда как боевые топоры и кистени использовались ограниченным числом состоятельных (или отборных) дружинников и военачальников. Мечи и кинжалы тюрок упоминаются письменными источниками (Малов С.Е., 1951, с. 42; Лю Маоцай, 2002, с. 19–20). Иконографические и археологические материалы показывают, что мечи, сабли, боевые топоры и кистени применялись преимущественно конными воинами, а боевые ножи и кинжалы также и пешими бойцами.

ГЛАВА III

КОМПЛЕКСЫ БОЕВЫХ СРЕДСТВ

3.1. Вооружение племен Горного Алтая

Наборы боевых средств из памятников Горного Алтая 2-й пол. IV–XIV вв. н.э. представлены вещественными находками и изобразительными материалами (наскальные рисунки, каменные изваяния), которые демонстрируют наличие всех основных видов защиты и нападения. Они обнаружены в объектах позднего этапа булан-кобинской культуры (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.), тюркской культуры (2-я пол. V–XI вв. н.э.), кыргызской культуры (2-я пол. IX–XI вв. н.э.) и культуры монгольского времени (XII–XIV вв. н.э.).

Вооружение позднего этапа булан-кобинской культуры включает средства защиты и нападения (рис. 75). Доспех состоит из 149 панцирных пластин, 20 панцирей, 13 шлемов и трех попон (Горбунов В.В., 2003а, табл. I.-2–10, III.-1–8). Оружие представлено 142 накладками луков, 27 луками, 253 стрелами, двумя копьями, восемью мечами, 39 боевыми ножами и двумя кинжалами (табл. I.-1–44). Среди классифицированных материалов выделено: 6 типов панцирных пластин, 4 типа панцирей, 6 типов шлемов, 3 типа попон, 5 типов накладок луков, 2 типа сложносоставных луков, 26 типов наконечников стрел, 2 типа наконечников копий, 5 типов мечей, 3 типа боевых ножей и 2 типа кинжалов.

Изображения булан-кобинских воинов на наскальных рисунках Горного Алтая по составу показанного у них вооружения позволяют выделить несколько родов войск: легкую (3 фигуры) и тяжелую (7 фигур) пехоту, среднюю (2 фигуры) и тяжелую (1 фигура) конницу (Горбунов В.В., 2003а, рис. 34). Погребальные памятники булан-кобинской культуры по наличию в них различных видов вооружения делятся на две основные группы. В первой, состоящей из 26 могил, встречаются только луки со стрелами, боевые ножи или кинжалы. Во второй, насчитывающей 17 могил, помимо этого оружия, присутствуют панцири, копья и мечи. Первая группа погребений может быть сопоставлена с легкой пехотой. Скорее всего, значительная часть этой группы должна относиться и к легковооруженной коннице, но ее изображения в военных сюжетах отсутствуют. Вторую группу погребений логично сопоставить с тяжелыми и средними формированиями. Корреляция изобразительных и вещественных данных позволяет обозначить наборы вооружений каждого рода войск.

Паноплия легкой пехоты и конницы состояла из «мягких» панцирей, «твердых» шлемов и луков со стрелами. Вооружение тяжелой пехоты включало «твердые» панцири и шлемы, луки со стрелами и копья. Средняя конница была вооружена панцирями и шлемами, копьями, мечами, луками со стрелами. Тяжелая конница имела такое же вооружение, дополнявшееся защитными попонами для коней. Большинство горно-алтайских воинов в качестве вспомогательного оружия ближнего боя использовало боевые ножи и кинжалы, а у некоторых бойцов было по два боевых ножа (табл. I.-2, 9, 23, 36, 42, 43; рис. 63.-1). Складывание булан-кобинского комплекса вооружения связано с воздействием хунно-сяньбийской и сармато-кушанской традиций и берет свое начало в предыдущее время.

В хуннскую эпоху (II в. до н.э. – I в. н.э.) боевые средства горно-алтайских кочевников включали сложносоставные луки со стрелами и кинжалы. В отдельных случаях встречены железные панцири, меч и модель чекана (Худяков Ю.С., 1997а, рис. 1–5; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, рис. 1). Видовое разнообразие комплекса было значительно, но типологическое весьма скромно. Его состав характерен для легковооруженной конницы

и пехоты. Однако находки панцирных пластин свидетельствуют о выделении уже в это время определенной прослойки средневооруженных всадников.

В сяньбийскую эпоху (II – 1-я пол. IV вв. н.э.) основу булан-кобинского комплекса боевых средств по-прежнему составлял стрелковый набор, типовое разнообразие которого значительно возросло за счет наконечников стрел (Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 5–6; Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991, рис. 2; Худяков Ю.С., 2005а, рис. XI). Продолжали применяться кинжалы, но наряду с ними появились и получили широкое распространение боевые ножи, в отдельных погребениях встречены костяной панцирь, меч и копье (Гаврилова А.А., 1965, с. 56, рис. 3; Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 4, 7; 1996, рис. 1). Судя по изобразительным и вещественным данным, войско состояло из легкой пехоты и конницы, но в составе последней имелись воины, способные вести уже не только ближний бой, но и наносить таранный удар (Горбунов В.В., 2003а, с. 90, рис. 34.-1).

В следующую жужанскую эпоху (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.) развитие боевых средств у горно-алтайских кочевников достигает наиболее оптимального уровня. Наряду с дальнейшим увеличением разнообразия стрел и боевых ножей, появляются новые типы копий и мечей, значительное распространение получают передовые формы железного доспеха (рис. 75). Это привело к выделению средней конницы в самостоятельный род войск, появлению тяжелой пехоты и первых тяжеловооруженных всадников. Данные изменения можно связать с образованием Жужанского каганата (359 г.) и включением территории Горного Алтая в сферу его влияния.

Для позднебулан-кобинского комплекса вооружения особенно сильны черты сяньбийской традиции, влияние которой, видимо, усилилось в IV–V вв. н.э. и шло через жужаней, зависевших от военного снабжения сяньбийских государств Северного Китая (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 165; Горбунов В.В., 2005б, с. 222). По уровню оснащенности средствами защиты и нападения булан-кобинский комплекс на позднем этапе своего развития вполне сопоставим с вооружением ряда культур сопредельных территорий. Таштыкский комплекс он превосходит по длинно-клинковому оружию, кокэльский – по доспеху, а кенкольскому уступает по бронебойным стрелам (Худяков Ю.С., 1986, с. 84–86, 103–107; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, с. 98–100).

Вооружение тюркской культуры включает средства защиты и нападения (рис. 77). Доспех состоит из 384 панцирных пластин, кольчужных колец, 43 панцирей, 35 шлемов, 25 попон и 15 наголовий (Горбунов В.В., 2003а, табл. I.-11–21, III.-9–21). Оружие представлено 132 накладками луков, 52 луками, 362 стрелами, семью копьями, 12 мечами и саблями, пятью боевыми ножами, четырьмя кинжалами и восемью боевыми топорами (табл. I.-45–137). Среди классифицированных материалов выделено: 9 типов панцирных пластин, 7 типов панцирей, 8 типов шлемов, 7 типов попон, 5 типов наголовий, 14 типов накладок луков, 5 типов сложносоставных луков, 25 типов наконечников стрел, 3 типа наконечников копий, 5 типов мечей, 2 типа сабель, 2 типа боевых ножей, 2 типа кинжалов и 3 типа боевых топоров. Панцири, стрелы, копья и мечи упоминаются тюркскими письменными источниками (Малов С.Е., 1951, с. 40–42; ДТС, с. 239, 241, 368, 442–443, 517). Китайские летописи называют среди вооружения тюрков панцири, шлемы, луки со стрелами, копья, мечи, кинжалы (Лю Маоцай, 2002, с. 19–20, 33, 37).

Наскальные рисунки Горного и Монгольского Алтая, изображающие тюркских воинов, позволяют выделить среди них следующие рода войск: тяжелую (26 фигур), среднюю (6 фигур) и легкую (4 фигуры) конницу и тяжелую (7 фигур) пехоту (Новгородова Э.А., Горелик М.В., 1980, рис. 6–7; Монгол нутаг..., 1999, с. 61; Кубарев В.Д., 2002, рис. 2.-в; Горбунов В.В., 2003а, рис. 35; Черемисин Д.В., 2004, рис. 6, 12–14). Среди тюркских по-

гребальных и поминальных памятников с тяжелыми и средними формированиями можно соотнести 27 объектов, содержащих, помимо стрелкового и коротко-клинкового оружия, находки панцирей, шлемов, попон, копий, мечей и сабель, боевых топоров. К этой же группе следует добавить 50 каменных изваяний с изображением мечей, сабель и боевого топора. Серия из 63 могил и оградок сопровождается только луками и стрелами, что должно говорить о ее принадлежности к легковооруженным подразделениям. Еще четыре погребальных объекта и 10 изваяний содержат лишь боевые ножи или кинжалы, и не отражают какой-либо специализации. Сопоставление изобразительных данных с вещественными находками позволяет полнее представить наборы вооружений различных родов войск.

Набор тяжелой конницы обязательно включал воинский доспех из панциря и шлема, конский доспех из попоны и наголовья (иногда без него), длинное копье-пику, меч или саблю и мог дополняться луком со стрелами и боевым топором. Паноупия средней конницы отличалась отсутствием конского доспеха. Набор тяжелой пехоты подразумевал воинский доспех (шлем и панцирь) и лук со стрелами. Комплект легкого всадника состоял из «мягкого» доспеха и лука со стрелами. Боевые ножи или кинжалы использовали воины всех подразделений. Учитывая частое изображение длинно-клинкового оружия на каменных изваяниях, можно предполагать, что его могли иметь не только бронированные всадники, но и некоторые пехотинцы, и легкие конники. Есть также одно изображение легковооруженного всадника с копьем (Черемисин Д.В., 2004, рис. 14).

Тюркский комплекс вооружения раньше всего сформировался на территории Горного Алтая, на основе булан-кобинской традиции и нового сяньбийского импульса, принесенного сюда племенем ашина в 460 г. (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002, с. 45; Горбунов В.В., 2003а, с. 91). Уже на начальном этапе (2-я пол. V – 1-я пол. VI вв. н.э.) его развития появляются новые типы панцирных пластин, шлемов, попон и наголовий, сложносоставных луков, стрел, наконечников копий, мечей и боевых ножей, не известные здесь в предыдущее время (рис. 77.-1). Очевидно, тогда же происходят изменения в составе войск. Тяжелая конница становится самостоятельным формированием и основной ударной силой на поле боя.

В эпоху первых Тюркских каганатов (2-я пол. VI – 1-я пол. VII вв. н.э.) комплекс боевых средств продолжает видоизменяться. Увеличивается площадь бронепокрывтия панцирей, начинается использование кольчуги, изобретаются новые типы мечей и кинжалов (рис. 77.-2). Вместе с расселением тюркских племен характерное для них вооружение появляется в Монголии, Туве, Минусе, Семиречье (Худяков Ю.С., 1986, рис. 62–72; 2004, рис. 36–53; Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 12–15, 35–39; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 2–28). Военные достижения тюрков перенимают многие кочевые и оседлые народы Евразии (Распопова В.И., 1980, с. 103–107; Худяков Ю.С., 1993, с. 126; Крыганов А.В., 1990, с. 74–75; Юнусов А.С., 1990, с. 103; Горелик М.В., 1993, с. 177; 1995, с. 386, 392).

Эпоха II Восточно-тюркского каганата (2-я пол. VII – 1-я пол. VIII вв. н.э.) характеризуется сохранением тюркской паноупией своих ведущих позиций в центрально-азиатском регионе. Становятся разнообразнее панцирные пластины и шлемы, модифицируются луки, увеличивается набор бронебойных стрел, появляются пики с гранеными наконечниками, боевые топоры и, видимо, начинается освоение сабли (рис. 77.-3). Ударная мощь тюркской конницы, и особенно ее бронированных подразделений, повышается. Видимо, уже в конце этого этапа начинается оснащение отдельных легких всадников длинно-клинковым и даже таранным оружием.

Во время господства Уйгурского каганата (2-я пол. VIII – 1-я пол. IX вв. н.э.) тюрки Горного Алтая продолжают развивать свое вооружение, но его типовое разнообразие за-

метно сокращается. Наблюдается дальнейшая разработка таких передовых видов оружия, как сабли и боевые топоры, заимствуются новые типы бронебойных стрел (рис. 77.-4).

В эпоху «великодержавия» Кыргызского каганата (2-я пол. IX – 1-я пол. X вв. н.э.) тюркское вооружение все еще сохраняет свое своеобразие, но в оформлении оружия все отчетливее проступают инокультурные черты: накладки луков и перекрестия сабель сросткинской традиции, боевые топоры кыргызского облика (рис. 77.-5). На заключительном этапе своего развития (2-я пол. X–XI вв. н.э.) тюркский комплекс боевых средств уже почти ничем не отличается от сросткинского и кыргызского, влияние которых примерно равноценно (рис. 77.-6).

Вооружение кыргызской культуры в Горном Алтае включает пока только средства нападения. Этот набор явно не полон. Учитывая находки доспеха и оружия из кыргызских погребений в предгорьях Лесостепного Алтая, его можно дополнить и объединить их характеристику в рамках единого комплекса (рис. 79). Доспех состоит из 68 панцирных пластин и девяти панцирей (Горбунов В.В., 2003а, табл. II.-28–36). Оружие представлено 96 стрелами, одним мечом, одним боевым ножом и одним кинжалом (табл. I.-138–148; II.-237–238). Среди классифицированных материалов выделено: 2 типа панцирных пластин, 1 тип панцирей, 21 тип наконечников стрел, 1 тип мечей, 1 тип боевых ножей и 1 тип кинжалов.

Данный комплекс, исходя из распределения предметов вооружения в погребальных памятниках, можно условно разделить по двум родам войск. Группу из 11 могил, где встречены стрелы, боевой нож и кинжал, отнести к легкой коннице. Группу из 10 объектов, в которых найдены стрелы, панцири и меч, – к средней коннице. Алтайский вариант кыргызского комплекса вооружения по своему типовому составу обнаруживает самую тесную связь с паноплией кыргызов Минусы и Тувы, которая состояла из развитых средств защиты и нападения и соответствовала не только легкой и средней, но и тяжелой коннице (Худяков Ю.С., 1980, с. 131–137).

Его появление в Горном Алтае и северо-западных предгорьях было вызвано экспансией Кыргызского каганата после разгрома уйгуров в 840 г. Данный процесс проходил достаточно мирным путем и не носил характер массовой миграции (Худяков Ю.С., 1990, с. 192). Очевидно, этим вызвано небольшое число захоронений воинов-кыргызов на Алтае и найденного в них вооружения. Тем не менее боевой комплекс кыргызов эпохи «великодержавия» (2-я пол. IX – 1-я пол. X вв. н.э.) весьма разнообразен в плане наконечников стрел и превосходит синхронный стрелковый набор тюркской культуры (рис. 79.-1). По заключительному этапу существования кыргызской культуры в Горном Алтае (2-я пол. X–XI вв. н.э.) материалов очень мало. Они представлены несколькими наконечниками стрел, типичными для кыргызской паноплии этого времени (рис. 79.-2).

Вооружение культуры Горного Алтая монгольского времени включает средства защиты и нападения (рис. 80). Доспех состоит из одного шлема и трех щитов (Горбунов В.В., 2003а, табл. I.-22). Оружие представлено шестью накладками луков, четырьмя луками, 55 стрелами, одним копьём, одной саблей и тремя боевыми ножами (табл. I.-149–160). Среди классифицированных материалов выделено: 1 тип шлемов, 4 типа накладок луков, 3 типа сложносоставных луков, 14 типов наконечников стрел, 1 тип наконечников копий, 1 тип сабель и 1 тип боевых ножей.

Для характеристики состава войска у населения Горного Алтая в XII–XIV вв. н.э. могут быть привлечены наскальные рисунки двух батальных сцен, скопированные нами в расщелине горы Адыр-Кан. Они выполнены в технике граффити и по стилю рисунка сильно отличаются от булан-кобинских и тюркских изображений, но имеющиеся на них

реалии явно относятся к эпохе средневековья и, скорее всего, указывают на монгольское время. Четырехфигурная и трехфигурная композиции представляют сражающихся всадников и спешенных воинов, вооруженных луками со стрелами и копьями, но поясах у них колчаны и сабля, за спиною круглые щиты, доспехи не читаются (рис. 74).

Рассмотренные изображения указывают на существование легкой конницы и хорошо согласуются с материалами из 11 погребений. Состав ее вооружения был весьма разнообразен и включал, видимо, «мягкие» панцири и шлемы, щиты, луки со стрелами, копья, сабли и боевые ножи. Находка железного шлема тоже может относиться к этому набору, но нельзя исключать и наличия средней конницы, имевшей такое же оружие плюс «твердые» панцири. Существование последних весьма вероятно, учитывая их наличие на сопредельных территориях, в частности в Лесостепном Алтае. В эпоху позднего средневековья в Горном Алтае отмечены находки кольчуг и шлема (Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В., 1995, рис. 1; Соенов В.И., Исов А.В., 1999, рис. 1–2; Соенов В.И., 2004, рис. 1).

В предмонгольскую эпоху (XII в. н.э.) вооружение горно-алтайских кочевников, исходя из форм наконечников стрел, еще сохраняло прежние черты. Вместе с тем в нем появляются совершенно новые образцы стрел, изначально характерные для племен Восточной Монголии и Забайкалья (рис. 80.-1). Эти изменения были связаны с приходом в Горный Алтай нового населения, чье появление фиксируется по погребальным памятникам (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, с. 158). В монгольскую эпоху (XIII–XIV вв. н.э.), судя по оформлению шлема и оружия, паноплия горно-алтайских кочевников полностью соответствовала монгольской традиции (рис. 80.-2). Эта традиция начиная с XIII в. н.э. распространилась на весь пояс евразийских степей: от Дальнего Востока до Восточной Европы (Худяков Ю.С., 1991, с. 153–154; Горелик М.В., 2002, с. 31). Включение Горного Алтая в состав Монгольской (с 1207 г. н.э.), а затем Юаньской (с 1260 г. н.э.) империй способствовало усвоению местным населением монгольского вооружения, часть которого, как например мультинский шлем, поставлялась или закупалась в готовом виде. Очевидно, воинские контингенты Горного Алтая использовались монголами, в качестве вспомогательных соединений, состоящих из легкой конницы. Наиболее зажиточные и знатные воины могли составлять отряды средней конницы или служить в качестве усиления и командного состава легковооруженных формирований.

Эволюция вооружения у кочевников Горного Алтая проходила по пути создания дифференцированных наборов боевых средств, рассчитанных на эффективное применение различными родами войск. Особое внимание уделялось развитию паноплии тяжелой конницы, которая составляла у тюрков ударное ядро войска. Не ранее VIII в. н.э. намечается унификация в оружейном наборе всадников, выразившаяся в постепенном оснащении легкой конницы мечами, саблями и копьями, что делало возможным ведение ею ближнего боя. Окончательно данный процесс завершился в монгольскую эпоху.

3.2. Вооружение племен Лесостепного Алтая

Наборы боевых средств из памятников Лесостепного Алтая III–XIV вв. н.э. представлены в основном вещественными находками и небольшой серией изобразительных материалов (предметы торевтики), которые показывают наличие основных видов воинского доспеха и оружия. Они обнаружены в объектах следующих археологических культур: кулайской (поздний этап) – III – 1-я пол. IV вв. н.э., одинцовской – 2-я пол. IV – 1-я пол. VIII вв. н.э., сросткинской – 2-я пол. VIII–XII вв. н.э. и кармацкой – XIII–XIV вв. н.э.

Вооружение позднего этапа кулайской культуры пока мало изучено (рис. 76). Из средств защиты оно включает 17 панцирных пластин, кольчужные кольца и пять пан-

цирей (Горбунов В.В., 2003а, табл. II.-1–4). Средства нападения представлены только одной стрелой (табл. II.-1). Среди классифицированных материалов выделено: 1 тип панцирных пластин, 2 типа панцирей и 1 тип наконечников стрел.

Изображения кулайских всадников на бронзовых накладках ножен, на одном из которых можно подразумевать кольчугу, свидетельствуют о существовании легкой и средней конницы (Грязнов М.П., 1956, табл. LI.-13–14; Уманский А.П., 1974, рис. 6.-5). Остатки кольчатого и пластинчатых панцирей найдены на четырех кулайских объектах. Однако почти полное отсутствие в погребениях Лесостепного Алтая оружия заставляет нас обратиться к синхронным и однокультурным памятникам Кузнецкой котловины. Там обнаружена представительная серия наконечников стрел: трехлопастные ярусных, вытянуто-ромбической, шестиугольной и пятиугольно-шипастой форм; четырехгранные (ромбовидные) килевидной и килевидно-шипастой формы; двухлопастные килевидной формы, а также кинжал (Шири́н Ю.В., 2003, с. 55, 60–63, табл. XLVIII.-3–4, LII.-4, LIII.-9–17, LXXXVIII.-10–15, XCVI.-16–17, 24–27, С.-7, СII.-8–9). Эти данные, в сравнении с имеющимися в нашем распоряжении материалами, позволяют воссоздать в предварительном виде наборы вооружения позднекулайских воинов.

Паноплия легкой конницы состояла, вероятно, из «мягкого» воинского доспеха, луков со стрелами и кинжалов. Средняя конница использовала железные, иногда двойные, панцири и такое же оружие. Для полного набора здесь не хватает копий и мечей, что явно обусловлено состоянием источниковой базы. Помимо конницы, велика вероятность существования у населения Лесостепного Алтая этого времени и легкой пехоты. Вооружение данной территории в предыдущее время также изучено неравномерно.

Во III–I вв. до н.э. в Лесостепном Алтае завершается развитие комплекса вооружения каменной культуры. Он включал костяные панцири, сложносоставные луки со стрелами, копья, мечи, кинжалы и чеканы (Могильников В.А., 1997, рис. 37.-2–3, 39.-3, 42.-1, 43.-1–2, 46.-1–2; 2001, рис. 1.-1–6, 8–15; Горбунов В.В., 1999, рис. 1.-5–9; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, рис. 2.-1–4, 6–7, 16). Его состав характерен для средней и легкой конницы и, возможно, легкой пехоты. Этот комплекс базировался на сако-сарматской традиции с включением хуннских инноваций.

В кулайских памятниках Лесостепного Алтая I в. до н.э. – II в. н.э. предметов вооружения, за исключением одной костяной панцирной пластины, не найдено (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 457). Судить о кулайской паноплии предшествующего и этого времени можно по находкам из памятников Новосибирского, Томского и Среднего Приобья. Они говорят о применении «кулайцами» достаточно развитых боевых средств, включавших костяные и бронзовые панцири, железные шлемы, стрелы, копья, мечи, кинжалы и чеканы (Троицкая Т.Н., 1979, табл. VIII.-22–24, 26, 28, IX.-1–15, 17–18, 21–22; XXIX.-1; Соловьев А.И., 1987, табл. XV.-1; Чиндина Л.А., 1996, рис. 2). Видимо, и население алтайского варианта кулайской культуры применяло аналогичные средства нападения и защиты. Этот комплекс вооружения соответствовал легкой и тяжелой пехоте.

С начала эпохи «великого переселения народов» (III в. н.э.) в вооружении кулайского населения на юге Западной Сибири происходят существенные изменения. Его состав обновляется новыми более совершенными средствами защиты и нападения, имеющими среднеазиатское и южно-сибирское происхождение (рис. 76.-1). Очевидно, это было связано с ростом военной напряженности в центрально-азиатском регионе после распада держав южных хунну (215 г.) и сяньби (235 г.), а также Империи Хань (220 г.), что вызвало значительные подвижки кочевого населения (Горбунов В.В., 2003а, с. 4). Эти изменения привели к формированию у «кулайцев» нового рода войск – конницы, способной более

эффективно противостоять южным соседям. Ее состав, судя по данным иконографии, в основном был легковооруженным, а отдельные знатные воины, использовавшие доспехи, еще не образовывали самостоятельных подразделений. Значительная же масса войска по-прежнему оставалась пешей.

Вооружение одинцовской культуры включает средства защиты и нападения (рис. 76). Доспех состоит из 244 панцирных пластин, двух панцирей, одного шлема и одного щита (Горбунов В.В., 2003а, табл. II.-5–8). Оружие представлено 34 накладками луков, восемью луками, 116 стрелами, одним копьём, девятью мечами, семью боевыми ножами и одним кинжалом (табл. II.-2–35). Среди классифицированных материалов выделено: 8 типов панцирных пластин, 2 типа панцирей, 1 тип шлемов, 4 типа накладок луков, 2 типа сложносоставных луков, 18 типов наконечников стрел, 1 тип копий, 3 типа мечей, 2 типа боевых ножей и 1 тип кинжалов.

О составе войска у населения одинцовской культуры можно судить только по наличию различных видов вооружения в погребальных памятниках. Среди них выделяются две основные группы. Первая, из 25 могил, содержит луки, стрелы, боевые ножи. Во второй, из 9 могил, кроме этого оружия, встречены панцири, шлем, щит, копье, мечи и кинжал. Первую группу погребений можно сопоставить с легкой пехотой и конницей. Вторая группа могил отражает принадлежность к средневооруженной коннице.

Набор вооружения легкой пехоты и конницы состоял из «мягкого» доспеха, луков со стрелами и боевых ножей. Панолия средней конницы включала панцири, шлемы, щиты, копья, мечи, луки со стрелами, боевые ножи или кинжалы. Формирование одинцовского комплекса вооружения связано с взаимодействием кенкольской и булан-кобинской традиций.

Данный процесс проходил на фоне миграции части кочевого населения из Семиречья и Горного Алтая в алтайскую лесостепь. Его начало можно связать с образованием и военной активностью Жужанского каганата, которая особенно усилилась в данном регионе во время войн жужаней с княжеством Юэбань (400–419 гг.) (Горбунов В.В., 2003б, с. 39; 2004, с. 95).

На начальном этапе (2-я пол. IV–V вв. н.э.) своего развития одинцовский комплекс вооружения выделяется многими передовыми для своего времени типами защиты и нападения. Это панцирные пластины, панцири, шлемы, щиты, сложносоставные луки, стрелы, копья, мечи, боевые ножи и кинжалы, не известные в западно-сибирском регионе в предыдущее время (рис. 76.-2). Происходят изменения и в составе войска. Основной ударной силой становится средняя конница, которая выделяется в самостоятельное подразделение. Раннеодинцовский комплекс по уровню оснащенности почти не уступал кенкольскому и булан-кобинскому, соединив в себе их лучшие достижения.

Комплекс вооружения населения одинцовской культуры эпохи господства Тюркских каганатов (VI – 1-я пол. VIII вв. н.э.) изучен значительно хуже. Он представлен пока только стрелковым оружием, несущим в себе черты влияния тюркской традиции (рис. 76.-3). Значительно больше боевых средств найдено в синхронных памятниках ряда сопредельных территорий, которые относятся к верхнеобской, саратовской и релкинской культурам (Чиндина Л.А., 1991, рис. 26–27, 31; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 34–44, рис. 20–21, 23; Илюшин А.М., 1999а, с. 25–31). Эти культуры сближает с одинцовской наличие общей самодийской (кулайской) основы. Прослеживается и типологическая схожесть в их вооружении. Одинцовский комплекс сформировался на юге Западной Сибири раньше других, что определило его посредническую роль в распространении новых оборонительных и наступательных средств у родственных культурных общностей (Горбунов В.В., 2003а, с. 93).

Вооружение сrostкинской культуры включает средства защиты и нападения (рис. 78). Доспех состоит из 29 панцирных пластин, кольчужных колец, 24 панцирей, восьми шлемов и шести щитов (Горбунов В.В., 2003а, табл.-II.-9-27, IV.-1-8). Оружие представлено 83 накладками луков, 41 луком, 841 стрелой, 30 копьями, 76 мечами и саблями, тремя боевыми ножами, восемью кинжалами, одним боевым топором и двумя кистенями (табл. II.-36-236). Среди классифицированных материалов выделено: 6 типов панцирных пластин, 3 типа панцирей, 2 типа шлемов, 8 типов накладок луков, 5 типов сложно-составных луков, 39 типов наконечников стрел, 9 типов наконечников копий, 14 типов мечей, 4 типа сабель, 2 типа боевых ножей, 2 типа кинжалов, 1 тип боевых топоров и 2 типа кистеней.

Бронзовые бляхи-подвески в виде сrostкинских воинов демонстрируют один род войска – среднюю конницу. Единичное изображение пешего лучника, по наличию за его спиной щита, можно считать спешенным всадником (Горбунов В.В., 2003а, рис. 36). Сrostкинские погребальные памятники содержат достаточно много предметов вооружения. Среди них выделяется представительная группа из 78 могил, в которой обязательно присутствуют стрелы, мечи или сабли, а также встречаются панцири, луки, копья, боевые ножи или кинжалы, кистени. Эту группу с большой долей вероятности можно отнести к средневооруженной коннице. Однако часть ее объектов, с наборами из стрелкового и длинно-клинкового оружия, наиболее простым инвентарем и элементами обряда, возможно, связать и с легкой конницей. Наиболее уверенно с последней сопоставляется другая группа из 99 могил, содержащая только луки и стрелы, и иногда коротко-клинковое оружие. Еще в трех погребениях встречены по одному кинжалу. Корреляция изобразительных и вещественных данных позволяет представить наборы вооружений этих родов войска.

Набор средней конницы включал воинский доспех из панциря и шлема, щит, копье, меч или саблю, лук со стрелами, боевой нож или кинжал, боевой топор или кистень. Комплект легкого всадника состоял из «мягкого» доспеха, лука со стрелами, коротко-клинкового оружия и, видимо, мог дополняться мечом или саблей.

Сrostкинский комплекс вооружения сформировался в результате миграции части тюркских племен на территорию Лесостепного Алтая, после падения II Восточно-тюркского каганата (744 г.). Этот процесс привел к покорению населения одинцовской культуры и образованию здесь новой этнокультурной общности (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178; Горбунов В.В., 2003б, с. 41). Ее двухкомпонентный состав влиял на облик боевых средств, среди которых преобладали изделия тюркской традиции, но сохранялись и одинцовские образцы.

На раннем этапе (2-я пол. VIII – 1-я пол. IX вв. н.э.) своего развития сrostкинский комплекс вооружения наиболее близок к тюркскому и одинцовскому, но уже в это время начинают вырабатываться его своеобразные черты. Это проявилось в оформлении панцирных пластин, накладок луков, наконечников стрел, модификации копий, мечей, сабель и боевых ножей (рис. 78.-1). Удельный вес средней конницы в войске увеличивается, повышаются ее ударные возможности. Очевидно, именно раннесrostкинский комплекс оказал влияние на повышение уровня военной оснащенности в западно-сибирском регионе и восприятие его населением многих передовых средств защиты и нападения. Особенно хорошо это видно по материалам поздних памятников саратовской культуры в Кузнецкой котловине (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, рис. 21–54; Васютин А.С., 1997, рис. 10–12; Илюшин А.М., 1997, рис. 17–31).

В эпоху кыргызского «великодержавия» (2-я пол. IX – 1-я пол. X вв. н.э.) сrostкинский комплекс вооружения становится более разнообразным. Появляются новые разно-

видности панцирных пластин, панцирей, шлемов и луков. Значительно увеличивается типовой набор бронебойных стрел, копий и мечей (рис. 78.-2). Это привело не только к дальнейшему повышению боеспособности средней конницы, но, вероятно, позволило оснастить часть легких всадников длинно-клинковым оружием, что сделало возможным их участие в ближнем бою. На данном этапе сросткинский комплекс вооружения наиболее сопоставим с кыргызским, уступая ему лишь в применении конского доспеха и боевых топоров (Худяков Ю.С., 1980, с. 134–135).

Следующий этап в развитии паноплии (2-я пол. X – 1-я пол. XI вв. н.э.) связан с установлением господства сросткинского объединения в большей части Верхнего Приобья и расцветом его культуры (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177; Горбунов В.В., 2003б, с. 42). Особенно разнообразен в это время оружейный набор. В нем встречаются новые типы луков, стрел, копий, мечей, сабель и кинжалов, отмечается применение кистеней (рис. 78.-3). Вместе с расселением сросткинских племен характерное для них вооружение появляется в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине (Илюшин А.М., 1993, рис. 26–30, 47–51; 1999б, рис. 5–6, 13, 16, 35, 50–56 63; Адамов А.А., 2000, рис. 6, 14, 32–43, 46, 50). На этом этапе сросткинский комплекс вооружения наиболее сопоставим с кимакским, превосходя его в количественном и типовом отношении (Плотников Ю.А., 1981а, с. 111–114; Худяков Ю.С., 1986, рис. 81, 84, 87; Археологические памятники..., 1987, рис. 63–116; Арсланова Ф.Х., 1991, рис. 1–2; Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1995, с. 96–97, рис. 4; Петенева Г.Г., 2001, табл. 1). Различия между ними наблюдаются и в оформлении оружия. Например, для кимакских мечей и сабель не характерны крестовидные перекрестья, а среди кимакских пик преобладают коротковтульчатые изделия с квадратным пером (Плотников Ю.А., 1981б, рис. 1–2; Арсланова Ф.Х., 1984, рис. 1.-1–2; Суворова Г.И., Ткачев А.А., 1995, рис. 2.-16–19, 22–24; Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1999, рис. 4.-12, 16). Возможно, эти расхождения связаны с состоянием источниковой базы, но, скорее всего, они отражают принадлежность сросткинского и кимакского комплексов к различным этнокультурным объединениям, что более наглядно подтверждается данными погребального обряда и украшениями (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178; Горбунова Т.Г., 2006, с. 164–167).

На заключительном этапе своего развития (2-я пол. XI–XII вв. н.э.) сросткинский комплекс боевых средств по-прежнему сохраняет своеобразие. Однако в нем появляются новые типы луков, стрел и копий, которые обнаруживают сходство с вооружением Забайкальского региона и получают широкое распространение в следующую монгольскую эпоху (рис. 78.-4).

Вооружение кармацкой культуры включает средства защиты и нападения (рис. 81). Доспех состоит из двух типов панцирных пластин и одного типа шлемов (Горбунов В.В., 2003а, табл. II.-37–39). Оружие представлено девятью накладками луков, восемью луками, 138 стрелами, четырьмя копьями, тремя саблями, одним боевым ножом и одним боевым топором (табл. II.-239–283). Среди классифицированных материалов выделено: 2 типа панцирных пластин, 1 тип шлема, 4 типа накладок луков, 2 типа сложносоставных луков, 15 типов наконечников стрел, 3 типа наконечников копий, 2 типа сабель, 1 тип боевых ножей и 1 тип боевых топоров.

Состав войска у населения кармацкой культуры может быть определен исходя из наличия видов вооружения в погребальных памятниках, среди которых выделяются две группы. Первая, из 25 могил, содержит луки и стрелы. Во второй, из пяти могил, кроме стрелкового оружия, присутствуют панцири, сабли, копьё. Остальное оружие представлено сборами и случайными находками. Первая группа погребений, вероятнее всего,

относится к легкой коннице. Не исключено, что к ней принадлежат и могилы второй группы с саблями и копьем, особенно если учесть характер вооружения горно-алтайских кочевников этого времени. Только могилы с панцирями уверенно сопоставляются со средней конницей. Имеющиеся материалы помогают воссоздать наборы вооружений этих родов войск.

Паноплия легкой конницы включала, видимо, «мягкий» доспех, луки со стрелами, копья, сабли и боевые ножи. Набор средней конницы состоял из панцирей и шлемов, копий, сабель, луков со стрелами, боевых топоров и боевых ножей.

Формирование комплекса вооружения кармацкой культуры связано с присоединением Лесостепного Алтая к Монгольской империи (1207 г.) и закреплением этих земель за Улусом Джучи (1229 г.). В XIII–XIV вв. н.э., судя по оформлению большинства предметов вооружения, кармацкая паноплия развивалась в русле монгольской традиции (рис. 81). Лишь отдельные ее типы восходят к предыдущему времени. Боевые средства и состав войск у населения Лесостепного и Горного Алтая выглядят в эту эпоху наиболее унифицировано. Очевидно, что и в лесостепь часть доспехов и оружия поставлялась из развитых ремесленных центров монгольского государства, о чем говорят находки шадринского шлема и кабаковской сабли. Воинские контингенты Лесостепного Алтая служили в монгольских армиях в качестве вспомогательных частей, состоящих из легкой конницы. Число средневооруженных воинов здесь могло быть более значительным, чем у горно-алтайских кочевников, но их отряды также, видимо, лишь усиливали массу легковооруженных всадников.

В целом эволюция вооружения у населения Лесостепного Алтая была направлена на создание оптимальных наборов боевых средств для обеспечения эффективного действия средней и легкой конницы. Если в начале изучаемого периода арсенал этих родов войск был строго дифференцирован, то к его окончанию произошла их заметная унификация, что проявилось в применении длинно-клинкового, а затем и таранного оружия не только средней, но и легкой конницей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение оружейных источников Алтая из памятников III–XIV вв. н.э. показало их представительность для всестороннего анализа и интерпретации как данной категории вооружения, так и комплексов боевых средств. Обзор работ, посвященных этой тематике, демонстрирует, что, несмотря на определенные успехи в изучении алтайского оружия, наблюдается ограниченное использование имеющейся источниковой базы и недостаточное привлечение иконографических материалов.

Классификация видов наступательной панолии и их типологический анализ позволили проследить эволюцию оружия, представить характеристику его функциональных элементов, выявить этнокультурные традиции в конструкции и оформлении боевых средств.

Единственными видами оружия дальнего боя у средневековых воинов Алтая являлись лук и стрелы, совершенствованию которых уделялось много внимания. В эпоху «великого переселения народов» на Алтае завершается развитие оружия дальнего боя, основанного на хуннской традиции. У кочевников Горного Алтая этого времени начинают вырабатываться самостоятельные черты в изготовлении луков и стрел, послужившие формированию новой тюркской традиции, распространившейся в раннем средневековье по всему степному поясу Евразии. В конце I тыс. н.э. инновационный характер носило оружие дальнего боя у населения сросткинской культуры Лесостепного Алтая, достижения которого составили основу для дальнейших усовершенствований. Период развитого средневековья ознаменовался для всей территории Алтая установлением единой монгольской традиции в производстве луков и стрел, завершившей эволюцию данных видов оружия.

Оружие таранного удара было представлено у населения Алтая пиками и рогатинами. В эпоху «великого переселения народов» фиксируется использование пик двух разновидностей: «легких» и бронебойных. Сложение этих изделий происходило на территории Горного Алтая на основе сарматской и сяньбийской традиций. В раннем средневековье используется самый разнообразный набор копий. Воины тюркской культуры применяли «легкие» и бронебойные пики. Наиболее представительна серия копий сросткинской культуры, где, помимо пик, присутствуют рогатины. Их появление на территории Лесостепного Алтая связано с влиянием военных традиций кочевников восточной части Центральной Азии. В эволюции сросткинского набора копий наблюдается достаточно четкая дифференциация на узкоспециализированные и универсальные типы таранного оружия, с преобладающим значением бронебойных средств. В развитом средневековье воины Алтая продолжали применять все разновидности копий, известных ранее, но преобладание среди них получили пики, ориентированные на борьбу с легковооруженным противником. Имеющиеся вещественные находки, дополненные данными изобразительных материалов и сведениями письменных источников, свидетельствуют о ведущей роли копья как кавалерийского оружия среди других видов наступательного вооружения у населения Алтая.

Основными видами оружия ближнего боя для алтайских воинов служили мечи и сабли, а боевые ножи и кинжалы, боевые топоры и кистени являлись хоть и важными, но вспомогательными средствами нападения. В эпоху «великого переселения народов» народов на Алтае происходил процесс освоения многих форм клинкового оружия под воздействием хунно-сяньбийской и сармато-кушанской традиций. Это создало основу для выработки самостоятельных черт в изготовлении мечей, боевых ножей и кинжалов и послужило формированию самостоятельных оружейных традиций в эпоху раннего сред-

невековья: тюркской и сросткинской. В период с VII по X вв. н.э. на Алтае появляется целая серия новых видов и типов оружия ближнего боя: сабли, однолезвийно-двухлезвийные мечи, боевые топоры, кистени, часть из которых была изобретена алтайскими оружейниками, а часть заимствована в результате военно-политических контактов с другими народами. В период развитого средневековья местные линии развития быстро утратили свои позиции, и на всей территории Алтая возобладала монгольская традиция с присущим ей своеобразием в изготовлении клинкового и ударного оружия.

Совместное рассмотрение доспеха и оружия каждой из археологических культур позволило выделить характерные для них комплексы вооружения и уточнить состав войск средневекового населения Алтая. Главными их частями являлись тяжелая и средняя конница. Легкая конница (до монгольского времени), легкая и тяжелая пехота имели вспомогательное значение. Эволюция вооружения у кочевников Алтая изначально была направлена на создание дифференцированных наборов боевых средств, рассчитанных на эффективное применение различными родами войск. В Горном Алтае особое внимание уделялось развитию паноплии тяжелой конницы, которая составляла у тюрков ударное ядро войска. Для Лесостепного Алтая наиболее приемлемой была средняя конница, достигшая оптимального качества у населения сросткинской культуры. С VIII в. н.э. намечается постепенная унификация в оружейном наборе всадников, выразившаяся в оснащении легкой конницы длинно-клинковым, а затем и таранным оружием, что сделало возможным ведение ближнего боя. Окончательно этот процесс завершился в монгольскую эпоху.

Развитие видов и комплексов вооружения было тесно связано с военно-политическими событиями и этнокультурными процессами, протекавшими в центрально-азиатском регионе и отразившимися на истории Алтая. В эпоху «великого переселения народов» (III–V вв. н.э.) в результате миграций пришлого населения здесь происходило становление новых этнокультурных общностей, которые заложили основы для создания передовых комплексов вооружения.

Эти достижения привели к тому, что в раннем средневековье (VI–XI вв. н.э.) территория Алтая сыграла ведущую роль в возникновении тюркского государства. Выработанные тюрками формы доспеха и оружия и способы их боевого применения не только позволили им завоевать большую часть евразийских степей, но и заставили другие народы, среди которых были не одни кочевники, перенять многое из их военной традиции. В распространении нового вооружения на пространства Западной Сибири большую роль сыграло население сросткинской культуры, создавшее своеобразный комплекс боевых средств.

К эпохе развитого средневековья (XII–XIV вв. н.э.) военно-политическая ситуация в связи с усилением киданей и найманов на востоке и кыпчаков на западе для населения Алтая сильно ухудшилась. В конечном итоге это привело к его завоеванию монголами и прекращению поступательного развития местного вооружения, которое было интегрировано в монгольскую военную традицию.

Проделанная работа открывает новые возможности для реконструкции военной организации средневекового населения Алтая и определения особенностей его военного искусства.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Материалы эпохи железа из раскопок у с. Комарово // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 143–149.
- Абдулганеев М.Т. Могильник у поселка Рубцовский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 172–175.
- Абдулганеев М.Т. Археологические находки из музея с. Красногорское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 7–10.
- Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник дренетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 128–130.
- Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 243–252.
- Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: БГПУ, 1995. Вып. V. Ч. II. С. 190–195.
- Абдулганеев М.Т., Кирышин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 52–77.
- Абдулганеев М.Т., Кирышин Ю.Ф., Пугачев Д.В., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. VI. С. 206–210.
- Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.И. Раскопки аварийных памятников на р. Иша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 93–97.
- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: СО АН СССР, 1990. С. 62–75.
- Алехин Ю.П. Курьинский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 58–88.
- Алехин Ю.П. Некоторые результаты охранных работ 1988 г. в Курьинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 133–136.
- Алехин Ю.П. Охранные работы 1988 г. в Курьинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. Вып. XIII. С. 28–32.
- Алехин Ю.П., Гельмелъ Ю.И. Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 94–96.
- Анучин Д.Н. О древнем луке и стрелах // Труды V-го археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. 337–411.
- Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1969. С. 43–57.
- Арсланова Ф.Х. Пряжки «византийского» типа из Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. С. 119–128.
- Арсланова Ф.Х. Некоторые образцы наконечников стрел кимаков Верхнего Прииртышья // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. С. 67–77.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.
- Бараба в тюрское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин и др. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 380 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. С. 80–199.
- Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А. Захоронения первой половины II тыс. в пункте Ближние Елбаны-VI // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 124–135.
- Бородавский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.
- Вадецкая Э.Б. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 13–21.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве // ТТКАЭЭ. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–347.
- Васютин А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. С. 73–79.
- Васютин А.С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 5–35.
- Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 107–114.
- Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика. От стрел до ракет. Новосибирск: ИТПМ СО РАН, 1995. 236 с.
- Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 410 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.
- Голубев Л.Э. Группа позднесредневековых погребений из могильника МТФ-3 близ станции Старокорсунской // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). М.; Армавир, 1997. Вып. 3. С. 115–120.
- Горбунов В.В. Случайная находка наконечника копья IX–X вв. н.э. из с. Верх-Кучук // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991а. С. 47–49.
- Горбунов В.В. Реконструкция вооружения раннесредневекового воина с территории Лесостепного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: КГПИ, 1991б. Т. 2. С. 73–75.
- Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов Горного Алтая и предгорий в X–XIV вв. н.э. // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Томск. ун-та, 1992. С. 74–76.
- Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993а. С. 80–90.
- Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов Горного Алтая эпохи «великого переселения народов» // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан: Изд-во АГПИ, 1993б. С. 42–44.
- Горбунов В.В. Реконструкция вооружения древнетюркских воинов Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 109–116.
- Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесы-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.
- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 102–128.
- Горбунов В.В. Исследование курганного могильника Иня-1 в Лесостепном Алтае // Археологические открытия 1998 года. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 285–286.

- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. 174 с.
- Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003б. Кн. I. С. 37–42.
- Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 92–95.
- Горбунов В.В. Копья воинов сросткинской культуры // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 67–73.
- Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005б. С. 200–223.
- Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Труды гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. Сер. II. Вып. 1. С. 18–36.
- Горбунов В.В., Клюкин Г.А. Коллекция железных предметов эпохи средневековья с юго-западных районов Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 184–188.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопки курганов на Алтае // Археологические открытия 2000 года. М.: Наука, 2001. С. 212–214.
- Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.
- Горбунов В.В., Ситников С.М. Результаты обследования двух аварийных памятников эпохи средневековья в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 226–230.
- Горбунов В.В., Ситников С.М. Исследование аварийного кургана сросткинской культуры на памятнике Кайгородка-V // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 9–16.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Случайные находки средневекового вооружения в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998а. Вып. IX. С. 190–194.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: ГЭ, 1998б. С. 262–266.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Новые сведения о случайных находках предметов вооружения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001а. Вып. XII. С. 160–165.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001б. Т. VII. С. 281–287.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы: Материалы V-го симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 43–46.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Средневековые находки оружия с Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 44–47.
- Горбунова Т.Г. Модные тенденции в кочевых культурах Евразии эпохи раннего средневековья // Восточеведные исследования на Алтае. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. V. С. 162–169.
- Горелик М.В. Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 155–160.
- Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 149–179.

- Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Восточная литература, 1995. С. 359–430.
- Горелик М.В. Парадные кабарские клинки // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. Вып. II. С. 93–100.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков: Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.
- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие–IV в. до н.э.). СПб.: Атлант, 2003. 336 с.
- Горелик М.В. Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Труды гуманитар. фак. НГУ. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. Сер. II. Вып. 1. С. 86–101.
- Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 73–150.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с. (МИА №48).
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. Археологические памятники сюнну. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. Вып. 2. 176 с.
- Дашковский П.К. Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 16–23.
- Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 225 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
- Древние курганы Алтая. Горно-Алтайск: Ак чечек, 1998. 128 с.
- Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокзель (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокзель. Л.: Наука, 1970. Т. III. С. 80–209.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI. С. 75–117.
- Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 77–80.
- Елин В.Н. Наконечники стрел из памятников предтюркского времени Восточного Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1988. С. 157–168.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.
- Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. I. С. 71–106.
- Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 276 с.
- Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 172–189.
- Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 6–27.
- Иванов Г.Е. Древности из частных коллекций // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 113–117.
- Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. 160 с.
- Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в степном Алтае // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 95–106.
- Иванов Г.Е. Средневековые наконечники копий из Мамонтовского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 165–168.

- Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 172–189.
- Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII–X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: КФАН СССР, 1989. С. 107–121.
- Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.
- Илюшин А.М. Опыт типологической классификации наконечников стрел I тыс. н.э. из Восточного Алтая // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: СО АН СССР, 1990. С. 31–43.
- Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. 116 с.
- Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Косьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 119 с.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999а. 160 с.
- Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999б. 208 с.
- Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. С. 157–169.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 г. // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 93–103.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 128 с.
- Казаков А.А., Горбунов В.В. Охранные раскопки курганного могильника Хлебобобный Елбан-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 244–247.
- Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). М.; Армавир, 1997. Вып. 3. С. 61–69.
- Киреев С.М. Погребение тюркского воина из Горно-Алтайска // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 230–235.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. САИ. М., Л.: Наука, 1966а. Вып. Е1–36. 107 с.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. САИ. М., Л.: Наука, 1966б. Вып. Е1–36. 147 с.
- Кирпичников А.Н., Коваленко В.П. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья // Археологические вести. 1993. №2. С. 122–134.
- Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семibrатов В.П., Силантьева М.М., Терехина Т.А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории Бирюзовой Катунь в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 339–343.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Погребение сrostкинской культуры на могильнике Восход-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 198–200.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Алехин Ю.П. Курган сrostкинской культуры могильника Быково-IV // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул: БГПУ, 1999. С. 187–194.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая (известия лаборатории археологии). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Опыт классификации наконечников стрел эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // *Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 16–32.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б. Мечи из собрания Шипуновского музея // *Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 99–103.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1 (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Материалы двух погребений конца I тыс. н.э. с Верхнего Приобья // *Охрана и исследования археологических памятников Алтая*. Барнаул: БГНИ, 1991. С. 137–142.
- Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // *Археологические исследования на Катунь*. Новосибирск: Наука, 1990. С. 224–242.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.: ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескен-VI на Средней Катунь // *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири*. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. С. 125–130, 222–226.
- Кисилев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА №9).
- Ковалев А.А. О происхождении хунну // *Центральная Азия и Прибайкалье в древности*. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. С. 103–131.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
- Коников Б.А. О вооружении прииртышского населения начала II тыс. н.э. (по материалам памятников Омской области) // *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–172.
- Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // *Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах*. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 153–162.
- Кочеев В.А. Бронзовые двухлопастные наконечники стрел из Горного Алтая // *Гуманитарные науки в Сибири*. Сер.: Археология и этнография. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1995. №3. С. 95–97.
- Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов (к вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // *Известия лаборатории археологии*. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 147–152.
- Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // *Древности Алтая*. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999а. Вып. 4. С. 74–82.
- Кочеев В.А. «Клад» с верховьев реки Большой Яломан (Горный Алтай) // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999б. Вып. X. С. 175–177.
- Кочеев В.А. Оружейный комплекс раннескифского времени Горного Алтая (проблема реконструкции военного дела) // *Древности Алтая*. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. Вып. 7. С. 110–120.
- Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган-I и II // *Археологические и фольклорные источники по истории Алтая*. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 70–81, 241–255.
- Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // *Древности Алтая*. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №10. С. 70–83.
- Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Палаш из Беш-Озек // *Охрана и изучение культурного наследия Алтая*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 239–242.

- Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // РА. 1992. №4. С. 176–183.
- Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры // СА. 1987. №2. С. 63–69.
- Крыганов А.В. Азиатские элементы в вооружении раннесредневековых восточноевропейских кочевников // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 71–80.
- Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 29–54.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 136–148.
- Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 25–36.
- Кубарев В.Д. Всадники из Хар-Салаа // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 3–11.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 202–222.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Охранные работы на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992. С. 40–41.
- Кубарев Г.В. Древнетюркское погребение с р. Чуи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 91–92.
- Кубарев Г.В. Богатый уздечный набор из древнетюркского погребения // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1994. С. 67–69.
- Кубарев Г.В. Новый серебряный сосуд из Талдуайра // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. №1. С. 164–180.
- Кубарев Г.В. Изображение быка в поясной гарнитуре древнетюркского времени // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 78–81.
- Кубарев Г.В. Новая руническая надпись с Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997а. Т. III. С. 208–212.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997б. 18 с.
- Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 190–197.
- Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–112.
- Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1991. С. 161–168.
- Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 111–126.
- Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Изд-во БЮИ, 2005. 128 с.
- Курманкулов Ж. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 191–197.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960. 197 с.
- Кюрти Б. Об азиатском происхождении одного типа аварских колчанов в Карпатском бассейне // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1984. С. 80–94.
- Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-7 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 86–91.

- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. Т. 2. 528 с.
- Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2002. 126 с.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.
- Макаров С.П. Археологические раскопки у села Кашкарагаиха // Региональный компонент школьного курса истории: поиск и решения. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. С. 128–133.
- Максимова А.Г. Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1968. С. 146–158.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 447 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 108 с.
- Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–191.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
- Мамадаков Ю.Т. Коллющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 75–78.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 115–129.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 183 с. (САИ. Вып. Е1–36).
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник. Археологические памятники сюнну. СПб.: АзиатИКА, 1998. Вып. 3. 233 с.
- Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 52–89.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992а. С. 175–212.
- Могильников В.А. Исследование Кармацких курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992б. С. 92–94.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пушкинский научный центр РАН, 1997а. 195 с.
- Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997б. С. 187–234.
- Могильников В.А. Гилево IX, курган 3 – памятник хуннского времени северо-западных предгорий Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 113–117.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–152.
- Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 106–130.
- Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 96–109.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 161–179.

- Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 100–121.
- Неверов С.В. История племен сrostкинской культуры в VIII–XII вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Об одной особенности рубяще-колющего оружия кимаков Восточного Казахстана и племен сrostкинской культуры Верхнего Приобья // Археологические исследования в Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1989. С. 80–82.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Древнетюркские поминальные оградки Средней Катуни // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. VI. С. 167–170.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.
- Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 121–135.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 120–123.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
- Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 156–177.
- Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.
- Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 101–112.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М.: РУСАКИ, 2004. С. 86–110.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1–2. (МИА. №18).
- Петенева Г.Г. Декоративное оформление рубяще-колющего оружия средневековых кочевников Прииртышья // История и археология Семиречья. Алматы: XXI век, 2001. Вып. 2. С. 87–99.
- Плано Карпини Дж. дель. История монгалов. Г. де Рубрук Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 461 с.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1997. 350 с.
- Плетнева С.А. Древности черных клобуков. М.: Наука, 1973. 96 с. (САИ. Вып. Е1–19).
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.
- Плотников Ю.А. Наконечники стрел из могильника Кызыл-ту // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981а. С. 110–115.
- Плотников Ю.А. Рубящее оружие прииртышских кимаков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981б. С. 162–167.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
- Потемкина Т.М. О терминологии и отличительных чертах некоторых видов раннесредневекового клинкового оружия // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 289–290.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.
- Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 94–100.

- Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. С. 53–72.
- Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146–162.
- Савинов Д.Г. Сроосткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. С. 175–190.
- Савинов Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. С. 170–177.
- Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Северного Дона в скифскую эпоху. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2004. С. 151–277.
- Сафронов М.И. Средневековое копье из с. Камышенка Третьяковского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 231.
- Ситников С.М. Кинжал эпохи бронзы из Алейского района // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 32–36.
- Скобелев С.Г., Митько О.А. Луки лесного населения Среднего Енисея в позднем средневековье // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. С. 96–102.
- Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Находка кольчуг близ с. Джазатор (Горный Алтай) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1995. №3. С. 100–104.
- Соенов В.И. Классификация наконечников стрел гунно-сарматского времени из Верхней Катуни // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1995. №3. С. 97–100.
- Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 134–152.
- Соенов В.И. Шлем из Сымылты // Археология и этнография Алтая / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 111–115.
- Соенов В.И. Комплекс вооружения населения Верхней Катуни в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 52–55.
- Соенов В.И., Исов А.В. Позднесредневековые кольчуги из Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 182–186.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1996. №3. С. 115–118.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. Л.: ГЭ, 1969. Т. X. С. 208–236.
- Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Л.: ГЭ, 1977. Вып. 18. С. 57–67.
- Степанова Н.Ф., Горбунов В.В. Находки эпохи средневековья с поселений Малый Дуган и Узнезя-I // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1994. С. 82–85.
- Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмирово-1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 253–266.
- Суразаков А.С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1979. Вып. 1. С. 170–192.
- Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

- Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.
- Телегин А.Н. Аварийные раскопки курганной группы Барчиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 182–183.
- Телегин А.Н. Раскопки курганной группы Обьездное-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 143–145.
- Телегин А.Н., Боровков А.С. Курган «Комаришинский карьер» – некрополь эпохи средневековья в северо-западном предгорье Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 378–380.
- Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Труды гуманит. фак. НГУ. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. Сер. II. Вып. 1. С. 37–82.
- Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993а. С. 232–247.
- Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993б. С. 90–99.
- Тишкин А.А. Сухие Гривы – памятник монгольского времени на правобережье Оби // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 139–146.
- Тишкин А.А. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 143–149.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 194–198.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкинской культуры на Приобском Плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000а. Т. VI. С. 405–410.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Археологические памятники эпохи средневековья в Павловском районе // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск: Изд-во БГПУ, 2000б. С. 54–63.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 456–461.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003а. Т. IX. Ч. I. С. 488–493.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003б. №10. С. 107–117.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005а. Ч. 1. С. 327–333.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. 200 с.
- Тишкин А.А., Григоров Е.В. Обследование археологических памятников в Поспелихинском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: БГПУ, 1995. Вып. V. Ч. II. С. 199–203.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X. Ч. I. С. 410–415.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Новые объекты эпохи средневековья на Чинетинском археологическом комплексе в Алтайском крае // Проблемы археологии, этногра-

фии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 476–479.

Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П. Аварийный памятник Усть-Алейка Клуб в Калманском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 189–196.

Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 179–182.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каме-ногорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 1999. Вып. 2. С. 136–145.

Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV. С. 112–122.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Средневековый могильник у села Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 138–153.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Турбат Ц., Худяков Ю.С. Характерные особенности хуннских стрел из Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 498–503.

Уманский А.П. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1970. Вып. 11. С. 45–74.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 136–149.

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.

Уманский А.П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Урал-алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 55–63.

Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 81–99.

Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 128–137.

Уманский А.П. Курганы железного века в Родинском районе // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 202–219.

Уманский А.П. Еще раз о кабаковской сабле-палаше // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1994. С. 85–89.

Уманский А.П., Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов Верхнеобского правобережья в IV–V вв. н.э. // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 161–165.

Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине р. Алей на Алтае // СА. 1982. №2. С. 176–183.

Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. н.э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 146–161.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1984. С. 80–94.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. Барнаул; Усть-Пристань: КОМБИ-ПРИНТ, 1999. С. 6–29.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 219–226.

- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 115–132.
- Худяков Ю.С. Вооружение древних тюрков Горного Алтая // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 3–27.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986а. 268 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение племен Горного Алтая первой половины I тыс. н.э. // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986б. С. 81–99.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Алтая в первой половине II тыс. н.э. // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 168–202.
- Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 186–201.
- Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 336 с.
- Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 107–148.
- Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы сибирского оружейведения // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 149–155.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997а. Вып. 2. С. 28–37.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997б. 160 с.
- Худяков Ю.С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 160–206.
- Худяков Ю.С. Скульптурное изображение поверженного хунна на могиле Хо Цюйбина // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 63–66.
- Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 79–87.
- Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая / Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 99–109.
- Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в II–V вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005а. С. 19–55.
- Худяков Ю.С. Знамена древних тюрков и кыргызов в Центральной Азии в эпоху раннего средневековья // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005б. С. 350–365.
- Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Этнокультурные контакты и взаимовлияние русских с тюркскими народами Западной и Южной Сибири в военном деле в XVI–XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С. 103–128.
- Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю. Древнетюркский поминальник Биченег в долине реки Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. VI. С. 417–423.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 369–373.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. №3. С. 46–53.

- Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №8. С. 94–105.
- Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 177–185.
- Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Рубяще-колющее оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 92–107.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.
- Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 126–132.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения Сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 37–48.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. С. 7–18.
- Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–87.
- Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. С. 39–50.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. 184 с.
- Чиндина Л.А. О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1996. С. 86–116.
- Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. 185 с.
- Шамшин А.Б. Андронидные культуры на юге Верхнего Приобья: проблемы генезиса и культурно-исторических связей (на примере корчажкинской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 497–503.
- Шамшин А.Б., Лузин С.Ю., Неверов С.В., Изоткин С.Л. Раскопки курганного могильника Кучук-1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 71–73.
- Ширин Ю.В. Новые исследования многослойного памятника Степной Чумыш-2 // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. Вып. 2. С. 122–129.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Шишлина Н.И. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии: Труды ГИМ. М.: ГИМ, 1990. Вып. 74. С. 23–37.
- Шнирельман В.А. У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. I. 176 с.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.
- Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.
- Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.
- Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Хуннское оружие дистанционного боя из могильника Эгин-Гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. 2003. Т. 2. Вып. 3. С. 43–53.
- Юнусов А.С. Военное дело тюрков в VII–X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: СО АН СССР, 1990. С. 97–105.
- Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал (Сэдэвчилсэн лавлах). Улаанбаатар, 1999.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей.
АГПИ – Абаканский государственный педагогический институт.
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПИ/БГПУ – Барнаульский государственный педагогический институт/университет.
БКМ – Бийский краеведческий музей.
БФАН – Башкирский филиал Академии наук.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГАРКМ – Горно-Алтайский республиканский краеведческий музей.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМ – грунтовый могильник.
ГР – городище.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИАиЭ – Институт археологии и этнографии.
ИИФФ – Институт истории, филологии и философии.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
ИТПМ – Институт теоретической и прикладной механики.
к. – курган.
к.с. – культурный слой.
КГПИ – Красноярский государственный педагогический институт.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КМ – курганный могильник.
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет.
КФАН – Казанский филиал Академии наук.
м. – могила.
МАЭА АГУ – Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
ОмГУ – Омский государственный университет.
ПМ – поминальник.
ПС – поселение.
с.н. – случайная находка.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
сб. – сборы.
СВНЦ ДВО РАН – Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения Российской академии наук.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Таблица I

Предметы наступательного вооружения из памятников Горного Алтая

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Булан-кобинская культура (поздний этап)									
1	КМ Берель, курган №2	3	4	–	1	–	–	2 половина IV– 1 половина V	Гаврилова, 1965; Сорокин, 1969
2	КМ Берель, курган №3	–	–	–	1	2	–	2 половина IV– 1 половина V	Гаврилова, 1965; Сорокин, 1969
3	КМ Верх- Еланда-II, курган №10	1	4	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Неверов, Степанова, 1990; МАЗА АГУ, кол. 125
4	КМ Верх- Уймон, курган №4	1	1	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Соенов, Эбель, 1992
5	КМ Верх- Уймон, курган №5	1	2	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Соенов, Эбель, 1992
6	КМ Верх- Уймон, курган №9	1	2	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Соенов, Эбель, 1992
7	КМ Верх- Уймон, курган №11	1	3	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Соенов, Эбель, 1992
8	КМ Верх- Уймон, курган №12	1	3	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Соенов, Эбель, 1992
9	КМ Верх- Уймон, курган №13	1	12	–	1	2	–	2 половина IV– 1 половина V	Соенов, Эбель, 1992
10	КМ Дялян, курган №1	1	6	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Тетерин, 2004
11	КМ Дялян, курган №3	1	5	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Тетерин, 2004
12	КМ Дялян, курган №5	1	–	–	–	–	–	2 половина IV– 1 половина V	Тетерин, 2004
13	КМ Дялян, курган №6	1	–	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Тетерин, 2004
14	КМ Дялян, курган №7	1	2	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Тетерин, 2004
15	КМ Дялян, курган №13	1	21	–	1	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Тетерин, 2004
16	КМ Катанда-I, курган №6	1	13	1	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Захаров, 1926; Гаврилова, 1965
17	КМ Катанда-I, курган №7	–	–	1	–	–	–	2 половина IV–1 половина V	Захаров, 1926; Гаврилова, 1965
18	КМ Кок-Паш, курган №10	–	3	–	–	–	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
19	КМ Кок-Паш, курган №12	–	9	–	1	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
20	КМ Кок-Паш, курган №14	–	1	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Булан-кобинская культура (поздний этап)									
21	КМ Кок-Паш, курган №15	–	1	–	–	–	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
22	КМ Кок-Паш, курган №27	–	4	–	–	–	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
23	КМ Кок-Паш, курган №28	–	26	–	–	2	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
24	КМ Кок-Паш, курган №29	–	24	–	1	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
25	КМ Кок-Паш, курган №30	–	1	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
26	КМ Кок-Паш, курган №31	1	1	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
27	КМ Кок-Паш, курган №33	–	–	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
28	КМ Кок-Паш, курган №34	–	–	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
29	КМ Кок-Паш, курган №36	1	4	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
30	КМ Кок-Паш, курган №37	–	1	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
31	КМ Кок-Паш, курган №38	–	1	–	–	–	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
32	КМ Кок-Паш, курган №39	–	13	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
33	КМ Кок-Паш, курган №40	–	1	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
34	КМ Кок-Паш, курган №41	1	2	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
35	КМ Кок-Паш, курган №54	1	–	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
36	КМ Кок-Паш, курган №55	–	1	–	1	2	–	2 половина IV– 1 половина V	Бобров, Васютин, Васютин, 2003
37	ПС Узнезя-I, верхний культурный слой	–	1	–	–	–	–	2 половина IV– 1 половина V	Степанова, Горбунов, 1994; МАЭА АГУ, кол. 127
38	КМ Усть-Бийке-III, курган №4	1	3	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Тишкин, Горбунов, 2005; МАЭА АГУ, кол. 130
39	КМ Чендек, курган №2	1	1	–	–	–	–	2 половина IV– 1 половина V	Соенов, Эбель, 1992
40	КМ Чендек, курган №9	–	1	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Соенов, Эбель, 1992
41	КМ Яломан-II, курган №30	1	23	–	1	1	–	2 половина IV– 1 половина V	МАЭА АГУ, кол. 181
42	КМ Яломан-II, курган №31	1	31	–	–	2	–	2 половина IV– 1 половина V	Тишкин, Горбунов, 2003а; МАЭА АГУ, кол. 181

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Будан-кобинская культура (поздний этап)									
43	КМ Яломан-П, курган №32	1	10	–	–	2	–	2 половина IV– 1 половина V	Тишкин, Горбунов, 2003а; МАЭА АГУ, кол. 181
44	КМ Яломан-П, курган №33, могила №2	1	12	–	–	1	–	2 половина IV– 1 половина V	Тишкин, Горбунов, 2003а; МАЭА АГУ, кол. 181
Тюркская культура									
45	ПМ Бичинег, оградка №1	–	1	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Худяков, Бобров, Борисенко, 2000
46	ПМ Бичинег, оградка №2	–	2	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Худяков, Бобров, Борисенко, 2000
47	КМ Боротал, курган №82	1	6	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Кубарев В.Д., 1985
48	ПМ Будан- Кобы-IV, оградка №6	–	3	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Мамадаков, 1994
49	КМ Верх- Еланда-I, курган №4	1	2	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990; МАЭА АГУ, кол. 124
50	ПМ Кок-Пап, оградка №А-2	1	3	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Васютин, 1985
51	ПМ Кудыргэ, оградка №VI	1	–	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Гаврилова, 1965
52	ПМ Кудыргэ, оградка №104	–	1	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Илюшин, 2000
53	ПМ Кызыл-Таш, оградка №1	1	–	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Соенов, Эбель, 1996
54	ПМ Кызыл-Таш, оградка №2	–	–	1	1	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Соенов, Эбель, 1996
55	КМ Ороктой, курган №1	1	1	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Худяков, Скобелев, Мороз, 1990
56	КМ Тыткескень-VI, курган №5	–	2	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, МАЭА АГУ, кол. 121
57	КМ Узунтал-I, курган №1	1	–	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Савинов, 1982
58	КМ Усть- Бийке-III, курган №5	1	5	–	1	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Тишкин, Горбунов, 2005; МАЭА АГУ, кол. 130
59	КМ Усть- Бийке-III, курган №6	1	3	–	–	–	–	2 половина V– 1 половина VI	Тишкин, Горбунов, 2005; МАЭА АГУ, кол. 130
60	КМ Яконур, курган №5	1	5	1	–	1	–	2 половина V– 1 половина VI	Тишкин, Горбунов, 2003б; ГЭ, кол. 1554

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Тюркская культура									
61	КМ Кара-Коба-I, курган №1	–	1	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Могильников, 1990; АГКМ, кол. 14567
62	КМ Кара-Коба-I, курган №8	–	1	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Могильников, 1990; АГКМ, кол. 14567
63	КМ Катанда-3, курган №11	1	4	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Мамадаков, Горбунов, 1997; МАЗА АГУ, кол. 119
64	КМ Кудыргэ, курган №2	1	2	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Гаврилова, 1965
65	КМ Кудыргэ, курган №4	–	–	–	–	1	–	2 половина VI– 1 половина VII	Гаврилова, 1965
66	КМ Кудыргэ, курган №5	1	8	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Гаврилова, 1965
67	КМ Кудыргэ, курган №9	1	10	–	1	1	–	2 половина VI– 1 половина VII	Гаврилова, 1965
68	КМ Кудыргэ, курган №11	1	7	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Гаврилова, 1965
69	КМ Кудыргэ, курган №12	–	–	–	1	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Гаврилова, 1965
70	КМ Кудыргэ, курган №18	1	4	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Гаврилова, 1965
71	КМ Кудыргэ, курган №22	2	2	–	–	1	–	2 половина VI– 1 половина VII	Гаврилова, 1965
72	КМ Курота-I, курган №1	1	–	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Киселев, 1949
73	ПМ Нижняя Сору, оградка №В-1	–	1	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Васютин, Елин, Илюшин, 1987
74	ПМ Нижняя Сору, оградка №Г-1	–	1	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Васютин, Елин, Илюшин, 1987
75	КМ Тьткескен-VI, курган №10	1	15	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998; МАЗА АГУ, кол. 121
76	КМ Уландрык-I, курган №10	–	–	1	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Кубарев Г.В., 2002
77	КМ Уландрык-III, курган №5	1	–	–	–	–	–	2 половина VI– 1 половина VII	Древние курганы Алтая, 1998
78	Ак-Кообы, курган	1	6	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Кубарев В.Д., 1984
79	КМ Балык- Соок-I, курган №11	2	2	1	–	–	–	1 половина VIII	Кубарев Г.В., 2002

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Тюркская культура									
80	КМ Балык-Соок-I, курган №23	–	–	1	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Кубарев Г.В., 2002
81	КМ Барбургазы-П, курган №9	1	3	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Кубарев Г.В., 1997а
82	КМ Бажынты, курган №29	1	1	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Суразаков, 1982
83	КМ Бике-I, курган №9	1	6	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Кубарев В.Д., Киреев, Черемисин, 1990
84	Бирюзовая Катунь-1, курган	–	4	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Кирюшин, Кондрашов, Семибратов, Силантьева, Терехина, 2005
85	ПМ Большой Курманак-1, оградка №А-1	–	2	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Васютин, Елин, Илюпин, 1987
86	КМ Боротал, курган №51	–	–	–	–	1	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Кубарев В.Д., 1985
87	Горно-Алтайск, курган	1	8	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Киреев, 1993
88	Загал, могила (Монгольский Алтай)	1	–	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Худяков, Лхагвасурен, 2002
89	КМ Кара-Коба-I, курган №25	1	2	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Могильников, 1990; АГКМ, кол. 14567
90	КМ Кара-Коба-I, курган №75	–	1	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Могильников, 1990; АГКМ, кол. 14567
91	КМ Кара-Коба-I, курган №85	1	14	–	1	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Могильников, 19976
92	ПМ Кара-Коба-I, оградка №69	1	–	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Могильников, 1992а; АГКМ, кол. 14567
93	КМ Кара-Коба-П, курган №13	1	6	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Могильников, 1983
94	КМ Катанда-II, курган №2 (1865)	–	?	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Захаров, 1926
95	КМ Катанда-II, курган №3 (1865)	1	7	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Захаров, 1926
96	КМ Катанда-II, курган №4 (1865)	–	5	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Захаров, 1926
97	КМ Катанда-3, курган №1	1	7	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Мамадаков, Горбунов, 1997; МАЭА АГУ, кол. 119

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Тюркская культура									
98	КМ Катанда-3, курган №2	1	1	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Мамадаков, Горбунов, 1997; МАЭА АГУ, кол. 119
99	КМ Катанда-3, курган №4	1	–	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Мамадаков, Горбунов, 1997; МАЭА АГУ, кол. 119
100	КМ Катанда-3, курган №16	–	–	–	–	1	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Мамадаков, Горбунов, 1997; МАЭА АГУ, кол. 119
101	КМ Катанда-3, курган №21	1	2	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Мамадаков, Горбунов, 1997; МАЭА АГУ, кол. 119
102	КМ Курай-V, курган №1	–	7	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Киселев, 1949
103	КМ Талдуайр-I, курган №6	1	9	–	–	–	–	1 половина VIII	Кубарев Г.В., 1995
104	КМ Талдура-1, курган №2	–	6	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Могильников, Елин, 1983
105	ПМ Талдура-1, оградка №2	–	7	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Могильников, Елин, 1983
106	КМ Тыткескен-VI, курган №1	1	15	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Кирюшин, Горбунов, Степанова, Типшкин, 1998; МАЭА АГУ, кол. 121
107	КМ Тянгыс-Тыт, курган №4	–	4	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Худяков, Борисенко, 1998
108	КМ Узунтал-V, курган №2	1	1	–	–	–	1	2 половина VII– 1 половина VIII	Савинов, 1982; ГАРКМ, кол. 7346
109	КМ Урочище Балчикова-3, курган №7	1	–	–	–	–	–	1 половина VIII	Шульга, Горбунов, 2002; МАЭА АГУ, кол. 180
110	КМ Чоба-7, курган №1	–	3	–	–	–	–	1 половина VIII	Ларин, Суразаков, 1994
111	КМ Юстыд-XII, курган №29	1	9	–	–	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Кубарев Г.В., 1994
112	КМ Ябоган-I, курган №1	1	15	–	1	–	–	2 половина VII– 1 половина VIII	Кочеев, Суразаков, 1994
113	КМ Джолин-I, курган №9	1	7	–	1	1	1	2 половина VIII– 1 половина IX	Кубарев В.Д., 1992
114	КМ Катанда-II, курган №2 (1925)	–	–	–	–	–	1	2 половина VIII– 1 половина IX	Гаврилова, 1965
115	ПМ Кер-Кечу, оградка №А-1	–	9	–	–	–	–	2 половина VIII– 1 половина IX	Васютин, Елин, Илюшин, 1987

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Тюркская культура									
116	ПМ Кер-Кечу, оградка №А-2	–	10	–	–	–	–	2 половина VIII– 1 половина IX	Васютин, Елин, Илюшин, 1987
117	КМ Курай-III, курган №1	–	10	–	–	–	–	2 половина VIII– 1 половина IX	Евтюхова, Киселев, 1941
118	КМ Курай-III, курган №6	–	–	–	–	1	–	2 половина VIII– 1 половина IX	Евтюхова, Киселев, 1941
119	ПМ Сары-Коба-II, оградка №Г	–	2	–	–	–	–	2 половина VIII– 1 половина IX	Илюшин, Сулейменов, 1997
120	КМ Туэкта, курган №3 (1937)	–	1	–	–	–	–	2 половина VIII– 1 половина IX	Киселев, 1949
121	КМ Туэкта, курган №7 (1937)	1	–	–	–	–	–	2 половина VIII– 1 половина IX	Киселев, 1949
122	КМ Юстыд-XXIV, курган №13	–	9	–	–	–	–	2 половина VIII– 1 половина IX	Кубарев Г.В., 1996
123	Беш-Озек, курган	–	–	–	1	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Кочеев, Худяков, 1993
124	ПМ Бойтыгем-IV, оградка №1	1	–	–	–	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Неверов, Горбунов, 1995
125	КМ Курай-IV, курган №1	1	10	–	–	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Евтюхова, Киселев, 1941
126	Отокту-Оозы, тайник	–	–	–	–	–	2	2 половина IX– 1 половина X	Кочеев, 19996
127	КМ Туэкта, курган №3 (1935)	1	7	–	–	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Евтюхова, Киселев, 1941
128	КМ Узунтал-I, курган №2	2	8	–	–	2	–	2 половина IX– 1 половина X	Савинов, 1982
129	Балтарган, могила	–	20	–	1	–	–	2 половина X–XI	Худяков, Кочеев, Моносов, 1996
130	КМ Барбургазы-I, курган №20	–	–	1	–	–	–	2 половина X–XI	Кубарев Г.В., 2002
131	КМ Калбак-Таш, курган №2	1	7	–	1	–	–	2 половина X–XI	Кубарев Г.В., 1992
132	КМ Катанда-II, курган №1 (1865)	–	17	–	1	–	–	2 половина X–XI	Захаров, 1926
133	КМ Катанда-II, большой курган (1865)	–	1	–	1	–	–	2 половина X–XI	Захаров, 1926
134	Нижне-Тыткес- кенская Пеще- ра-I, тайник	–	–	–	–	–	1	2 половина X–XI	Кирюшин, Кушгуров, Степанова, 1995; МАЭА АГУ, кол. 129
135	КМ Пазырык, курган №5	–	1	–	–	–	–	2 половина X–XI	Гаврилова, 1965
136	КМ Чобурак-1, курган №2	–	–	–	–	–	2	2 половина X–XI	Бородовский, 1994
137	Горный Алтай, случайная находка	–	–	1	–	–	–	VIII–X	Худяков, 1986а

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Кыргызская культура									
138	КМ Бажынты, курган №19	–	1	–	–	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Суразаков, 1982
139	КМ Кок-Эдиган, курган №1	–	2	–	–	1	–	2 половина IX– 1 половина X	Худяков, 2003
140	КМ Коргон-I, курган №8	–	5	–	–	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Дашковский, 2001
141	КМ Чинета-II, курган №10	–	6	–	–	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; МАЭА АГУ, кол. 185
142	КМ Чинета-II, курган №12	–	21	–	–	1	–	2 половина IX– 1 половина X	Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; МАЭА АГУ, кол. 185
143	КМ Чинета-II, курган №13	–	17	–	–	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2005; МАЭА АГУ, кол. 185
144	КМ Яконур, курган №1, могила №Е	–	23	–	1	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Худяков, 1990; ГЭ, кол. 1554
145	КМ Яконур, курган №1, могила №G	–	8	–	–	–	–	2 половина IX– 1 половина X	Худяков, 1990; ГЭ, кол. 1554
146	КМ Ак-Таш, курган №9	–	1	–	–	–	–	2 половина X–XI	Худяков, 1990
147	КМ Ак-Таш, курган №27	–	1	–	–	–	–	2 половина X–XI	Худяков, 1990
148	КМ Чинета-II, курган №1	–	1	–	–	–	–	2 половина X–XI	Тишкин, Дашковский, 2002; МАЭА АГУ, кол. 185
Культура монгольского времени									
149	КМ Верх- Еланда-I, курган №1	–	12	–	–	–	–	XII	Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990; МАЭА АГУ, кол. 124
150	КМ Верх- Еланда-I, курган №5	–	1	–	–	–	–	XII	Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990; МАЭА АГУ, кол. 124
151	КМ Кудыргэ, курган №76	–	8	–	–	–	–	XII	Нестеров, Милютин, 1995

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Культура монгольского времени									
152	КМ Элекманар-П, курган №17	–	1	–	–	–	–	XII	Неверов, Степанова, 1990; МАЭА АГУ, кол. 125
153	КМ Ак-Алаха; курган №1	–	2	–	–	–	–	XIII–XIV	Полосьмак, 1994
154	КМ Кудыргэ, курган №14	–	7	–	–	1	–	XIII–XIV	Гаврилова, 1965
155	Тожан, могила	1	5	–	–	1	–	XIII–XIV	Кочеев, 1983
156	КМ Усть- Бийке-III, курган №3	1	3	–	–	1	–	XIII–XIV	Тишкин, Горбунов, 2005; МАЭА АГУ, кол. 130
157	КМ Усть- Бийке-III, курган №7	–	7	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, Горбунов, 2005; МАЭА АГУ, кол. 130
158	КМ Яконур, курган №1, могила №D	1	6	–	–	–	–	XIII–XIV	Грязнов, 1940; ГЭ, кол. 1554
159	КМ Яконур, курган №2	1	3	–	–	–	–	XIII–XIV	Грязнов, 1940; ГЭ, кол. 1554
160	Горный Алтай, случайные находки	–	–	1	1	–	–	XII–XIV	ГАРКМ, б/н; МАЭА АГУ, кол. 176

Предметы наступательного вооружения из памятников Лесостепного Алтая

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Кулайская культура (поздний этап)									
1	ГМ Обские Плесы-II, могила №2	-	1	-	-	-	-	III – 1 половина IV	Горбунов, 1996; МАЗА АГУ, кол. 143
Одинцовская культура									
2	ГМ Ближние Елбаны-III, могила №6	-	3	-	-	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
3	ГМ Ближние Елбаны-XII, могила №1	-	1	-	-	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
4	ГМ Ближние Елбаны-XII, могила №11	-	2	-	-	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
5	ГМ Ближние Елбаны-XII, могила №18	-	1	-	1	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
6	ГМ Ближние Елбаны-XII, могила №34	-	-	-	-	1	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
7	ГМ Ближние Елбаны-XIV, могила №2	-	7	-	-	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
8	ГМ Ближние Елбаны-XIV, могила №12	-	1	-	-	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
9	ГМ Ближние Елбаны-XIV, могила №29	-	1	-	1	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
10	ГМ Ближние Елбаны-XIV, могила №31	-	3	-	-	1	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
11	ГМ Ближние Елбаны-XIV, могила №40	-	1	-	-	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
12	ГМ Ближние Елбаны-XIV, могила №45	-	1	-	-	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
13	ГМ Ближние Елбаны-XIV, культурный слой	-	2	-	-	-	-	2 половина IV-V	Грязнов, 1956
14	ГМ Ераска, могила	1	10	-	1	-	-	2 половина IV-V	Егоров, 1993; АГКМ, кол. 15625
15	ПС Комарово-5, разрушенная могила	-	2	-	-	-	-	2 половина IV-V	Абдулганеев, 1990
16	ГМ Нечунаевский Елбан-2, могила №3	-	1	-	-	1	-	2 половина IV-V	Уманский, 1985
17	Поспелиха, разрушенная могила	1	-	-	-	-	-	2 половина IV-V	Тишкин, Григоров, 1995; АГКМ, кол. 14797
18	ГМ Татарские могилки, могила 1959 г.	-	4	-	1	-	-	2 половина IV-V	Уманский, 1974; АГКМ, кол. 11203
19	ГМ Татарские могилки, могила №1	-	1	-	-	-	-	2 половина IV-V	Уманский, 1974; БКМ, кол. 4160
20	ГМ Татарские могилки, могила №4	1	10	-	2	2	-	2 половина IV-V	Уманский, 1974; БКМ, кол. 4160
21	ГМ Троицкий Елбан-I, могила 1969 г.	-	2	1	-	-	-	2 половина IV-V	Горбунов, 1993а; АГКМ, кол. 12793

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Одинцовская культура									
22	ГМ Троицкий Елбан-I, могила №1	–	6	–	–	1	–	2 половина IV–V	Горбунов, 1993а; МАЗА АГУ, кол. 160
23	ГМ Тутозново, могила «князя»	1	29	–	1	1	–	2 половина IV–V	Уманский, 1978
24	ГМ Тутозново, могила №3	–	3	–	–	1	–	2 половина IV–V	Уманский, 1985
25	Усть-Пустынка, из разрушенных погребений	1	–	–	–	–	–	2 половина IV–V	Алехин, Гельмел, 1991
26	ГМ Чекановский Лог-9, могила	2	8	–	1	–	–	2 половина IV–V	Горбунов, Демин, Ситников, 2004
27	ГМ Ближние Елбаны-XVI, могила №5	–	1	–	–	–	–	VI – 1 половина VII	Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995; МАЗА АГУ, кол. 157
28	ГМ Ближние Елбаны-XVI, могила №7	1	1	–	–	–	–	VI – 1 половина VII	Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995; МАЗА АГУ, кол. 157
29	ГМ Заломное-I, разрушенная могила	–	1	–	–	–	–	2 половина VI – 1 половина VII	Горбунов, Рудометов, 2003
30	ГМ Осинки, могила №23	–	1	–	–	–	–	2 половина VI – 1 половина VII	Савинов, 2000
31	Горный, разрушенная могила	–	2	–	–	–	–	VI – 1 половина VIII	БКМ, б/н
32	ГМ Горный-10, могила №1	–	3	–	–	–	–	VI – 1 половина VIII	Абдулганеев, 2001
33	ГМ Горный-10, могила №21	–	4	–	–	–	–	VI – 1 половина VIII	Абдулганеев, 2001
34	ГМ Горный-10, находки из могил	–	4	–	–	–	–	VI – 1 половина VIII	Абдулганеев, Степанова, Служак, Чекрыжова, 2001
35	с. Плоское, случайная находка	–	–	–	1	–	–	III–V	Горбунов, Тишкин, 2001а; МАЗА АГУ, кол. 176
Сросткинская культура									
36	ГМ Ближние Елбаны-V, могила 1903 г.	–	?	–	1	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Грязнов, 1956
37	ГМ Ближние Елбаны-V, могила 1925 г.	–	–	–	1	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Грязнов, 1956
38	ГМ Ближние Елбаны-V, могила №5	–	?	–	1	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Грязнов, 1956
39	ГМ Ближние Елбаны-V, могила №6	–	11	–	1	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Грязнов, 1956
40	КМ Иня-1, курган №1, могила №1	1	4	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Уманский, 1970; АГКМ, кол. 11250

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
41	КМ Иня-1, курган №2, могила №1	1	3	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Уманский, 1970; АГКМ, кол. 11250
42	КМ Иня-1, курган №2, могила №2	1	4	–	–	1	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Уманский, 1970; АГКМ, кол. 11250
43	КМ Иня-1, курган №3, могила №1	1	2	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Уманский, 1970; АГКМ, кол. 11250
44	КМ Иня-1, курган №4, могила №1	1	1	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Уманский, 1970; АГКМ, кол. 11250
45	КМ Иня-1, курган №4, могила №3	–	1	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Уманский, 1970; АГКМ, кол. 11250
46	КМ Иня-1, курган №7	–	4	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	МАЭА АГУ, кол. 145
47	КМ Иня-1, курган №9, могила №2	–	4	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	МАЭА АГУ, кол. 145
48	КМ Иня-1, курган №10, могила №1	–	1	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	МАЭА АГУ, кол. 145
49	КМ Иня-1, курган №12	–	2	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	МАЭА АГУ, кол. 145
50	КМ Иня-1, курган №13	–	2	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	МАЭА АГУ, кол. 145
51	КМ Иня-1, курган №15	–	2	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	МАЭА АГУ, кол. 145
52	КМ Иня-1, курган №16, могила №1	–	15	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	МАЭА АГУ, кол. 145
53	КМ Иня-1, курган №17, могила №3	1	4	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	МАЭА АГУ, кол. 145
54	КМ Иня-1, курган №20, могила №1	–	2	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Горбунов, 2000; МАЭА АГУ, кол. 145
55	КМ Иня-1, курган №21, могила №1	–	1	–	1	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Горбунов, 2000; МАЭА АГУ, кол. 145
56	КМ Иня-1, курган №21, могила №3	–	13	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Горбунов, 2000; МАЭА АГУ, кол. 145
57	КМ Иня-1, курган №23, могила №1	1	2	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001; МАЭА АГУ, кол. 145
58	КМ Иня-1, курган №25, могила №1	–	5	–	1	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001; МАЭА АГУ, кол. 145
59	КМ Иня-1, курган №27, могила №1	–	9	–	–	–	–	2 половина VIII – 1 половина IX	Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001; МАЭА АГУ, кол. 145

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
60	КМ Иня-1, курган №27, могила №4	-	1	-	-	-	-	2 половина VIII – 1 половина IX	Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001; МАЭА АГУ, кол. 145
61	КМ Иня-1, курган №28, могила №1	-	5	-	-	-	-	2 половина VIII – 1 половина IX	Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001; МАЭА АГУ, кол. 145
62	КМ Иня-1, курган №29	-	2	-	-	-	-	2 половина VIII – 1 половина IX	Горбунов, 2000; МАЭА АГУ, кол. 145
63	Кулунда, курган 1862 г.	-	?	1	2	-	-	2 половина VIII – 1 половина IX	Радлов, 1989
64	Николаевка, разрушенная могила	-	-	-	1	-	-	2 половина VIII – 1 половина IX	Уманский, 1991
65	КМ Чингис-2, курган №1	-	4	1	-	-	-	2 половина VIII – 1 половина IX	Троицкая, Новиков, 1995
66	КМ Чингис-2, курган №3, могила №1	1	2	-	1	-	-	2 половина VIII – 1 половина IX	Троицкая, Новиков, 1995
67	КМ Чингис-2, курган №7	-	4	1	-	1	-	2 половина VIII – 1 половина IX	Троицкая, Новиков, 1995
68	КМ Ближние Елбаны-VI, курган №1, могила №1	-	3	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Грязнов, 1956
69	КМ Ближние Елбаны-VI, курган №4, могила №1	-	-	-	-	1	-	2 половина IX – 1 половина X	Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995; МАЭА АГУ, кол. 158
70	КМ Ближние Елбаны-VI, курган №4, могила №3	-	-	-	-	1	-	2 половина IX – 1 половина X	Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995; МАЭА АГУ, кол. 158
71	КМ Белый Камень, курган №1	-	36	1	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Тишкин, 1993а; АГКМ, кол. 15619; МАЭА АГУ, кол. 149
72	КМ Белый Камень, курган №3	-	4	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Тишкин, 1993а; АГКМ, кол. 15619
73	КМ Быково-IV, курган №5	1	9	1	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999; МАЭА АГУ, кол. 138
74	КМ Гилево-I, курган №2	-	-	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13098

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
75	КМ Гилево-I, курган №3	–	1	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
76	КМ Гилево-II, курган №1	–	1	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13103
77	КМ Гилево-II, курган №3	–	18	1	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13104, 13265
78	КМ Гилево-III, курган №5	–	4	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13105
79	КМ Гилево-IV, курган №1	–	3	1	1	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
80	КМ Гилево-V, курган №1	–	1	–	1	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13468
81	КМ Гилево-V, курган №5	–	13	1	1	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13171
82	КМ Гилево-V, курган №6	1	10	–	1	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13171, 13265
83	КМ Гилево-VI, курган №2	–	1	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
84	КМ Гилево-VI, курган №5	–	6	–	1	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
85	КМ Гилево-VIII, курган №2, могила №2	–	1	–	1	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13167
86	КМ Гилево-IX, курган №6	–	2	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
87	КМ Гилево-IX, курган №8	–	2	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
88	КМ Гилево-IX, курган №18	–	3	–	1	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13477
89	КМ Гилево-XI, курган №1	–	–	–	1	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
90	КМ Гилево-XI, курган №2	–	3	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
91	КМ Гилево-XIV, курган №1, могила №1	–	5	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
92	КМ Гилево-XIV, курган №2, могила №1	–	2	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
93	КМ Гилево-XIV, курган №3, могила №1	–	10	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
94	КМ Гилево-XIV, курган №6, могила №1	1	1	1	1	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
95	КМ Грязново-П, курган №2, могила №2	-	1	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980
96	КМ Грязново-П, курган №5	-	1	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980
97	КМ Грязново-III, курган №2, могила №2	-	-	-	-	1	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980
98	КМ Грязново-III, курган №3, могила №1	-	1	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980
99	КМ Грязново-IV, курган №1	-	3	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980
100	КМ Дмитротитово, курган	-	5	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Кирюпин, Неверов, 1991; МАЗА АГУ, кол. 137
101	КМ Ивановка-IX, курган №1	-	10	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Алехин, 1996
102	КМ Ивановка-XVII, курган №1	-	1	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Алехин, 1997
103	КМ Ивановка-XX, курган №1	-	2	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Алехин, 1997
104	КМ Ивановка-XX, курган №4	1	5	-	-	1	-	2 половина IX – 1 половина X	Алехин, 2003
105	КМ Ивановка-XXVI, курган №1, могила №1	1	2	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Алехин, 1996
106	КМ Ивановка-XXVI, курган №1, могила №2	-	1	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Алехин, 1996
107	КМ Коловый Мыс, курган	-	6	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Фролов, 1999
108	КМ Комаришинский Карьер, курган	-	5	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Телегин, Боровков, 2001
109	КМ Корболиха-П, курган №4	1	1	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
110	КМ Корболиха-П, курган №7	-	3	1	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
111	КМ Корболиха-VIII, курган №4	1	38	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13476
112	КМ Корболиха-VIII, курган №8	-	6	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
113	КМ Корболиха-X, курган №1, могила №1	-	15	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
114	КМ Корболиха-Х, курган №4, могила №2	-	4	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
115	КМ Корболиха-Х, курган №5, могила №1	-	6	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
116	КМ Корболиха-Х, курган №7	-	12	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
117	КМ Корболиха-Х, курган №8	-	11	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
118	КМ Кураевка-I, курган №1	-	10	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002
119	КМ Луговское-1, курган №1	-	-	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Горбунов, Ситников, 2000
120	ГМ Нечунаевский Елбан-2, могила №1	-	1	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Уманский, Неверов, 1982; АГКМ, кол. 11199
121	ГМ Нечунаевский Елбан-2, могила №2	-	1	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Уманский, Неверов, 1982; АГКМ, кол. 11590
122	КМ Новофирсово-VII, курган №3, могила №1	-	8	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Алехин, 1990; МАЭА АГУ, кол. 139
123	КМ Новофирсово-VII, курган №3, могила №2	-	2	1	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Алехин, 1990; МАЭА АГУ, кол. 139
124	КМ Обьездное-2, курган №2	-	1	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Телегин, 1999
125	КМ Солоновка, курган №1	-	15	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	БКМ, кол. 858
126	КМ Сростки-I, раскопки Копытова (1925)	4	17	1	4	-	-	2 половина IX – 1 половина X	БКМ, кол.849
127	КМ Сростки-I, курган №2 (1925)	-	12	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Савинов, 1998
128	КМ Сростки-I, курган №3 (1925)	-	2	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Савинов, 1998
129	КМ Сростки-I, курган №4 (1925)	1	5	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Савинов, 1998
130	КМ Сростки-I, курган №5 (1925)	1	7	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Савинов, 1998
131	КМ Сростки-I, курган №6, могила №"а" (1925)	-	3	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Савинов, 1998
132	КМ Сростки-I, курган №11 (1925)	-	3	-	-	1	-	2 половина IX – 1 половина X	Савинов, 1998
133	КМ Сростки-I, курган №1 (1930)	1	9					2 половина IX – 1 половина X	Савинов, 1998
134	КМ Сростки-I, курган №2 (1930)	1	11	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Савинов, 1998
135	КМ Сростки-I, курган №5 (1930)	-	5	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Савинов, 1998

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
136	КМ Успеновка-II, курган №3, могила №1	-	-	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Тишкин, Горбунов, 2002; МАЭА АГУ, кол. 179
137	Хабазино-4, могила	-	6	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	МАЭА АГУ, кол. 161
138	КМ Хлебоборбный Елбан-I, курган №1, могила №1	-	1	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Казаков, Горбунов, 1993; МАЭА АГУ, кол. 155
139	КМ Чинета-II, курган №7	-	8	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; МАЭА АГУ, кол. 185
140	КМ Чинета-II, курган №8	1	2	-	-	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; МАЭА АГУ, кол. 185
141	КМ Яровское-III, курган	-	-	-	1	-	-	2 половина IX – 1 половина X	Тишкин, Горбунов, 1998; МАЭА АГУ, кол. 164
142	ГМ Ближние Елбаны-VII, могила №78	-	6	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Грязнов, 1956
143	КМ Ближние Елбаны-VIII, курган №1, могила №5	1	7	1	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Грязнов, 1956
144	КМ Ближние Елбаны-VIII, курган №2, могила №2	-	17	-	1	-	1	2 половина X – 1 половина XI	Грязнов, 1956
145	ГМ Восход-I, могила №1	1	-	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Кирюшин, Горбунов, 1998; МАЭА АГУ, кол. 142
146	КМ Гилево-VII, курган №1	-	7	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13464
147	КМ Гилево-VII, курган №3	-	1	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002
148	КМ Гилево-VII, курган №4, могила №2	2	30	1	2	-	1	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 14557, 14569
149	КМ Гилево-VII, курган №6	-	1	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002
150	КМ Гилево-VII, курган №7	-	5	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13101, 13168
151	КМ Гилево-VII, курган №9	-	2	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
152	КМ Гилево-ХП, курган №1	–	10	–	1	1	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13265, 14559
153	КМ Гилево-ХП, курган №2	–	4	–	1	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 14559
154	КМ Гилево-ХП, курган №4, могила №1	–	3	–	1	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 14559
155	КМ Гилево-ХП, курган №1	–	1	–	1	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 14556
156	КМ Гилево-ХП, курган №4, могила №1	–	1	–	–	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 14556
157	КМ Гилево-ХП, курган №5	1	15	–	–	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 14556
158	КМ Гилево-ХП, курган №6, могила №1	–	3	–	–	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 14556
159	КМ Гилево-ХП, курган №15, могила №1	1	3	–	–	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 14556
160	КМ Гилево-ХП, курган №15, могила №2	–	1	–	–	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 14556
161	КМ Гилево-ХV, курган №5	–	–	–	1	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002
162	КМ Грань, курган	–	2	1	1	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Тишкин, Горбунов, 2000а; МАЭА АГУ, кол. 166
163	КМ Займище, курган №7, могила №4	–	3	–	1	–	–	2 половина X – 1 половина XI	МАЭА АГУ, кол. 146
164	КМ Займище, курган №8, могила №1	1	–	–	–	–	–	2 половина X – 1 половина XI	МАЭА АГУ, кол. 146
165	КМ Ивановка-П, курган №1	–	19	–	1	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Алехин, 1996
166	КМ Ивановка-П, курган №2	1	5	–	1	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Алехин, 1996; МАЭА АГУ, кол. 140
167	КМ Ивановка-ХХIV, курган №2	–	7	–	1	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Алехин, 1996
168	КМ Кайгородка-V, курган №2	–	7	–	1	1	–	2 половина X – 1 половина XI	Горбунов, Ситников, 2001
169	КМ Корболиха-П, курган №2	–	2	–	–	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13465
170	КМ Корболиха-V, курган №1	–	2	–	–	–	–	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
171	КМ Корболиха-VIII, курган №2	-	-	1	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13476
172	КМ Корболиха-VIII, курган №3	1	4	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13476
173	КМ Корболиха-IX, курган №1	-	1	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002
174	КМ Кучук-1, курган №6, могила №1	-	7	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992; МАЗА АГУ, кол. 151
175	КМ Павловка-I, курган №1	-	1	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002
176	КМ Павловка-I, курган №2	-	8	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13478
177	КМ Павловка-I, курган №3	-	10	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Могильников, 2002
178	КМ Поповская Дача, курган, могила №4	-	5	-	2	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Горбунов, Тишкин, 20016; МАЗА АГУ, кол. 167
179	КМ Прудской, курган №3, могила №1	-	1	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Горбунов, Тишкин, 20016; МАЗА АГУ, кол. 169
180	КМ Прудской, курган №5	-	-	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Горбунов, Тишкин, 20016; МАЗА АГУ, кол. 169
181	КМ Прудской, курган №6, могила №1	1	4	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Горбунов, Тишкин, 20016; МАЗА АГУ, кол. 169
182	КМ Рогозиха-1, курган №10, могила №1	-	1	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Тишкин, Горбунов, 20006; МАЗА АГУ, кол. 141
183	КМ Рогозиха-1, курган №10, могила №3	-	-	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Тишкин, Горбунов, 20006; МАЗА АГУ, кол. 141
184	КМ Степной Кучук-1, курган №1	1	5	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Уманский, 1993
185	КМ Степной Кучук-1, курган №2	-	2	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Уманский, 1993
186	КМ Усть-Козлуха, курган	-	-	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	БКМ, кол. 851

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
187	КМ Филин-I, курган №1	-	7	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Тишкин, Горбунов, 2000а; МАЭА АГУ, кол. 168
188	КМ Шадринцево-1, курган №1, могила №1	-	4	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Неверов, Горбунов, 1996; МАЭА АГУ, кол. 135
189	КМ Шадринцево-1, курган №1, могила №2	-	5	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Неверов, Горбунов, 1996; МАЭА АГУ, кол. 135
190	КМ Шадринцево-1, курган №1, могила №3	-	6	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Неверов, Горбунов, 1996; МАЭА АГУ, кол. 135
191	КМ Шадринцево-1, курган №3	-	1	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Неверов, Горбунов, 1996; МАЭА АГУ, кол. 135
192	КМ Щелчиха-1, курган №1	-	4	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Тишкин, 19936; МАЭА АГУ, кол. 150
193	КМ Щелчиха-1, курган №3	-	11	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Тишкин, 19936; МАЭА АГУ, кол. 150
194	КМ Щелчиха-1, курган №4	-	3	-	1	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Тишкин, 19936; МАЭА АГУ, кол. 150
195	КМ Щелчиха-1, курган №6	-	1	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Тишкин, 19936; МАЭА АГУ, кол. 150
196	КМ Яровское-V, курган №4	-	2	-	-	-	-	2 половина X – 1 половина XI	Тишкин, Горбунов, 2000а; МАЭА АГУ, кол. 165
197	КМ Барчиха, курган, могила №1	-	?	-	1	1	-	2 половина XI–XII	Телегин, 1998
198	КМ Барчиха, курган, могила №2	-	6	1	1	-	-	2 половина XI–XII	Телегин, 1998
199	КМ Ближние Елбаны-IX, курган №1	1	13	2	-	-	-	2 половина XI–XII	Грязнов, 1956
200	КМ Ближние Елбаны-IX, курган №2, могила №1	-	1	-	-	-	-	2 половина XI–XII	Абдулганеев, Егоров, 1995
201	КМ Ближние Елбаны-IX, курган №2, могила №3	-	1	-	-	-	-	2 половина XI–XII	Абдулганеев, Егоров, 1995
202	КМ Ближние Елбаны-IX, курган №2, могила №4	-	1	-	-	-	-	2 половина XI–XII	Абдулганеев, Егоров, 1995

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
203	КМ Боровиково-IV, курган №1, могила №1	1	-	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; МАЭА АГУ, кол. 186
204	КМ Змеевка, курган №1, могила №4 (1929)	-	1	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Неверов, 1982; БКМ, кол. 844
205	КМ Змеевка, курган №2, могила №1 (1929)	-	1	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Неверов, 1982; БКМ, кол. 844
206	КМ Змеевка, курган №2, могила №2 (1929)	-	2	-	-	1	-	2 половина XI-XII	Неверов, 1982; БКМ, кол. 844
207	КМ Змеевка, курган №3, могила №1 (1929)	1	-	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Неверов, 1982; БКМ, кол. 844
208	КМ Змеевка, сборы (1929)	-	3	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Неверов, 1982; БКМ, кол. 844
209	КМ Змеевка, курган №3, могила №1 (1930)	-	1	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Неверов, 1982
210	КМ Змеевка, курган №3, могила №2 (1930)	-	4	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Неверов, 1982
211	КМ Змеевка, курган №5 (1930)	1	4	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Неверов, 1982
212	ГМ Ильинка, могила №3	-	1	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Уманский, Неверов, Горбунов, 2001
213	ГМ Ильинка, сборы	-	-	1	-	-	-	2 половина XI-XII	Уманский, Неверов, Горбунов, 2001
214	ГМ Осинки, могила №38	1	-	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Савинов, 1981; ГЭ, кол. 2473
215	ГМ Осинки, могила №47	1	-	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Савинов, 1981; ГЭ, кол. 2473
216	ГМ Татарские Могилки (Степной Чумыш-2), могила №4	-	4	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Ширин, 1994
217	ГМ Татарские Могилки (Степной Чумыш-2), культурный слой	-	3	-	-	-	-	2 половина XI-XII	Ширин, 1994
218	ГР Кашкараганха-1, случайная находка	-	-	-	-	-	1	2 половина VIII-IX	Макаров, 2001
219	Усть-Калманский район, случайная находка	-	-	-	1	-	-	2 половина VIII-IX	Горбунов, Тишкин, 2001а; МАЭА АГУ, кол. 187
220	с. Камышпенка, случайная находка	-	-	1	-	-	-	2 половина VIII – 1 половина X	Сафронов, 2000
221	оз. Новенькое, сборы	-	2	-	-	-	-	2 половина VIII-XI	Горбунов, Клюкин, 1997
222	сад. Баюновские Зори, случайная находка	-	1	-	-	-	-	2 половина VIII-XI	Горбунов, Тишкин, 1998а; МАЭА АГУ, кол. 176

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Сросткинская культура									
223	552 разъезд, сборы	–	1	–	–	–	–	IX–XI	Горбунов, Клюкин, 1997
224	с. Фоминское, сборы	–	5	–	1	–	–	IX–XI	БКМ, кол. 846
225	Лесостепной Алтай, случайная находка	–	–	1	–	–	–	2 половина IX–XII	Горбунов, Тишкин, 2005; МАЗА АГУ, кол. 187
226	ПС Перешеечное-VI, сборы	–	–	1	–	–	–	2 половина IX–XII	Горбунов, Клюкин, 1997
227	п. Лесной, сборы	–	–	1	1	–	–	X–XI	АГКМ, кол. 12908
228	с. Верх-Кучук, случайная находка	–	–	1	–	–	–	X–XII	Горбунов, 1991а; МАЗА АГУ, кол. 173
229	с. Егона, случайная находка	–	–	1	–	–	–	X–XII	Абдулганеев, 2005
230	г. Караульная, случайная находка	–	–	1	–	–	–	X–XII	АГКМ, кол. 9397
231	Лесостепной Алтай, случайная находка	–	–	–	1	–	–	X–XII	АГКМ, 6/н
232	с. Суслово, случайная находка	–	–	1	–	–	–	X–XII	Иванов, 2001
233	Усть-Калманский район, случайная находка	–	–	–	1	–	–	X–XII	Горбунов, Тишкин, 2001а; МАЗА АГУ, кол. 187
234	ПС Черная Курья-VI, сборы	–	–	1	–	–	–	X–XII	Иванов, 2000
235	д. Малая Угренева, сборы	–	6	–	–	–	–	XI–XII	БКМ, кол. 831
236	п. Шипуновка, случайная находка	–	–	1	–	–	–	XI–XII	Иванов, 1998
Кыргызская культура									
237	КМ Гилево-III, курган №10	–	7	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13105
238	КМ Гилево-III, курган №12	–	3	–	–	–	–	2 половина IX – 1 половина X	Могильников, 2002; АГКМ, кол. 13170
Кармацкая культура									
239	АБ (г. Бийск), могила №1	–	1	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, 2002; БКМ, кол. 179
240	АБ (г. Бийск), могила №2	–	2	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, 2002; БКМ, кол. 181
241	ГМ Ближние Елбаны-VI, могила №7	–	9	–	–	–	–	XIII–XIV	Бородаев, Ефремов, Тишкин, 2000
242	ГМ Ближние Елбаны-VI, могила №8	1	12	–	–	–	–	XIII–XIV	Бородаев, Ефремов, Тишкин, 2000
243	ГМ Ближние Елбаны-XIV, могила №6	1	6	–	–	–	–	XIII–XIV	Грязнов, 1956

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Кармацкая культура									
244	Большая Речка, раскопки Гуляева	–	6	1	–	–	–	XIII–XIV	ГАРКМ, кол. 286
245	ПС Боровое-3, верхний культурный слой	–	1	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, 2002; МАЭА АГУ, кол. 553
246	ГМ Ильинка, могила №4	–	1	–	–	–	–	XIII–XIV	Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001
247	ГМ Ильинка, сборы	–	2	–	–	–	–	XIII–XIV	Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001
248	КМ Кармацкий, курган №1	–	?	–	–	–	–	XIII–XIV	Могильников, 19926
249	КМ Кармацкий, курган №9, могила №1	–	7	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, Горбунов, 2002; МАЭА АГУ, кол. 172
250	КМ Кармацкий, курган №9, могила №2	1	8	–	1	–	–	XIII–XIV	Тишкин, Горбунов, 2002; МАЭА АГУ, кол. 172
251	ГМ Осинки, могила №9	1	–	–	–	–	–	XIII–XIV	Савинов, 1981; ГЭ, кол. 2473
252	ГМ Осинки, могила №64	1	–	–	–	–	–	XIII–XIV	Савинов, 1981; ГЭ, кол. 2473
253	ГМ Раздумье-I, могила №8	–	3	–	–	–	–	XIII–XIV	Уманский, 1987
254	Рубцовский, разрушенная могила	1	–	–	–	–	–	XIII–XIV	Абдулганеев, 1998
255	ГМ Сухие Гривы, могила №1	–	4	–	1	–	–	XIII–XIV	Савинов, 1979
256	ГМ Сухие Гривы, могила №2	–	4	–	–	–	–	XIII–XIV	Савинов, 1979
257	ГМ Сухие Гривы, могила №3	–	8	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, 2001; БКМ, кол. 197
258	КМ Телеутский Взвоз-I, курган №6	–	2	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; МАЭА АГУ, кол. 163
259	КМ Телеутский Взвоз-I, курган №10	–	3	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; МАЭА АГУ, кол. 163
260	КМ Телеутский Взвоз-I, курган №11	–	2	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; МАЭА АГУ, кол. 163

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Кармацкая культура									
261	КМ Телеутский Взвоз-I, курган №12	–	2	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; МАЭА АГУ, кол. 163
262	КМ Телеутский Взвоз-I, курган №14	1	4	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; МАЭА АГУ, кол. 163
263	ГМ Усть-Алейка Клуб, могила №2	–	2	–	–	–	–	XIII–XIV	Кунгуров, 1991; МАЭА АГУ, кол. 136
264	ГМ Усть-Алейка Клуб, могила №3	–	6	–	–	–	–	XIII–XIV	Кунгуров, 1991; МАЭА АГУ, кол. 136
265	ГМ Усть-Алейка Клуб, могила №4	–	3	–	–	–	–	XIII–XIV	Кунгуров, 1991; МАЭА АГУ, кол. 136
266	ГМ Усть-Алейка Клуб, могила №6	–	4	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, Кунгуров, Семибратов, 2005; МАЭА АГУ, кол. 136
267	ГМ Усть-Алейка Клуб, могила №7	–	4	–	–	–	–	XIII–XIV	МАЭА АГУ, кол. 136
268	ГМ Усть-Алейка Клуб, могила №10	1	4	–	–	–	–	XIII–XIV	МАЭА АГУ, кол. 136
269	с. Акимовка, случайная находка	–	–	–	–	–	1	XIII–XIV	АГКМ, кол. 6123
270	с. Кабаково, случайная находка	–	–	–	1	–	–	XIII–XIV	Уманский, 1994; АГКМ, б/н
271	с. Калантырь, сборы	–	1	–	–	1	–	XIII–XIV	Горбунов, Клюкин, 1997
272	Лесостепной Алтай, случайная находка	–	–	1	–	–	–	XIII–XIV	БКМ, кол. 465
273	р.п. Павловск, случайная находка	–	–	1	–	–	–	XIII–XIV	Горбунов, Тишкин, 1998а; МАЭА АГУ, кол. 173
274	с. Первые Коростели, сборы	–	1	–	–	–	–	XIII–XIV	Горбунов, Клюкин, 1997
275	с. Песчаное, сборы	–	6	–	–	–	–	XIII–XIV	БКМ, кол. 837
276	с. Победа, случайная находка	–	2	–	–	–	–	XIII–XIV	Кунгуров, Горбунов, 2001; МАЭА АГУ, кол. 188
277	Старый Монастырь, сборы	–	3	–	–	–	–	XIII–XIV	Тишкин, 2002; БКМ, кол. 805

№ п/п	Тип и название памятника № объекта	Оружие						Датировка памятника (вв. н.э.)	Источники
		луки	стрелы	копья	мечи и сабли	ножи и кинжалы	топоры и кистени		
Кармацкая культура									
278	с. Степной Чумыш, случайная находка	-	-	1	-	-	-	XIII-XIV	Кунгуров, Горбунов, 2001; МАЭА АГУ, кол. 188
279	ур. Страшный Яр, сборы	-	3	-	-	-	-	XIII-XIV	Горбунов, Тишкин, 2001a
280	с. Усть-Ануй, «Пески», сборы	-	2	-	-	-	-	XIII-XIV	БКМ, кол. 215
281	Усть-Чемровка, сборы	-	1	-	-	-	-	XIII-XIV	Тишкин, 2002; БКМ, кол. 181
282	с. Фоминское, сборы	-	8	-	-	-	-	XIII-XIV	БКМ, кол. 846
283	Чуйский тракт (8-й км), случайная находка	-	1	-	-	-	-	XIII-XIV	Тишкин, 2002; БКМ, б/н

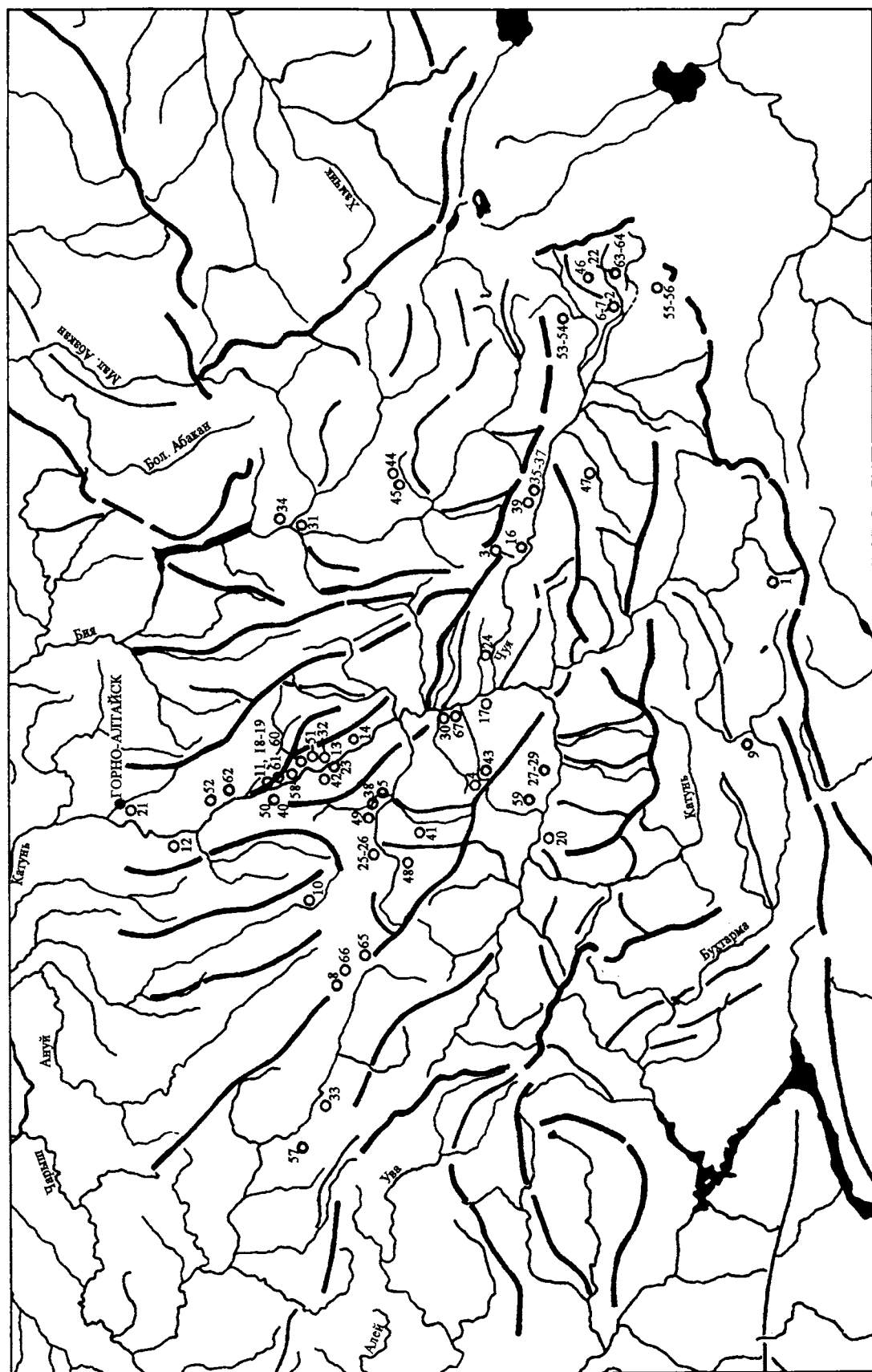

Рис. 1. Расположение средневековых памятников, содержащих предметы наступательного вооружения на территории Горного Алтая

Список памятников Горного Алтая к рисунку 1:

1 – Ак-Алаха	35–37 – Курай-III, IV, V
2 – Ак-Кообы	38 – Курота-1
3 – Ак-Таш	39 – Кызыл-Таш
4 – Балтарган	40 – Ниж. Тыткескенская Пещера-I
5 – Балык-Соок-I	41 – Нижняя Сорун
6–7 – Барбургазы-I, II	42 – Ороктой
8 – Бажынты	43 – Огокту-Оозы
9 – Берель	44 – Пазырык
10 – Беш-Озек	45 – Сары-Коба-II
11 – Бике-I	46 – Талдуаир-I
12 – Бирюзовая Катунь-I	47 – Талдура-I
13 – Бичинег	48 – Тожан
14 – Бойтыгем-IV	49 – Туэкта
15 – Большой Курманак-I	50 – Тыткескень-VI
16 – Боротал	51 – Тянгыс-Тыт
17 – Булан-Кобы-IV	52 – Узнезя-I
18–19 – Верх-Еланда-I, II	53–54 – Узунтал-I, V
20 – Верх-Уймон	55–56 – Уландрык-I, III
21 – Горно-Алтайск	57 – Урочище Балчикова-3
22 – Джолин-I	58 – Усть-Бийке-III
23 – Дялян	59 – Чендек
24 – Калбак-Таш	60 – Чоба-7
25–26 – Кара-Коба-I, II	61 – Чобурак-I
27–29 – Катанда-I, II, 3	62 – Элекманар-II
30 – Кер-Кечу	63–64 – Юстыд-XII, XXIV
31 – Кок-Паш	65 – Ябоган-I
32 – Кок-Эдиган	66 – Яконур
33 – Коргон-I	67 – Яломан-II
34 – Кудыргэ	

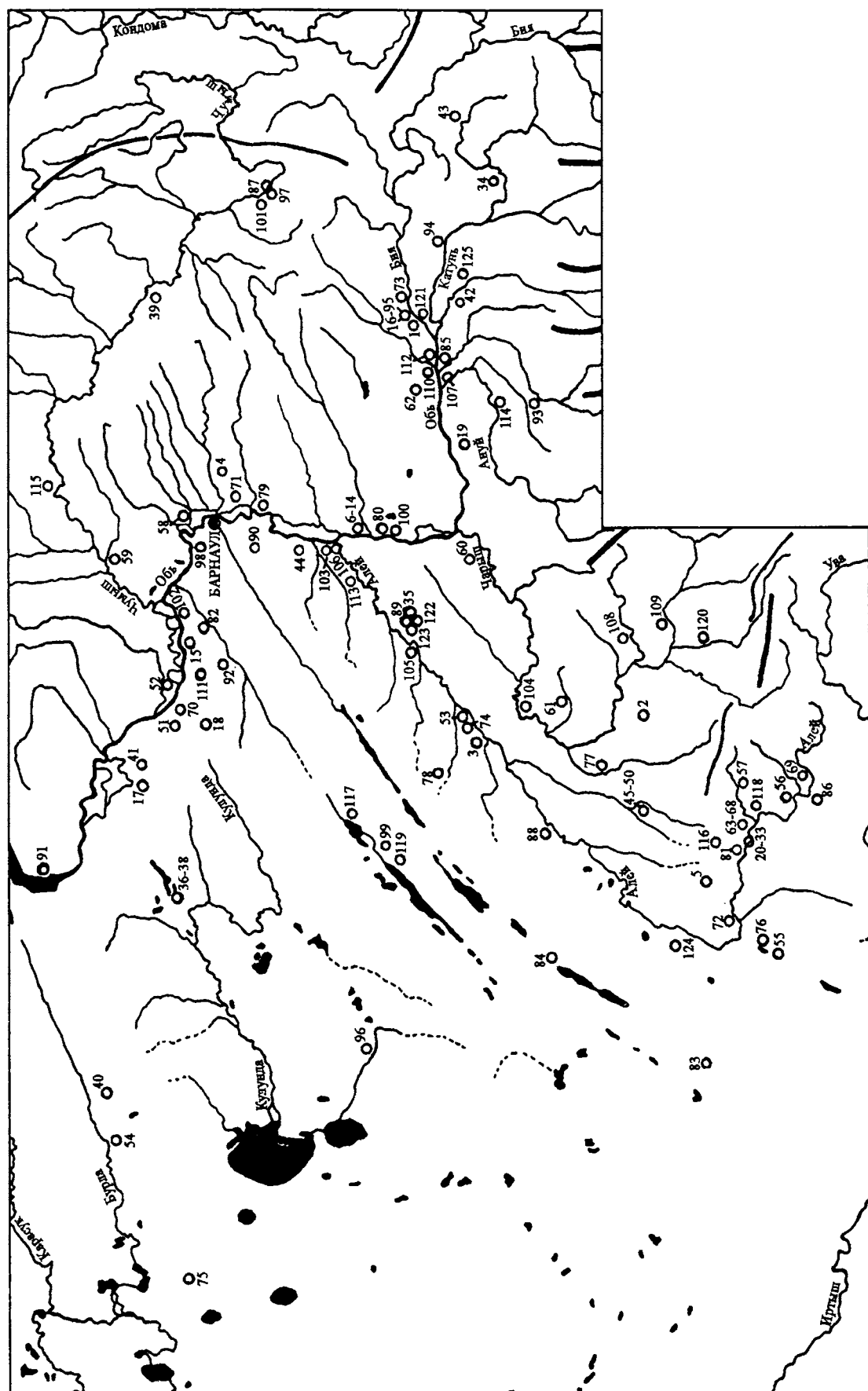

Рис. 2. Расположение средневековых памятников, содержащих предметы наступательного вооружения на территории Лесостепного Алтая

Список памятников Лесостепного Алтая к рисунку 2:

1 – АБ (Бийск)	80 – Осинки
2 – Акимовка	81 – Павловка-1
3 – Барчиха	82 – Павловск
4 – Баюновские Зори	83 – Первые Коростели
5 – Белый Камень	84 – Перешеечное-VI
6–14 – Ближние Елбаны-III, V–IX, XII, XIV, XVI	85 – Песчаное
15 – Боровиково-IV	86 – Плоское
16 – Боровое-3	87 – Победа
17 – Быково-IV	88 – Поспелиха
18 – Верх-Кучук	89 – Поповская Дача
19 – Восход-1	90 – Прудской
20–33 – Гилево-I–VI, VII–IX, XI–XV	91 – Раздумье-I
34 – Горный-10	92 – Рогозиха-I
35 – Грань	93 – Солоновка
36–38 – Грязново-II–IV	94 – Сростки-I
39 – Дмитротитово	95 – Старый Монастырь
40 – Займище	96 – Степной Кучук-1
41 – Заломное-I	97 – Степной Чумыш
42 – Змеевка	98 – Страшный Яр
43 – Егона	99 – Суслово
44 – Ераска	100 – Сухие Гривы
45–50 – Ивановка-III, IX, XVII, XX, XXIV, XXVI	101 – Татарские Могилки
51 – Ильинка	102 – Телеутский Взвоз-I
52 – Иня-I	103 – Троицкий Елбан-I
53 – Кабаково	104 – Тугозвоново
54 – Кайгородка-V	105 – Успеновка-II
55 – Калантырь	106 – Усть-Алейка Клуб
56 – Камышенка	107 – Усть-Ануй «Пески»
57 – Караульная	108 – Усть-Козлуха
58 – Кармацкий	109 – Усть-Пустынка
59 – Кашкарагаиха-I	110 – Усть-Чемровка
60 – Кодовый Мыс	111 – Филин-I
61 – Комаришинский Карьер	112 – Фоминское
62 – Комарово-5	113 – Хабазино-4
63–68 – Корболиха-II, III, V, VIII–X	114 – Хлебоборбный Елбан-I
69 – Кураевка-1	115 – Шадринцево-1
70 – Кучук-I	116 – Щепчиха-1
71 – Лесной	117 – Шипуновка
72 – Луговское-1	118 – Чекановский Лог-9
73 – Малая Угренева	119 – Черная Курья-VI
74 – Нечунаевский Елбан-2	120 – Чинета-II
75 – Николаевка	121 – Чуйский тракт (8-й км)
76 – Новенькое	122–123 – Яровское-III, V
77 – Новофирсово-VII	124 – 552-й разъезд
78 – Обьездное-2	125 – Рубцовский
79 – Обские Плесы-II	

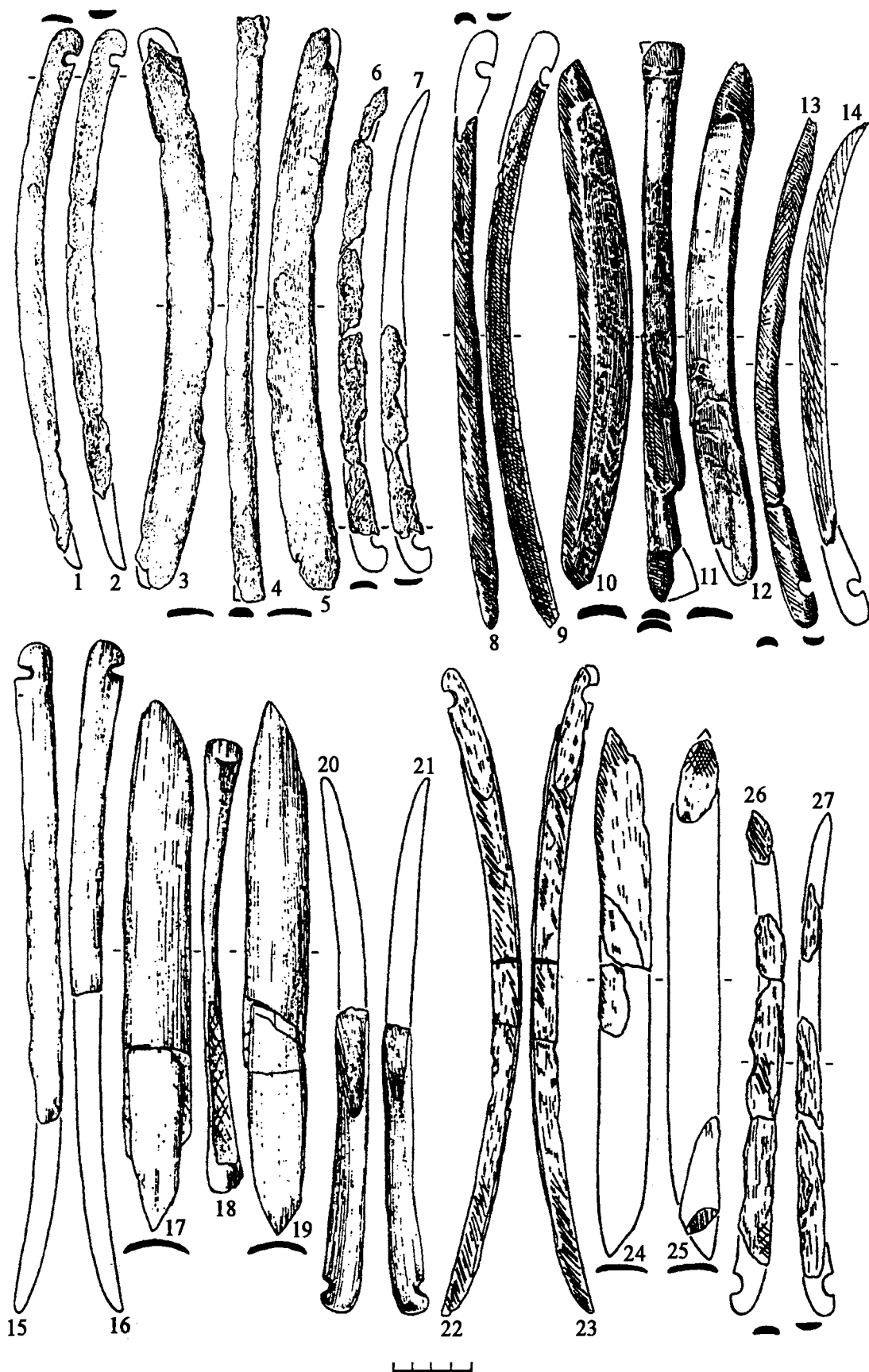

Рис. 3. Накладки луков булан-кобинской культуры:
1-7 – Усть-Бийке-III; 8-14 – Яломан-II; 15-21 – Кок-Паш; 22-27 – Верх-Уймон

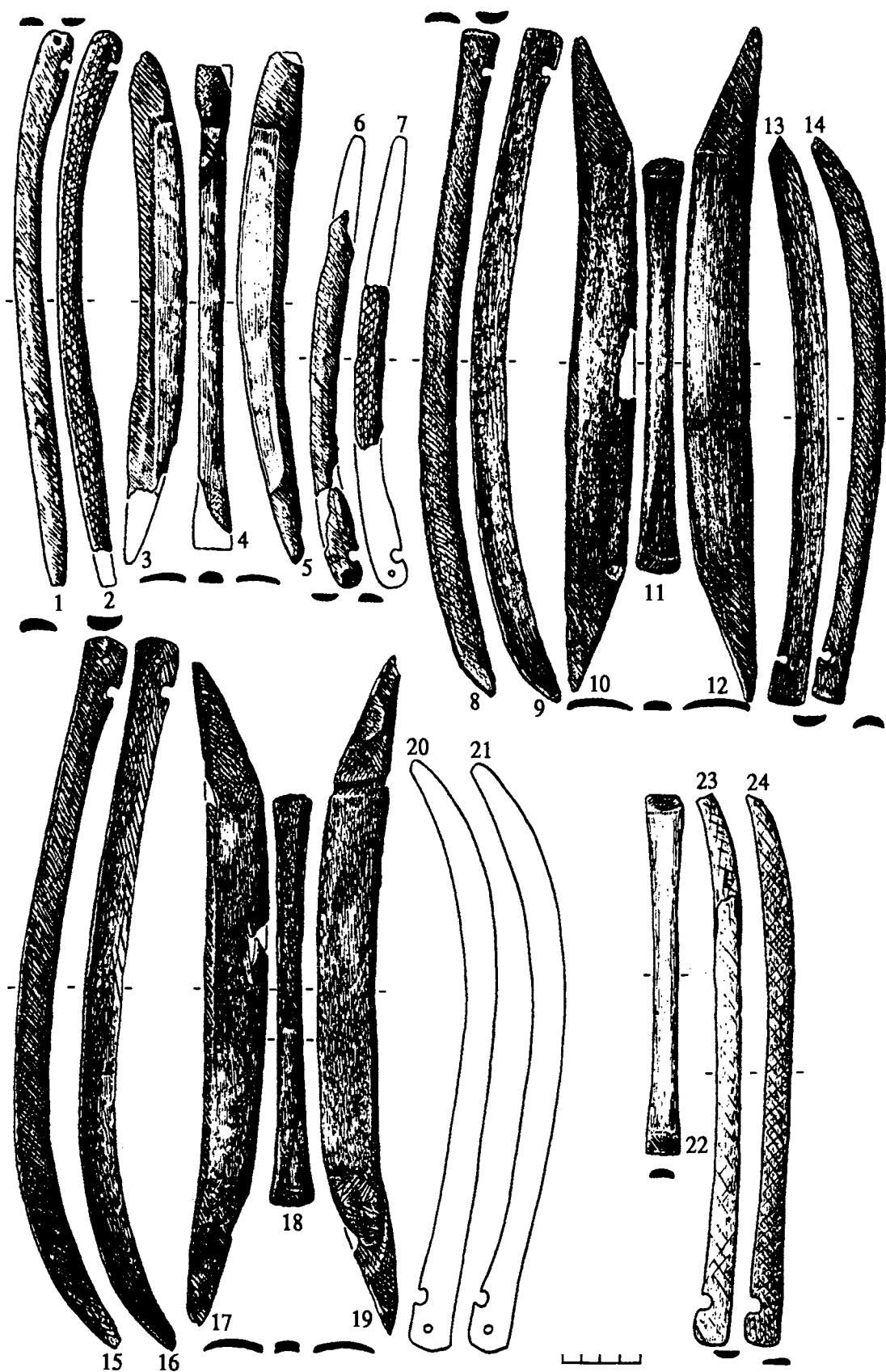

Рис. 4. Накладки луков одинцовской культуры:
1-7 – Татарские Могилки; 8-21 – Чекановский Лог-9; 22-24 – Пospelиха

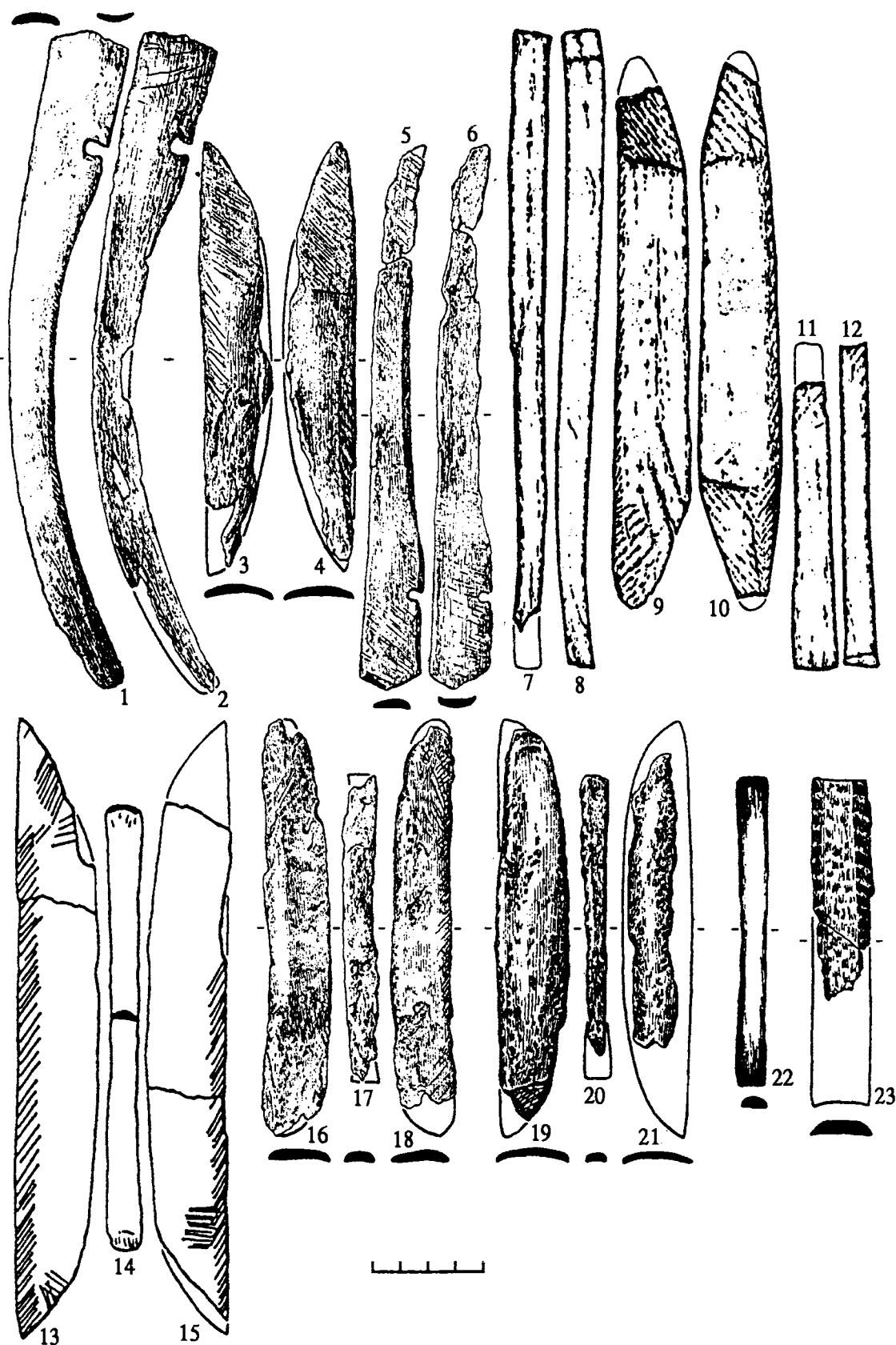

Рис. 5. Накладки луков тюркской культуры: 1-6, 16-18 – Усть-Бийке-III.;
7-12 – Узунтал-1; 13-15 – Кызыл-Таш; 19-21 – Тыткескень-VI;
22 – Катанда-3; 23 – Бойтыгем-IV

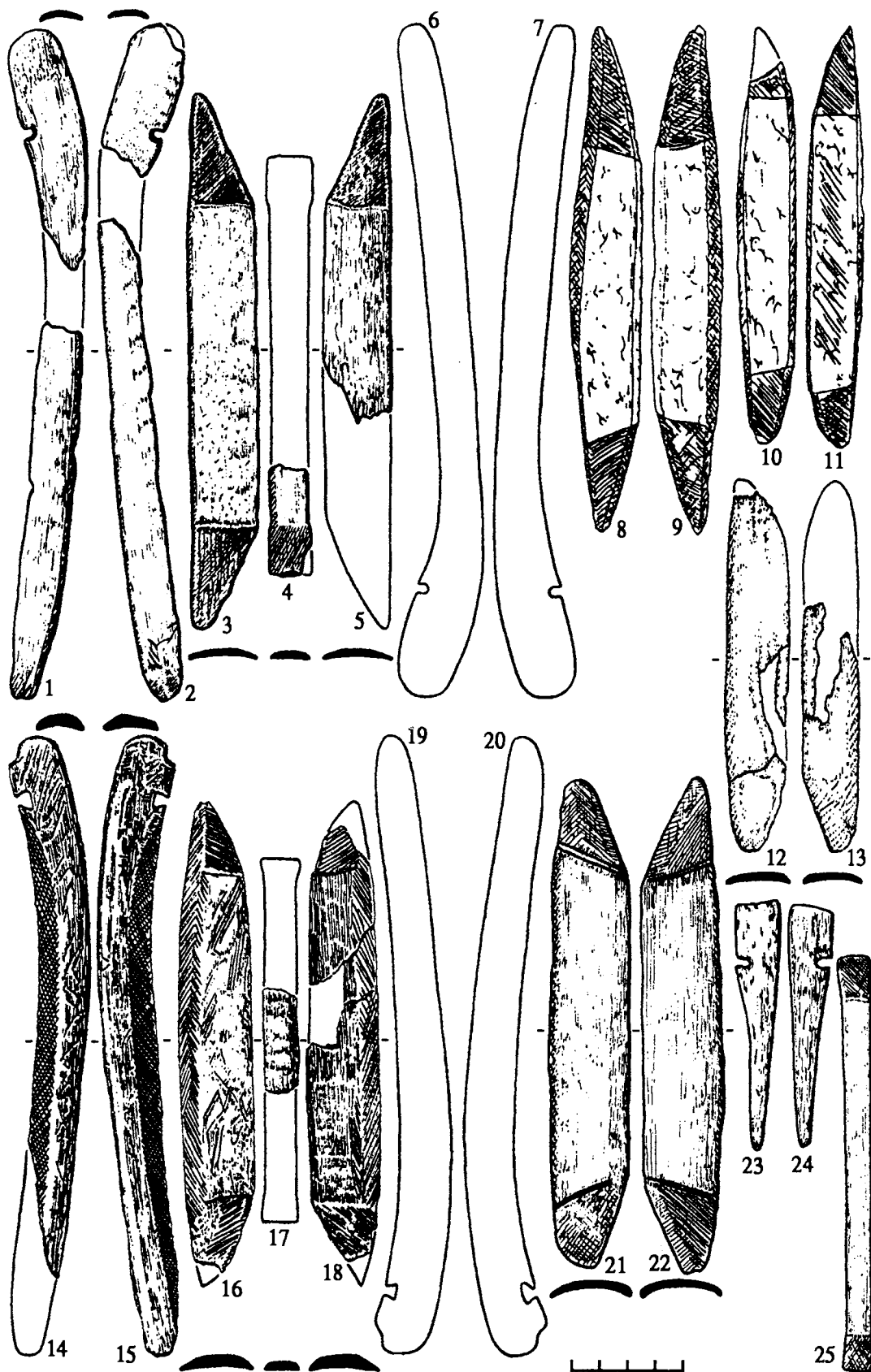

Рис. 6. Накладки луков тюркской культуры: 1-7 – Верх-Еланда-I; 8-11 – Балык-Соок-I; 12-13 – Ороктой; 14-20 – Яконур; 21-22 – Кара-Коба-I; 23-25 – Катанда-II

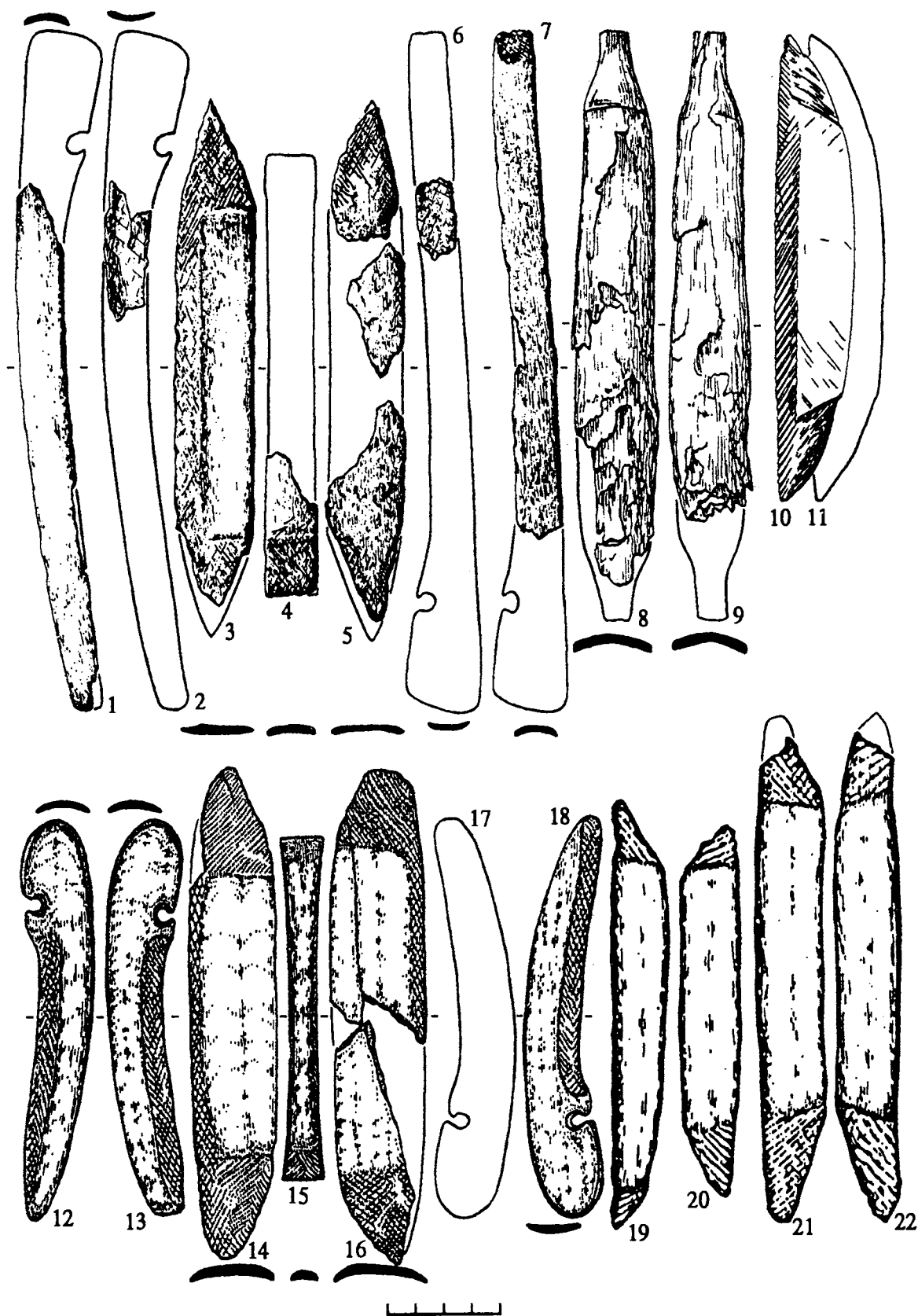

Рис. 7. Накладки луков тюркской культуры: 1-7 – Тыткескень-VI; 8-9 – Джолин-I; 10-11 – Курай-IV; 12-18 – Загал; 19-20 – Узунтал-V; 21-22 – Узунтал-I

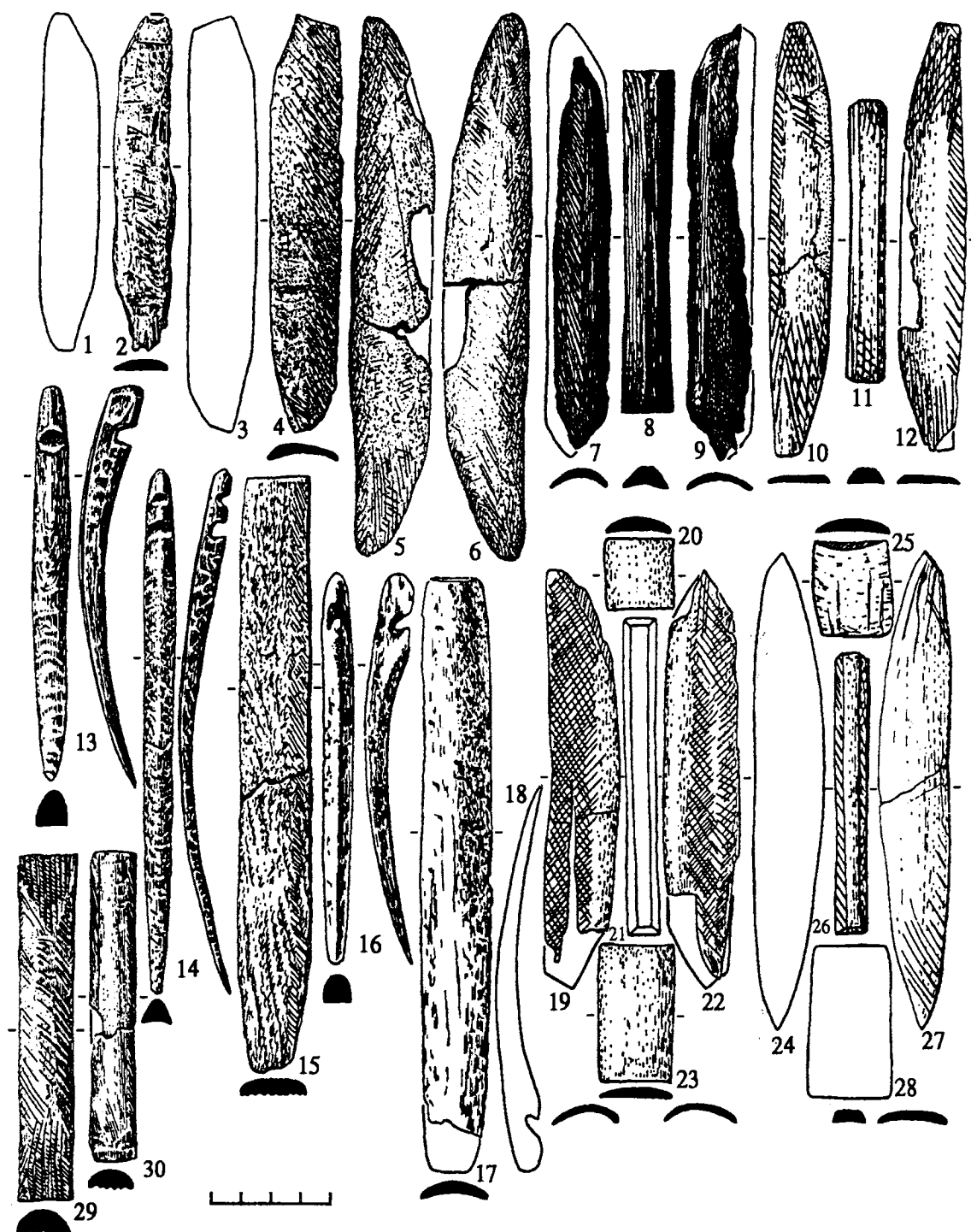

Рис. 8. Накладки луков сrostкинской культуры: 1-2 – Иня-1; 3-4 – Восход-I; 5-6 – Ивановка-XX; 7-9 – Быково-IV; 10-12, 19-28 – Сrostки-I; 13-15 – Осинки, 16-18 – Ближние Елбаны-IX; 29 – Прудской; 30 – Боровиково-IV

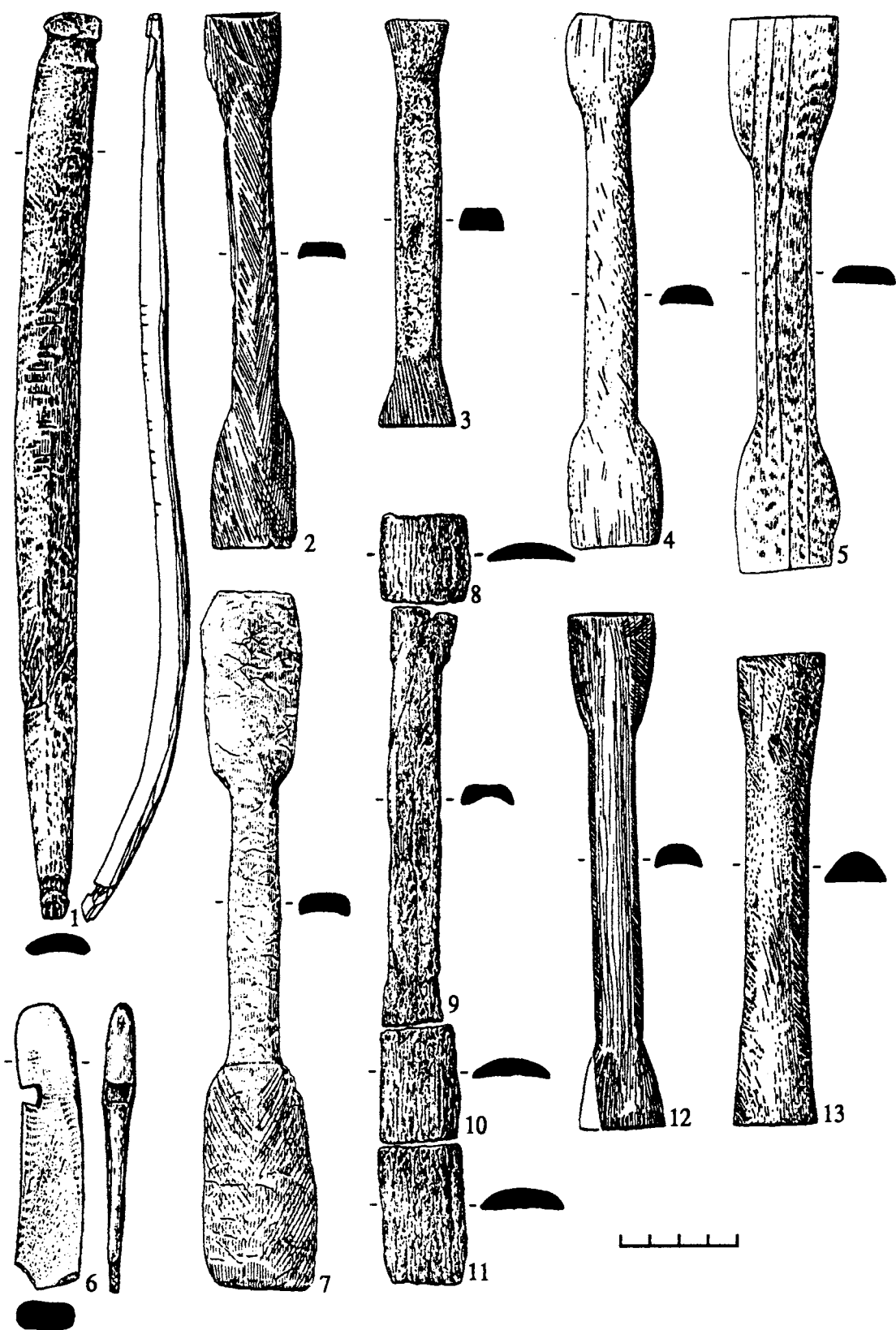

Рис. 9. Накладки луков Лесостепного (1-5, 12-13) и Горного (6-11)
Алтая монгольского времени: 1-3 – Осинки; 4 – Ближние Елбаны-XIV; 5 – Рубцовский;
6-7 – Яконур; 8-11 – Усть-Бийке-III; 12 – Усть-Алейка Клуб; 13 – Телеутский Взвоз-I

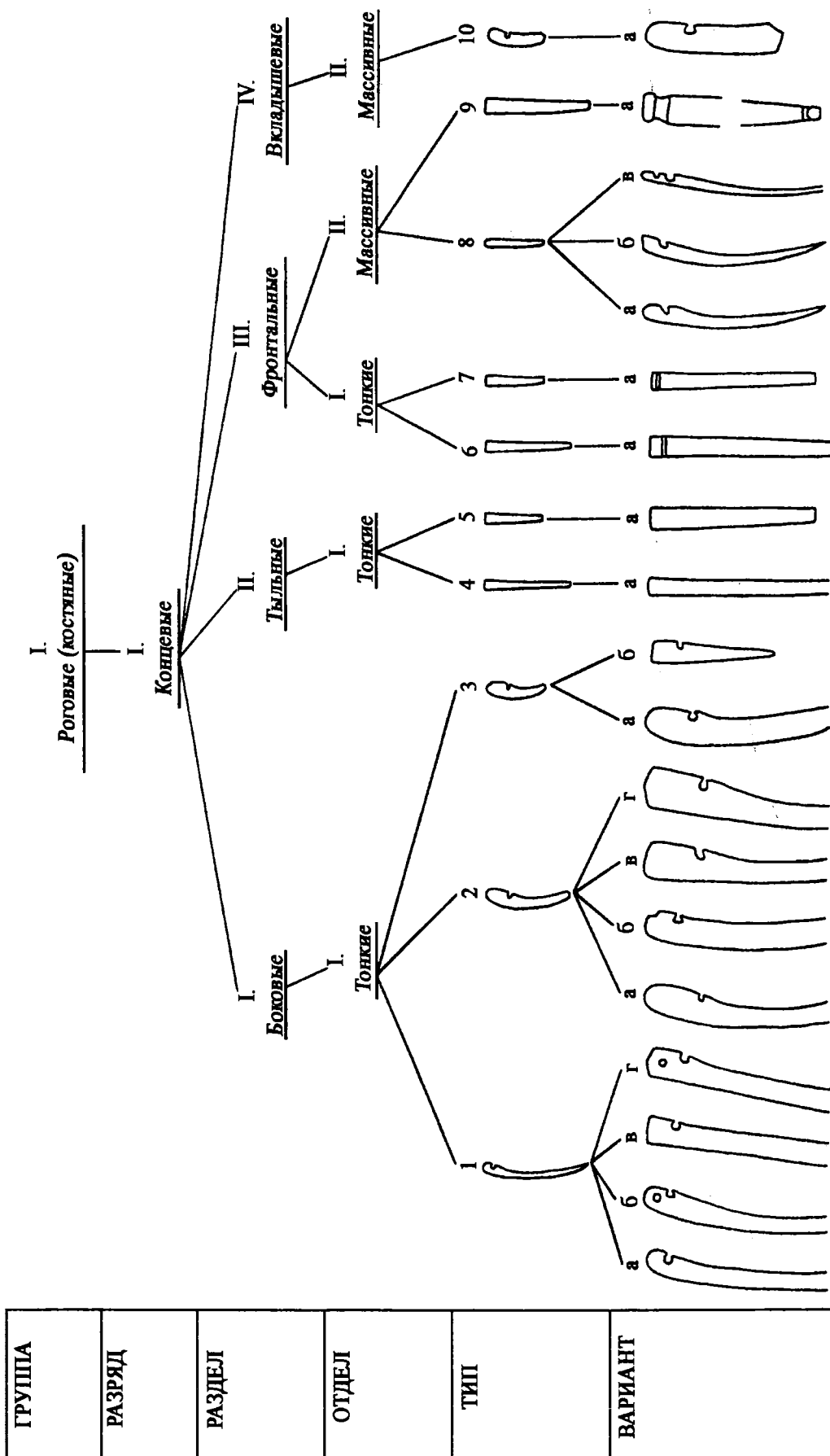

Рис. 10. Классификационная схема накладок луков

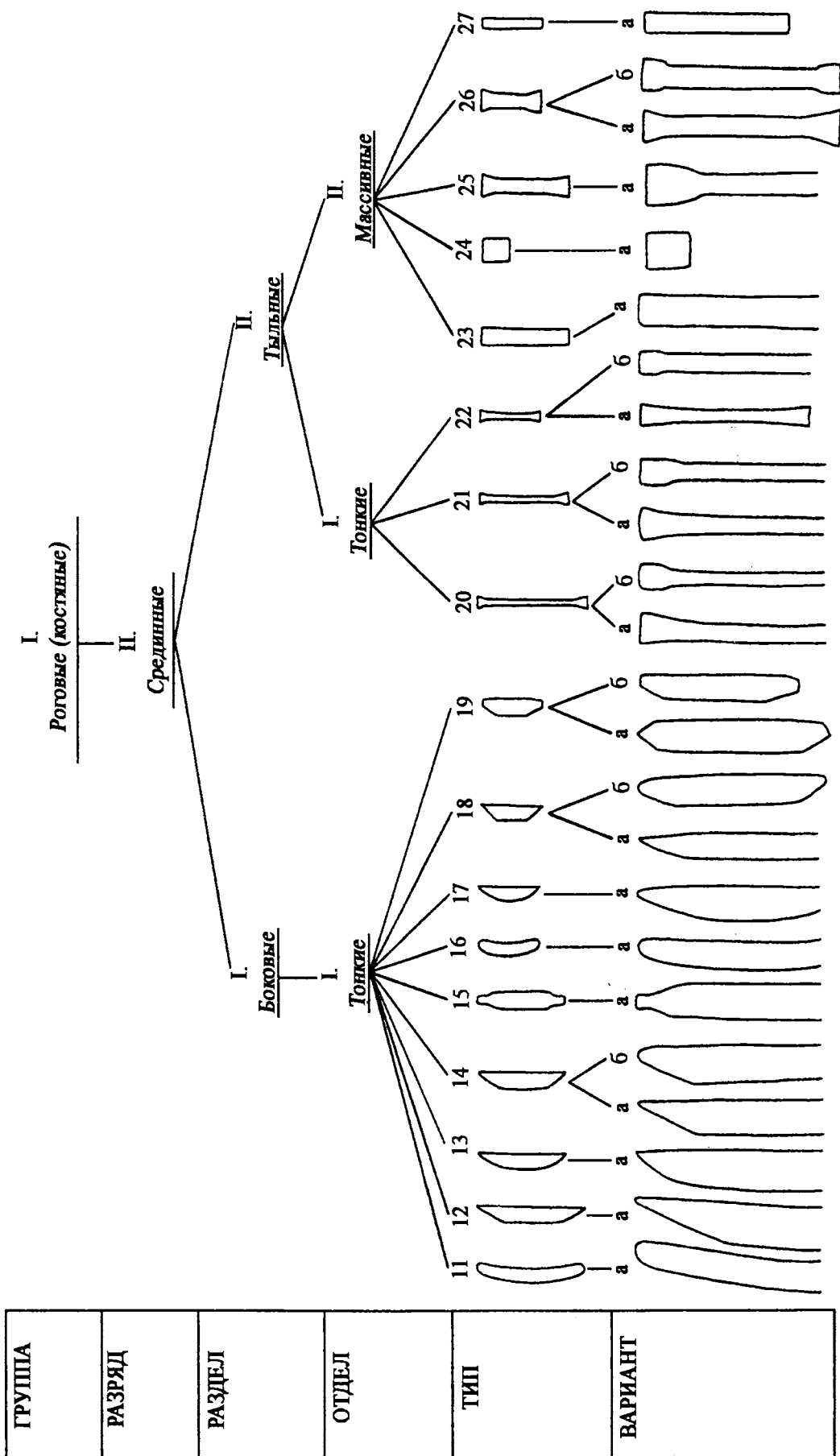

Рис. 10. Классификационная схема накладок луков (окончание)

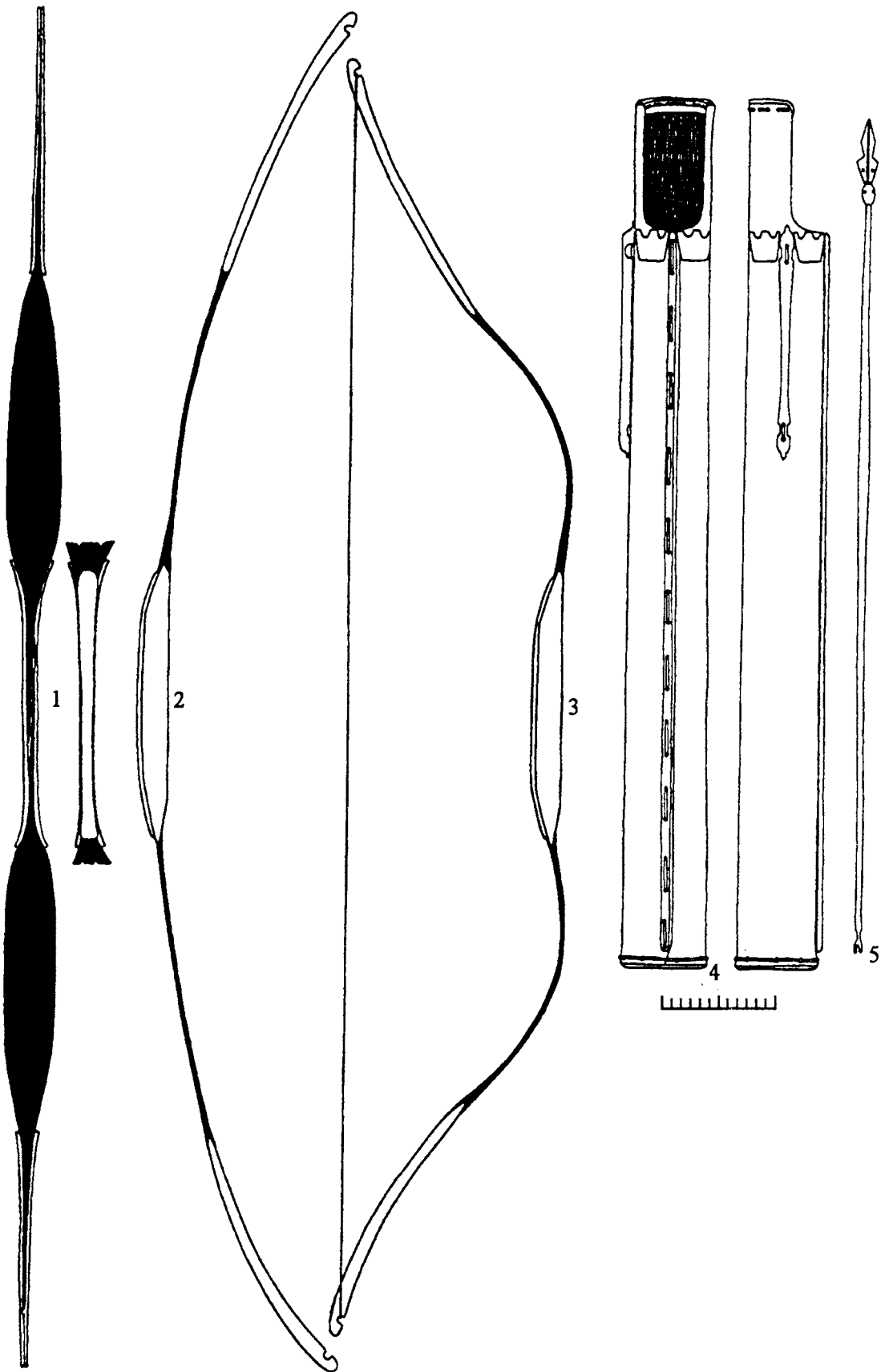

Рис. 11. Реконструкция сложносоставного лука (тип 1), колчана и стрелы из памятника Яломан-II, курган №31

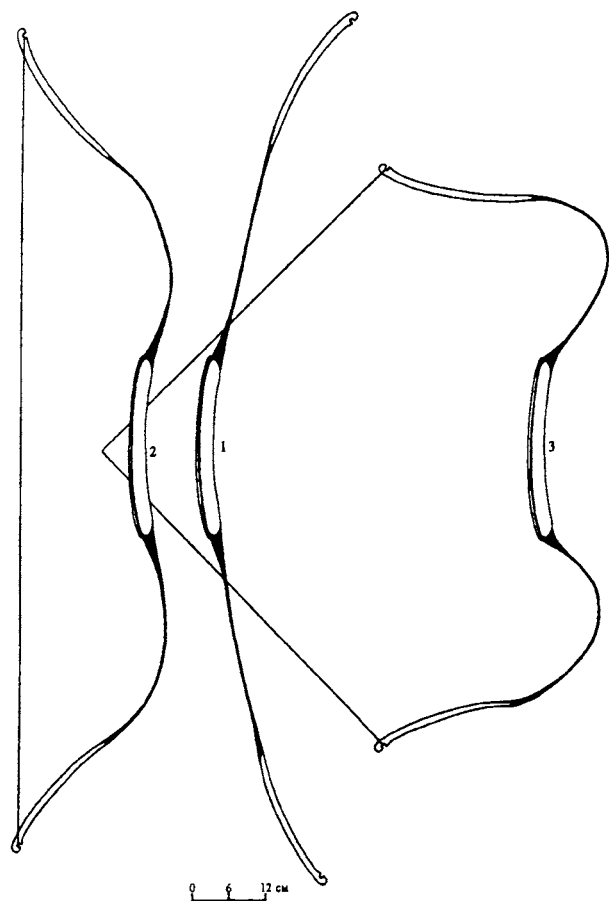

Рис. 12. Реконструкция сложносоставного лука из памятника Усть-Бийке-III, курган №4 (тип 1)

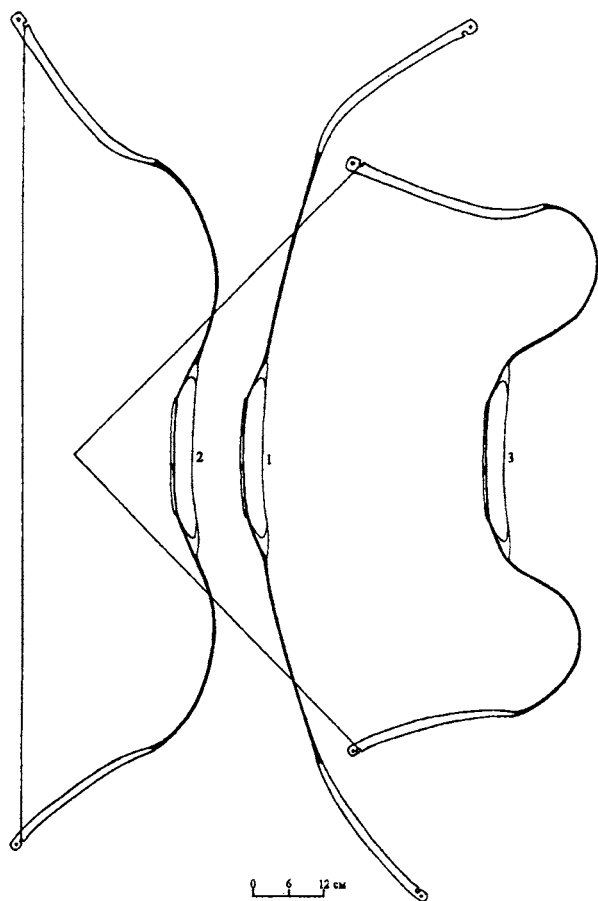

Рис. 13. Реконструкция сложносоставного лука из памятника Чекановский Лог-9 (тип 1)

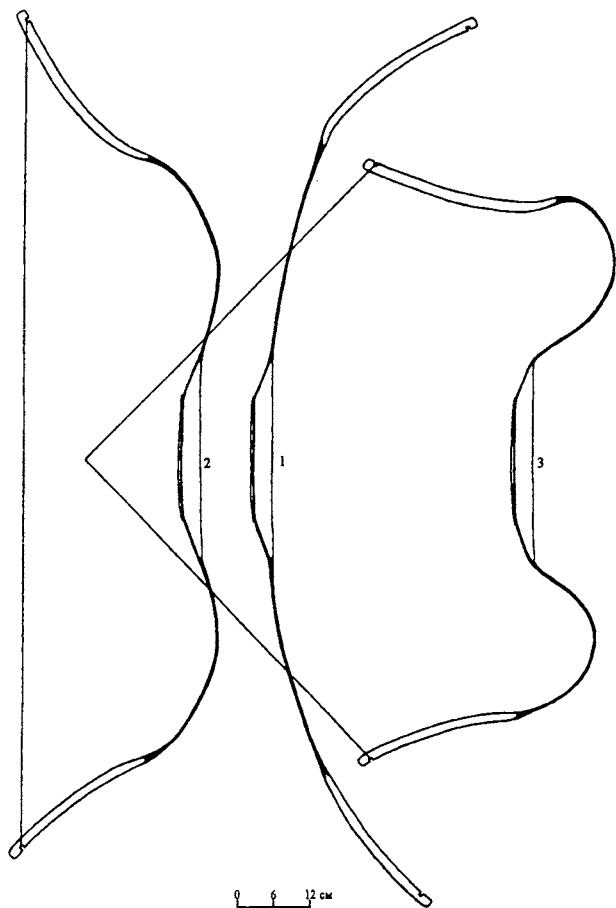

Рис. 14. Реконструкция
сложносоставного лука из памятника
Чекановский Лог-9 (тип 1)

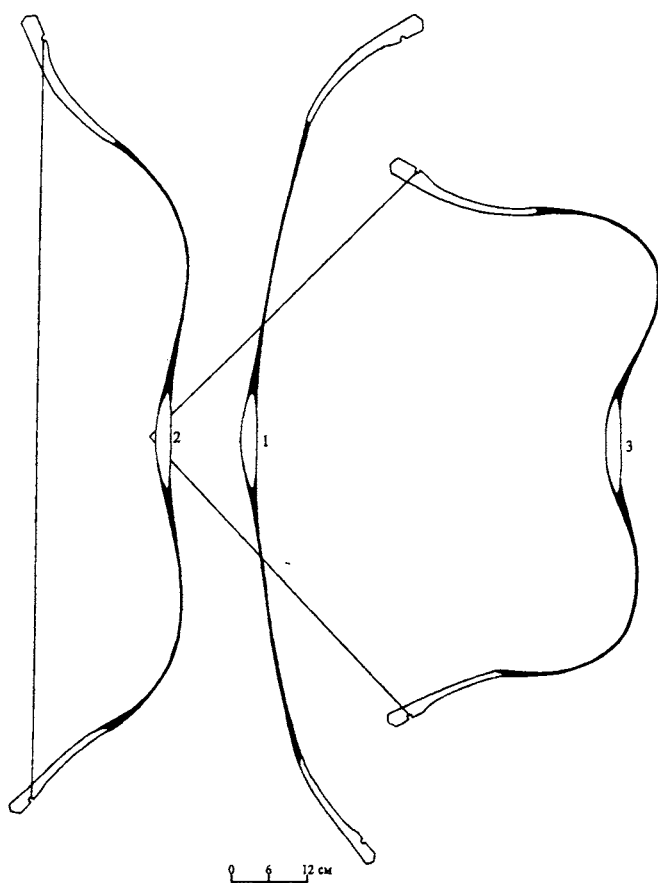

Рис. 15. Реконструкция
сложносоставного лука из памятника
Усть-Бийке-III, курган №5 (тип 4)

Рис. 16. Реконструкции сложносоставных луков: 1 – тип 2; 2 – тип 3а; 3 – тип 3б

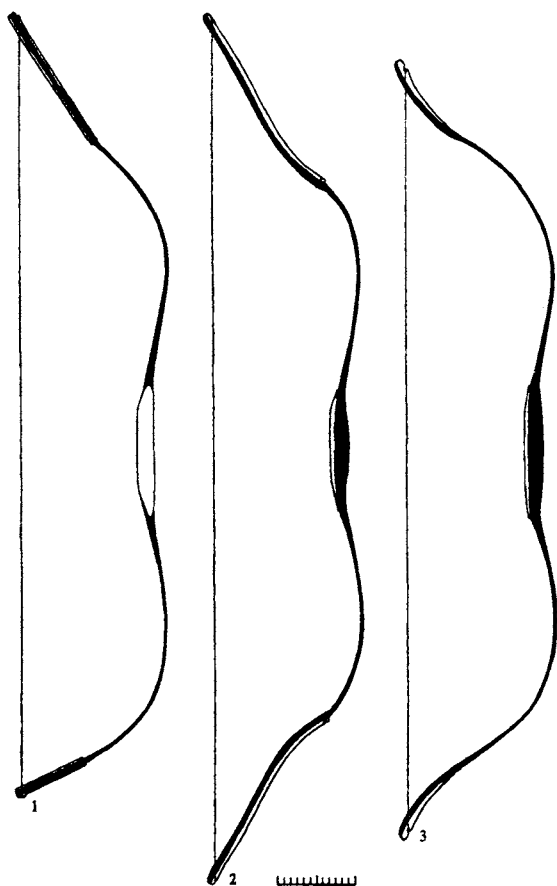
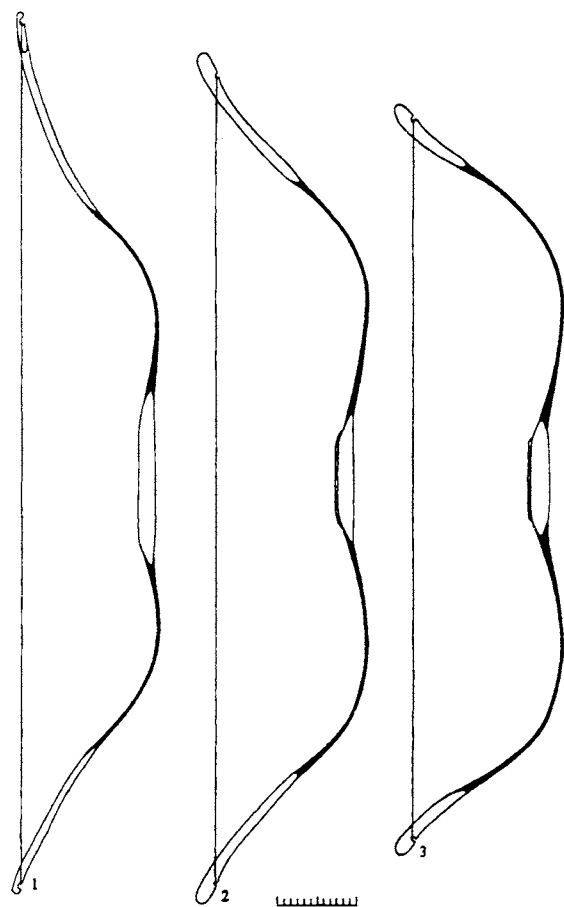

Рис. 17. Реконструкции сложносоставных луков: 1 – тип 5; 2 – тип 6а; 3 – тип 6б

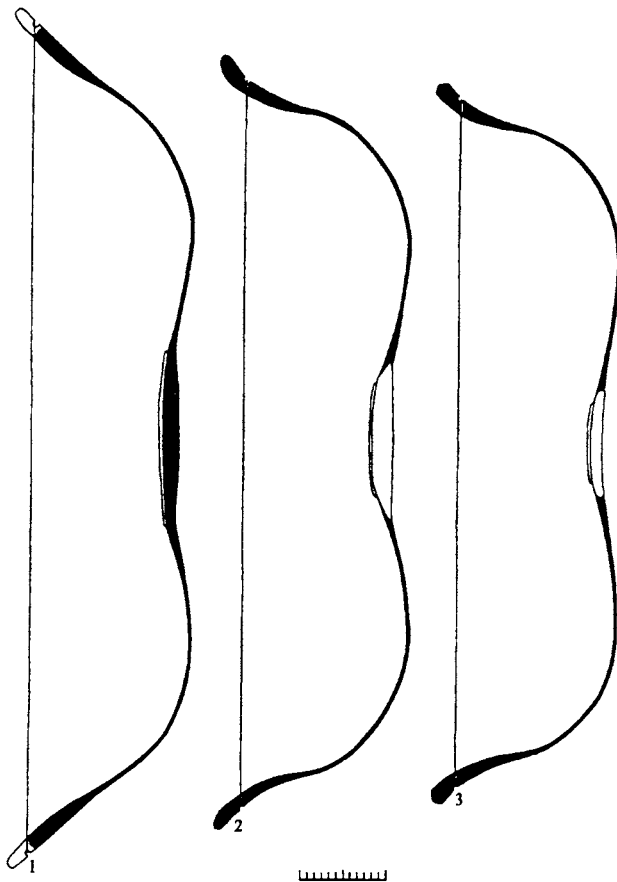

Рис. 18. Реконструкции
сложносоставных луков:
1 – тип 7; 2 – тип 8а; 3 – тип 8б

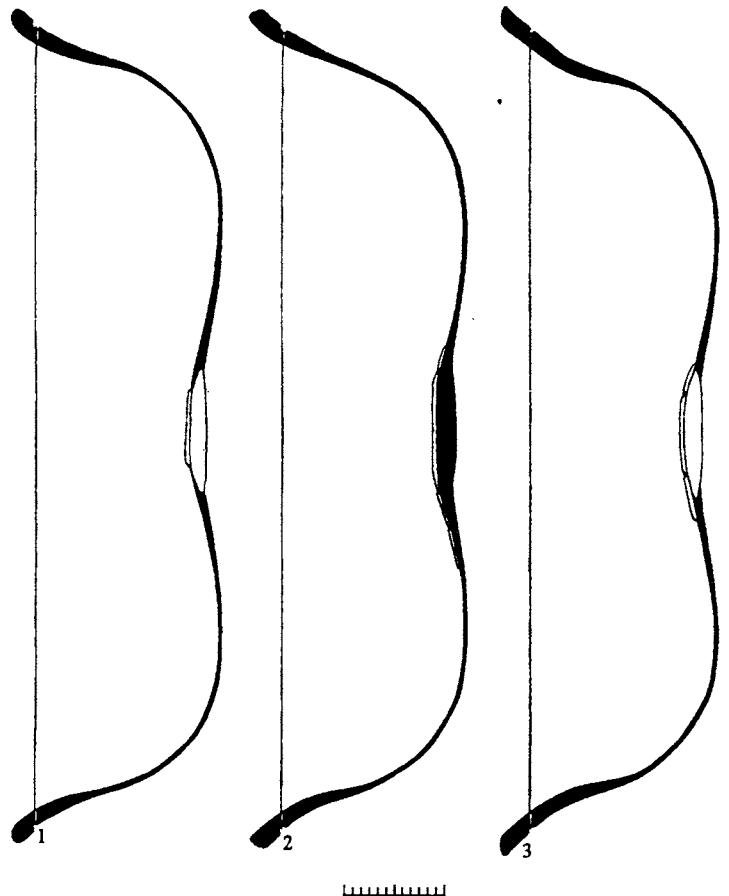

Рис. 19. Реконструкции
сложносоставных луков:
1 – тип 8б; 2 – тип 9; 3 – тип 10

Рис. 20. Реконструкции
сложносоставных луков:
1 – тип 11а; 2–3 – тип 11б

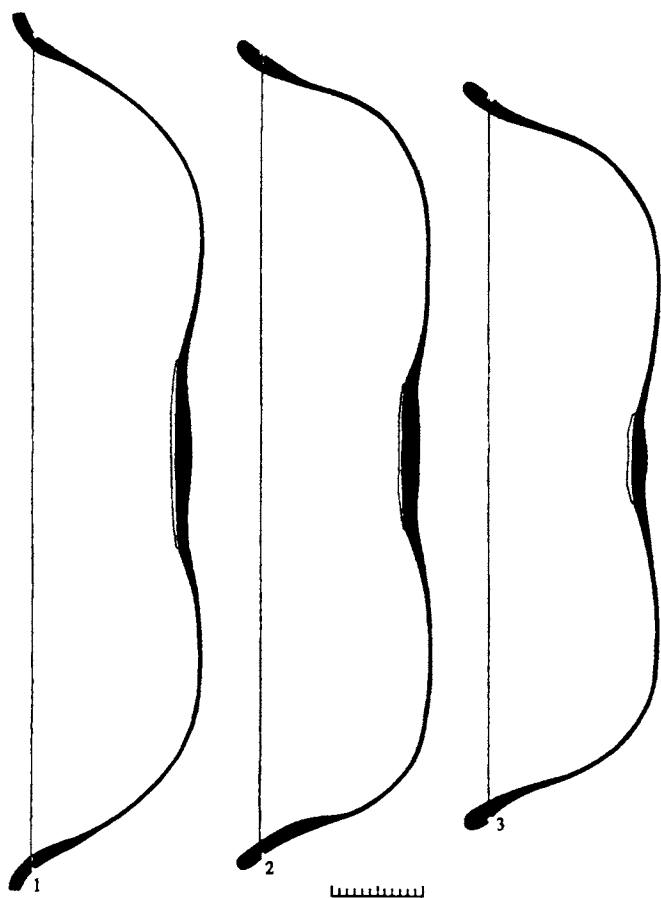
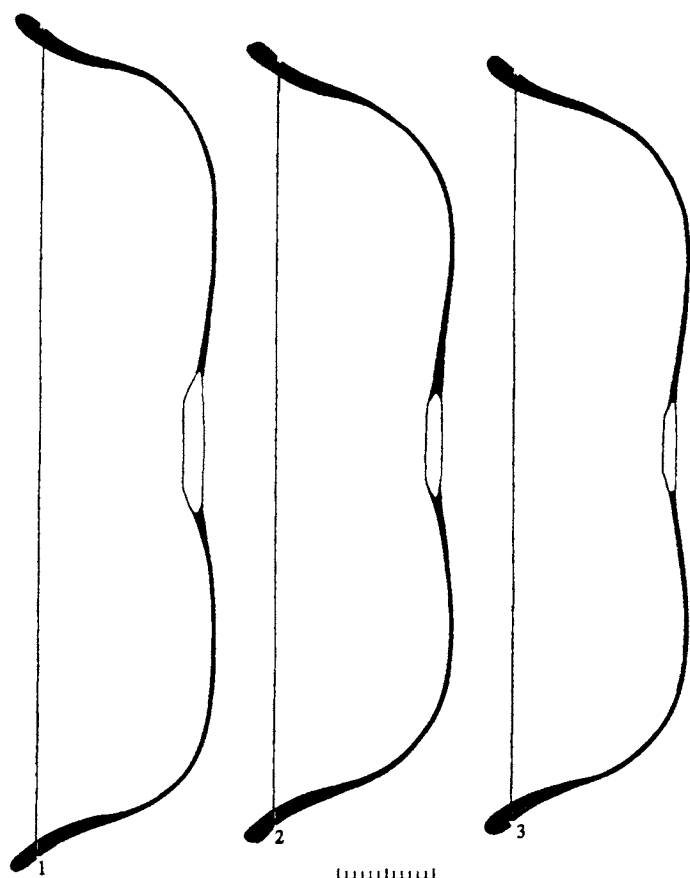

Рис. 21. Реконструкции
сложносоставных луков:
1–2 – тип 12а, 3 – тип 12б

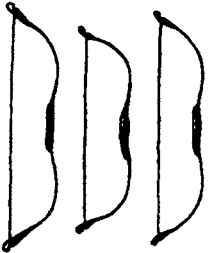
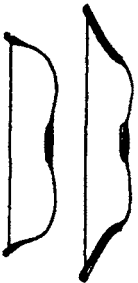
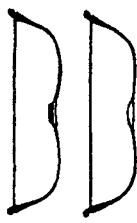
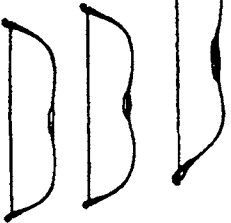
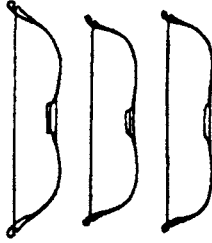
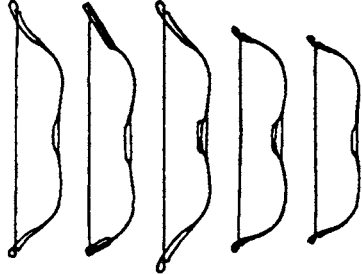
ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X		
IX		
VIII		
VII		
VI		
V	 	
IV		
III		

Рис. 22. Типолого-хронологическая схема сложносоставных луков

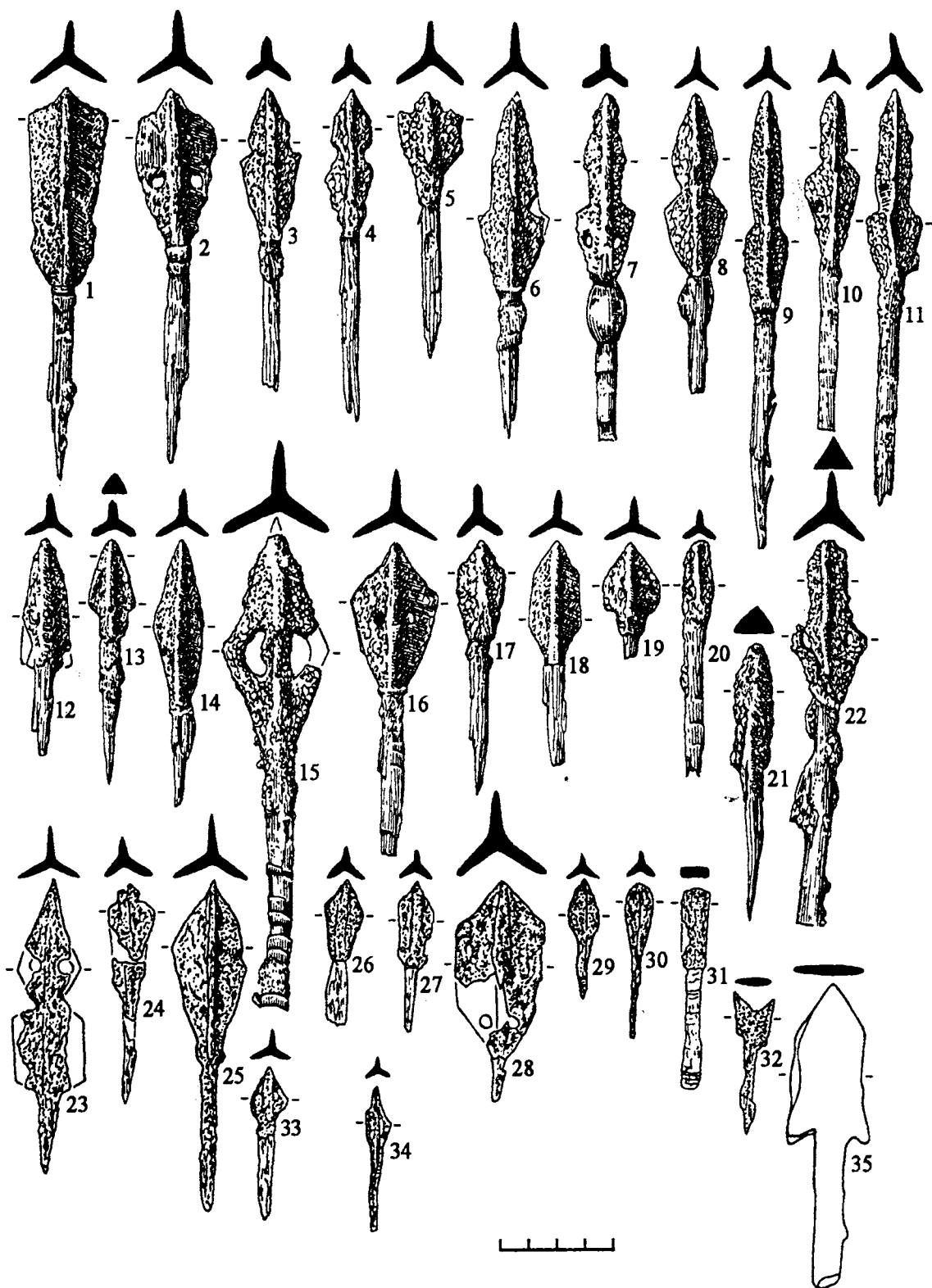

Рис. 23. Наконечники стрел булан-кобинской культуры:
1-22 – Яломан-II; 23-33 – Верх-Уймон; 34 – Чендек; 35 – Берель

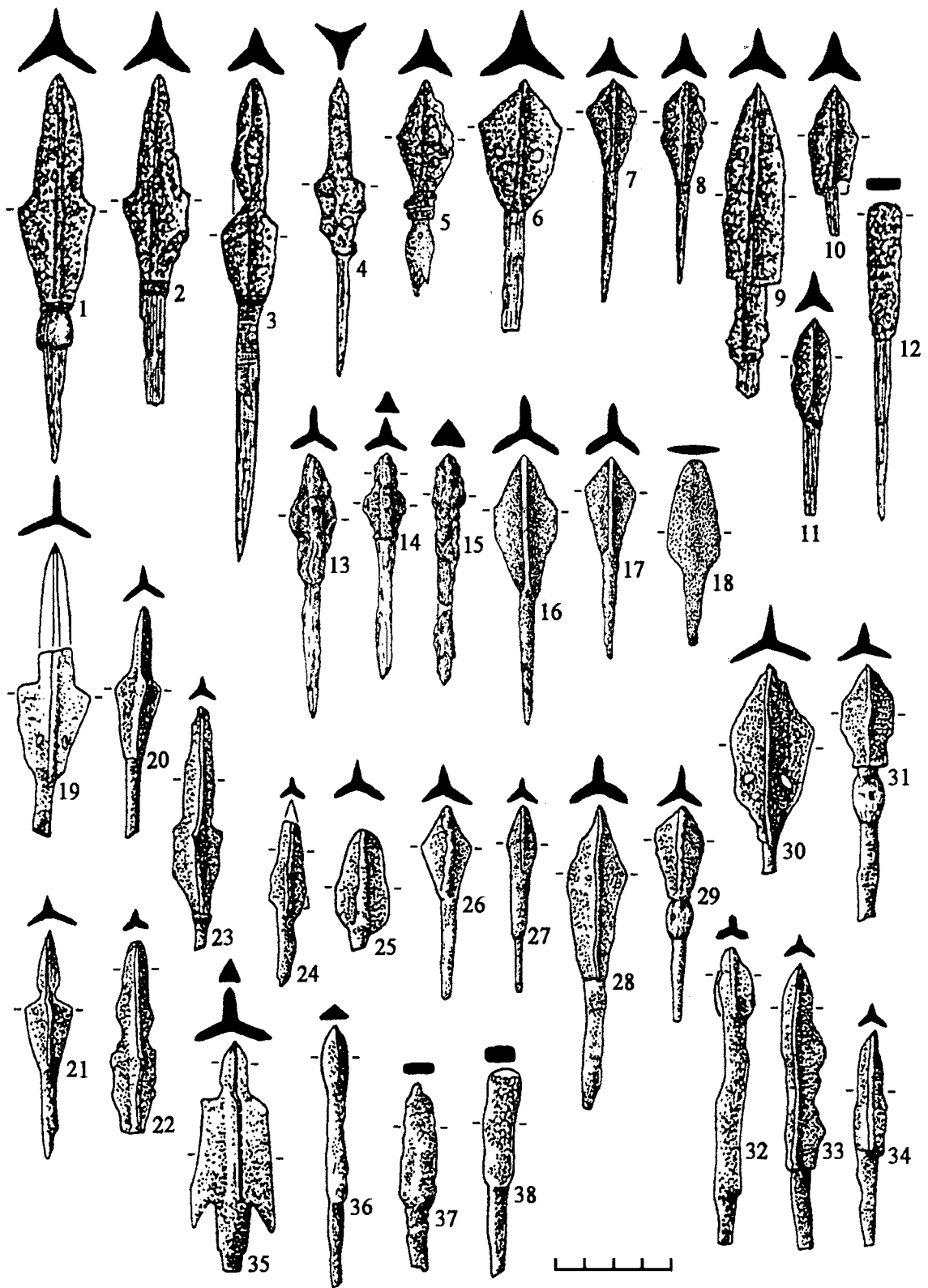

Рис. 24. Наконечники стрел булан-кобинской культуры:

1-12 – Дялян; 13-15 – Усть-Бийке-III; 16-17 – Верх-Еланда-II; 18 – Узнезя-I; 19-38 – Кок-Паш

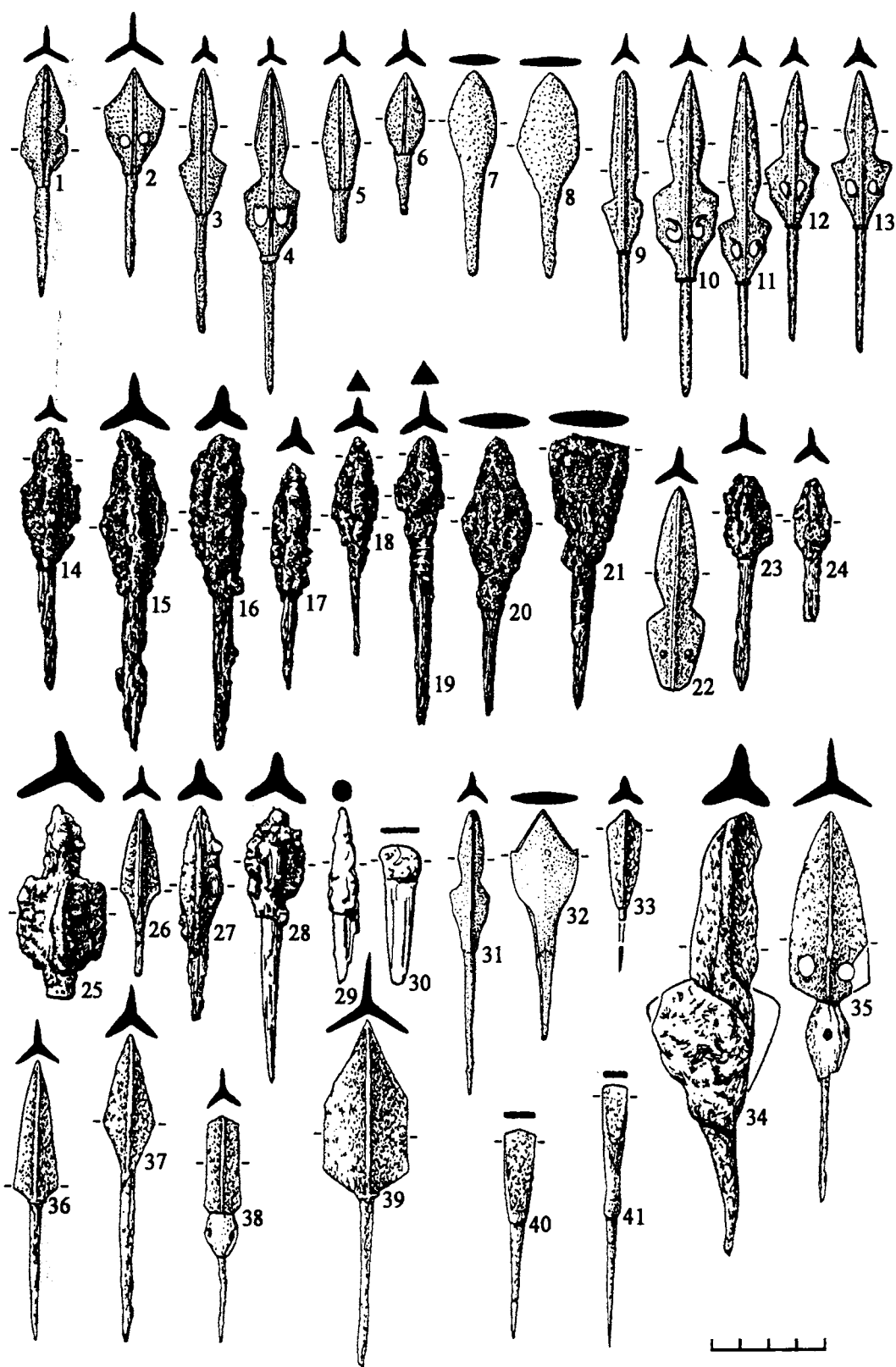

Рис. 25. Наконечники стрел кулайской и одинцовской культуры:

1 – Обские Плесы-II; 2–8 – Троицкий Елбан-I; 9–13 – Ераска; 14–21 – Чекановский Лог-9;
 22–24 – Татарские Могилки; 25–28 – Ближние Елбаны-XIV; 29–30 – Ближние Елбаны-III;
 31–32 – Комарово-5; 33–34 – Ближние Елбаны-XVI; 35–41 – Горный-10

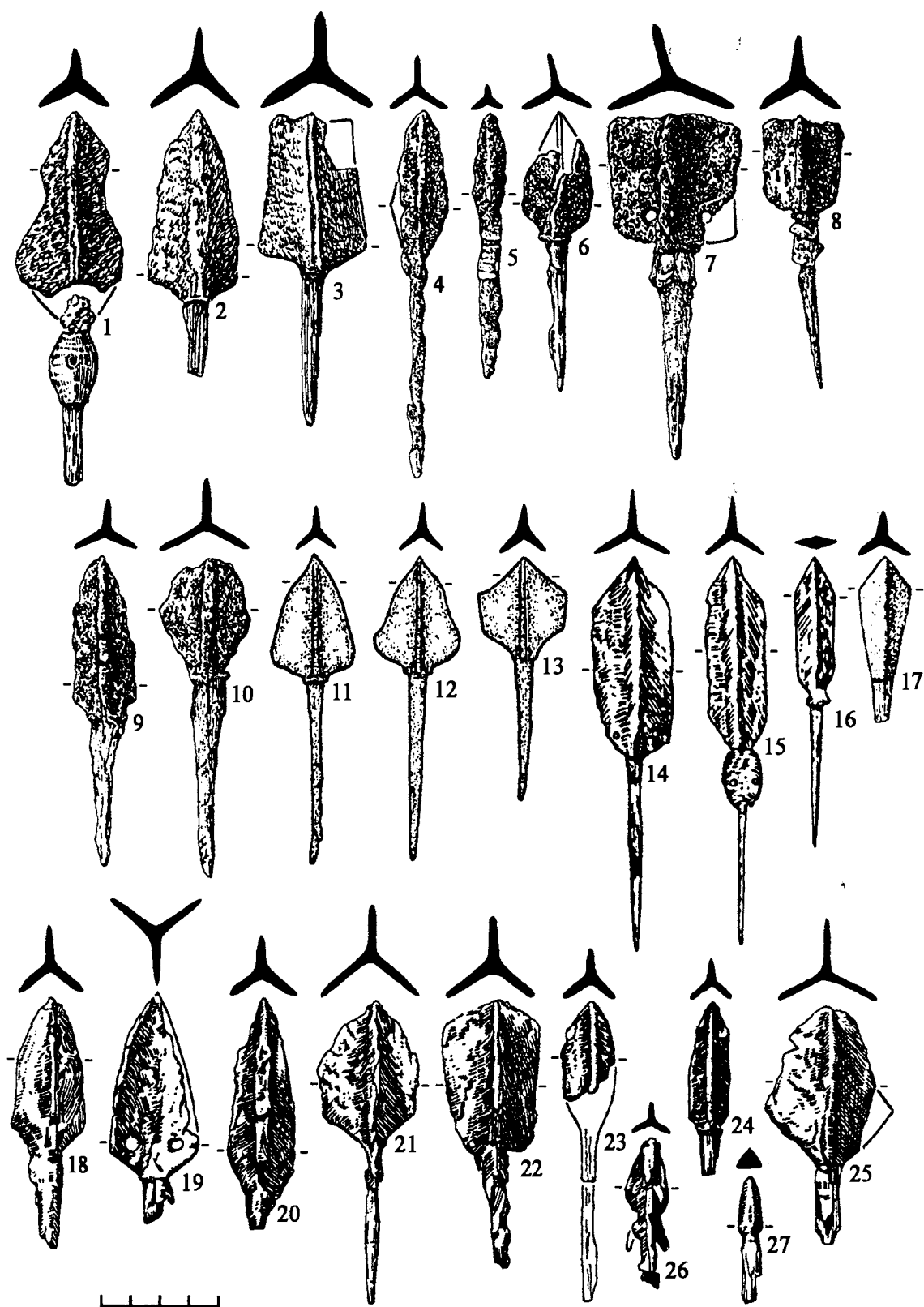

Рис. 26. Наконечники стрел тюркской культуры: 1-3 – Яконур; 4-10 – Усть-Бийке-III; 11-13 – Биченег; 14-16 – Боротал; 17 – Булан-Кобы-IV; 18-27 – Кудыргэ

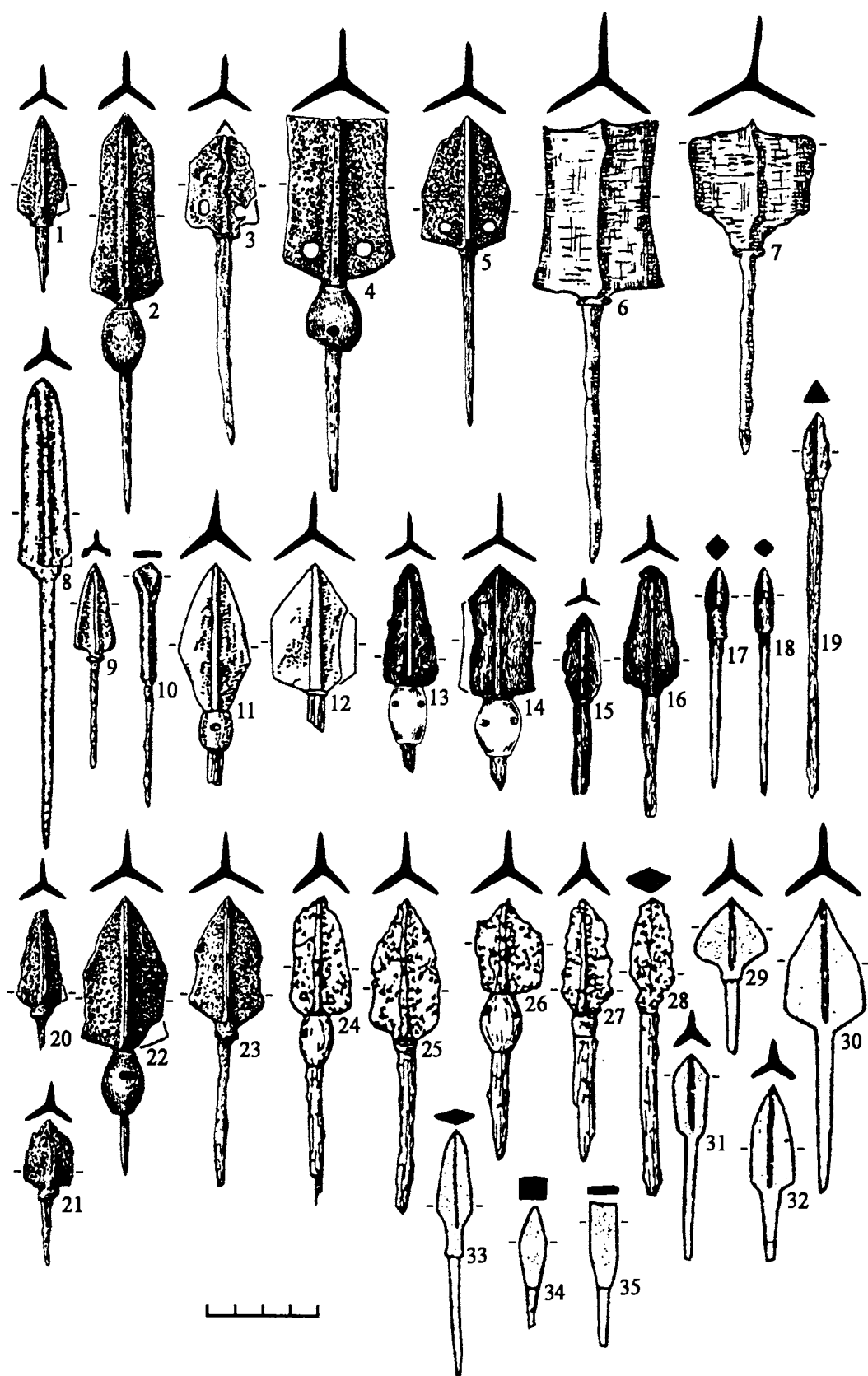

Рис. 27. Наконечники стрел тюркской культуры: 1–5, 20–23 – Тыткескень-VI; 6–7 – Нижняя Сору; 8 – Узунтал-V; 9–10 – Большой Курманак-1; 11–12 – Кара-Коба-I; 13–19 – Катанда-3; 24–28 – Талдуаир-I; 29–35 – Горно-Алтайск

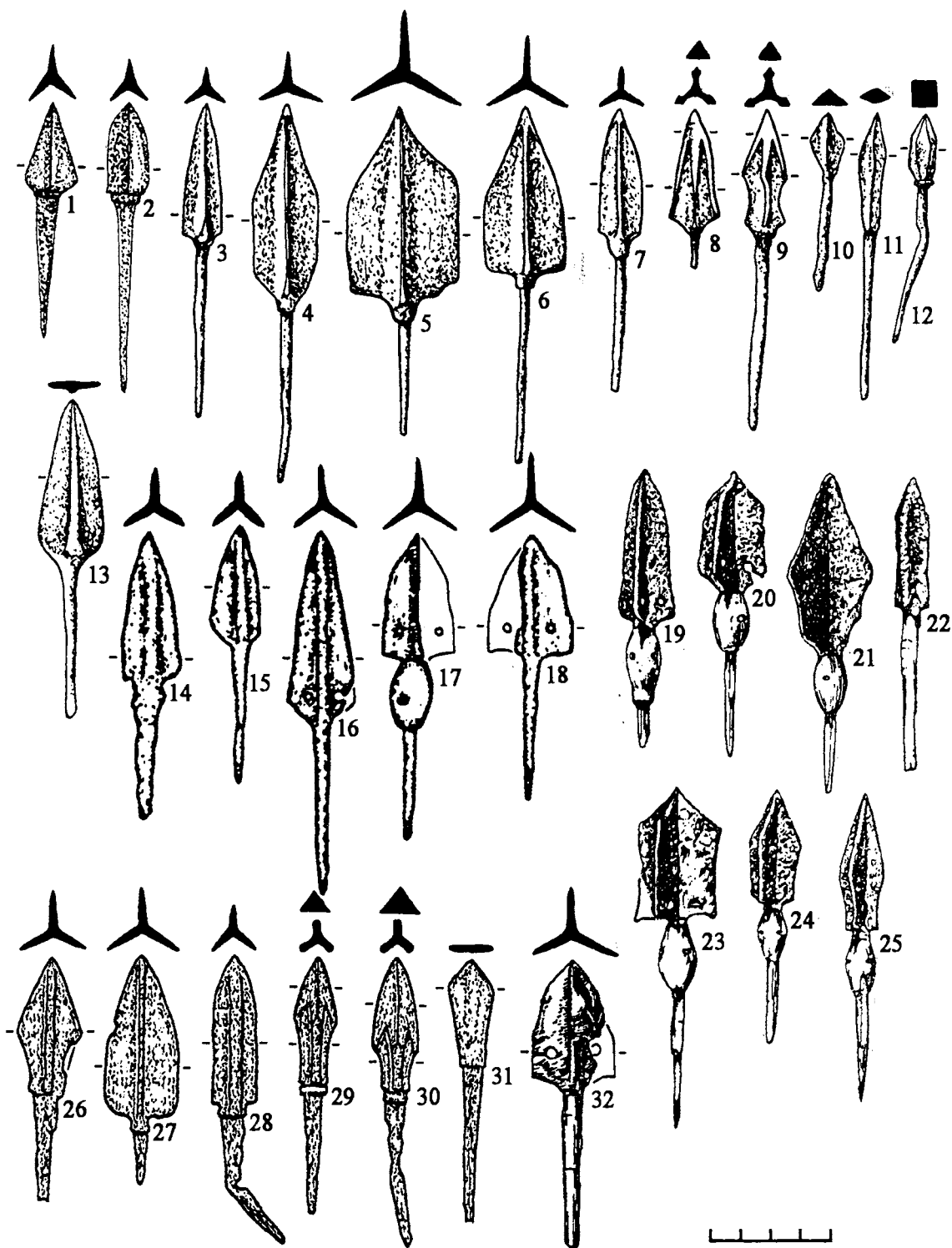

Рис. 28. Наконечники стрел тюркской культуры: 1–2 – Сары-Коба-II; 3–13 – Кер-Кечу; 14–18 – Узунтал-I; 19–25 – Курай-IV; 26–31 – Балтарган; 32 – Пазырык

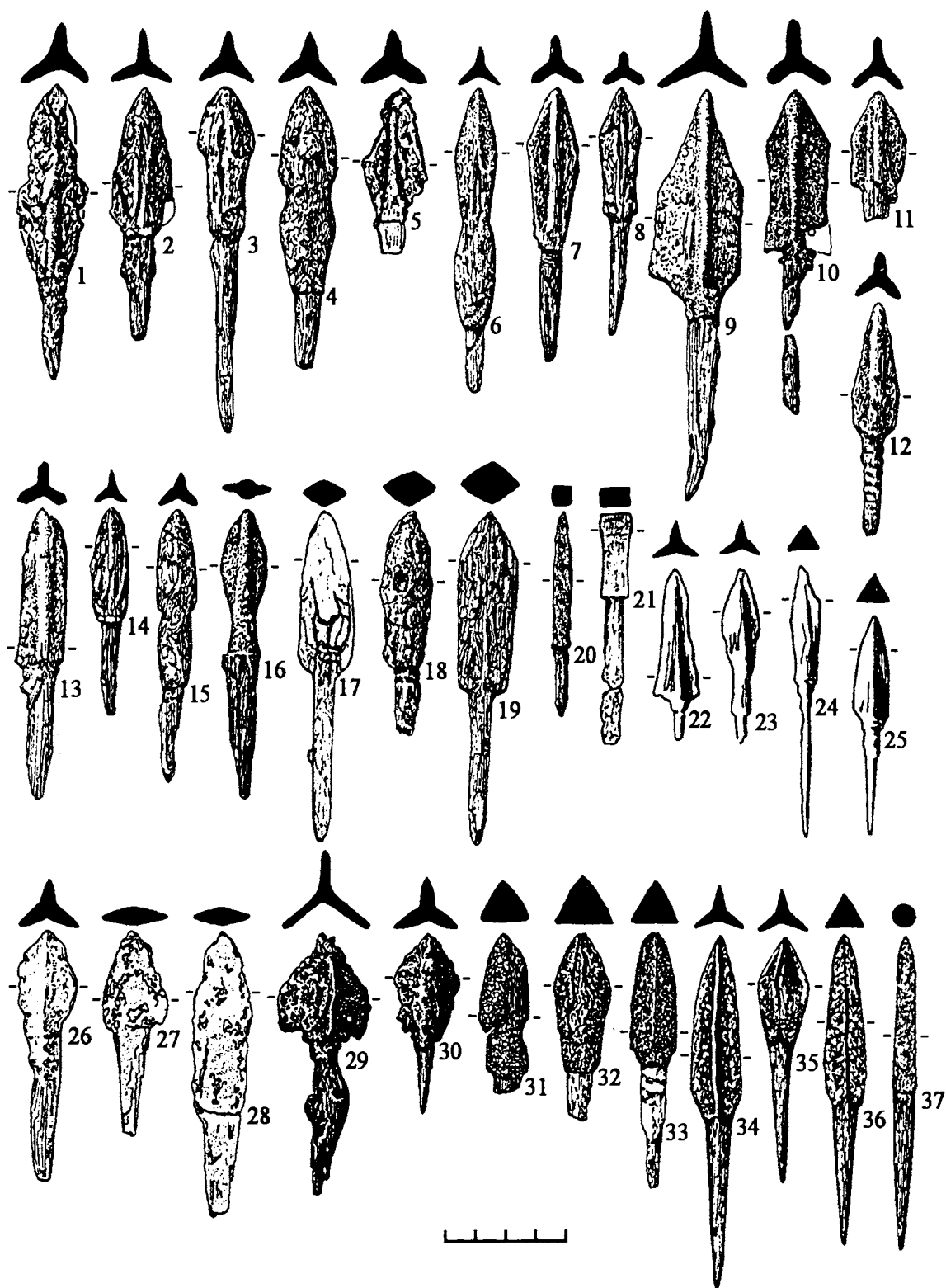

Рис. 29. Наконечники стрел сrostкинской культуры: 1-21 – Иня-1; 22-25 – Ближние Елбаны-V; 26 – Грязново-IV; 27 – Грязново-III; 28 – Грязново-II; 29-30 – Быково-IV; 31-33 – Комаришинский Карьер; 34-37 – Ивановка-XX

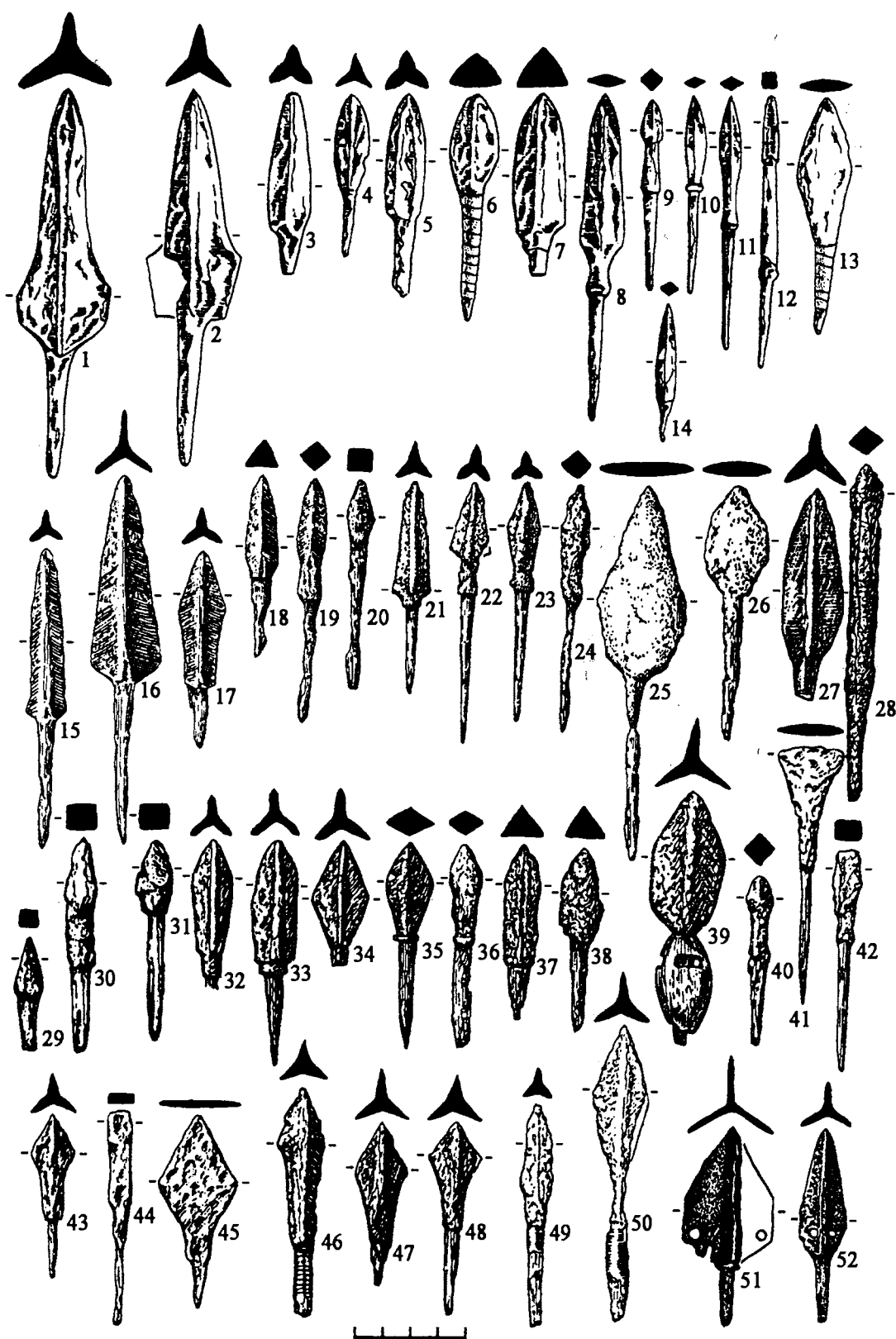

Рис. 30. Наконечники стрел сrostкинской культуры: 1–14 – Сrostки-I; 15–20 – Чинета-II; 21–26 – Белый Камень; 27, 29–31 – Гилево-V; 28 – Гилево-II; 32–33 – Гилево-III; 34–36 – Гилево-VI; 37 – Гилево-IX; 38–42 – Гилево-XIV; 43–46 – Корболиха-VIII; 47–48 – Корболиха-X; 49–50 – Кураевка-I; 51 – Новенькое; 52 – Баюновские Зори

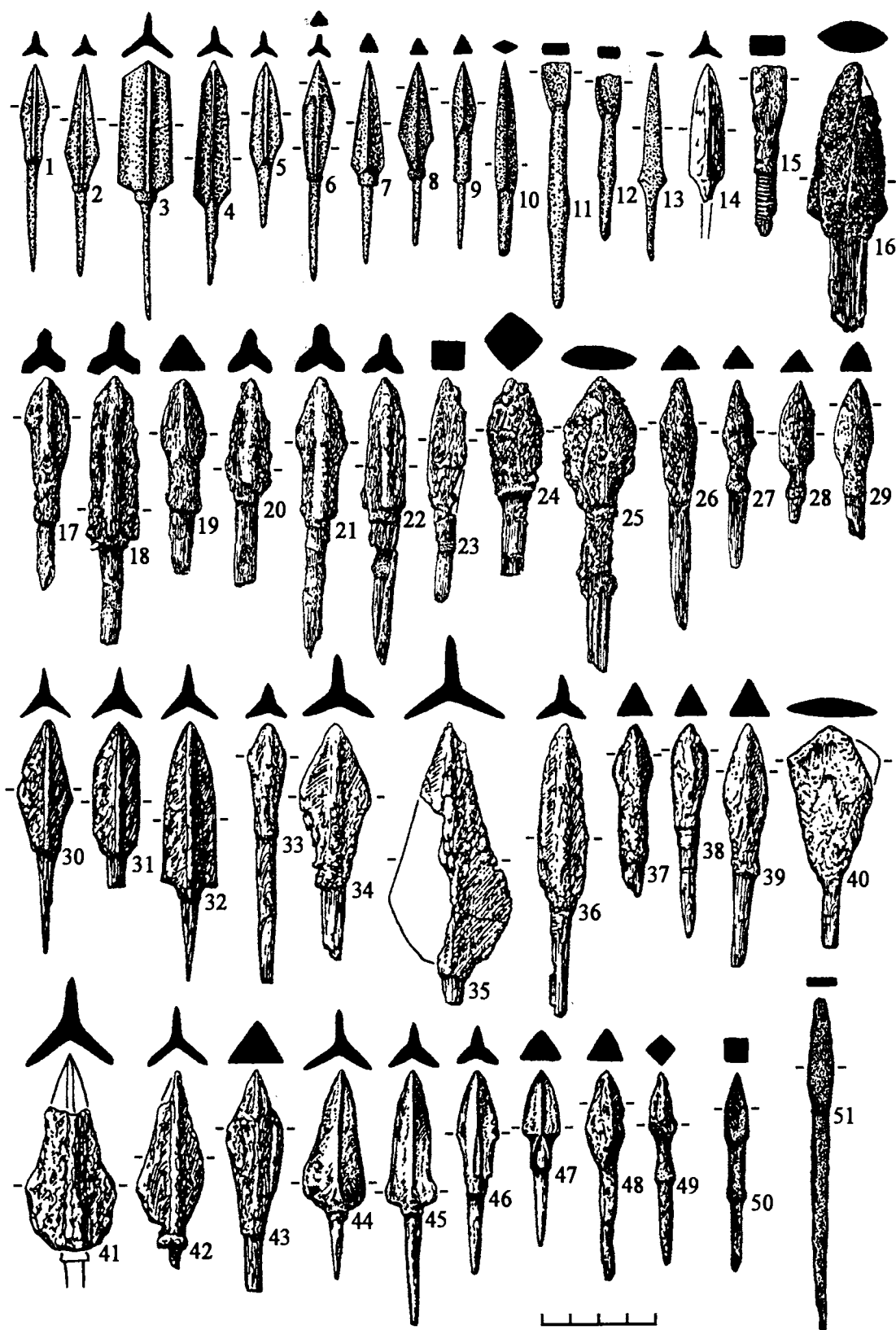

Рис. 31. Наконечники стрел сrostкинской культуры: 1-13 – Шадринцево-1; 14 – Ближние Елбаны-VII; 15 – Кайгородка-V; 16 – Яровское-V; 17-18 – Поповская Дача; 19 – Грань; 20-23 – Филин-I; 24-25 – Прудской; 26-29 – Щепчиха-1; 30-40 – Гилево-VII; 41-43 – Гилево-XII; 44-49 – Гилево-XIII; 50 – 552 разъезд; 51 – Новенькое

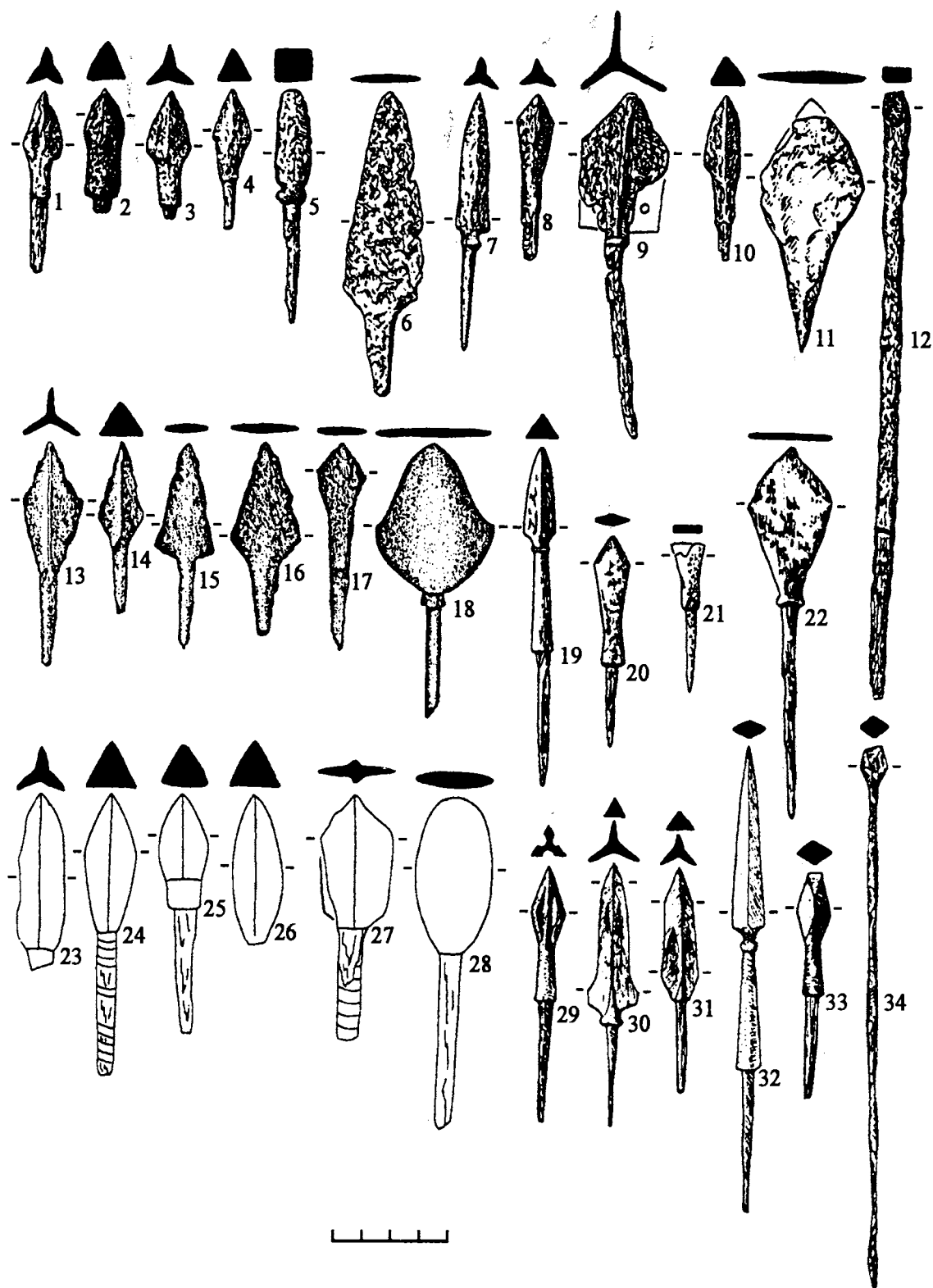

Рис. 32. Наконечники стрел сrostкинской культуры: 1 – Корболиха-III; 2 – Корболиха-V; 3–5 – Корболиха-VIII; 6 – Корболиха-IX; 7–12 – Павловка-I; 13–18 – Змеевка; 19–22 – Ближние Елбаны-IX; 23–28 – Барчиха; 29–34 – Татарские Могилки

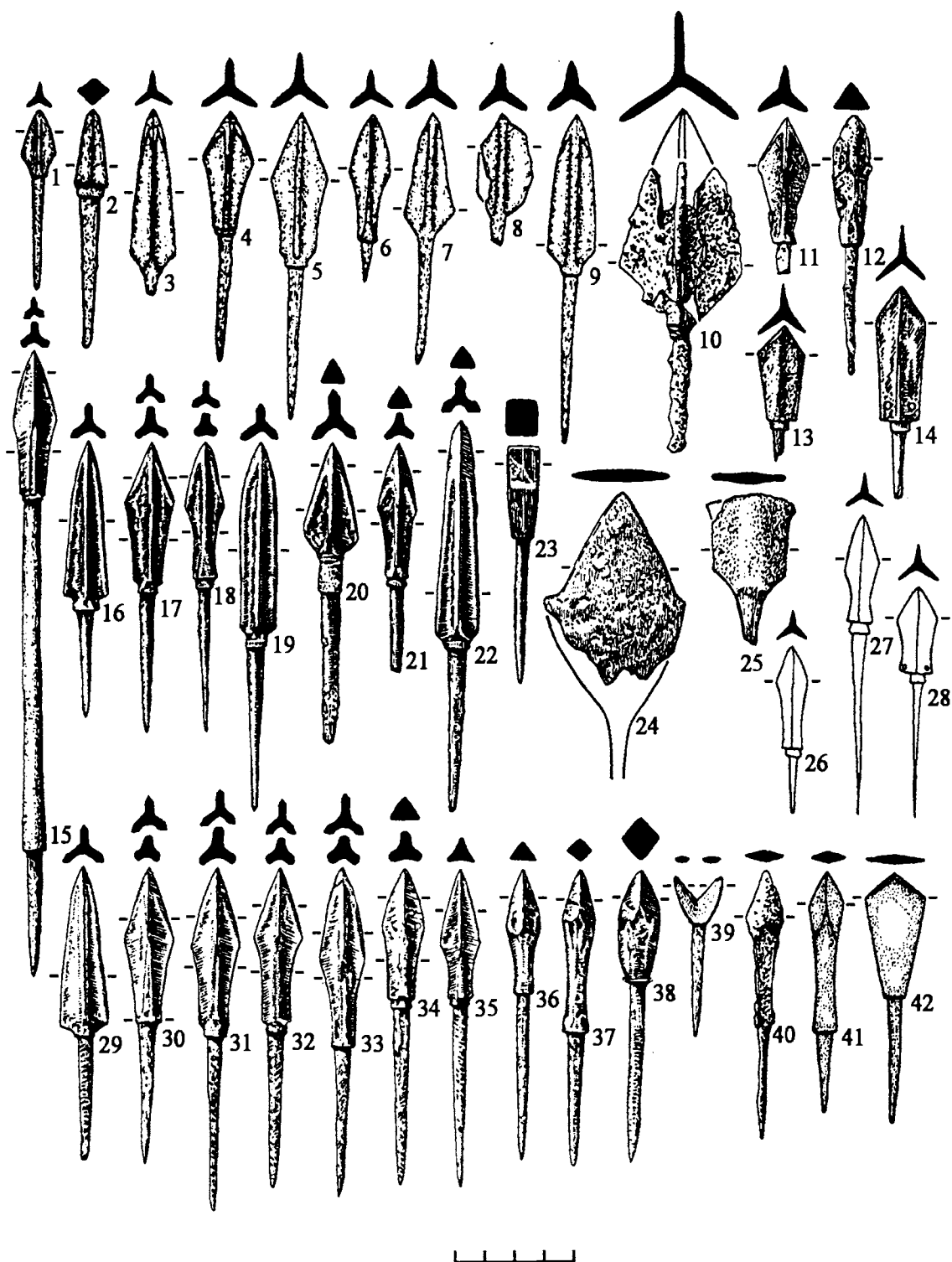

Рис. 33. Наконечники стрел кыргызской культуры: 1-2 – Кок-Эдиган; 3-9 – Яконур; 10-12 – Коргон-I; 13-14, 26-28 – Гилево-III; 15-25, 29-40 – Чинета-II; 41-42 – Ак-Таш

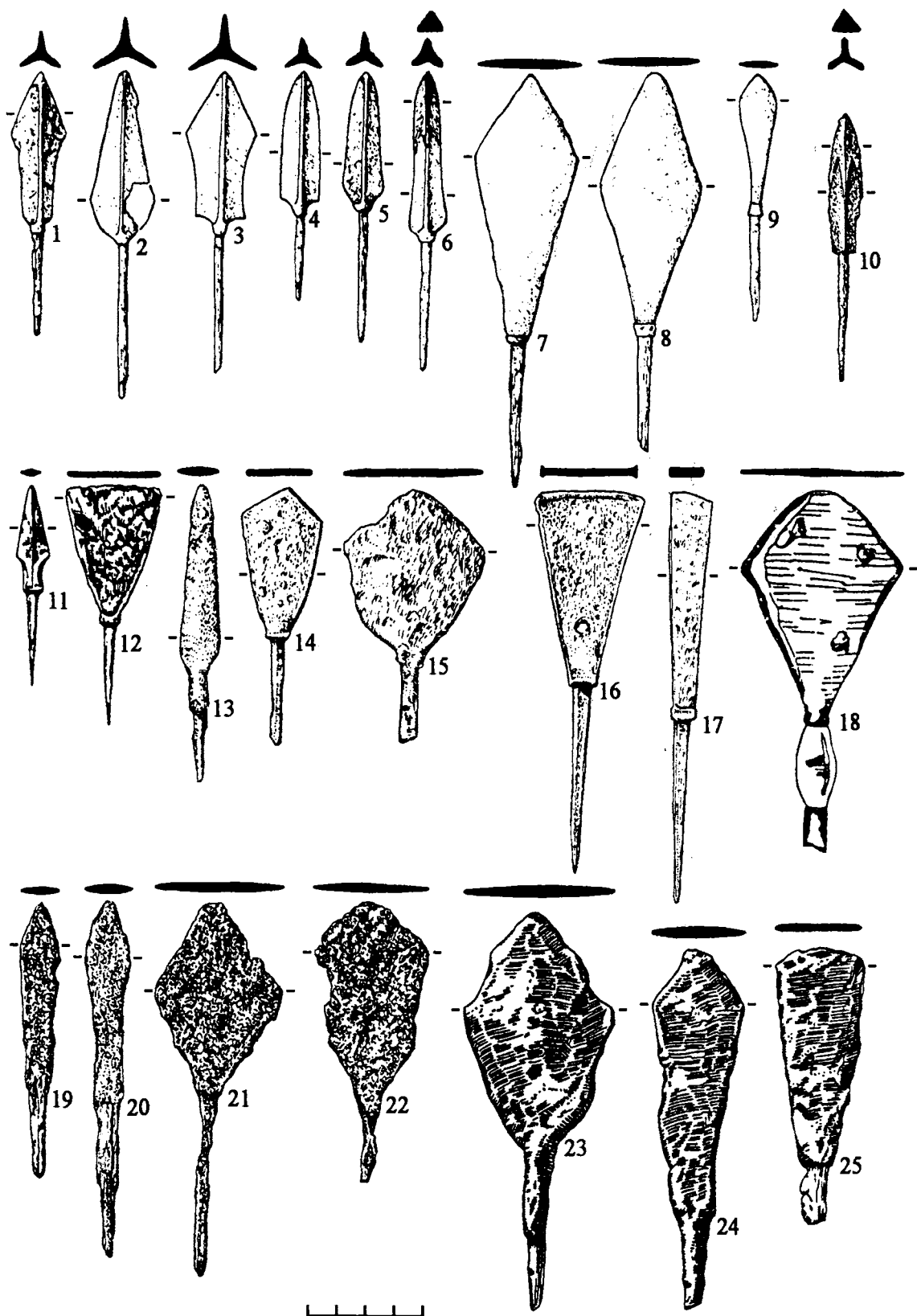

Рис. 34. Наконечники стрел культуры Горного Алтая монгольского времени:
 1-9 – Верх-Еланда-I; 10 – Элекманар-II; 11-12 – Ак-Алаха; 13-17 – Яконур;
 18 – Тожан; 19-22 – Усть-Бийке-III; 23-25 – Кудыргэ

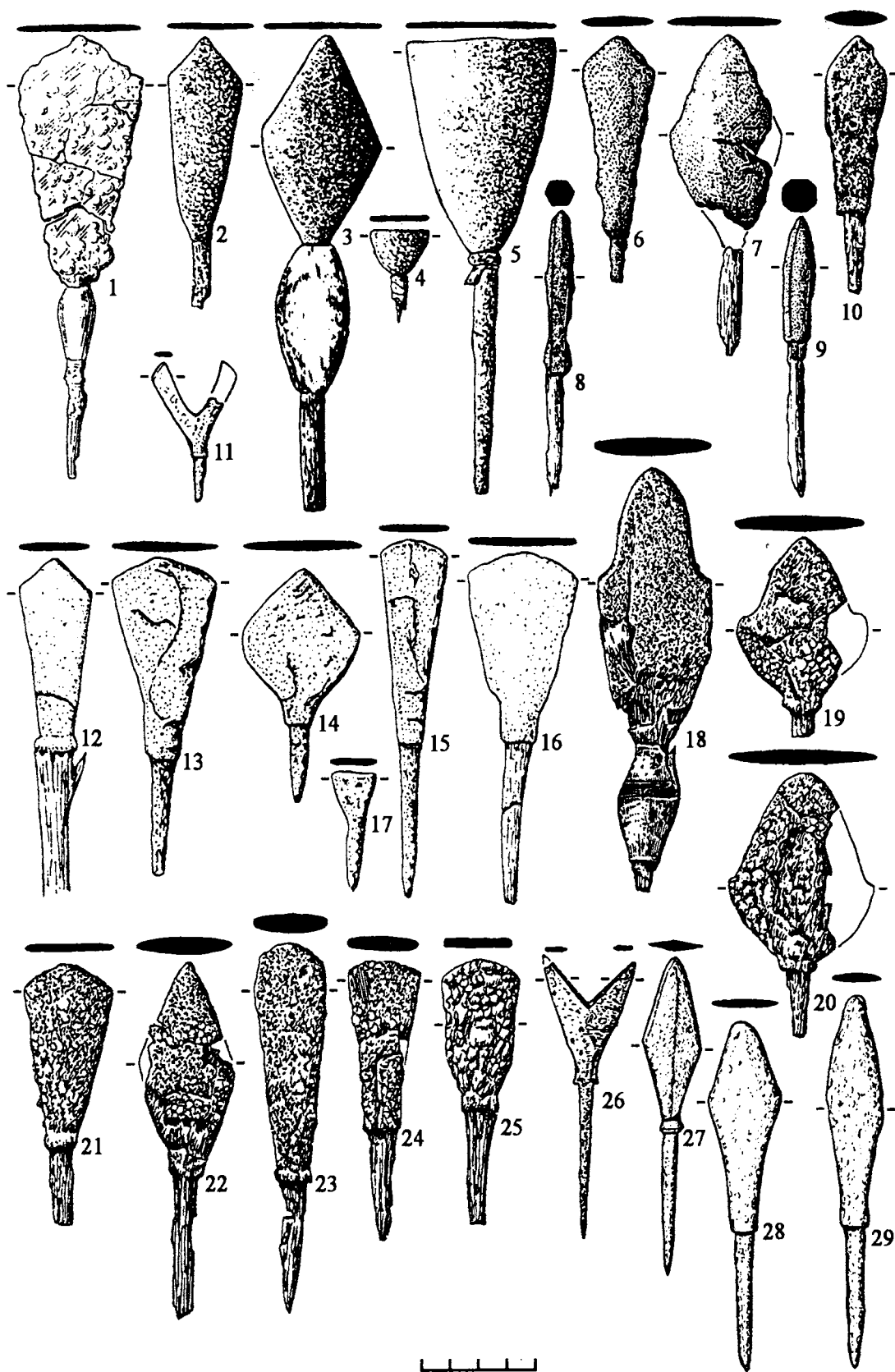

Рис. 35. Наконечники стрел кармацкой культуры:

1 – Ближние Елбаны-ХIV; 2–9 – Ближние Елбаны-VI; 10 – Сухие Гривы;
11 – АБ (Бийск); 12–25 – Усть-Алейка Клуб; 26 – Боровое-3; 27–29 – Старый Монастырь

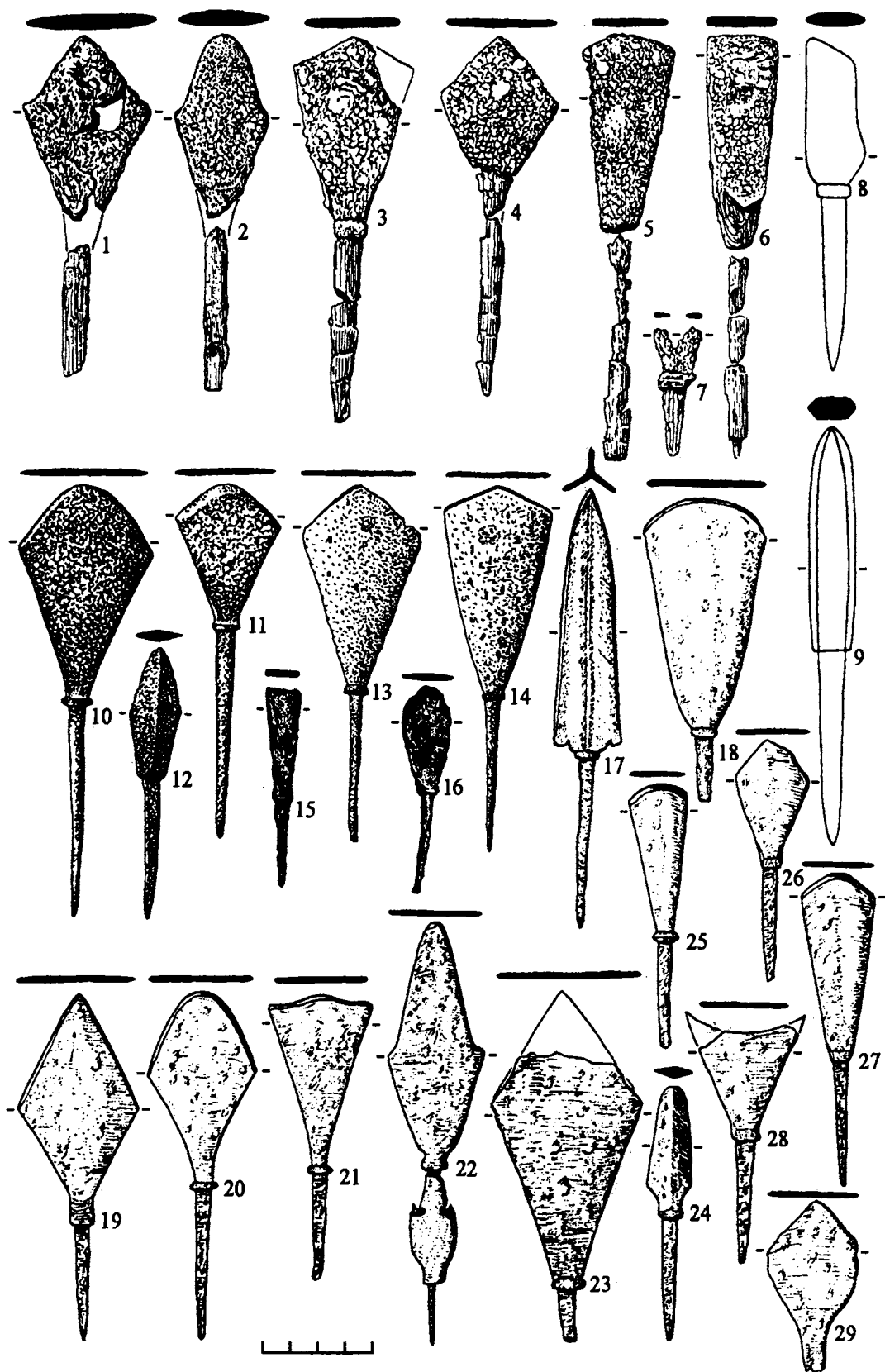

Рис. 36. Наконечники стрел кармацкой культуры: 1-7 – Кармацкий; 8-9 – Телеутский Взвоз-I; 10-12 – Страшный Яр; 13-14 – Победа; 15 – Первые Коростели; 16 – Калантырь; 17-22 – Песчаное; 23-24 – Усть-Ануй «Пески»; 25-29 – Фоминское

ГРУППА	РАЗРЯД	РАЗДЕЛ	ОТДЕЛ	ТИП	ВАРИАНТ
--------	--------	--------	-------	-----	---------

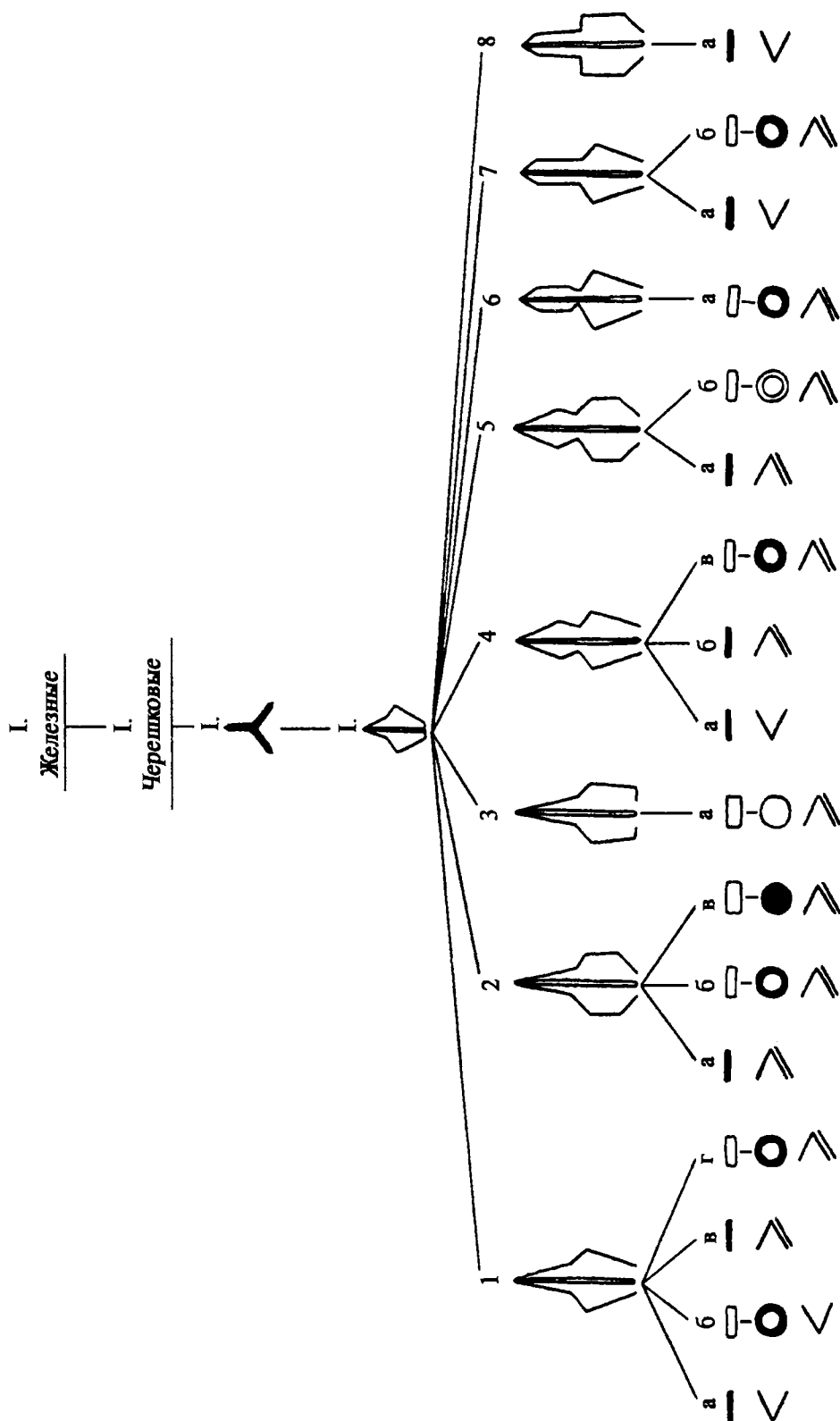

Рис. 37. Классификационная схема наконечников стрел

ГРУППА	РАЗРЯД	РАЗДЕЛ	ОТДЕЛ	ТИП	ВАРИАНТ
--------	--------	--------	-------	-----	---------

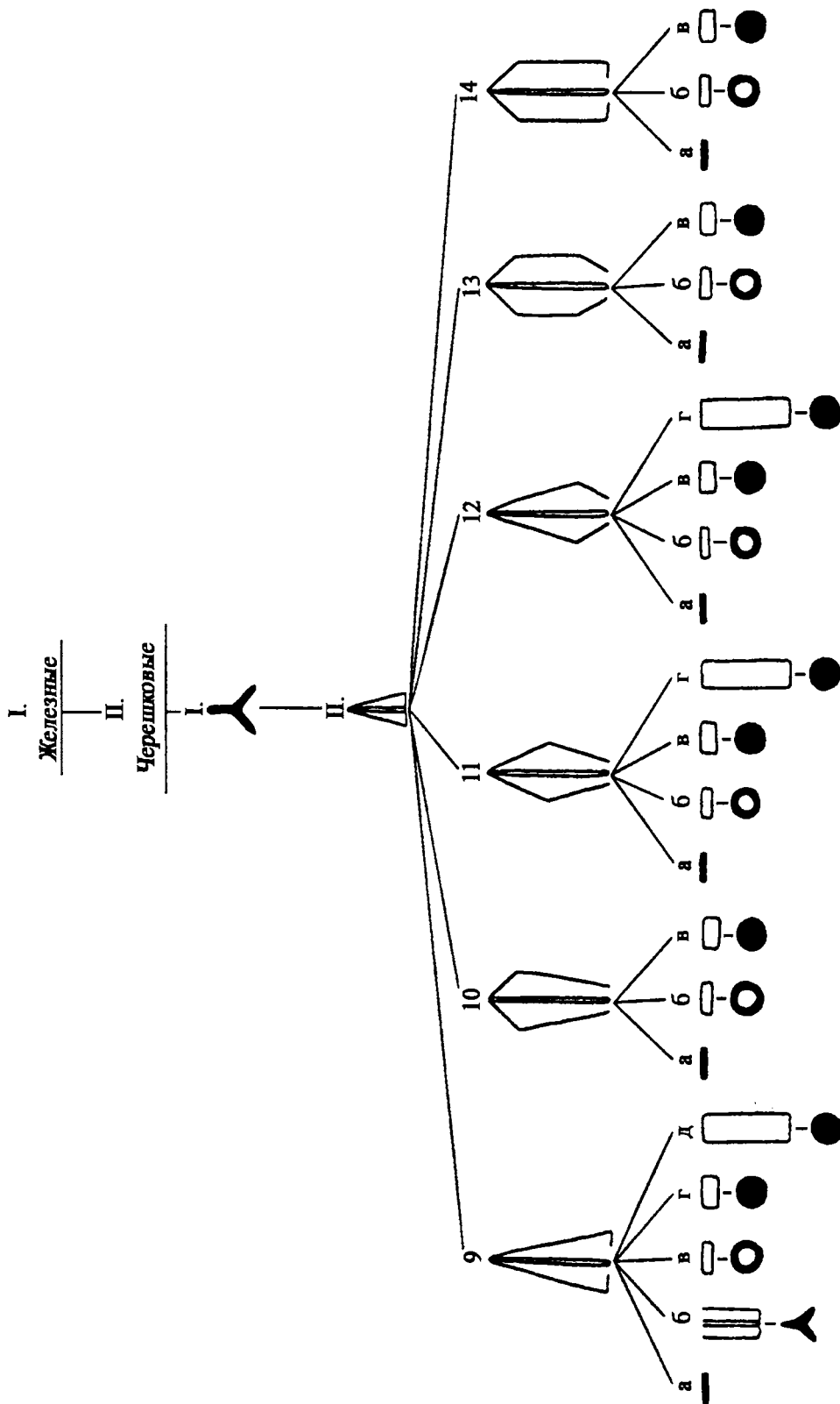

Рис. 37. Классификационная схема наконечников стрел (продолжение)

ГРУППА	РАЗРЯД	РАЗДЕЛ	ОТДЕЛ	ТИП	ВАРИАНТ
--------	--------	--------	-------	-----	---------

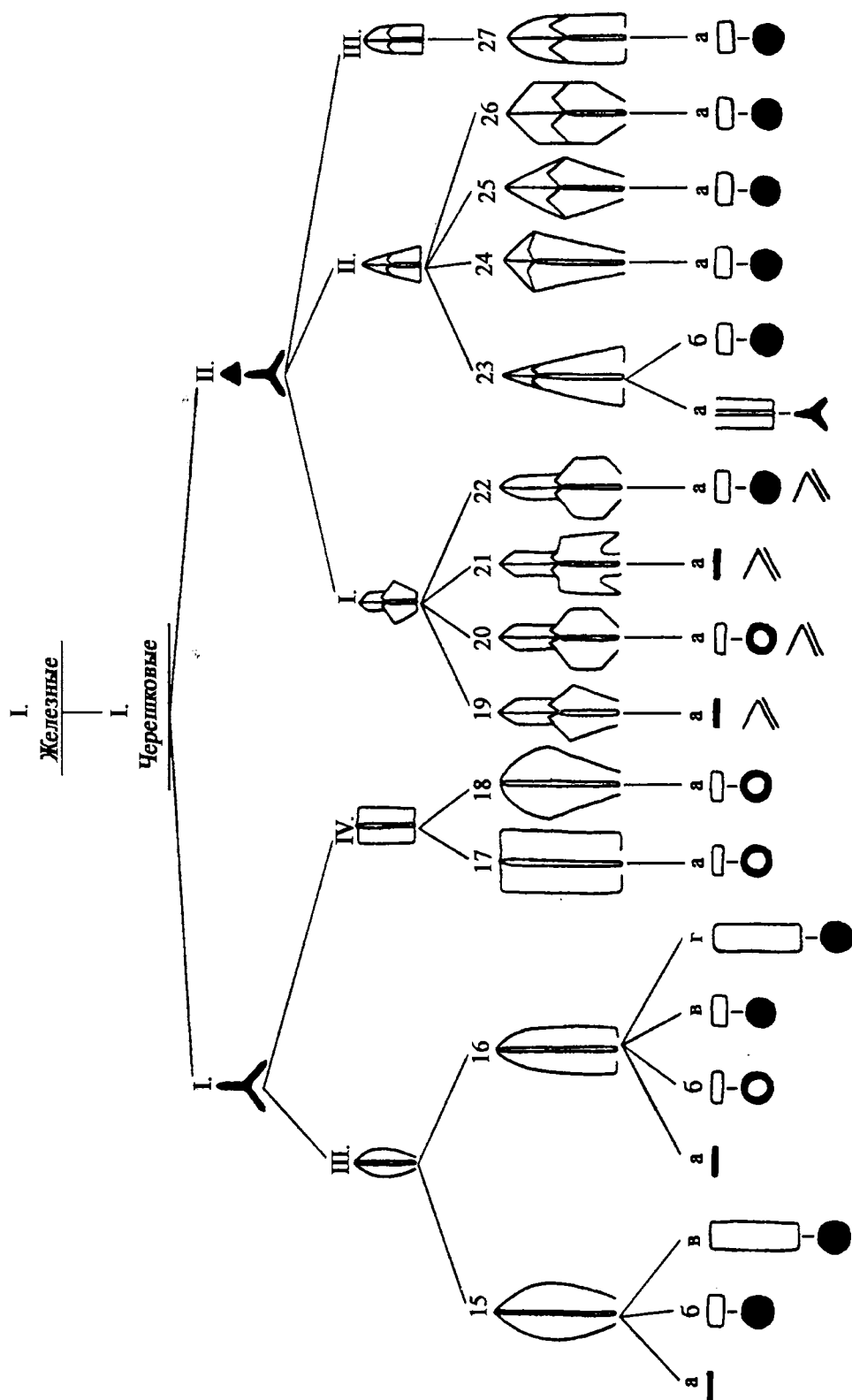

Рис. 37. Классификационная схема наконечников стрел (продолжение)

ГРУППА	РАЗРЯД	РАЗДЕЛ	ОТДЕЛ	ТИП	ВАРИАНТ
--------	--------	--------	-------	-----	---------

I.
Железные
I.

Черешковые

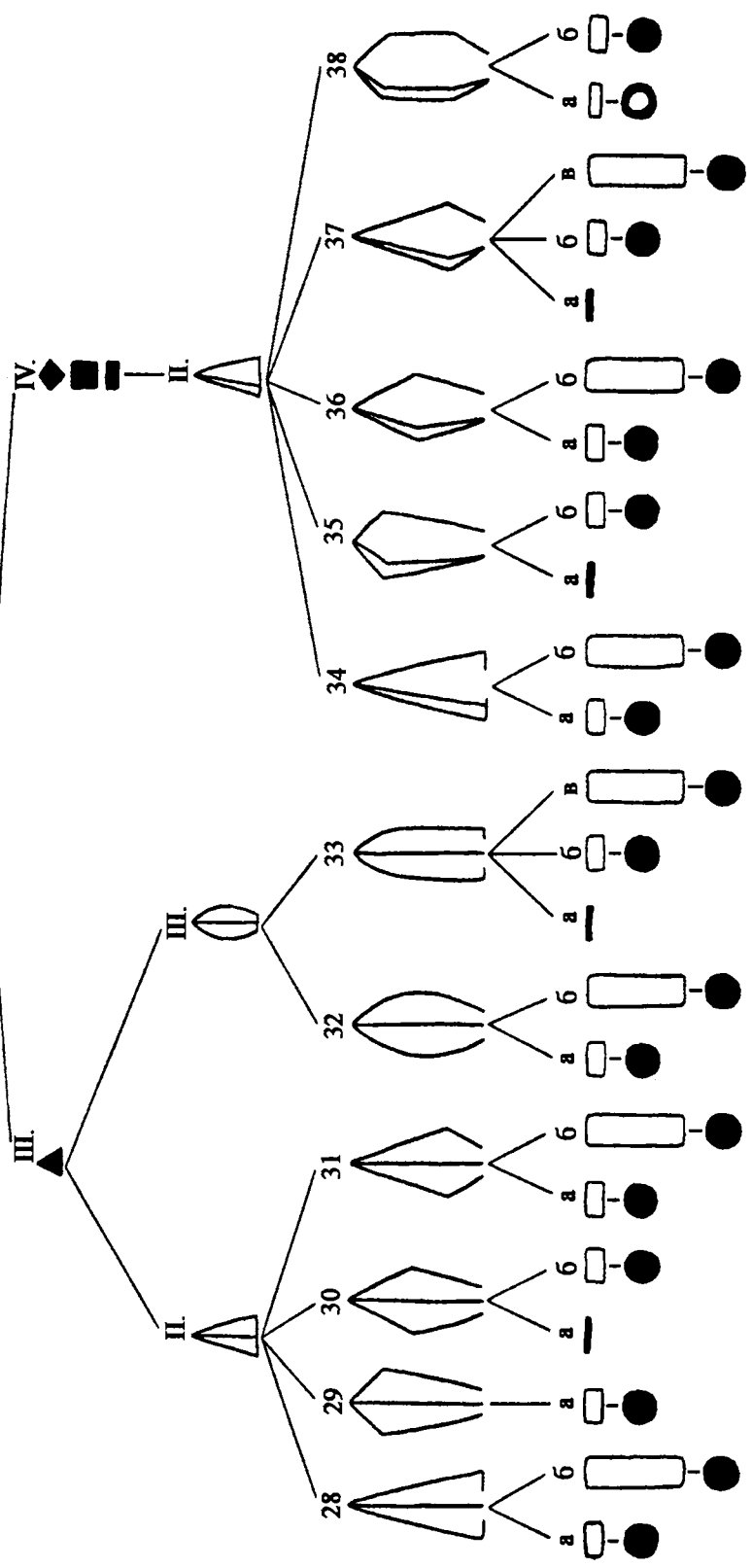

Рис. 37. Классификационная схема наконечников стрел (продолжение)

ГРУППА	РАЗРЯД	РАЗДЕЛ	ОТДЕЛ	ТИП	ВАРИАНТ
--------	--------	--------	-------	-----	---------

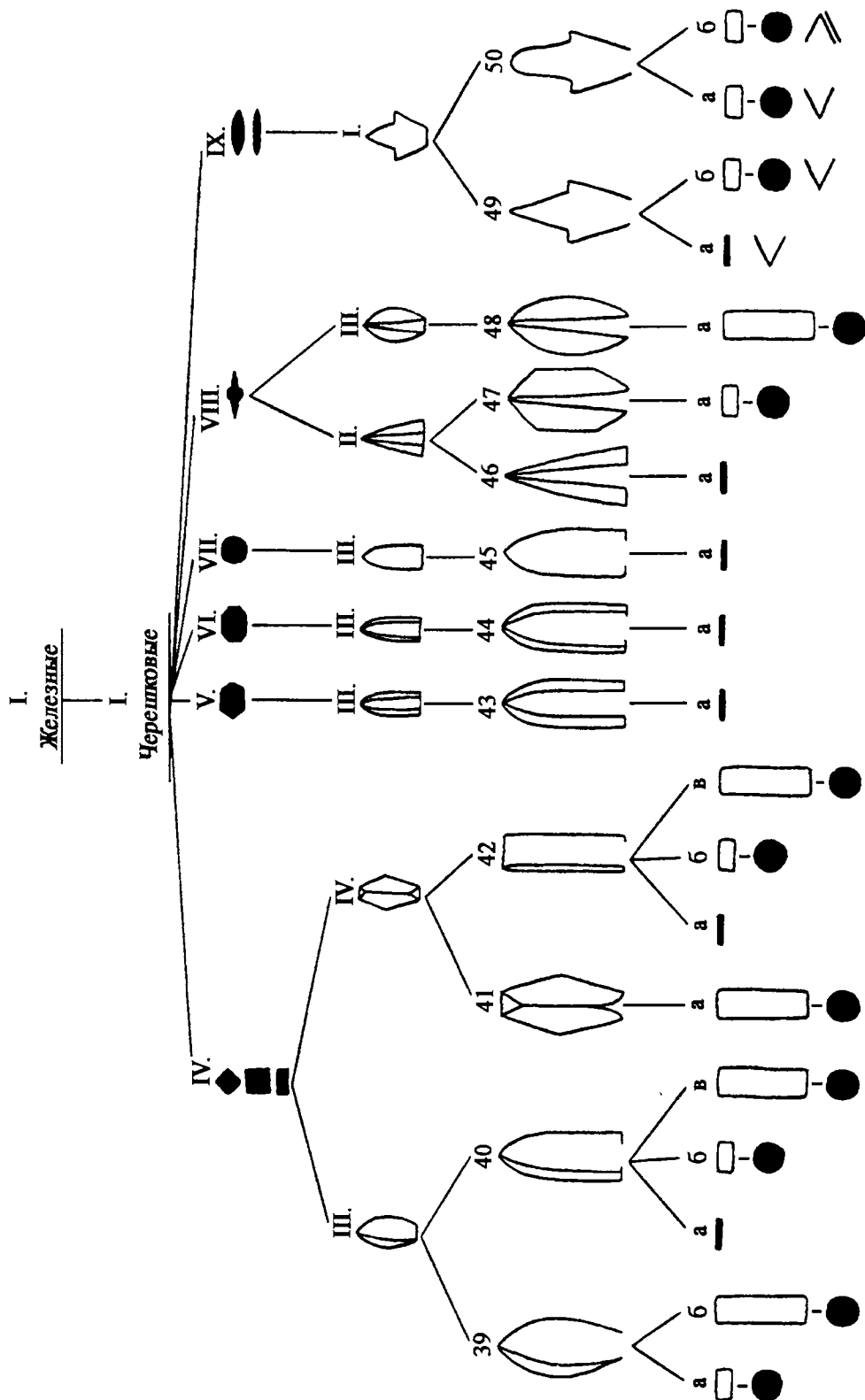

Рис. 37. Классификационная схема наконечников стрел (продолжение)

ГРУППА	РАЗРЯД	РАЗДЕЛ	ОТДЕЛ	ТИП	ВАРИАНТ
--------	--------	--------	-------	-----	---------

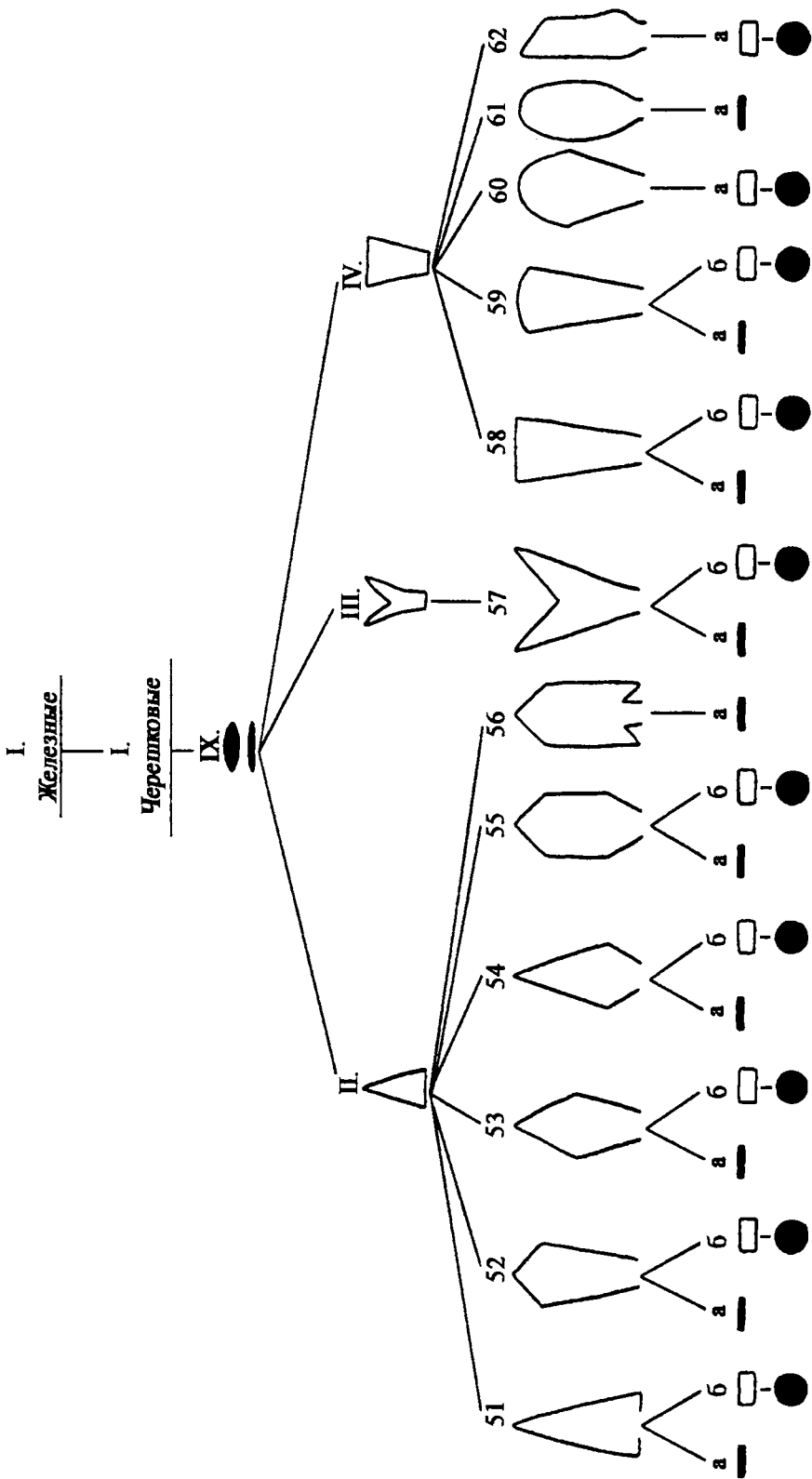

Рис. 37. Классификационная схема наконечников стрел (окончание)

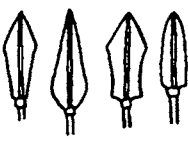
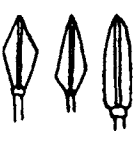
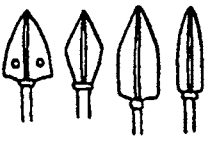
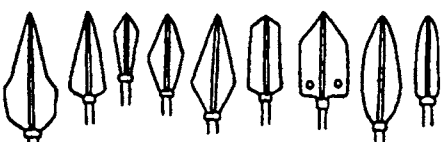
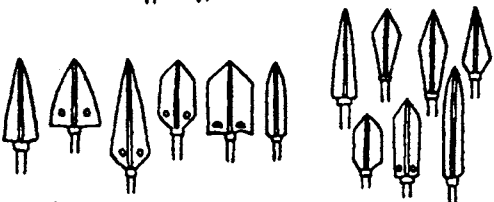
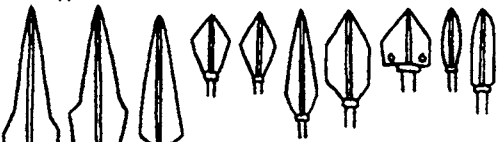
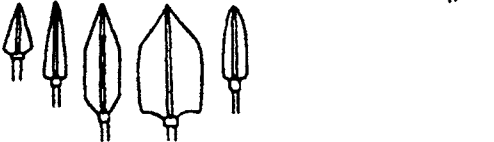
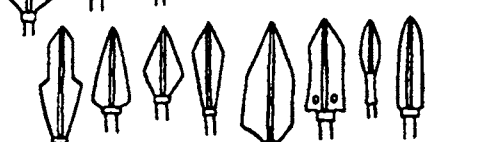
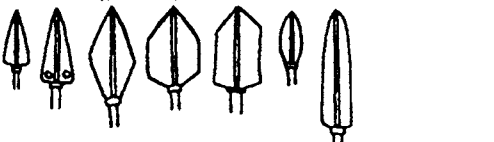
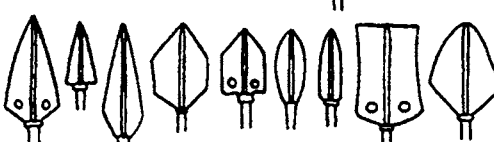
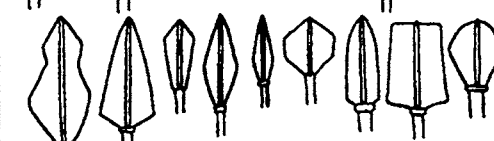
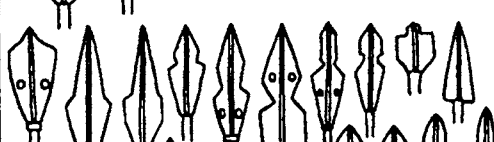
ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X		
IX		
VIII		
VII		
VI		
V		
IV		
III		

Рис. 38. Типолого-хронологическая схема наконечников стрел

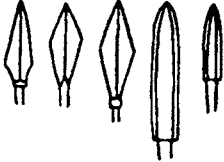
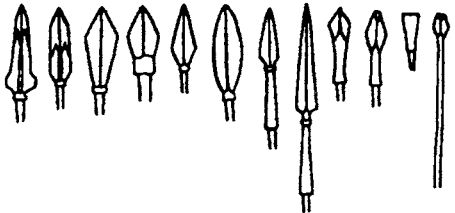
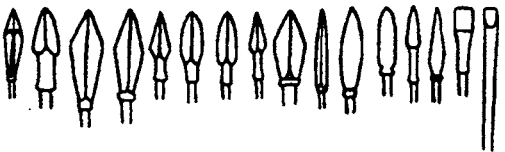
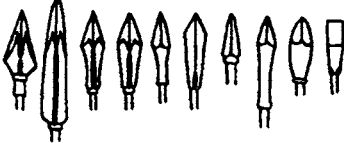
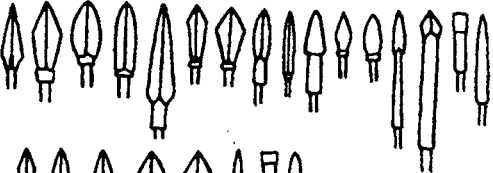
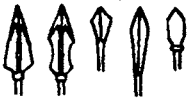
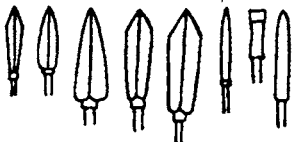
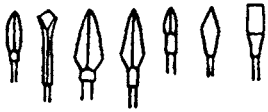
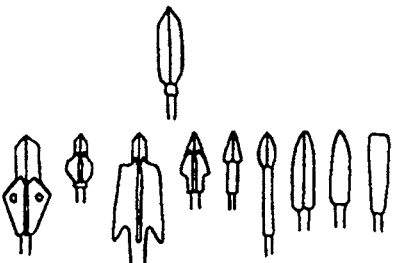
ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI	 	
X		
IX		
VIII		
VII		
VI		
V		
IV		
III		

Рис. 38. Типолого-хронологическая схема наконечников стрел (продолжение)

ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X		
IX		
VIII		
VII		
VI		
V		
IV		
III		

Рис. 38. Типолого-хронологическая схема наконечников стрел (окончание)

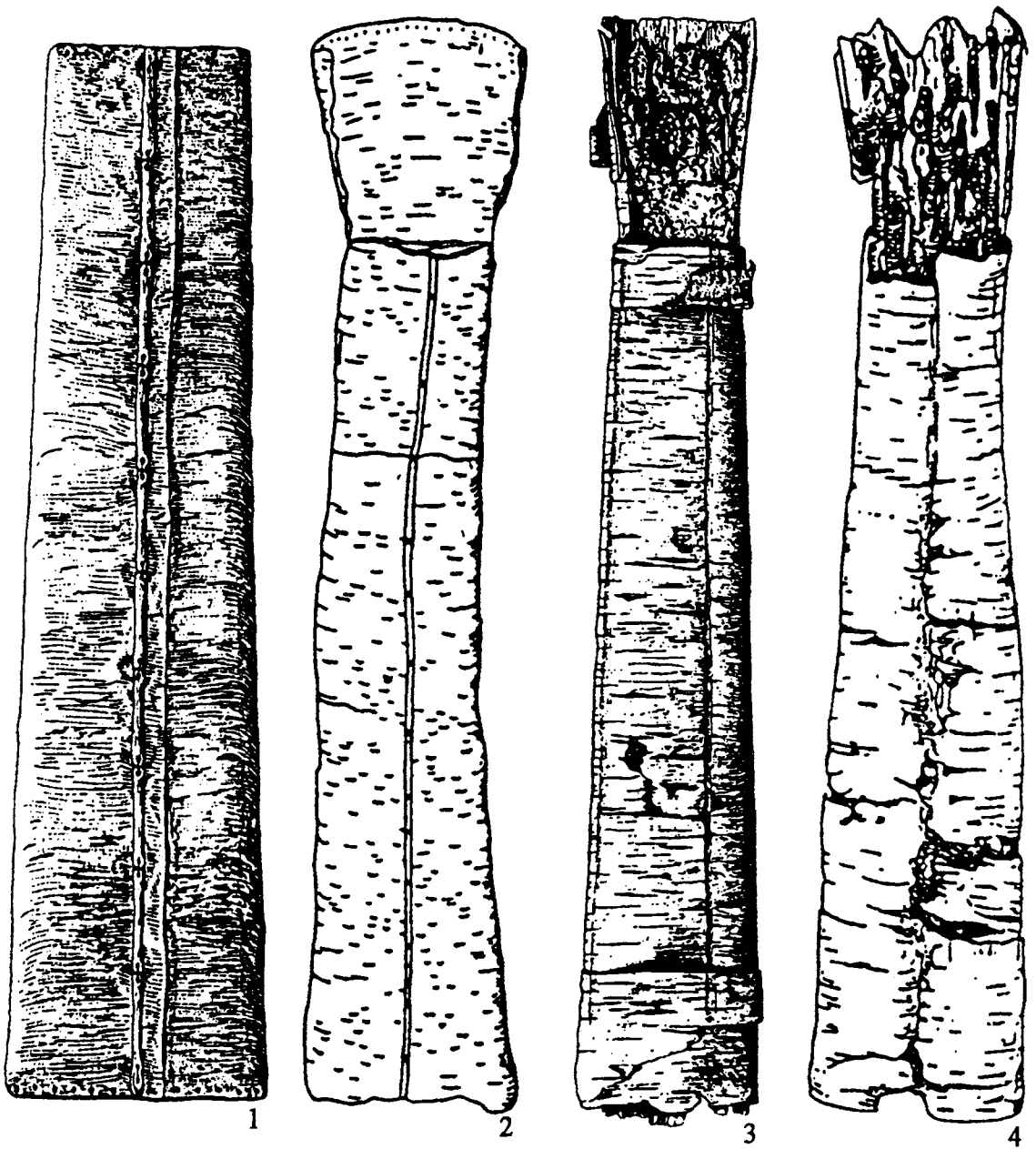

Рис. 39. Колчаны тюркской культуры:
1 – Усть-Бийке-III; 2 – Талдуair-I, 3 – Кара-Коба-I; 4 – Курай-III

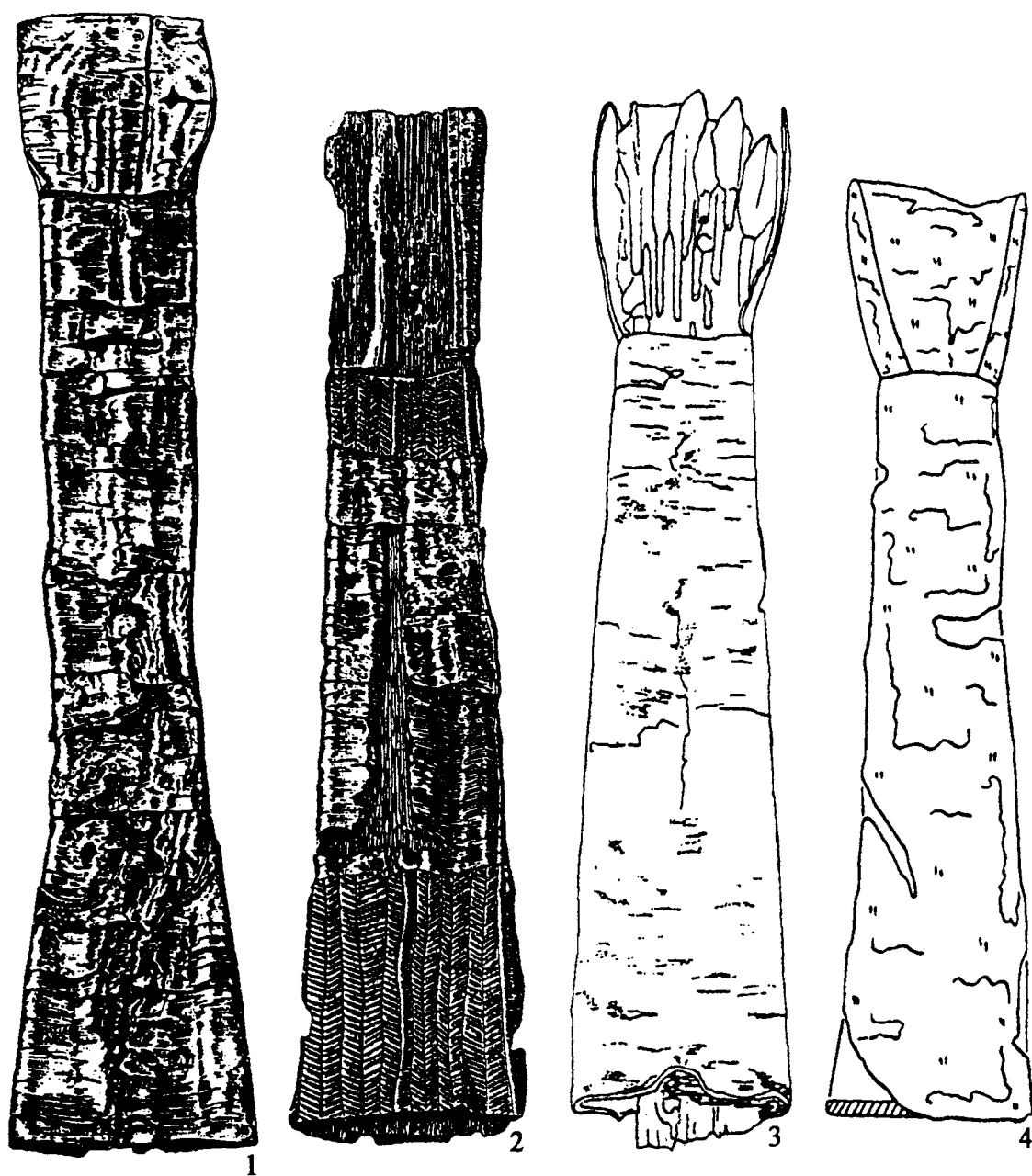

Рис. 40. Колчаны сrostкинской культуры:
 1-2 – Иня-1; 3 – Сrostки-1; 4 – Шадринцево-1

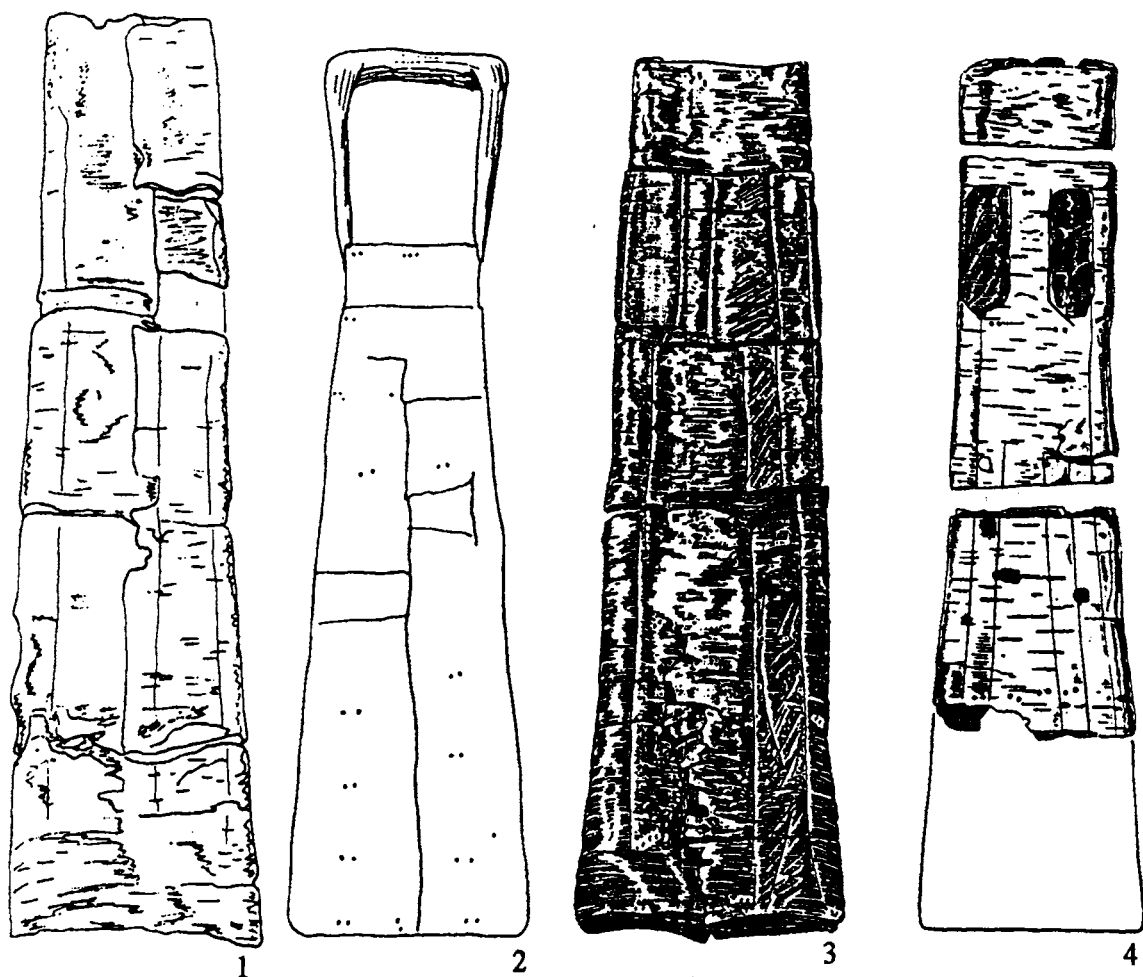

Рис. 41. Колчаны Лесостепного (1–3) и Горного (4) Алтая эпохи развитого средневековья:
1 – Змеевка; 2 – Усть-Алейка Клуб; 3 – Кармац-кий; 4 – Кудыргэ

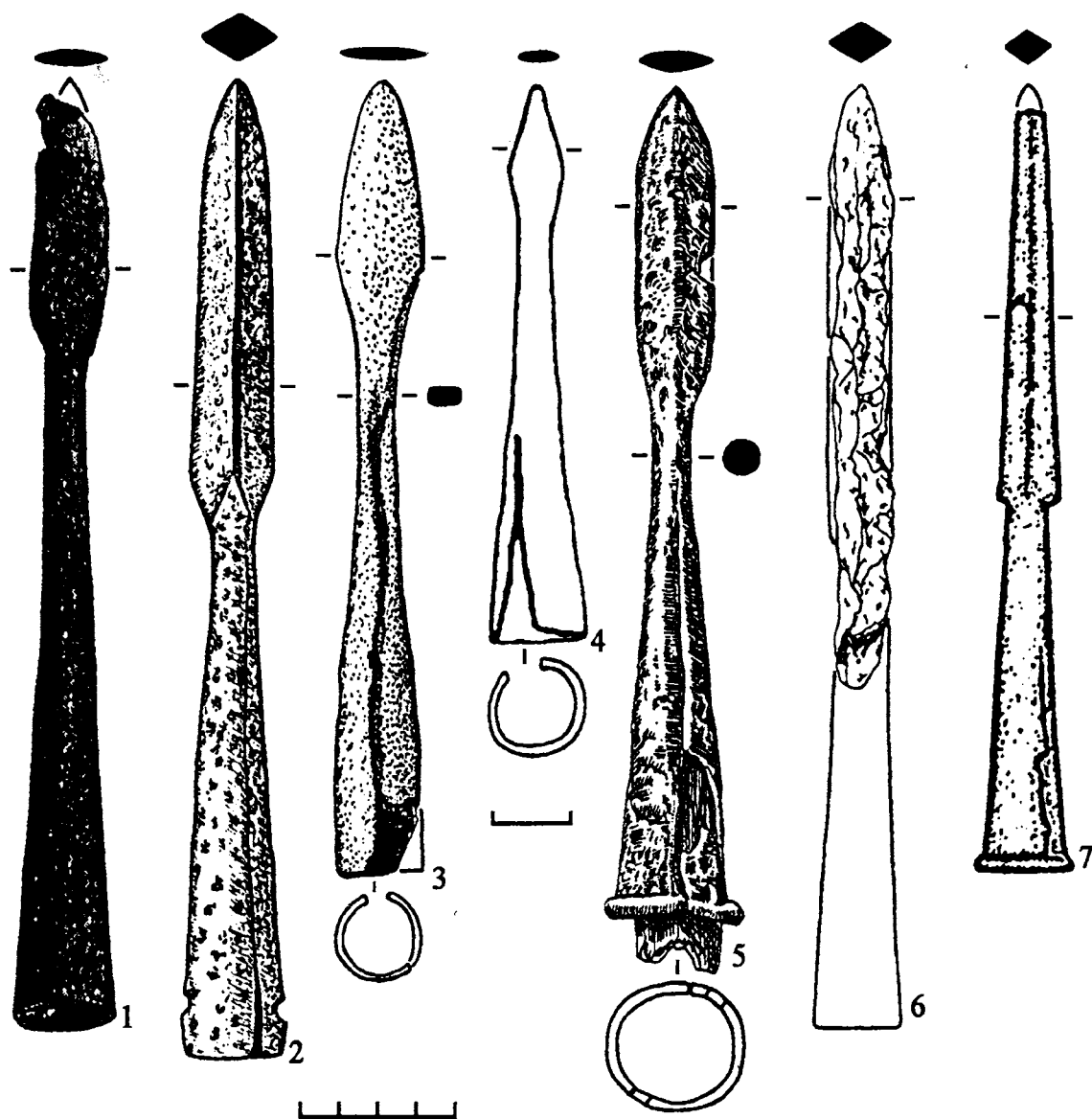

Рис. 42. Наконечники копий булан-кобинской (1-2), одинцовской (3) и тюркской (4-7) культур: 1-2 – Катанда-I; 3 – Троицкий Елбан-I; 4 – Кызыл-Таш; 5 – Яконур; 6 – Балык-Соок-I; 7 – Горный Алтай

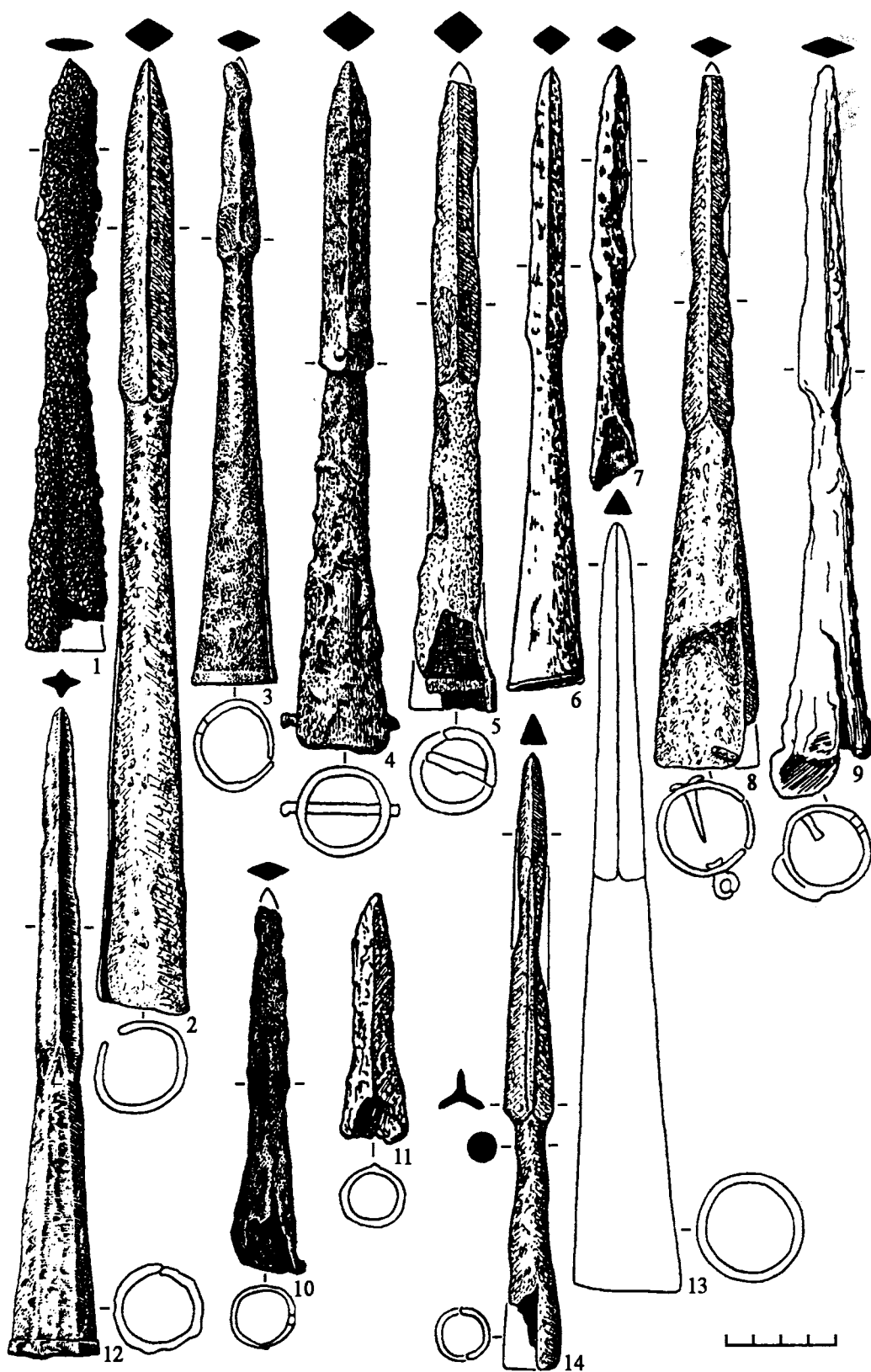

Рис. 43. Наконечники копий сrostкинской культуры:

- 1 – Чингис-2; 2 – Белый Камень; 3 – Камышенка; 4 – Грань; 5 – Гилево-VII;
 6–7 – Ближние Елбаны-IX; 8 – Гилево-II; 9 – Ближние Елбаны-VIII; 10 – Перешеечное-VI;
 11 – Корболиха-II; 12 – Лесостепной Алтай; 13 – Барчиха; 14 – Корболиха-VIII

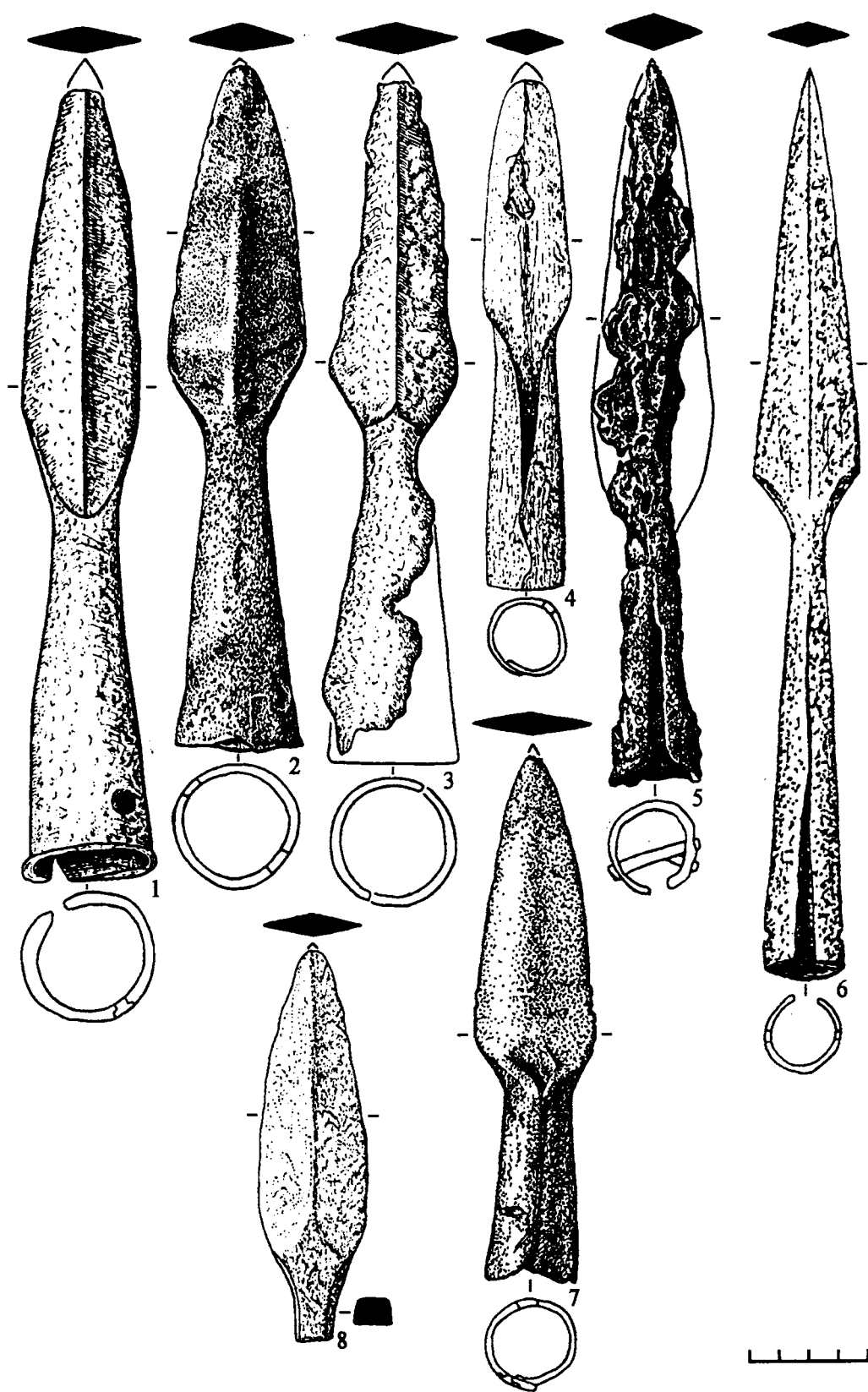

Рис. 44. Наконечники копий сrostкинской культуры:
 1 – Сrostки-I; 2 – Ильинка; 3 – Караульная; 4 – Суислово;
 5 – Быково-IV; 6 – Егона; 7 – Верх-Кучук; 8 – Черная Курья-VI

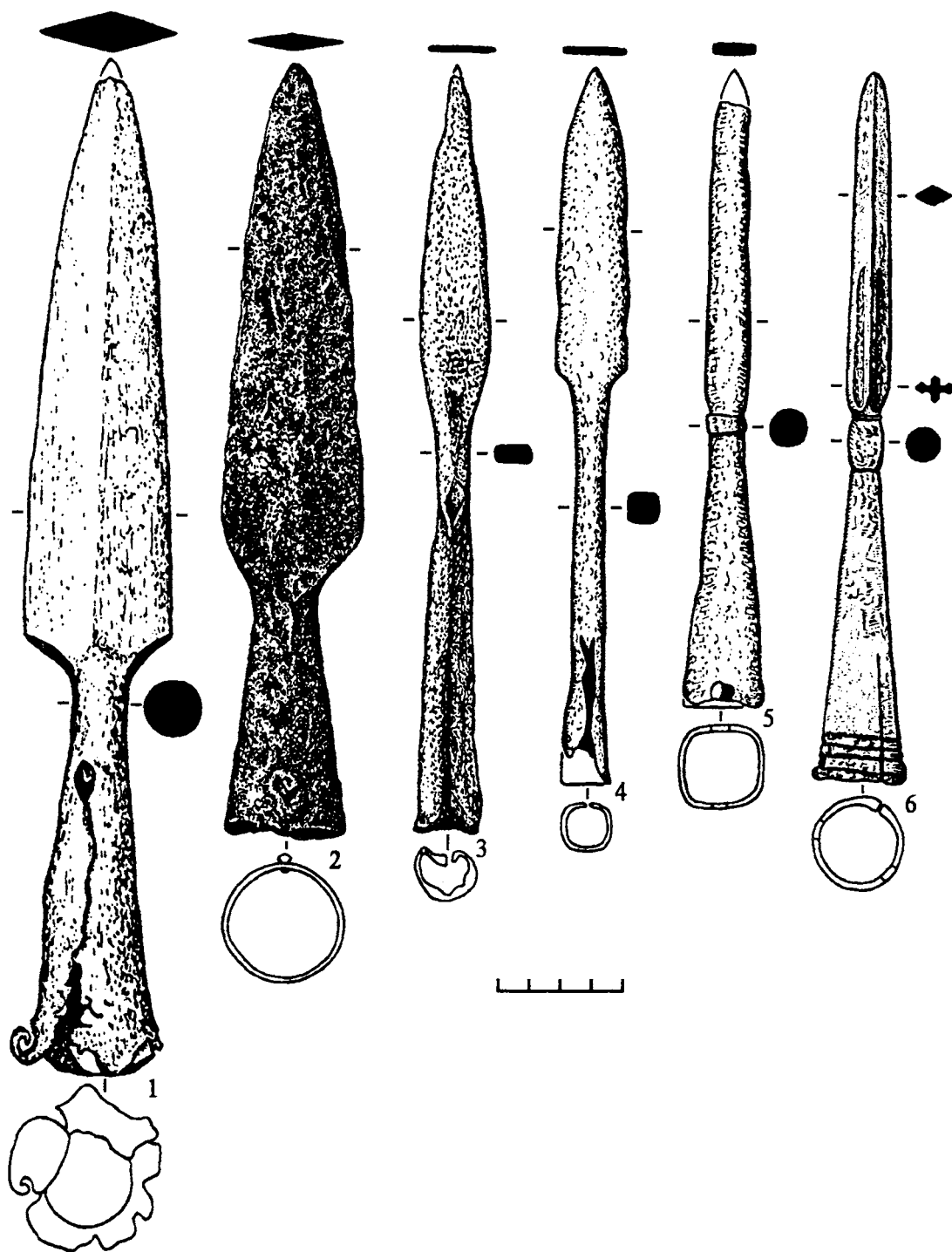
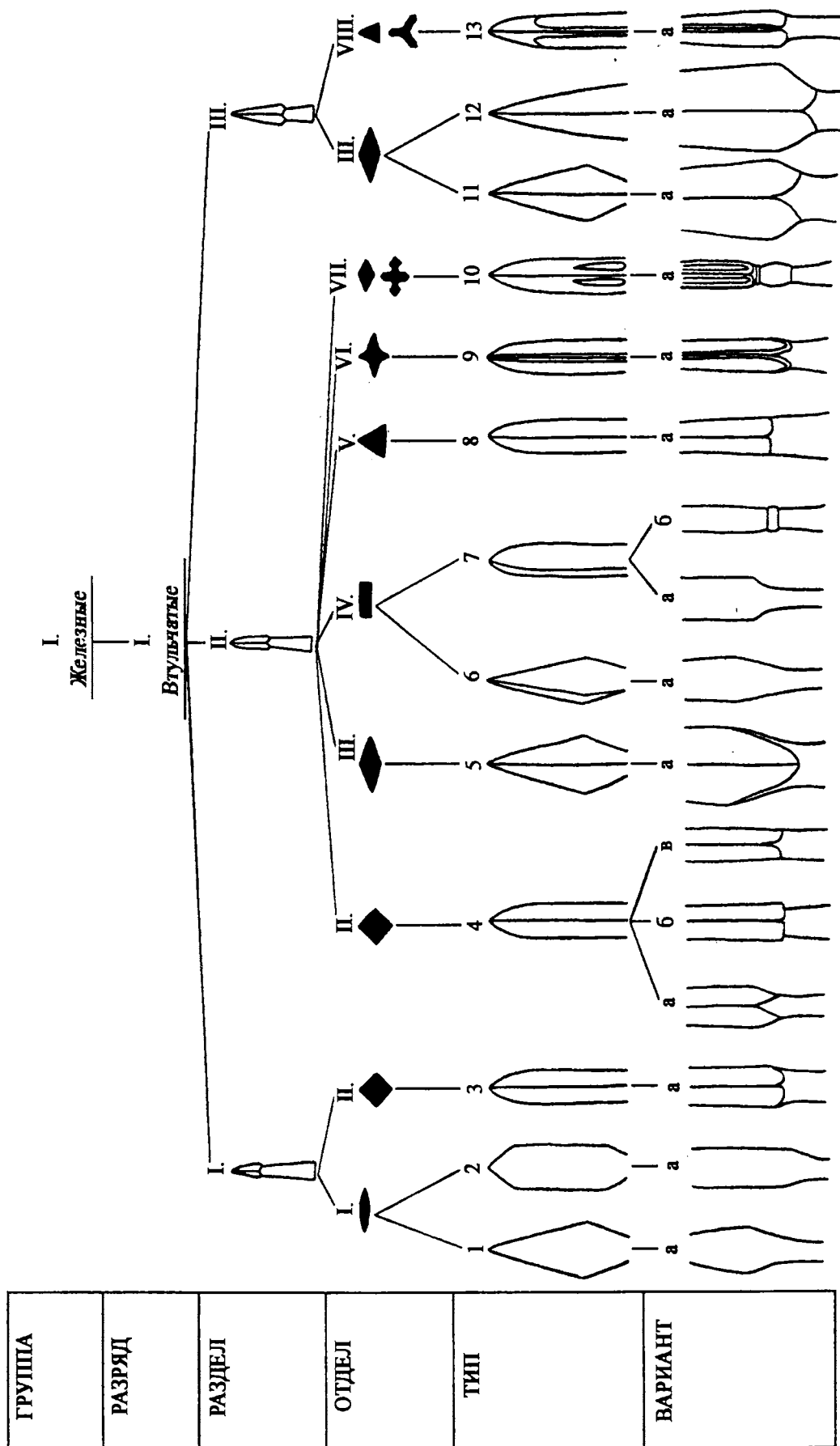

Рис. 45. Наконечники копий Лесостепного (1–5) и Горного (6) Алтая эпохи развитого средневековья: 1 – Шипуновка; 2 – Павловск; 3 – Степь Чумыш; 4 – Лесостепной Алтай; 5 – Большая Речка; 6 – Горный Алтай

ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X		
IX		
VIII		
VII		
VI		
V		
IV		
III		

Рис. 47. Типолого-хронологическая схема наконечников копий

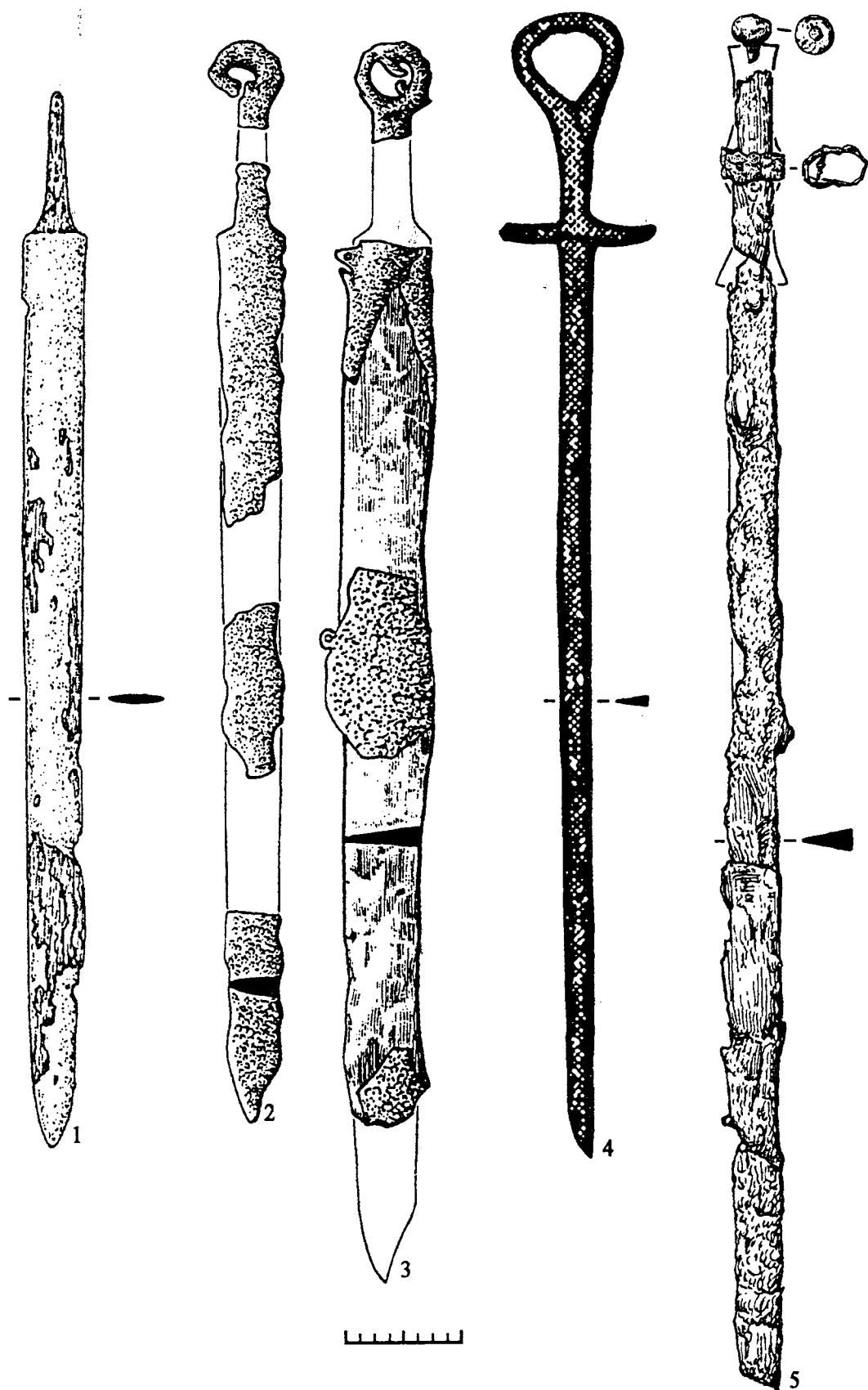

Рис. 48. Мечи булан-кобинской культуры: 1 – Дялян; 2–3 – Кок-Паш; 4 – Берель; 5 – Яломан-II

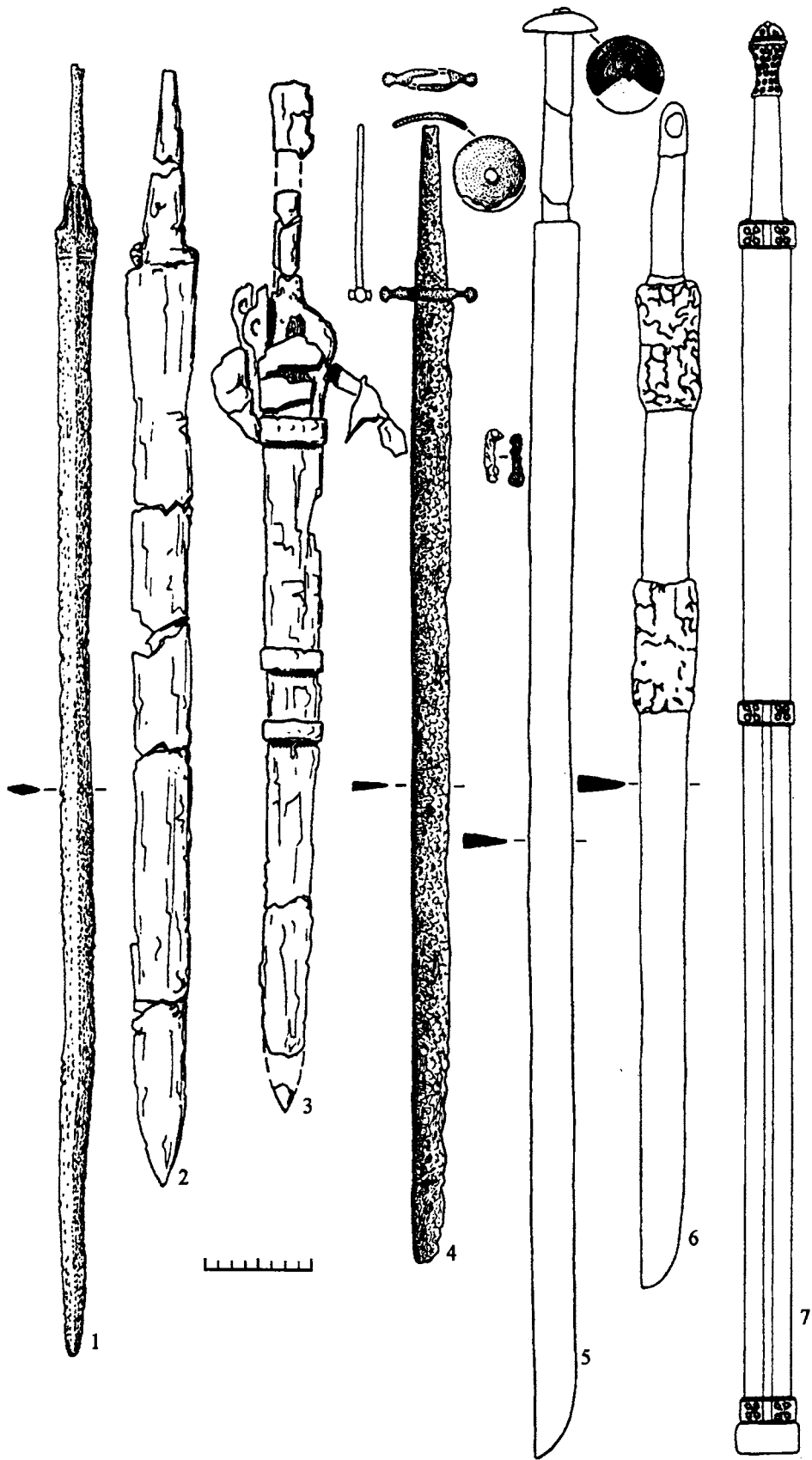

Рис. 49. Мечи одинцовской культуры: 1 – Плоское; 2 – Ближние Елбаны-XII; 3 – Ближние Елбаны-XIV; 4 – Ераска; 5-6 – Татарские Могилки; 7 – Тугозвоново

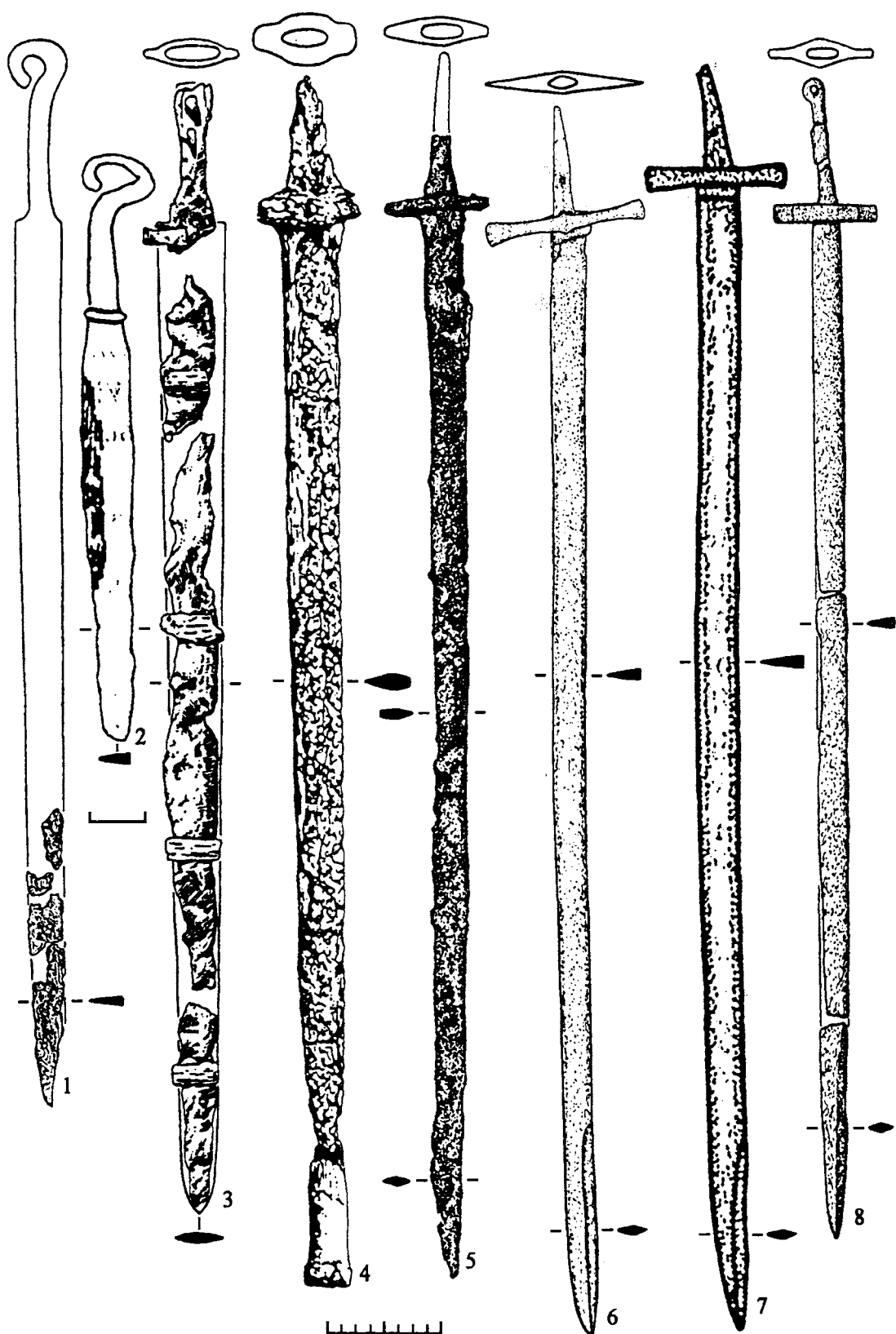

Рис. 50. Мечи и сабли тюркской (1–7) и кыргызской (8) культур:
 1 – Усть-Бийке-III; 2 – Кызыл-Таш; 3 – Кудыргэ; 4 – Кара-Коба-I; 5 – Джолин-I;
 6 – Беш-Озек; 7 – Балтарган; 8 – Яконур

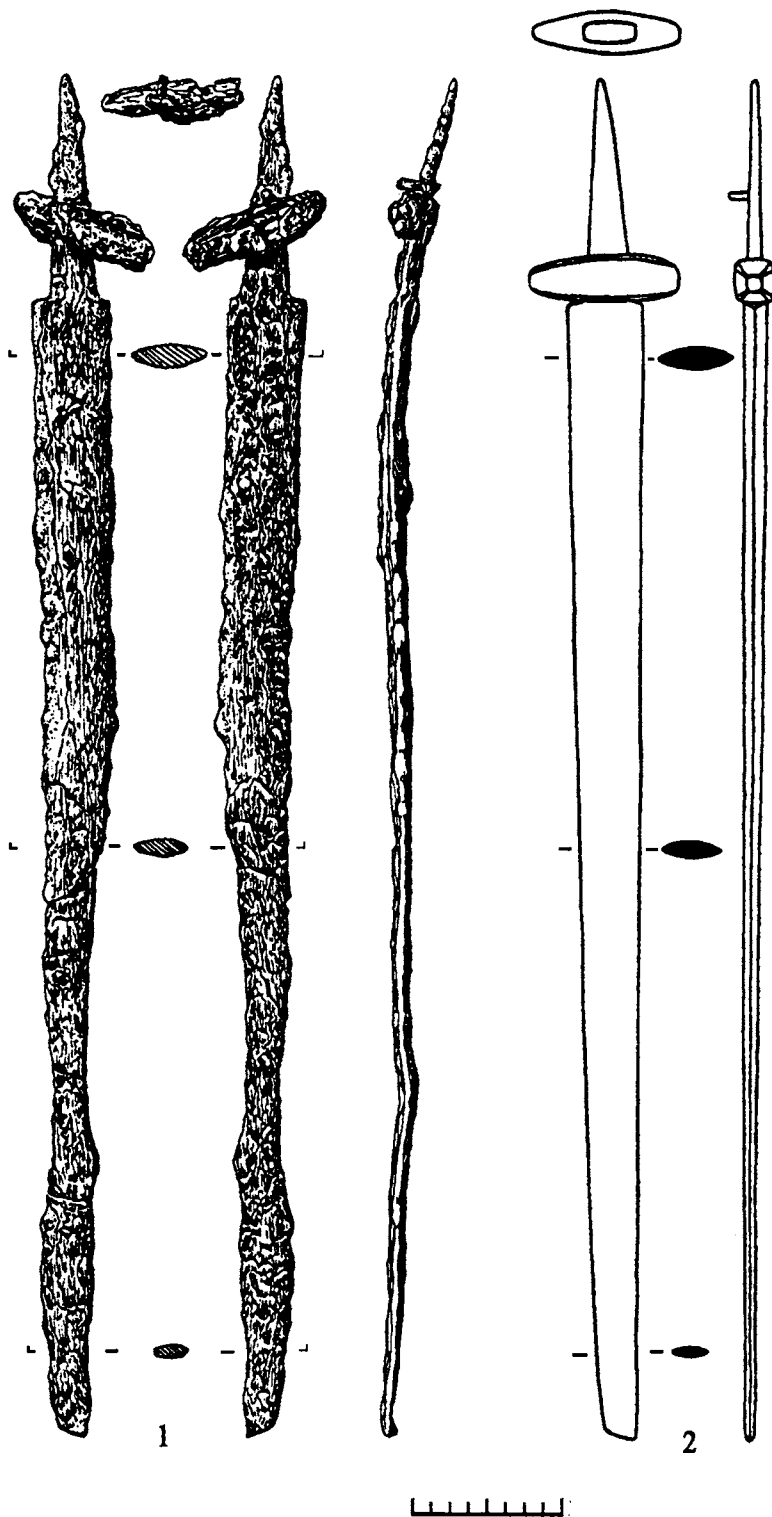

Рис. 51. Меч из памятника Иня-1: 1 – археологический вид; 2 – реконструированный вид

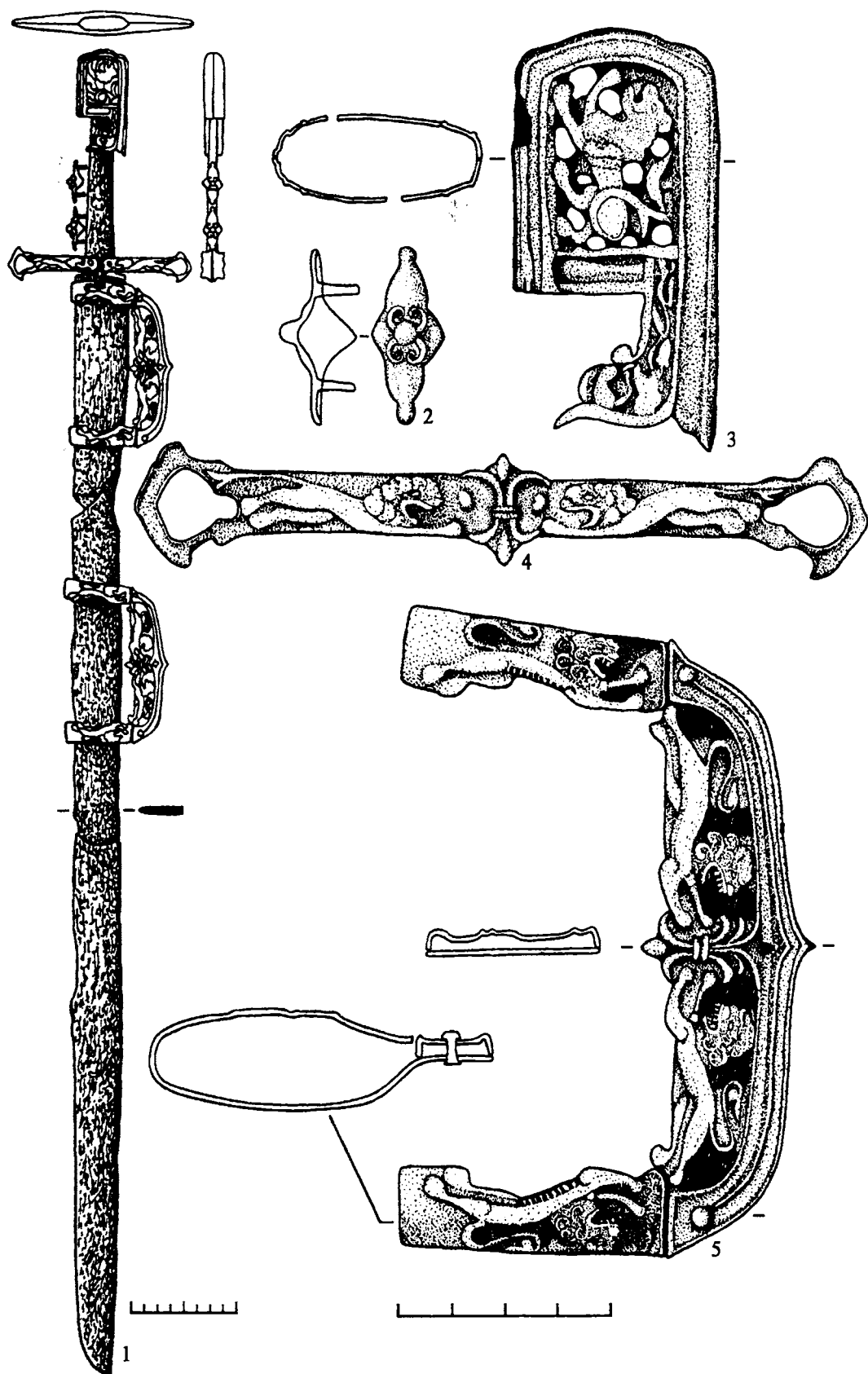

Рис. 52. Меч из памятника Сростки-I, раскопки М.Д. Копытова: 1 – общий вид; 2 – бляха-накладка на рукоять; 3 – навершие; 4 – перекрестие; 5 – обойма-скоба от ножен

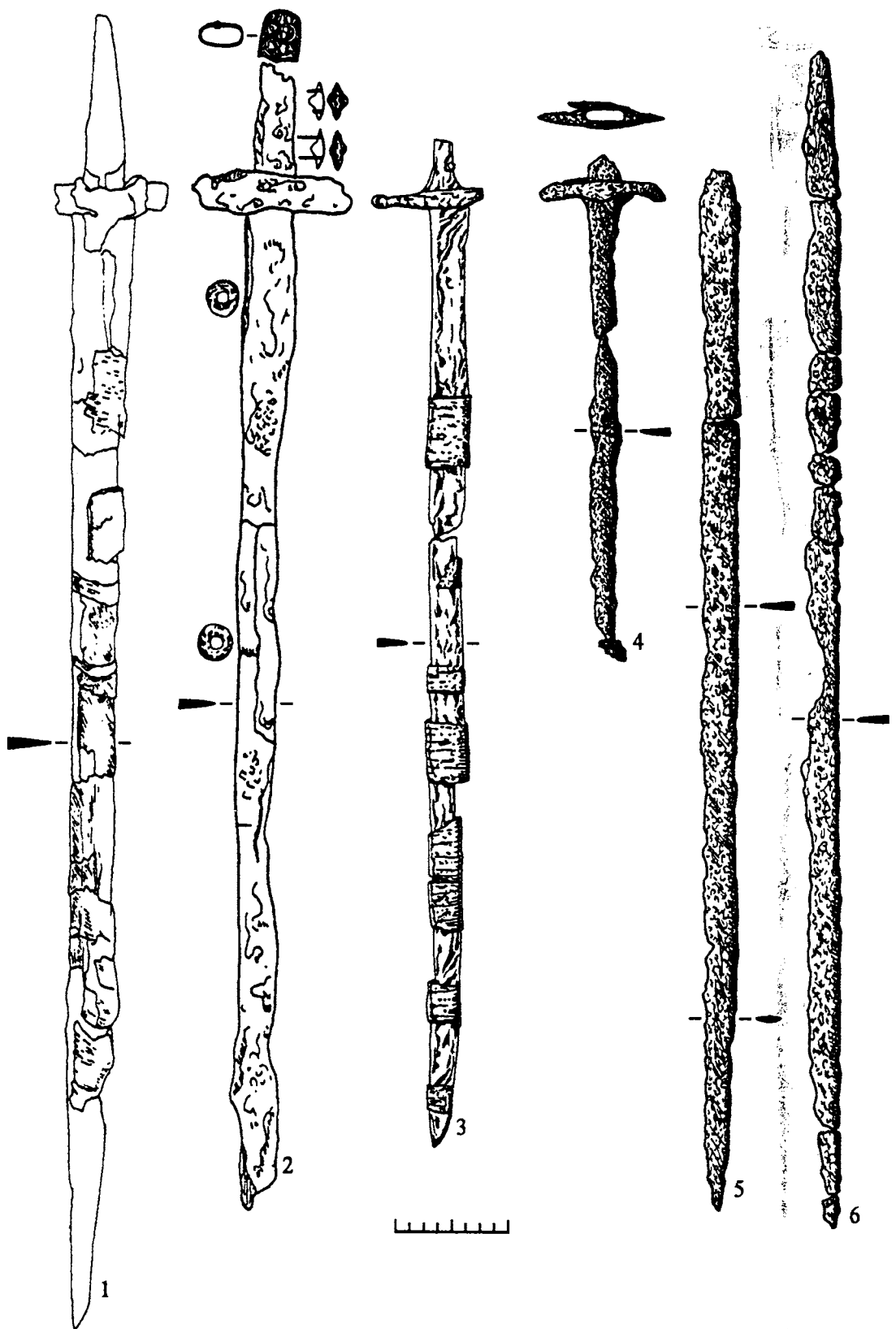

Рис. 53. Мечи из памятника Сростки-I:

1 – курган №2, раскопки С.М. Сергеева; 2 – курган №2, раскопки М.Н. Комаровой;
3 – курган №4, раскопки М.Н. Комаровой; 4–6 – раскопки М.Д. Копытова

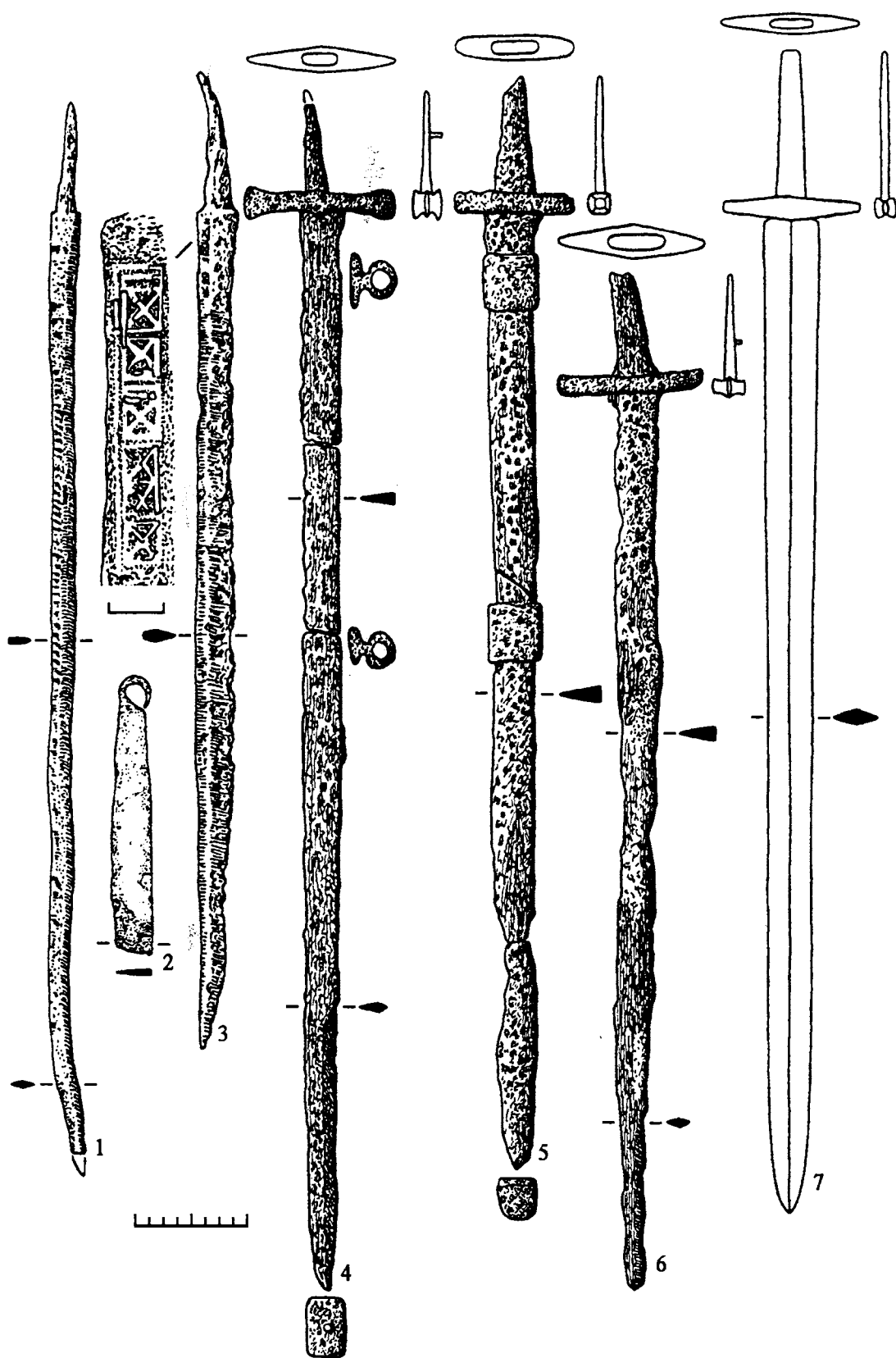

Рис. 54. Мечи сrostкинской культуры: 1, 3 – Усть-Калманский район; 2 – Гилево-I; 4 – Ивановка-III; 5 – Гилево-V; 6-7 – Гилево-VII; 7 – реконструированный вид

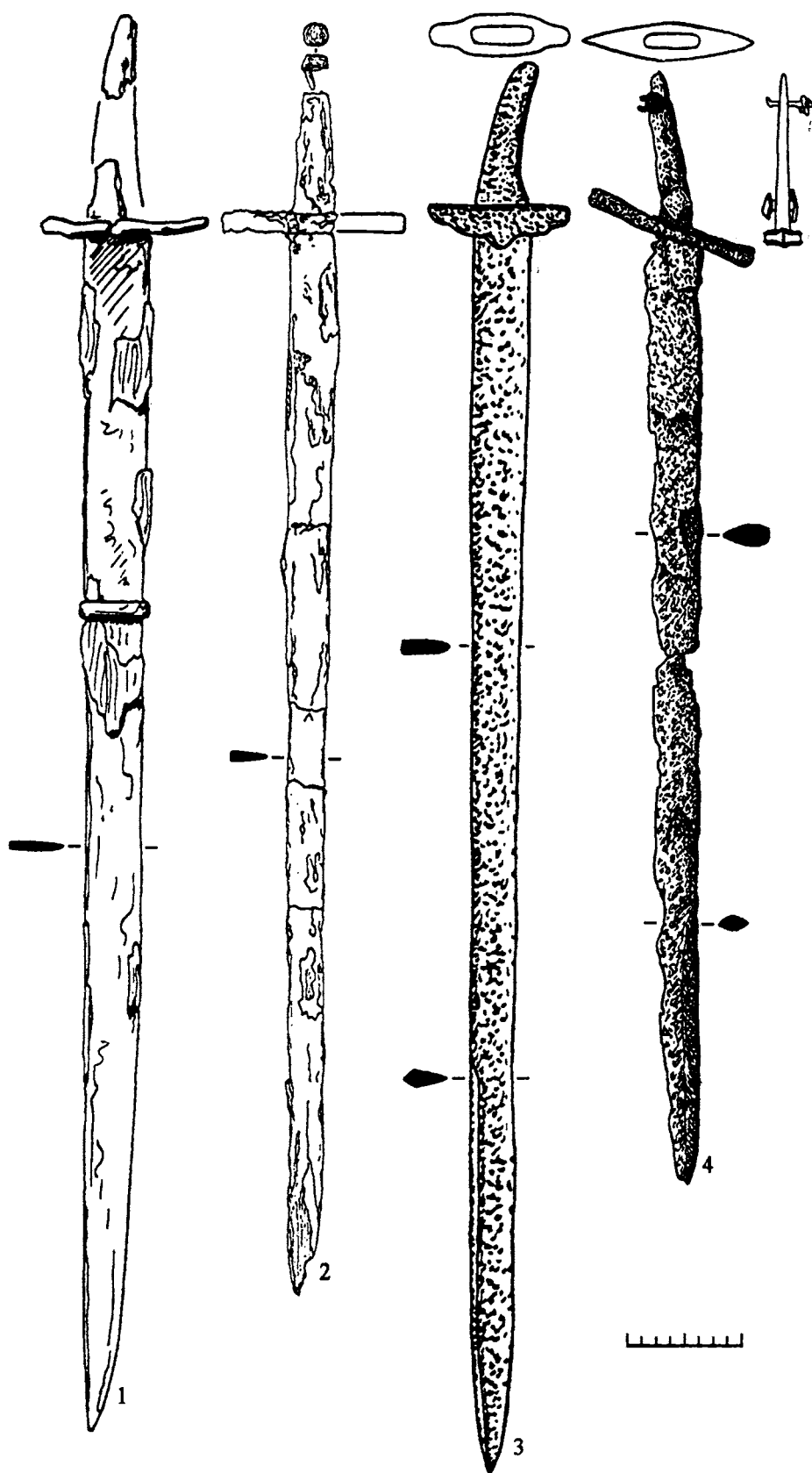

Рис. 55. Мечи сrostкинской культуры: 1 – Ближние Елбаны-VIII;
2 – Грязново-II; 3 – Шадринцево-1; 4 – Дмитротитово

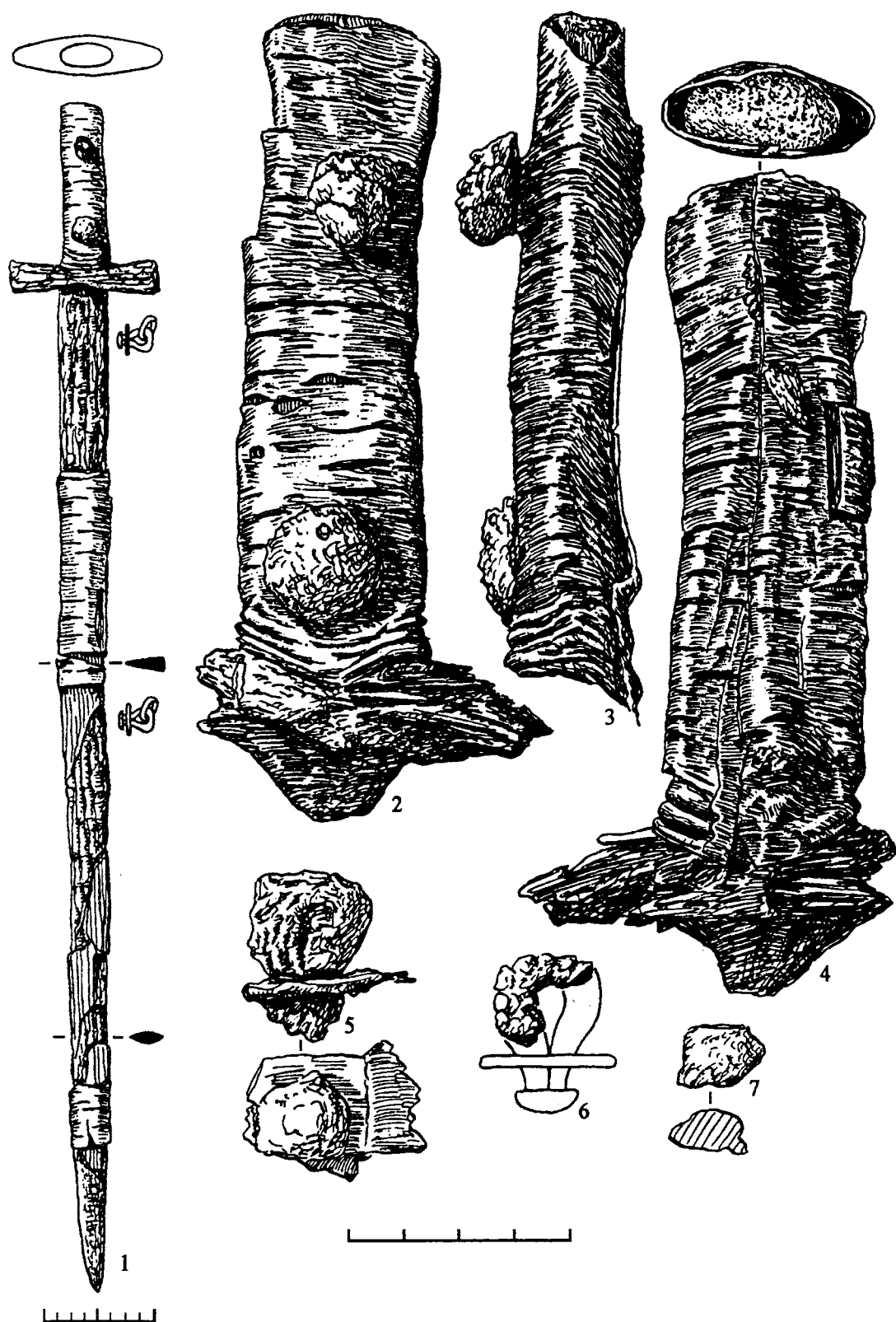

Рис. 56. Меч из памятника Прудской: 1 – общий вид; 2–4 – рукоять; 5–7 – скобы-кольца и обойма от ножен

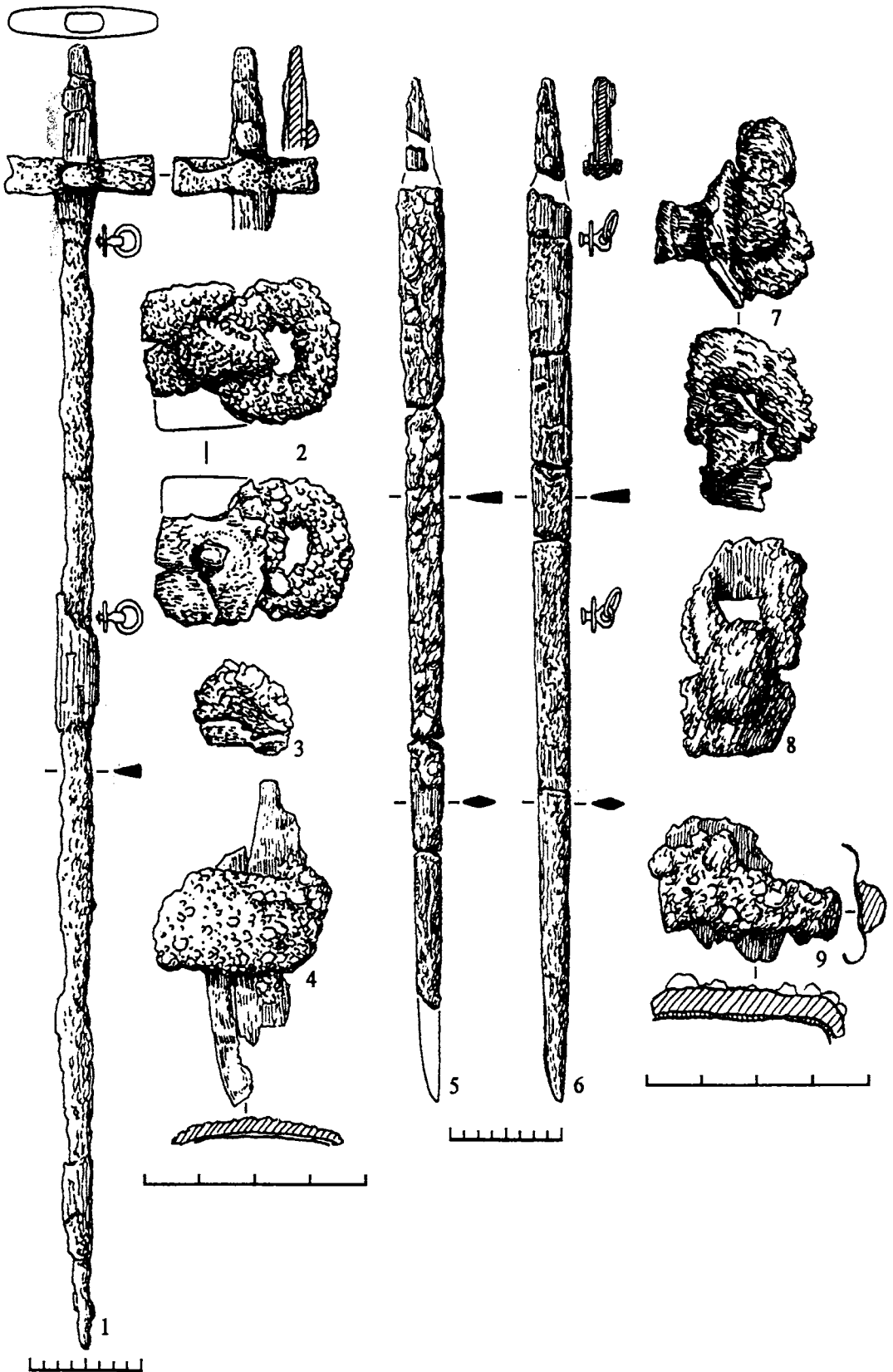

Рис. 57. Мечи сrostкинской культуры: 1–4 – Филин-I; 5–9 – Поповская Дача

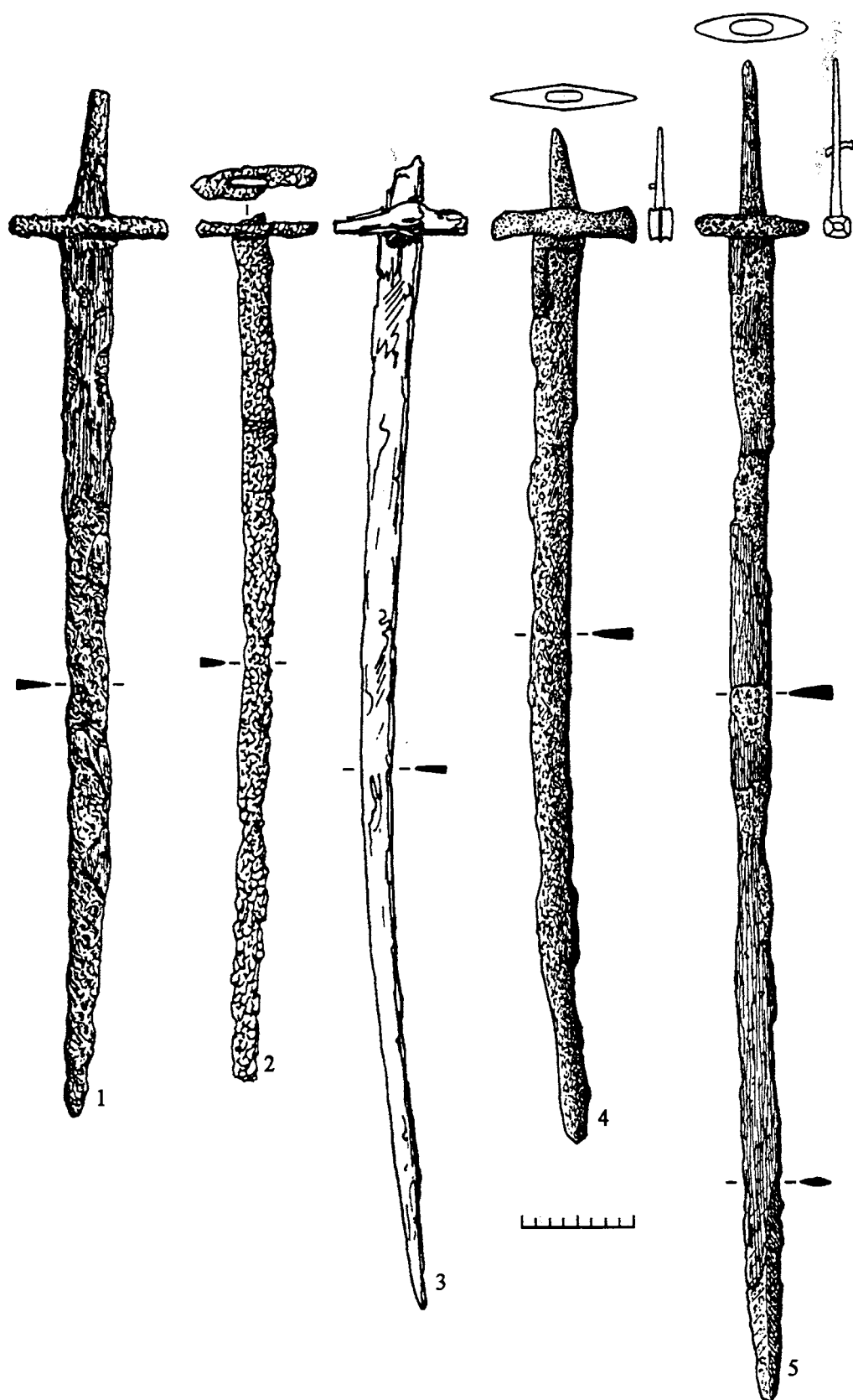

Рис. 58. Сабли сrostкинской культуры: 1 – Корболиха-X; 2 – Чингис-2;
3 – Ближние Елбаны-VIII; 4 – Лесостепной Алтай; 5 – Займище

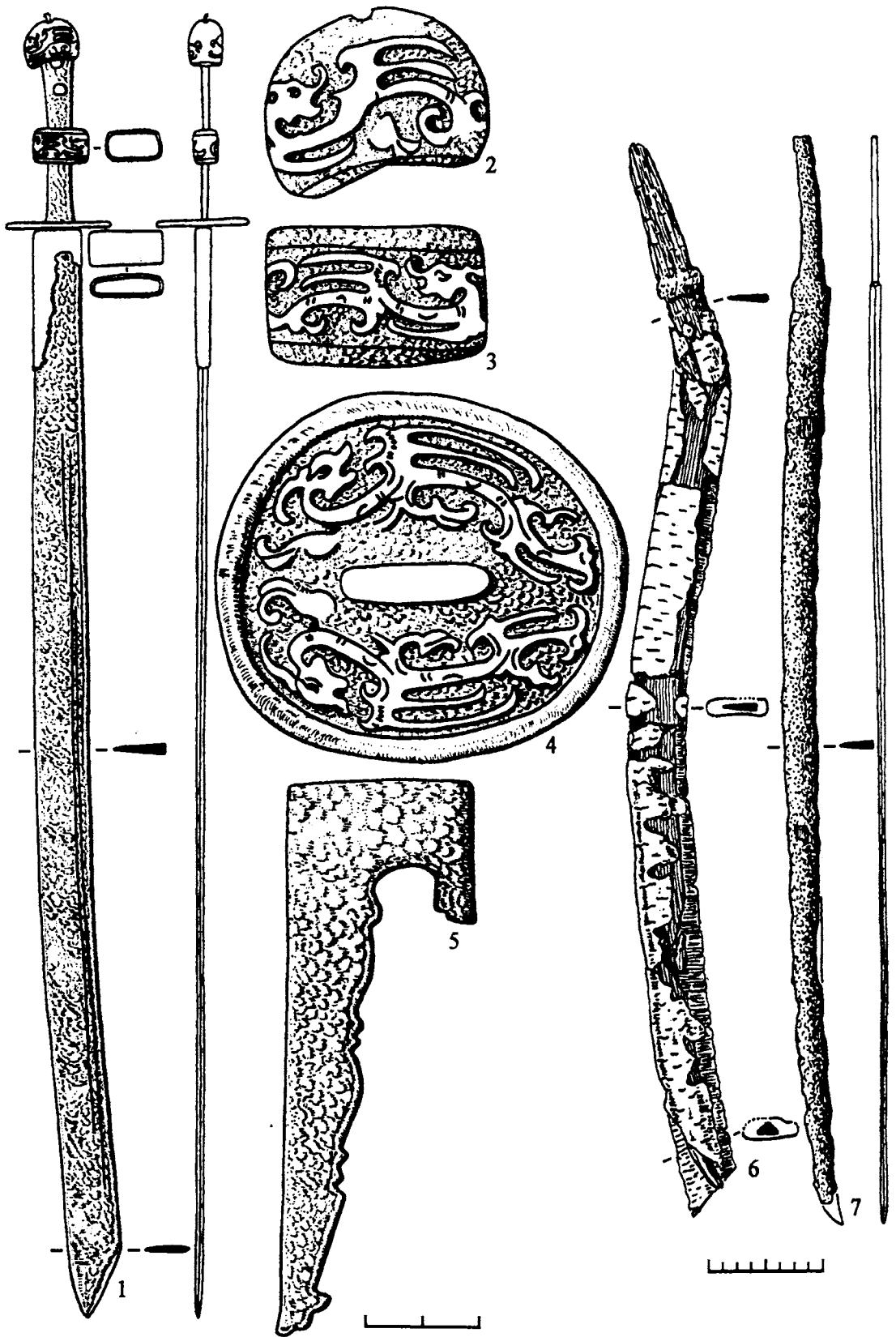

Рис. 59. Сабли Лесостепного (1–6) и Горного (7) Алтая монгольского времени:
1–5 – Кабаково; 6 – Кармацкий; 7 – Горный Алтай

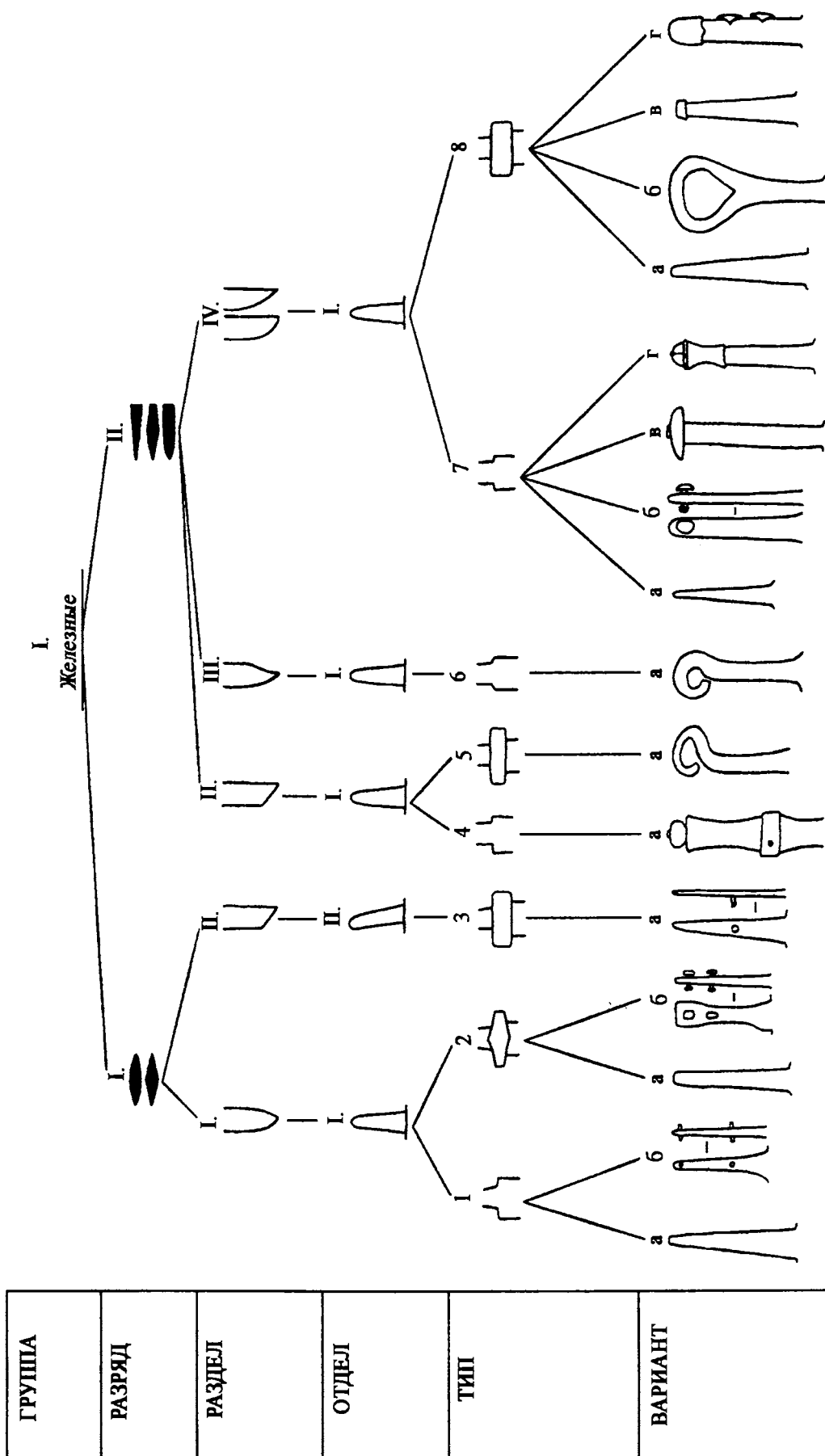

Рис. 60. Классификационная схема мечей

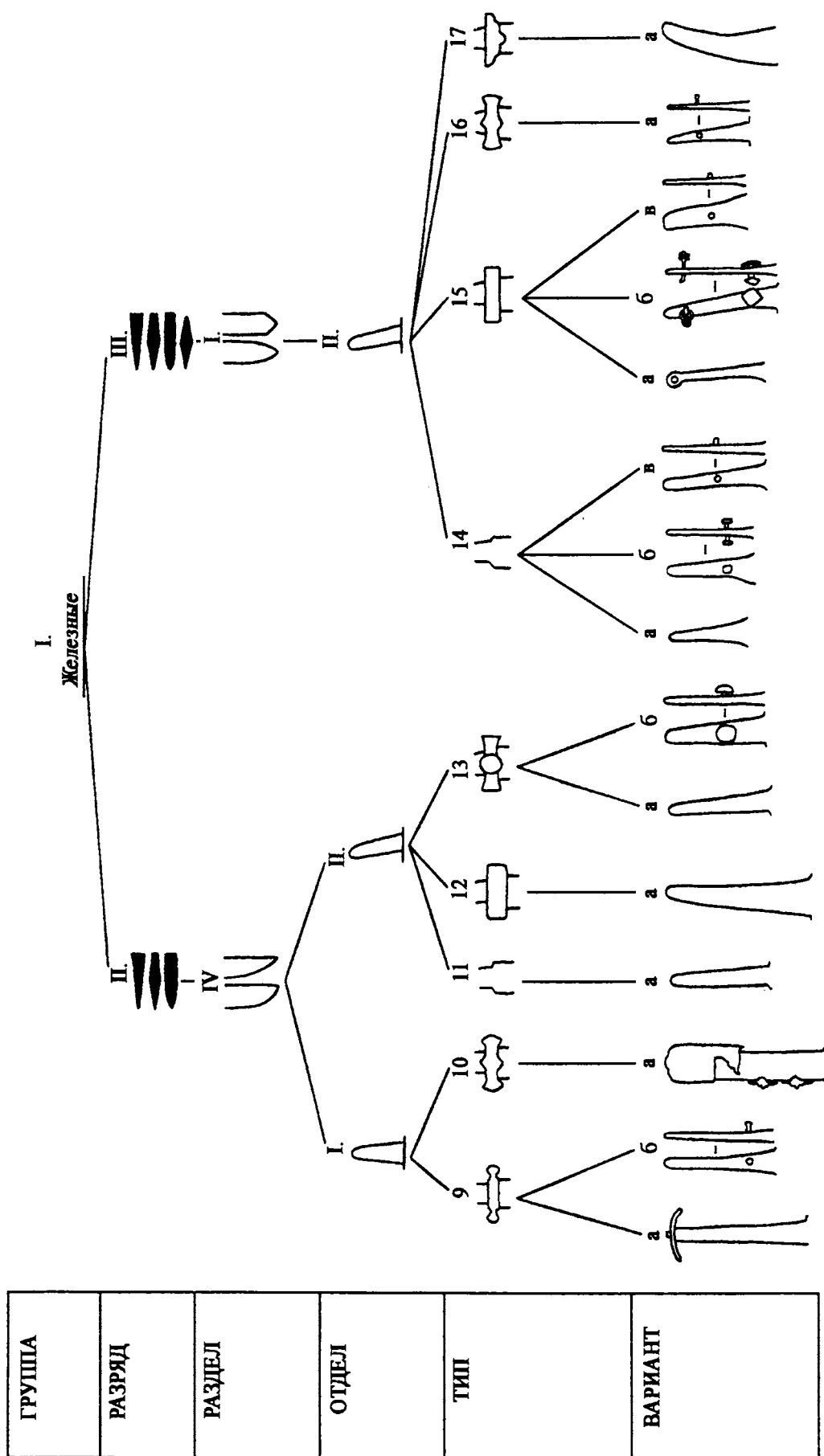

Рис. 60. Классификационная схема мечей (окончание)

ГРУППА	РАЗРЯД	РАЗДЕЛ	ОТДЕЛ	ТИП	ВАРИАНТ
--------	--------	--------	-------	-----	---------

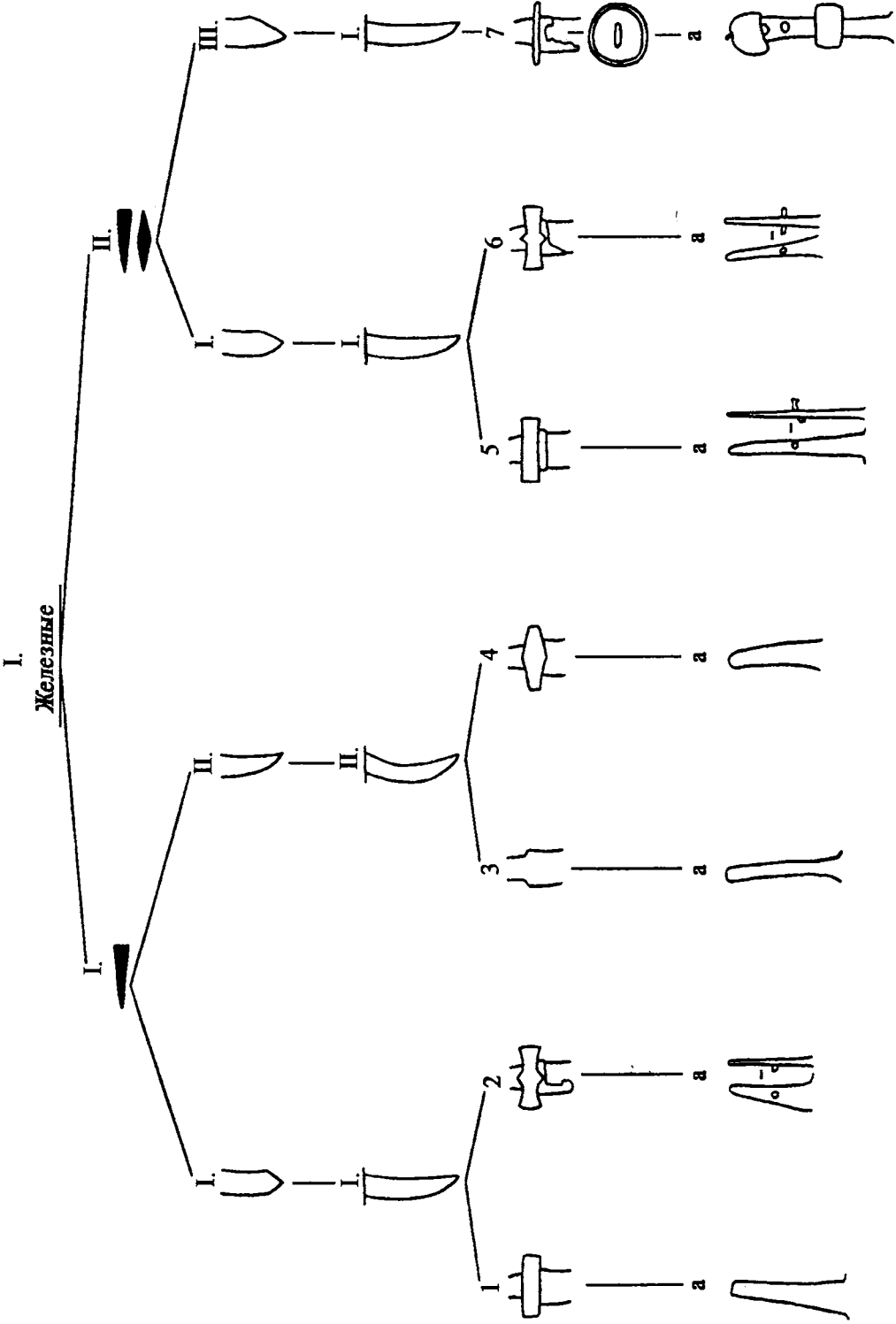

Рис. 61. Классификационная схема сабель

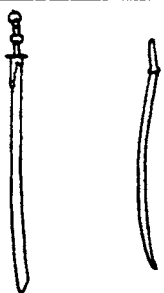
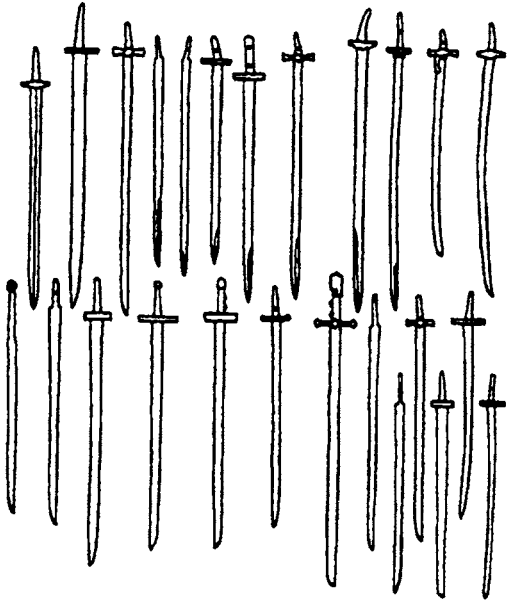
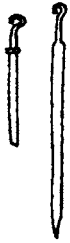
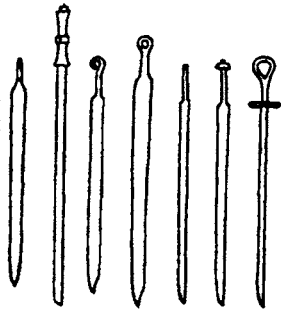
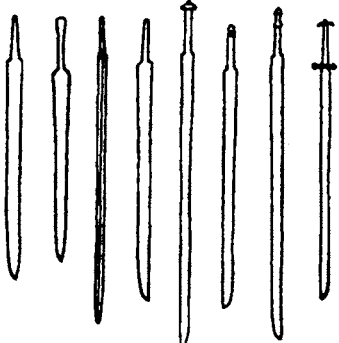
ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X	 	
IX		
VIII		
VII		
VI		
V		
IV		
III		

Рис. 62. Типолого-хронологическая схема мечей и сабель

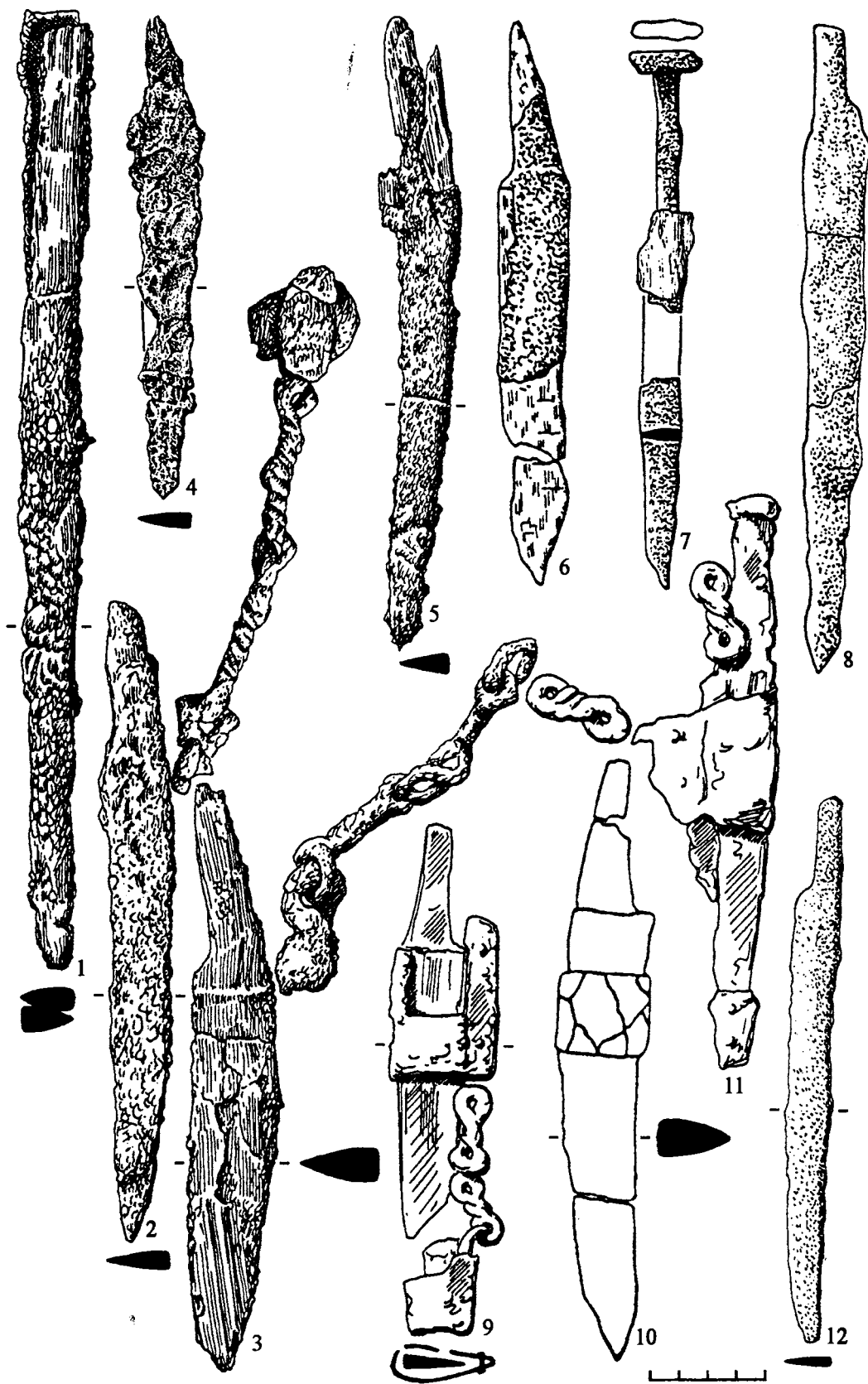

Рис. 63. Боевые ножи булан-кобинской (1–8) и одинцовской (9–12) культур:
 1–3 – Яломан-II; 4 – Усть-Бийке-III; 6–8 – Кок-Паш; 9 – Ближние Елбаны-XII;
 10 – Татарские Могилки; 11 – Ближние Елбаны-XIV; 12 – Троицкий Елбан-I

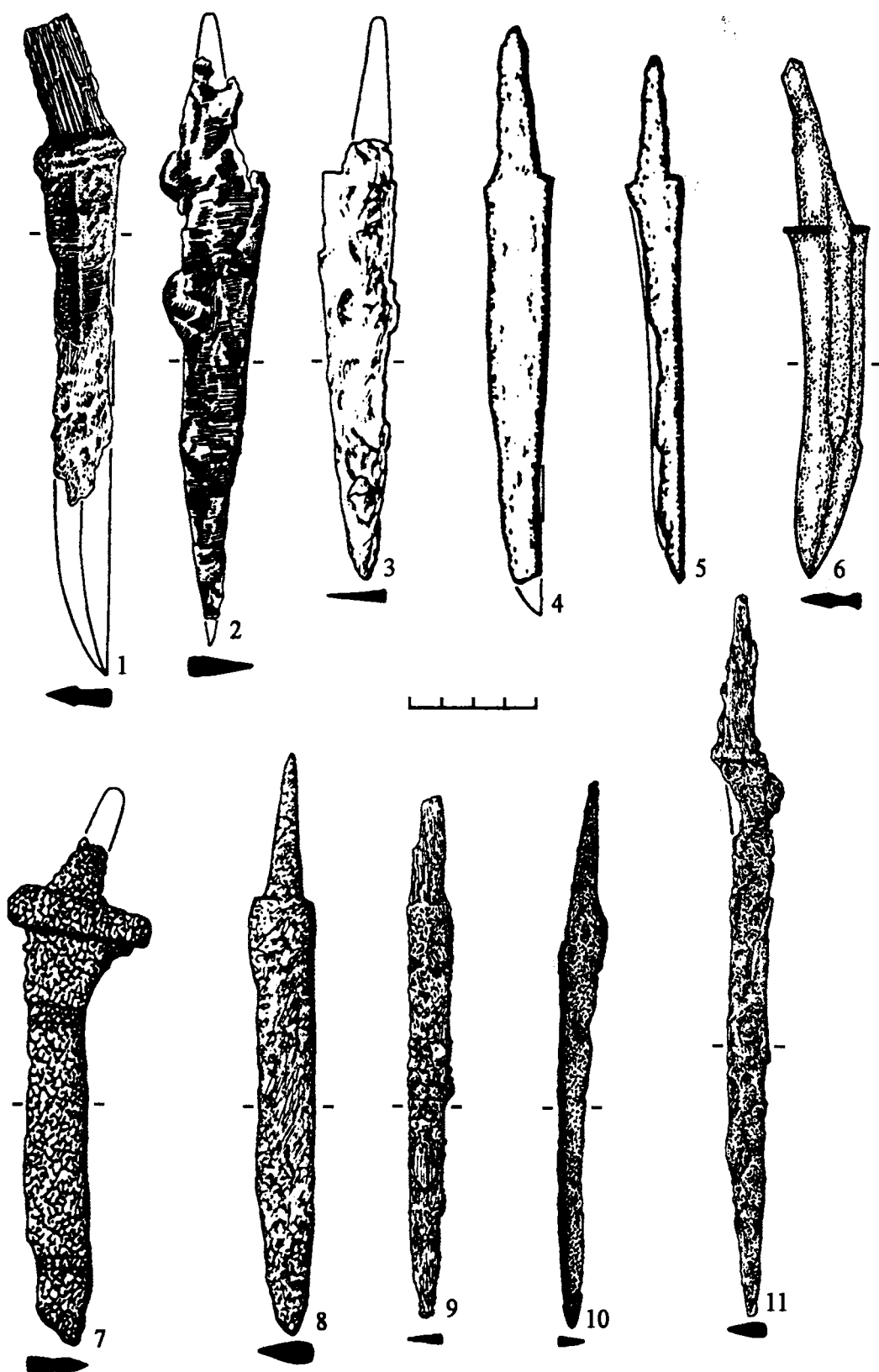

Рис. 64. Боевые ножи Лесостепного (7–10) и Горного (1–6, 11) Алтая эпохи раннего и развитого средневековья: 1 – Яконур; 2 – Кудыргэ; 3 – Джолин-I; 4–5 – Узунтал-I; 6 – Кок-Эдиган; 7 – Чингис-2; 8 – Ивановка-XX; 9 – Кайгородка-V; 10 – Калантырь; 11 – Усть-Бийке-III

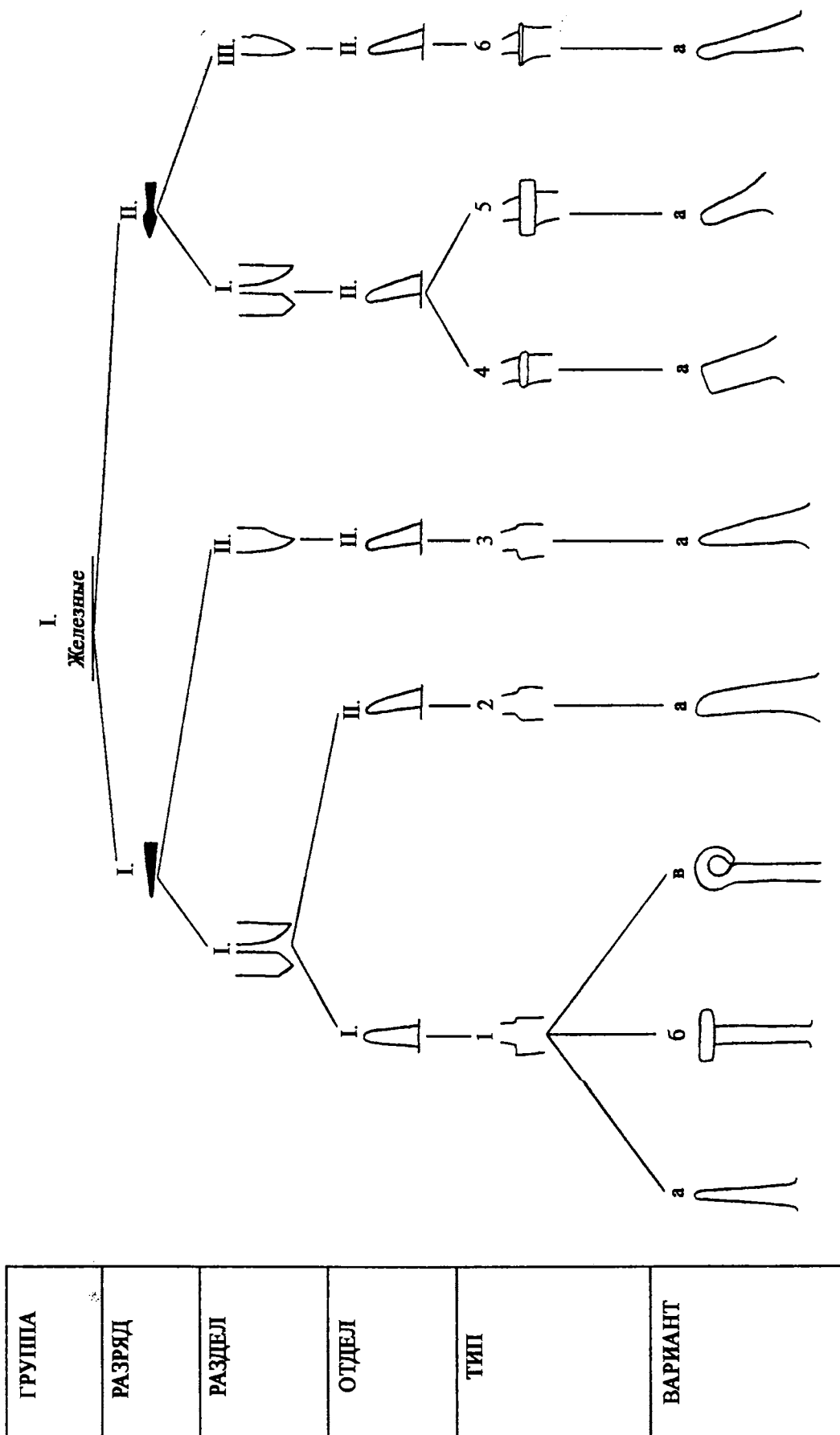

Рис. 65. Классификационная схема боевых ножей

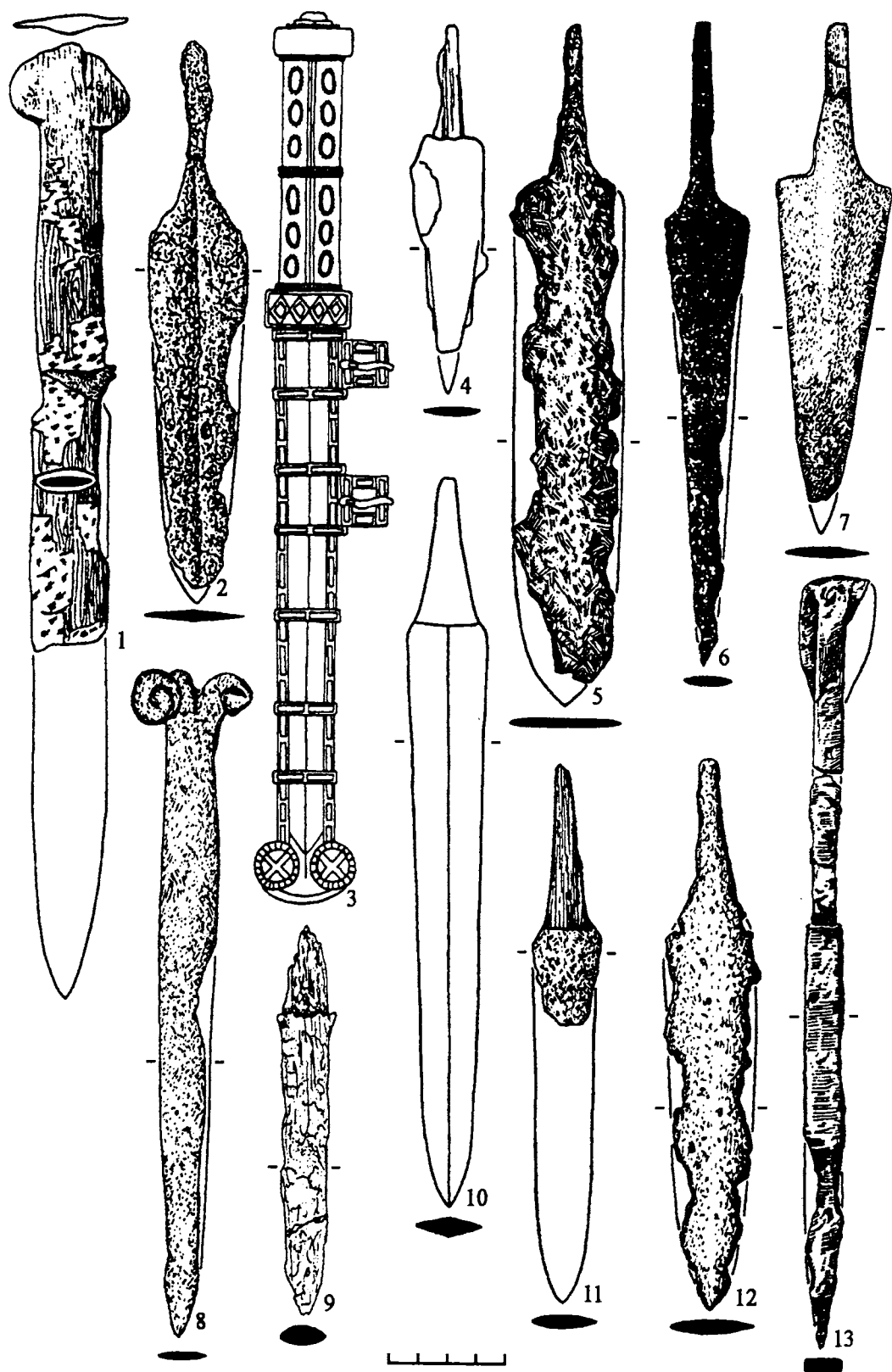

Рис. 66. Кинжалы булан-кобинской (1-2), одинцовской (3), тюркской (4-6), кыргызской (7) и сrostкинской (8-12) культур: 1 – Кок-Паш; 2 – Дялян; 3 – Тугозвново; 4 – Кудыргэ; 5 – Катанда-3; 6 – Курай-III; 7 – Чинета-II; 8, 11 – Ближние Елбаны-VI; 9 – Иня-1; 10 – Гилево-XII; 12 – Змеевка; 13 – Кудыргэ, стилет

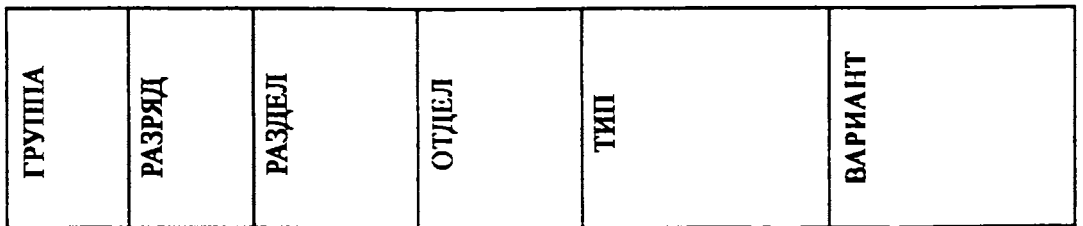

Рис. 67. Классификационная схема кинжалов

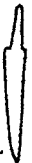
ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X	 	
IX	 	
VIII		
VII	 	
VI		
V	 	
IV		
III		

Рис. 68. Типолого-хронологическая схема боевых ножей и кинжалов

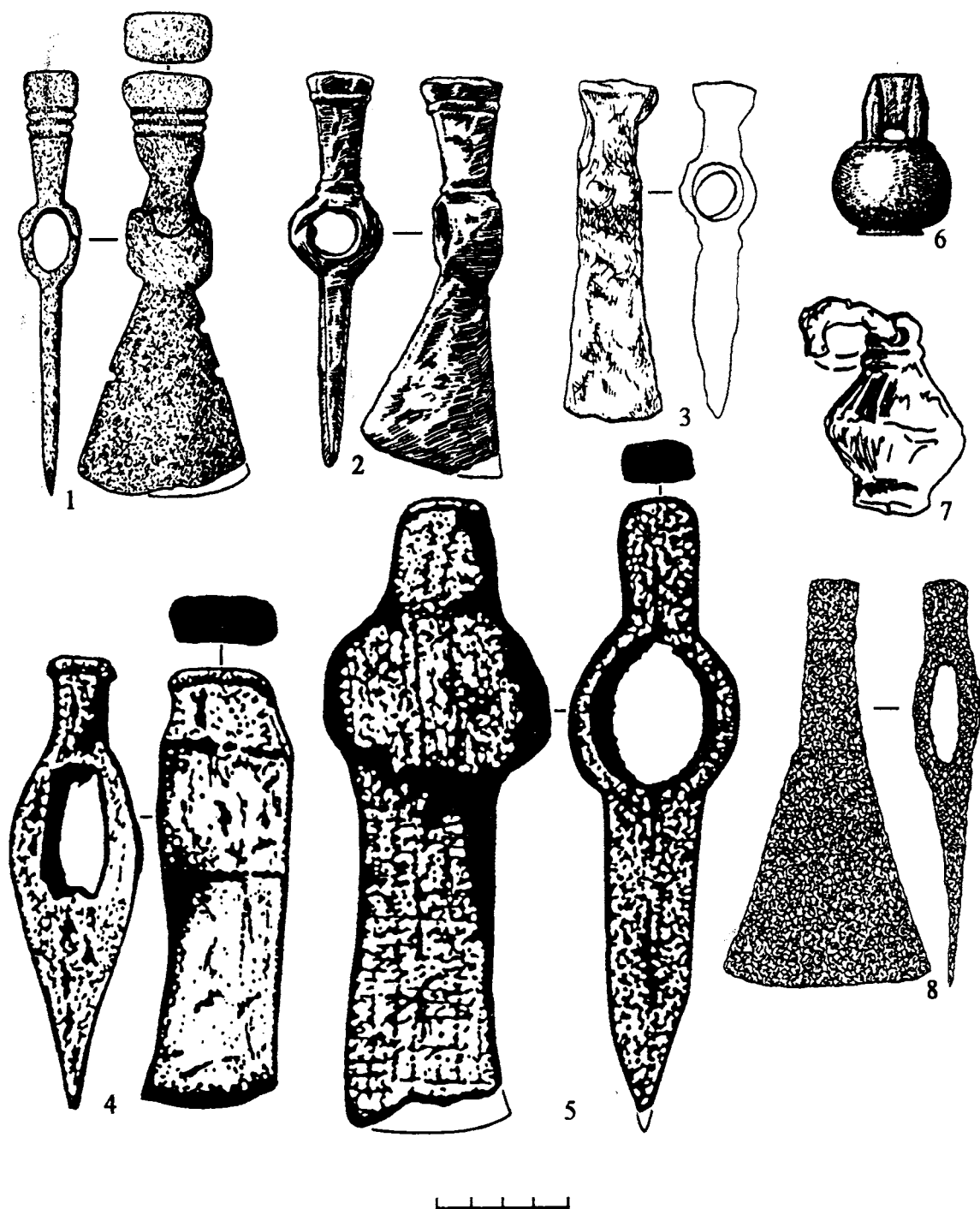

Рис. 69. Боевые топоры и кистени тюркской (1-5) и сроткинской (6-8) культур:
 1 – Узунтал-V; 2 – Катанда-II; 3 – Джолин-I; 4-5 – Отокту-Оозы; 6 – Гилево-VII;
 7 – Ближние Елбаны-VIII; 8 – Кашкарагаиха-I

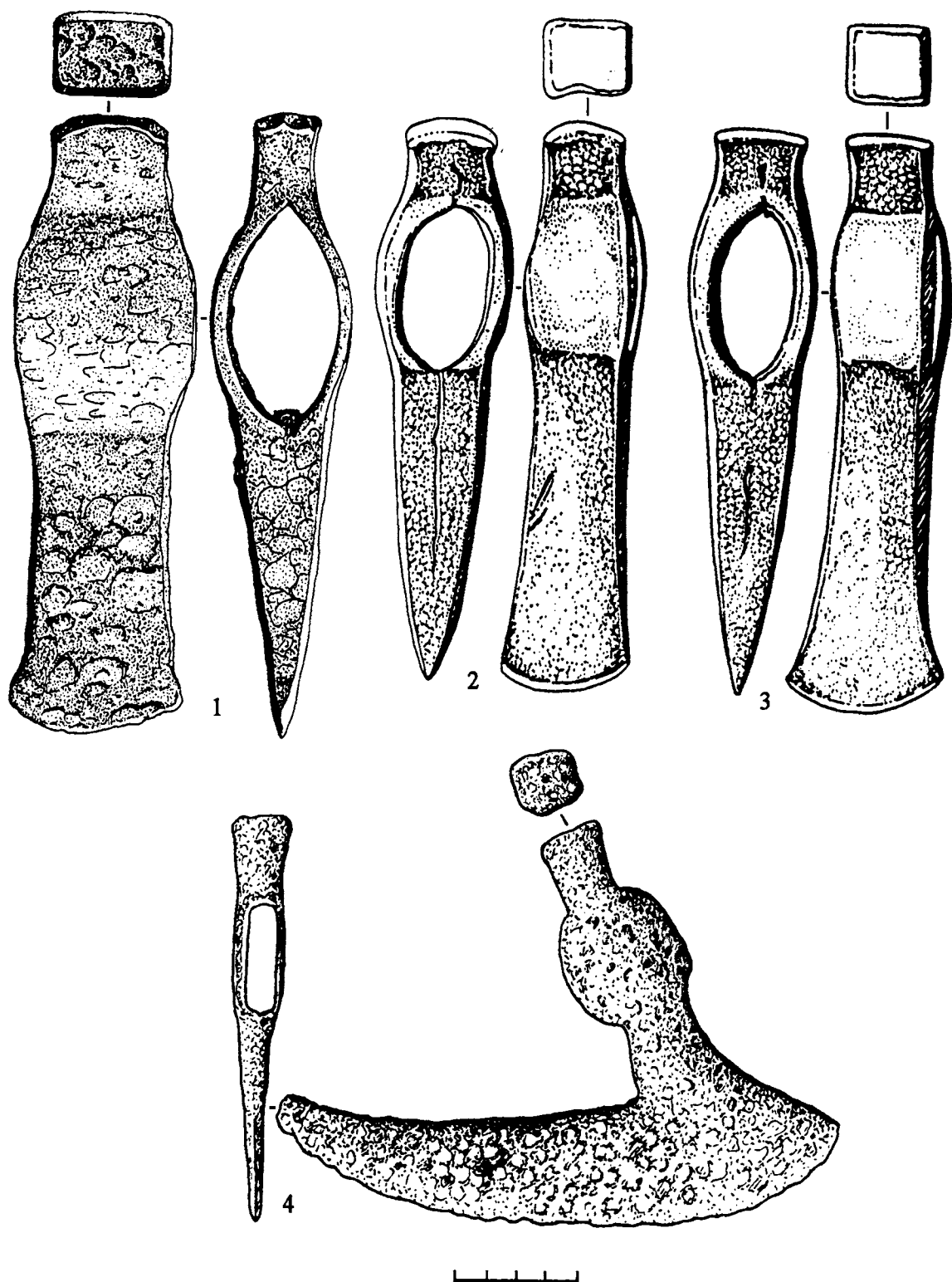

Рис. 70. Боевые топоры тюркской (1–3) и кармацкой (4) культур:
1 – Нижне-Тыткескенская Пещера-I; 2–3 – Чобурак-1; 4 – Акимовка

ГРУППА	РАЗРЯД	РАЗДЕЛ	ОТДЕЛ	ТИП	ВАРИАНТ
--------	--------	--------	-------	-----	---------

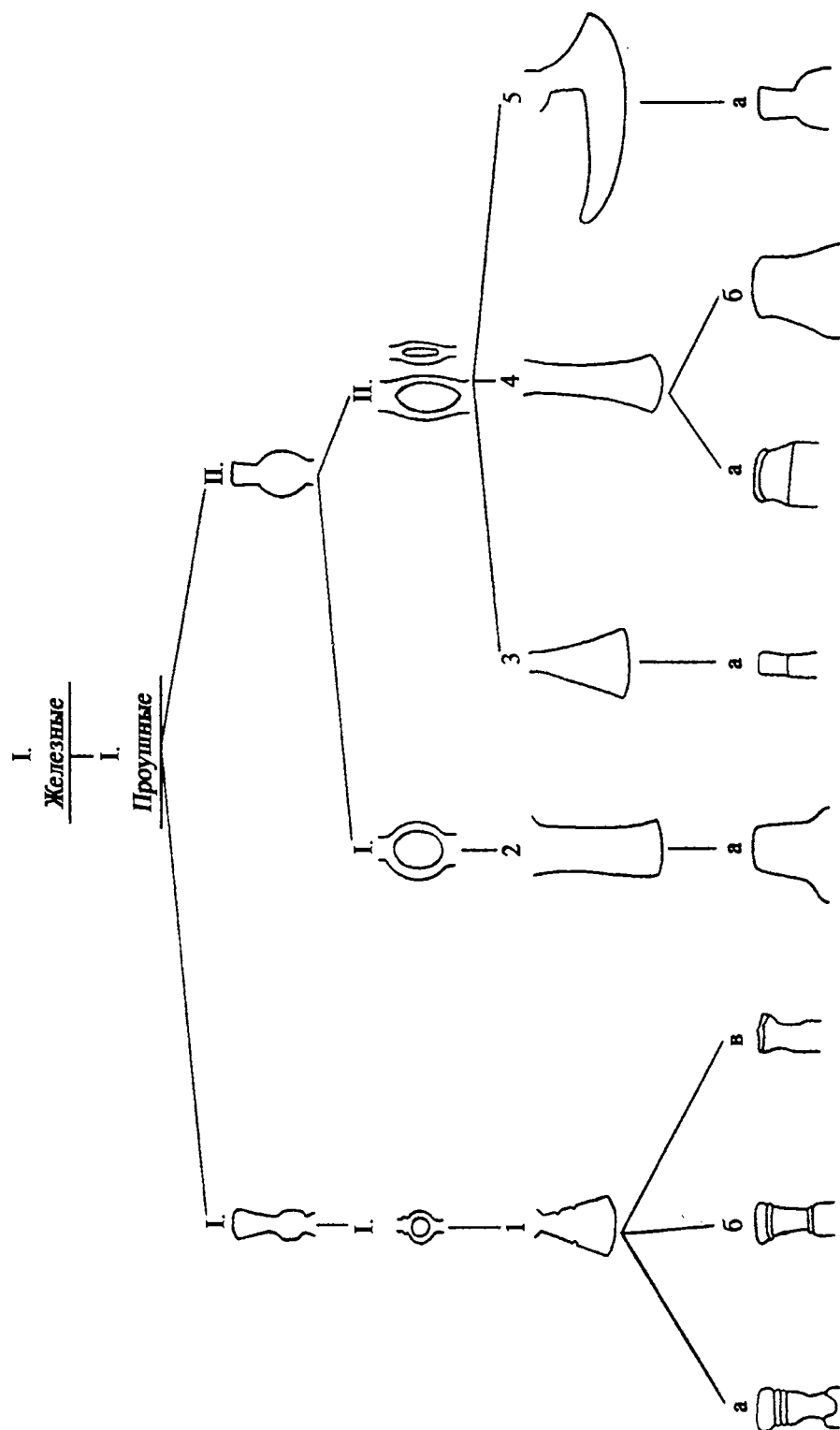

Рис. 71. Классификационная схема боевых топоров

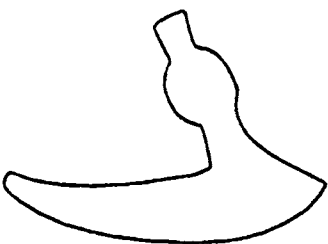
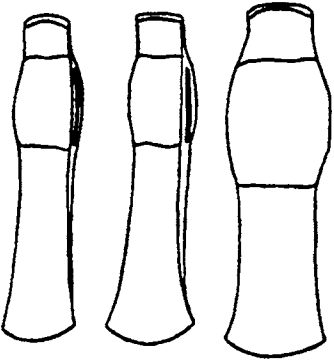
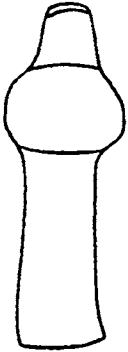
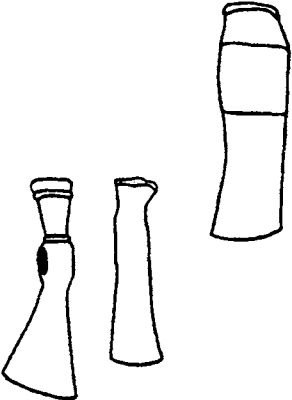
ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X		
IX		
VIII		
VII		

Рис. 72. Типолого-хронологическая схема боевых топоров

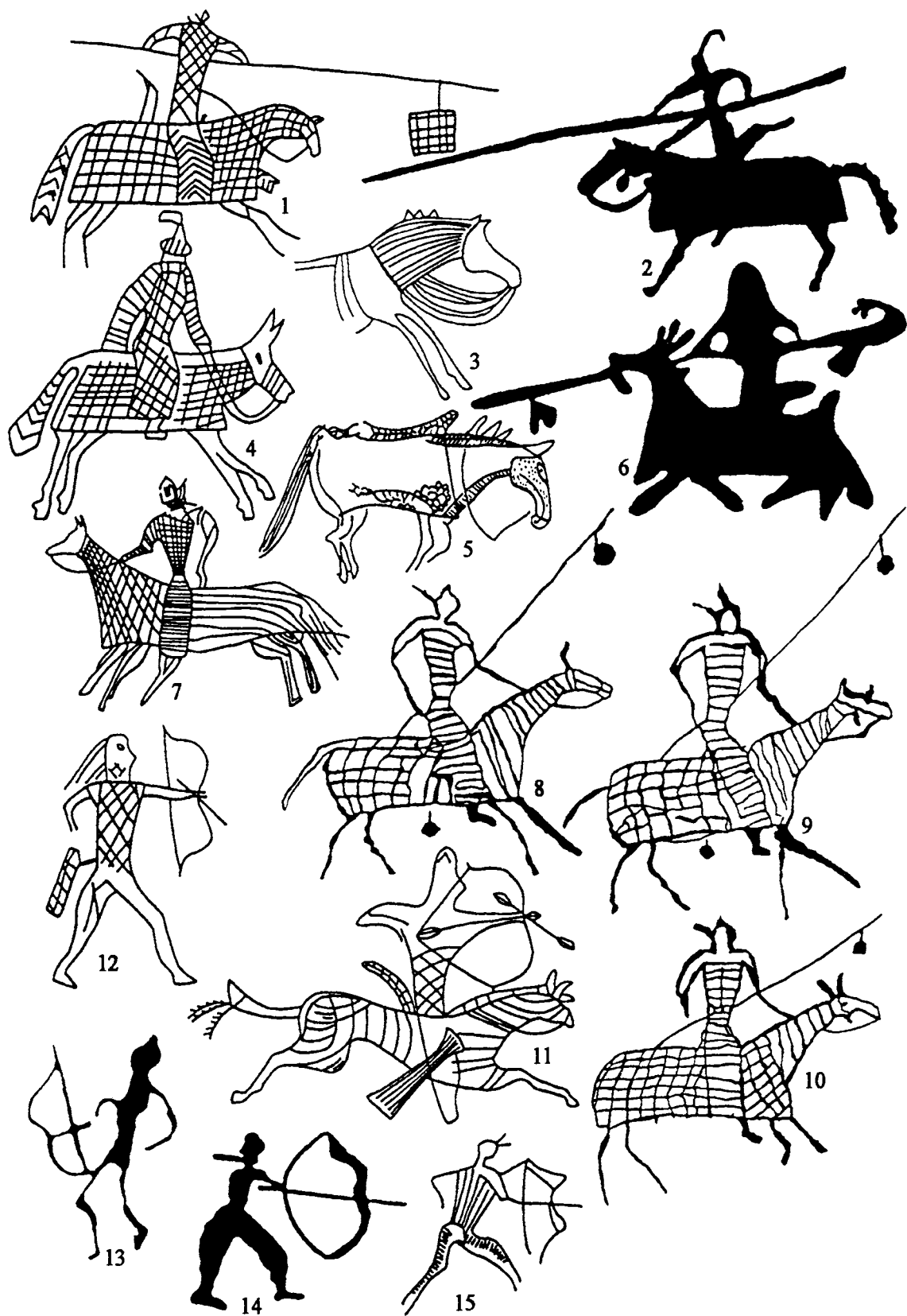

Рис. 73. Изображения тюркских воинов и боевых коней. Горный Алтай:
1, 4, 11, 12 – Жалгыс-Тобе; 3 – Шалкобы; 5 – Кудыргэ; 7, 15 – Кара-Оюк.
Монгольский Алтай: 2, 14 – Шивээт-Хайрхан; 6 – Цагаан; 8–10, 13 – Хар-Хад

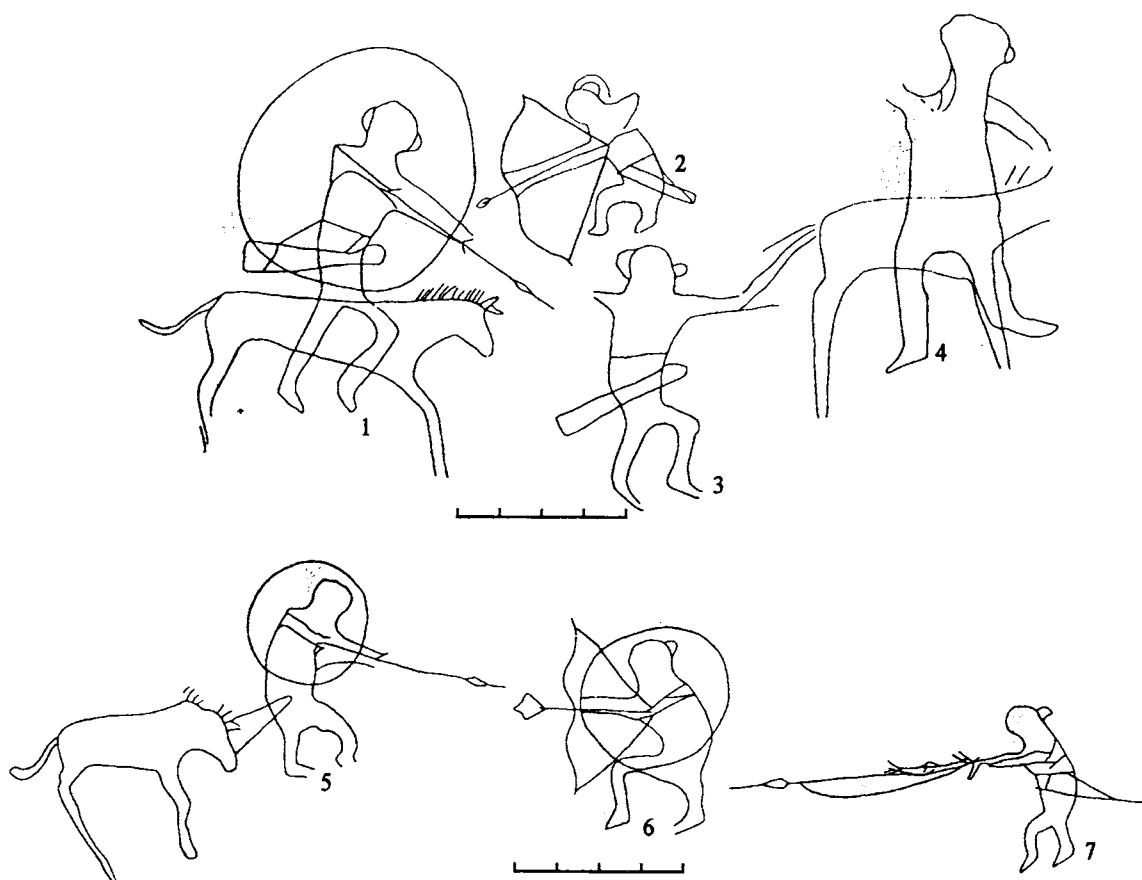

Рис. 74. Изображения воинов Горного Алтая монгольского времени. Адыр-Кан
(прорисовка автора)

2-я пол. IV – 1-я пол. V вв.

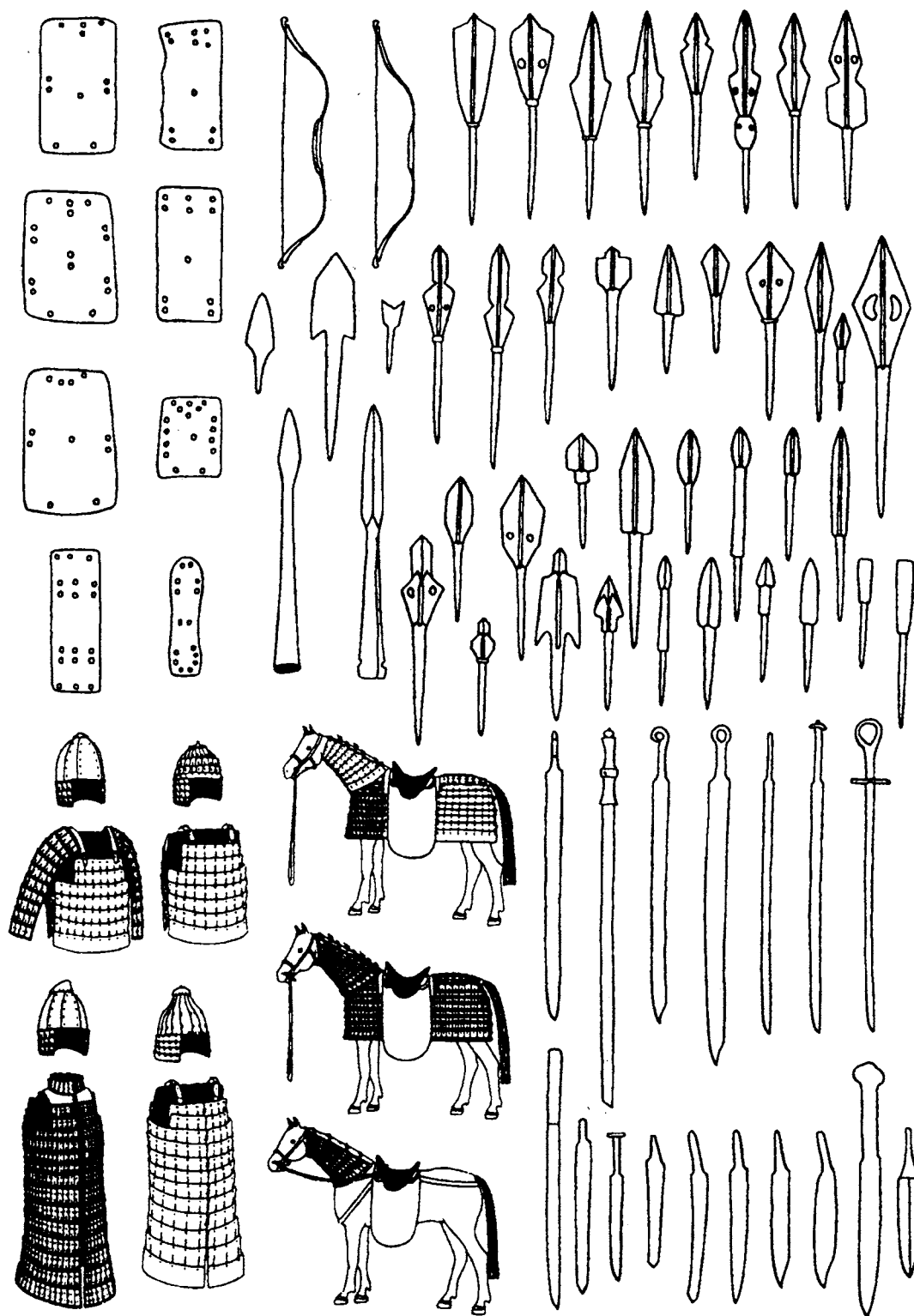

Рис. 75. Комплекс вооружения булан-кобинской культуры (поздний этап)

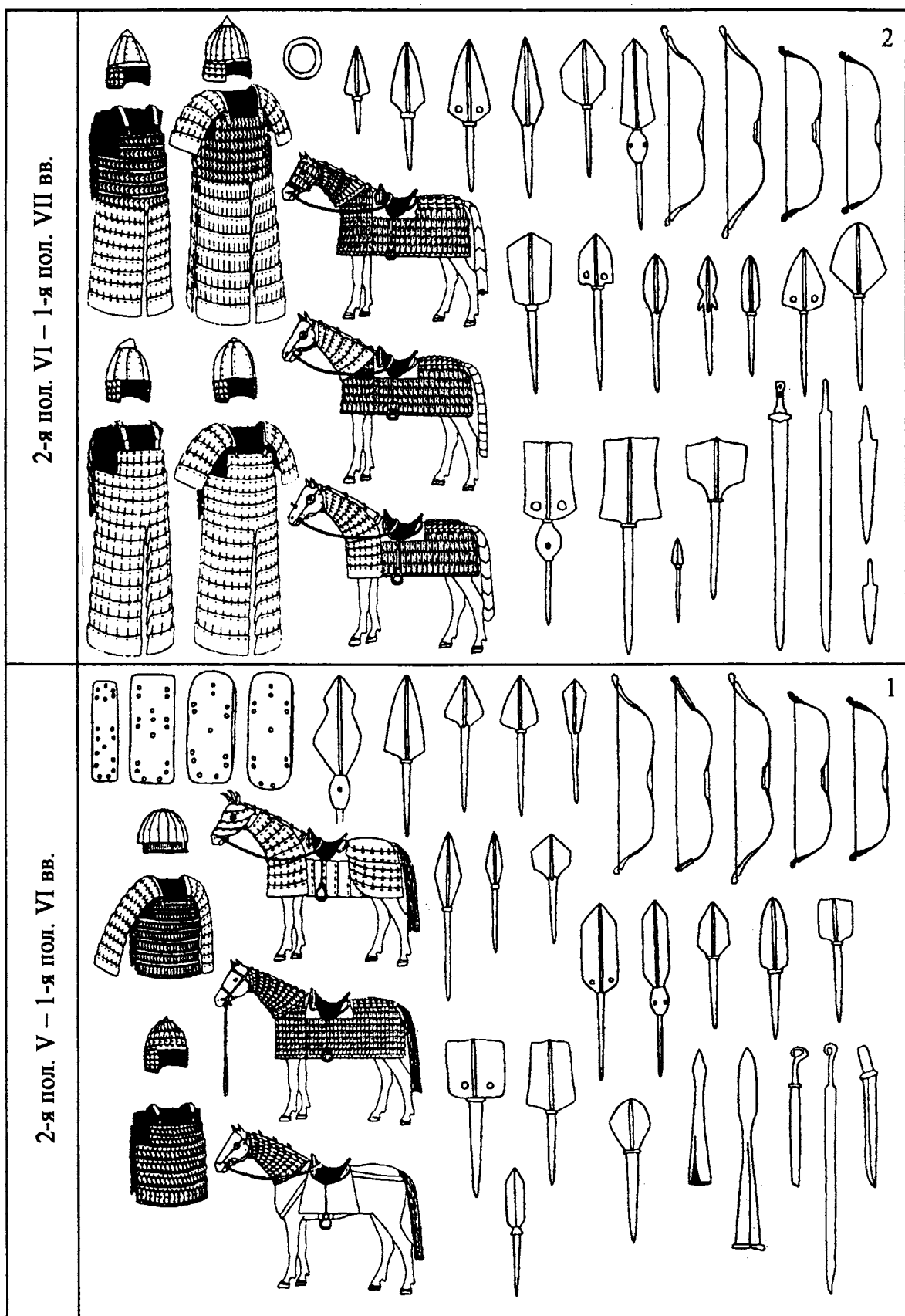

Рис. 77. Комплекс вооружения тюркской культуры

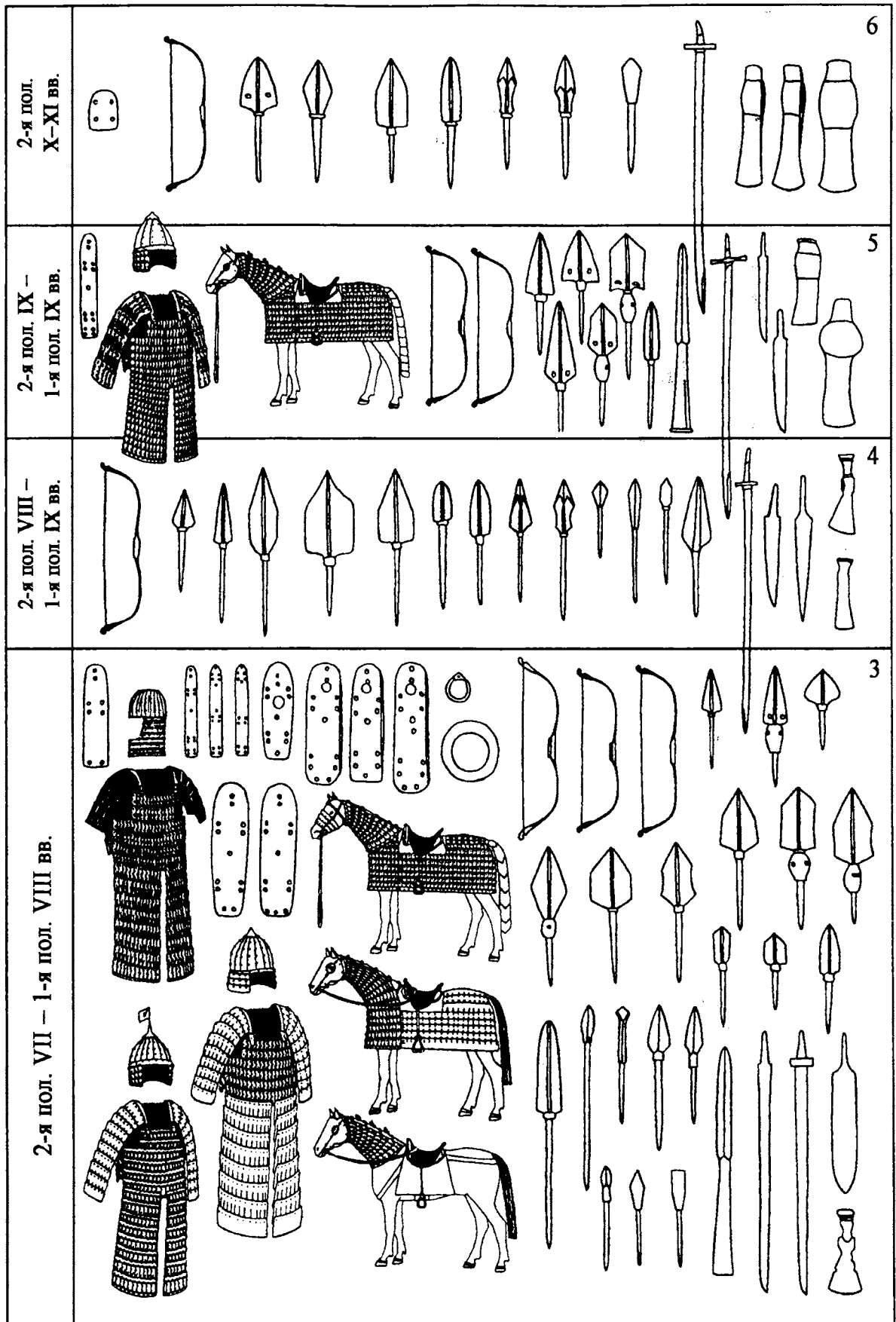

Рис. 77. Комплекс вооружения тюркской культуры (окончание)

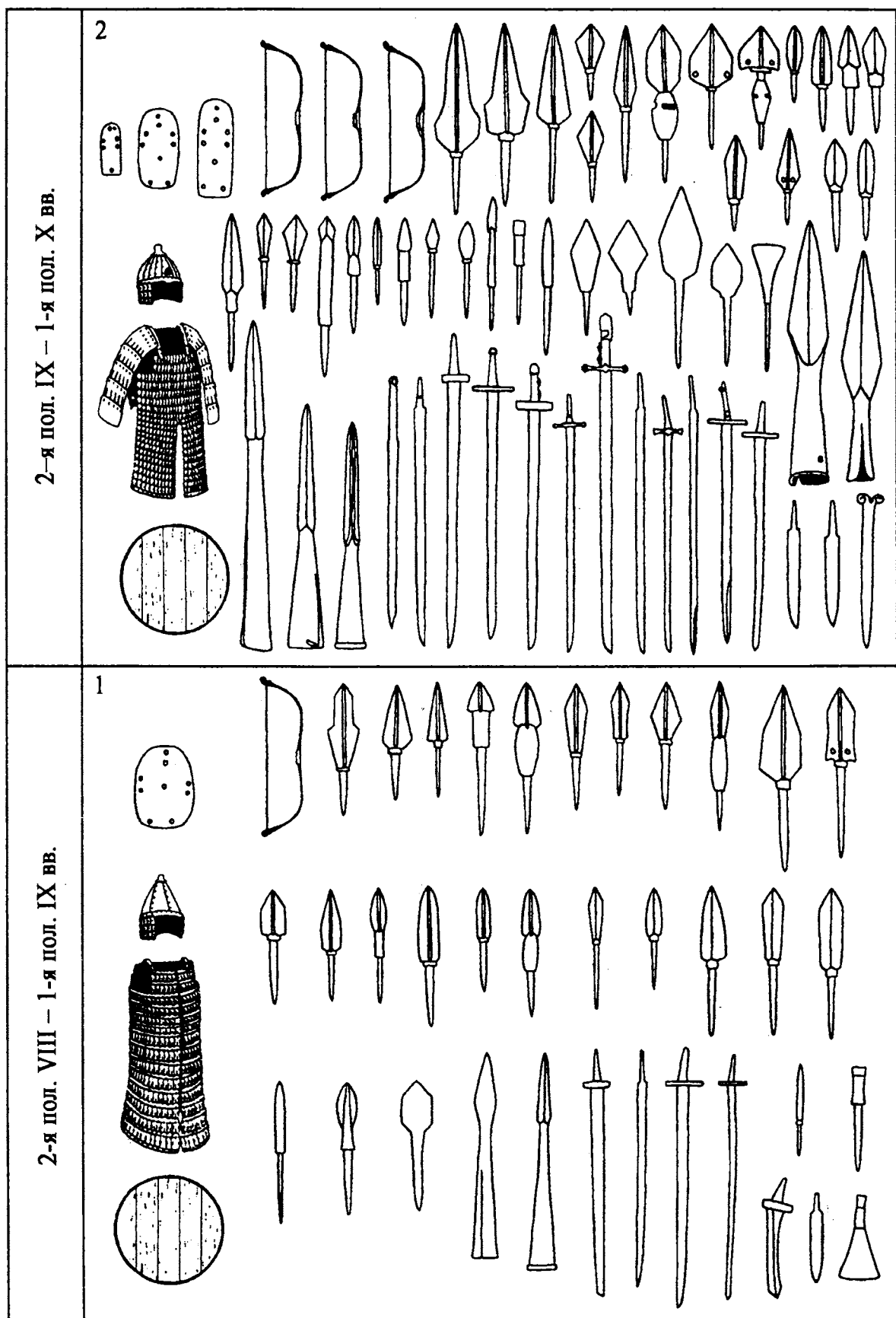

Рис. 78. Комплекс вооружения сrostкинской культуры

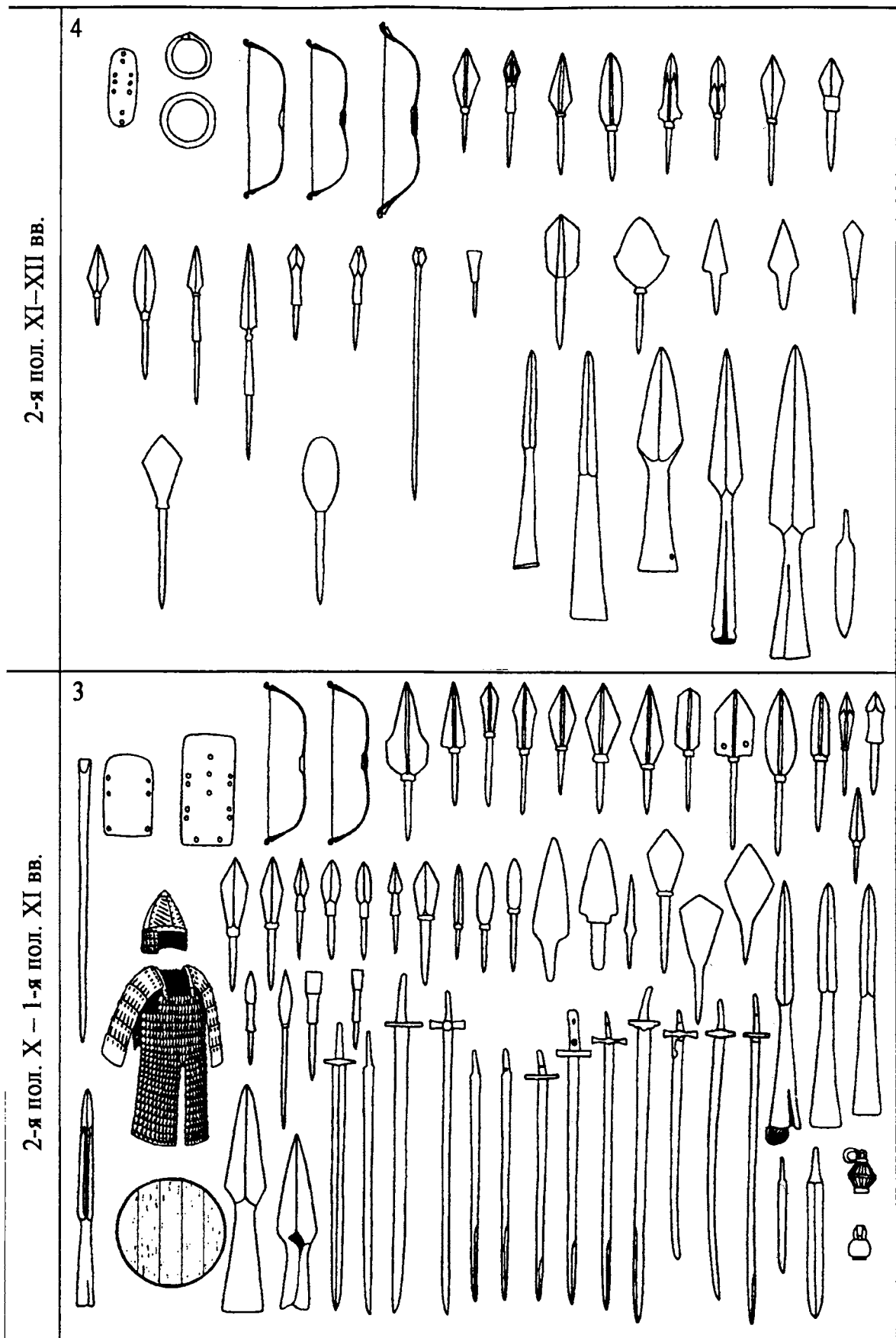

Рис. 78. Комплекс вооружения сrostкинской культуры (окончание)

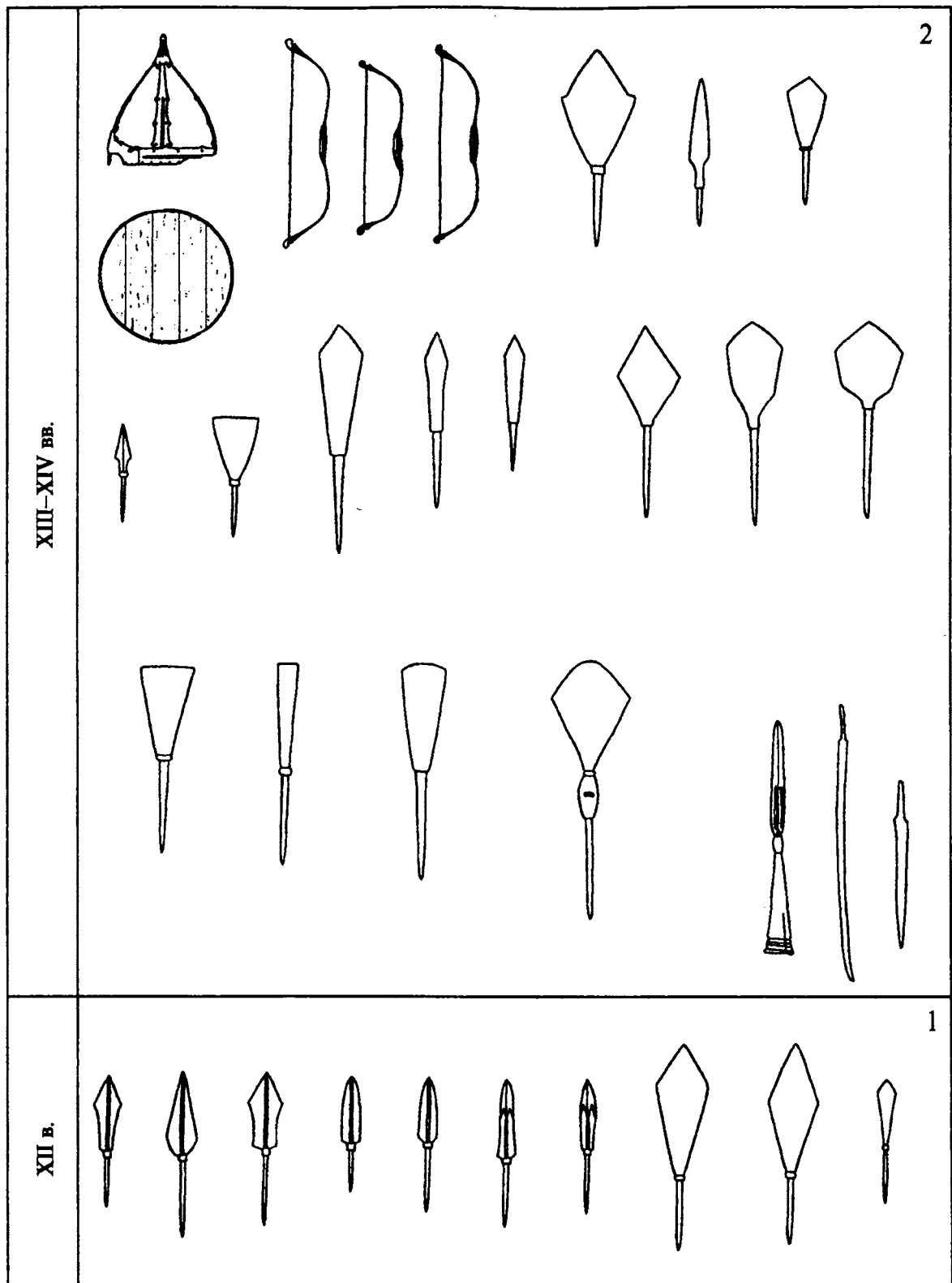

Рис. 80. Комплекс вооружения культуры Горного Алтая монгольского времени

XIII-XIV вв.

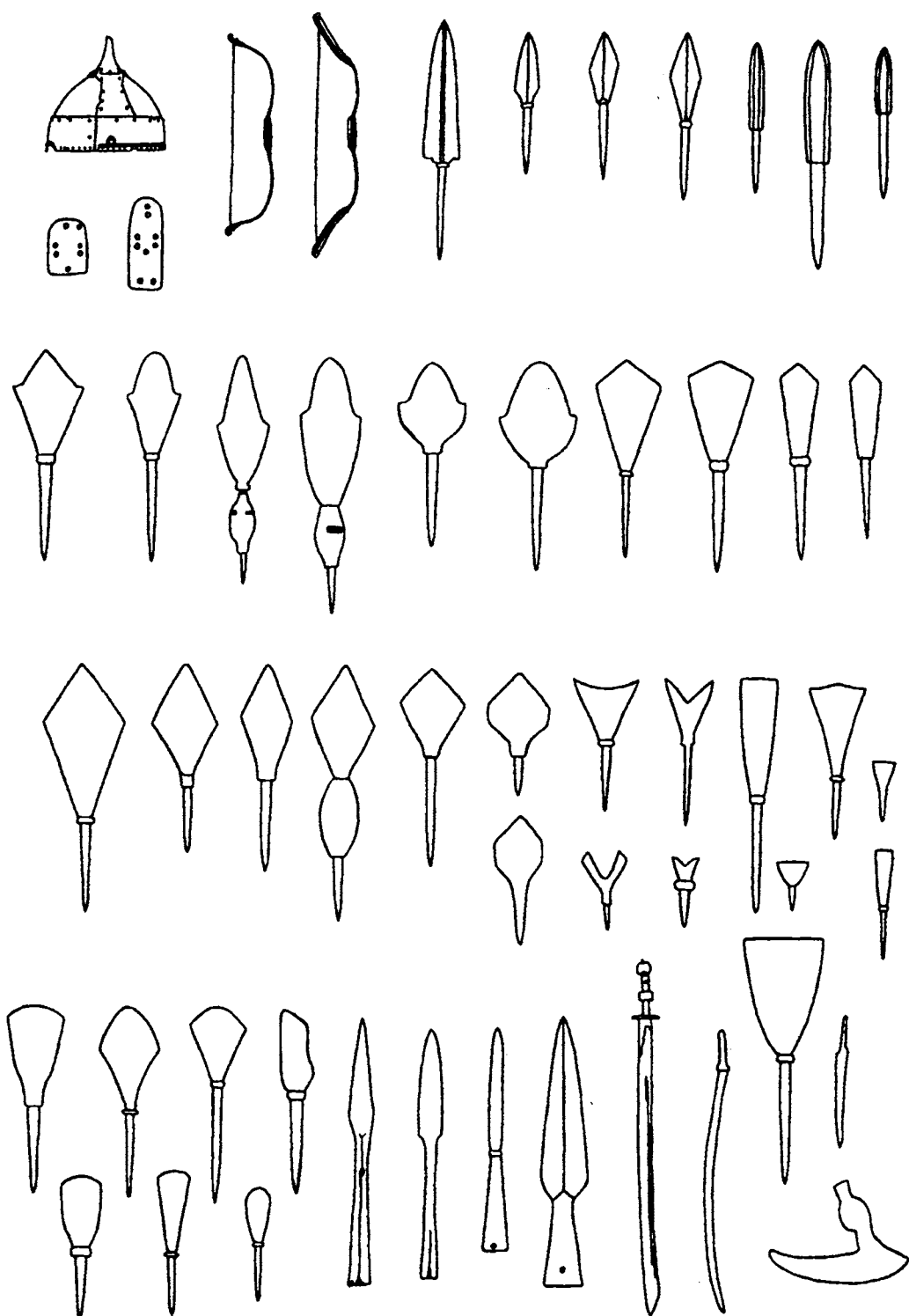

Рис. 81. Комплекс вооружения кармацкой культуры

SUMMARY

V.V. Gorbunov

ALTAI POPULATION'S MILITARY SCIENCE IN III–XIV A.D.

Part II

Offensive weaponry (arms)

The monograph was prepared and published under partial financial support of Russian fundamental researches fund (project №03-06-80384 «Nomads' munitions as ethnocultural and chronological marker in studying Altai history») and in the framework of research effort of the archaeology, ethnography and source studies department at Altai state university on the topic «Integrated study of Siberian ancient and traditional societies' material and spiritual culture».

By offensive weaponry (arms) we imply individual employment means designed for defeating an enemy. Arms are the main category of weaponry complex and are of decisive importance for winning the battle.

First finds of special arms on the territory of Altai date back to Eneolithic. In the Bronze and early Iron Ages military arsenal increased greatly and included the majority arms types. In general Altai population's offensive means in the epoch of bronze were designed for dismounted warriors and chariot riders, whereas in the early Iron Age – for cavaliers, though the role of infantry was important too.

The period studied in this work, III–XIV A.D., is characterised by further development of Altai population's individual means of destruction, creation and borrowing of new forms of arms, their unprecedented typological diversity and spreading across vast territory of Eurasia. The study covers the territories of Lesostepnoi, Gorny and Mongolian Altai.

In general, for studying offensive weaponry of Altai medieval population the author collected data on finds of arms consisting of 443 objects that include remains of 140 bows, 1862 arrows, 45 spears, 110 swords and sabres, 59 fighting knives, 16 daggers, 10 battleaxes and 2 jacks. As very important comparative information the author analyzed graphic sources: petroglyphs, sculptures, objects of toreutics as well as written sources data taken from translations by Turkic and Chinese narrative monuments.

Classification of offensive panoply and its typological analysis let the author trace evolution of arms, present characteristics of their functional elements, find out ethnocultural traditions in constructing and styling military means.

The only types of long-range combat arms which were in possession of medieval Altai warriors were bows and arrows, perfection of which was of prior concern. The development of long-range combat arms based on Hunn tradition came to an end in the «great migration» epoch. Production of bows and arrows by Gorny Altai nomads acquired new peculiar features which gave impulse to formation of new Turkic tradition that spread along the steppe belt of Eurasia in early middle ages. At the beginning of 1 millennium A.D. long-range combat arms of the population belonging to Srostkinsk culture of Lesostepnoi Altai was of innovative character, attainment of which was the basis for further modernization. Early middle ages were marked by establishment of unitary Mongolian tradition in bows and arrows production on the territory of Altai that ended evolution of these types of arms.

Ramming arms were presented by pikes and forks. In the «great migration» epoch people employed two types of pikes: «easy» and armour-piercing. These arms were produced in Gorny Altai on the basis of Sarmatian and Hsienbiysk tradition. In the early middle ages various spears were used. Turkic warriors employed «easy» and armour-piercing spears. The range of spears belonging to Srostkinsk

culture is the most representative as it includes not only pikes, but forks. Their presence on the territory of Lesostepnoi Altai is due to the influence of military traditions of nomads from eastern part of Central Asia. In the evolution of Srostkinsk set of spears one can see clear differentiation into overspecialized and universal types of ramming arms with predominant importance of armour-piercing means. In developed middle ages Altai warriors continued to employ all types of spears known before, but they preferred pikes aimed at fighting with light-armed enemy. Material finds together with graphic materials and written sources data prove the leading role of the spear as cavalry arms among other types of Altai population's offensive weaponry.

Main types of close combat arms for Altai warriors were swords and sabres whereas fighting knives, daggers, battleaxes and jacks being important though were adjuvant offensive means. In the «great migration» epoch Altai witnesses process of adopting many new forms of sabre arms under the influence of Hunn- Hsienbiysk and Sarmatian-Kushansk traditions. This was the basis for creating independent features in producing sabres, fighting knives and daggers and gave impulse to formation of independent armament production traditions in the epoch of early Middle Ages: Turkic and Srostkinsk. In XII–X A.D. a number of new types of close combat arms appeared in Altai such as sabres, one- and two-blade swords, battleaxes, jacks. Part of them was invented by Altai armourers; part was borrowed as the result of political and military contacts with other nations. In developed middle ages local developmental trends lost their positions and Mongolian tradition came into power with its peculiarity in sabre and offensive arms production.

Combined study of armour and arms of each archaeological culture let the author single out weaponry complexes characteristic of it and specify combat organization of Altai medieval population. The main parts of it were heavy and medium cavalry. Light cavalry (in pre-Mongolian times), light and heavy infantry were of secondary importance. Evolution of Altai nomads' weaponry was initially aimed at creating differentiated sets of combat devices to provide their effectiveness by various combatant branches. In Gorny Altai special attention was paid to development of heavy cavalry panoply which constituted the attack nucleus of Turkic troops. Medium cavalry was characteristic of Lesostepnoi Altai. It achieved its optimum quality in Srostkinsk culture. From VIII onward one can see gradual unification in cavaliers' set of arms. Light cavalry was equipped with longblade and later ramming arms that made close combat possible. Finally this process ended in Mongolian epoch.

Development of weaponry types and complexes was closely connected with military and political events and ethnocultural processes taking place in central Asia region and influencing Altai history. In «great migration» epoch (III–V A.D.) as the result of immigration new ethnocultural communities came into being which served the basis for creating advanced arms complexes.

These achievements lead to the fact that in early Middle Ages (VI–XI A.D.) the territory of Altai played important role in formation of Turkic state. Forms of armour and arms developed by the Turks as well as ways of their tactical employment not only helped them to conquer great part of Eurasian steppes, but also made other nations, among which there were not only nomads, borrow a lot from their military tradition. Great role in the spread of new weaponry in Western Siberia belongs to the population of Srostkinsk culture, which created original offensive means complexes.

By the developed Middle Ages (XII–XIV A.D.) military and political situation had worsened for Altai population due to the strengthening of the Kidans, Naimans in the east and Kypchaks in the west. Finally, it lead to Mongolian conquest and stop in gradual development of local weaponry which was integrated into Mongolian military tradition.

Научное издание

Вадим Владимирович Горбунов

ВОЕННОЕ ДЕЛО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В III–XIV вв.

Часть II НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ (ОРУЖИЕ)

МОНОГРАФИЯ

На первой странице обложки:
наконечники стрел (из могильника Чинета-II).
Раскопки П.К. Дашиковского, фото автора

На четвертой странице обложки:
накладки луков, наконечники копий, мечи и сабля
(из средневековых памятников Алтая).
Фонды музея археологии и этнографии Алтая, фото автора

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

Изд. лиц. ЛР 020261 от 14.01. 1997.
Подписано в печать 14.12. 2005. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16. Уч. изд. л. 26,9.
Тираж 500 экз. Заказ 1445
Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru

